

Per. A-1169
-184

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIINIK 184 ВПЫСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ
IX
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

TARTU 1966

Реш А-1169
-194
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIINIK 184

ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

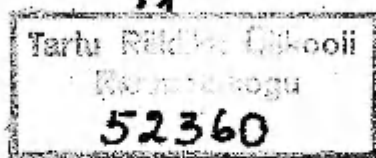
IX

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

TARTU 1966 TARTU

Редколлегия: Б. Ф. Егоров (ответственный редактор), Ю. М. Лотман,
В. Т. Адамс.

P₁

СТАТЬИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

Ю. М. ЛОТМАН

Художественная природа романа в стихах «Евгений Онегин» неоднократно рассматривалась в исследовательской литературе. Г. А. Гуковский, давший в середине 1940-х годов чрезвычайно глубокую и плодотворную формулу реализма, которая определила содержание этого историко-литературного понятия в широком круге исследовательских работ, указывал, что именно в «Евгении Онегине» зависимость характера от среды и историзм в построении образов впервые в русской литературе получили художественное выражение. «Метод, добытый Пушкиным в лирике и в драме 1820-х годов, применен им и в стихотворном романе: теперь он понимает человека не как метафизическую сущность, а как историко-национальное явление, как тип»¹.

Мысль о том, что зависимость характера человека от среды лежит в основе русского реализма XIX века, выдвинутая Г. А. Гуковским, была воспринята широким кругом исследователей и действительно отразила важную идейную закономерность этого метода. Однако, на современном этапе науки видно, что сама по себе она не объясняет всей художественной значительности реалистических произведений. Она не позволяет определить реализм как явление искусства, поскольку в равной мере может быть вычитана и из художественного, и из публицистического, и из философского текста. Даже более того: известно, что в истории философии эта мысль была высказана до того, как воплотилась в художественных произведениях; и движение искусства в этом смысле предстает перед нами как «овладение» некоторой, вне его изложенной, концепцией. Не случайно, с наибольшей полнотой такое понимание реализма отвечает тем историко-литературным эпохам, в которых художественная практика писателя шла во след теоретическим построениям критика-публициста («натуральная школа»).

Упрек в том, что искусство предстает как некая иллюстра-

¹ Г. А. Гуковский, Пушкин и проблемы реалистического стиля, М., Гослитиздат, 1957, стр. 168.

тивная деятельность, ценность которой определяется степенью четкости воплощения внеположенных идей, вполне применим и к моей статье «К эволюции построения характеров в романе „Евгений Онегин“», в которой я пытался предложить некоторые уточнения к концепции «Евгения Онегина» у Г. А. Гуковского². Формулы: «человек определяется степенью просвещения», «принадлежностью к «умным» скептикам или наивным энтузиастам», «отношением к народу, истории, социальной среде» — могут многое раскрыть в общей концепции пушкинского романа, но они же мыслимы и в применении к другим видам искусства (прозе, драме, живописи) и вообще вне искусства как некие социально-философские концепции. Следовательно, ссылки на них не откроют нам той специфики реализма, которая создается лишь словесным текстом и лишь *этим* словесным текстом.

В своей статье «К эволюции характеров в романе „Евгений Онегин“» я пытался показать, как на протяжении лет, наполненных работой над текстом романа, в сознании Пушкина менялись представления о том, что же определяет характер человека, и соответственно с этим эволюционировал художественный замысел. Однако, даже если предположить, что автору работы удалось показать закономерное движение от художественных принципов первой главы к последующим, вполне уместен вопрос: почему же в читательском сознании, при столь явном изменении эстетических позиций автора, роман существует как целое? Вопрос этот можно поставить и по-иному: почему Пушкин, столь суровый в отношении к собственным текстам, не изменял глав, написанных с позиций, которых уже не разделял, или не бросил роман, как он бросал неоконченными «отстающие» от темпа художественного развития наброски повестей и романов. С «Евгением Онегиным» Пушкин поступал иначе: он складывал главы, «набирал строфы» своего «пестрого» романа и создавал органи-

² Ю. М. Лотман, К эволюции характеров в романе «Евгений Онегин», сб. «Пушкин, Исследования и материалы», т. III, М.-Л., Изд. АН СССР, 1960. Автор полагает, что от осведомленного читателя не укроется связь между предлагаемой его вниманию работой и некоторыми идеями, изложенными в трудах: Ю. Тынянов, Проблема стихотворного языка, Л., «Academia», 1924; М. Бахтин, Проблемы поэтики Достоевского, изд. второе, М., СП, 1963; В. Шкловский, Евгений Онегин (Пушкин и Стерн), в кн.: «Очерки по поэтике Пушкина», Берлин, «Эпоха», 1923; Г. Винокур, Слово и стих в «Евгении Онегине» («Пушкин», сб. статей, М., ГИХЛ, 1941). Большое влияние на ход авторской мысли оказала лекция по «Евгению Онегину», прочитанная Н. И. Мордовченко в 1948 г. в курсе истории русской литературы на филологическом факультете ЛГУ. Высказанную здесь идею о «профильном построении» характеров в «Евгении Онегине» Н. И. Мордовченко собирался положить в основу книги, которая, к сожалению, не была им написана.

ческое целое из разнородных частей. Неизбежно возникающие при этом противоречия не только не смущали его, но он, как бы опасаясь, что читатель их не заметит, спешил сообщить уже в конце первой главы:

Пересмотрел все это строго;
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу...³

Действительно, противоречия в характеристике главного героя, даже в пределах первой главы, очевидны. Очень легко, изучая творческую эволюцию Пушкина, объяснить, почему он изменил ироническую характеристику разочарования Евгения Онегина в начале главы (ср., например, примечание к стиху «Но и Дидло мне надоел»: «Черта охлажденного чувства, достойная Чальд-Гарольда» <VI, 14 и 191>) на трагическую в XIV—XVI строфах («Кто жил и мыслил, тот не может В душе не презирать людей»). В равной мере вполне объяснимо, почему характеристика Татьяны «Она по-русски плохо знала <...> И выражалась с трудом На языке своем родном» (VI, 63) сменилась на «Татьяна — русская душою...» (VI, 98). Значительно труднее объяснить, почему Пушкин не устранял этих (и других) противоречий, сводя строфы и главы в единый текст романа. Попытка составить список подобных «противоречий» убеждает в том, что в художественной ткани романа они занимают очень значительное место, а это невольно наводит на мысль: не является ли то, что мы воспринимаем как «противоречие», художественно значимым структурным элементом?

Для решения этого вопроса уместно будет ввести понятие «художественная точка зрения». Понятие «художественная точка зрения» раскрывается как отношение системы к своему субъекту («система» в данном контексте может быть и лингвистической, и других, более высоких, уровней). Под «субъектом системы» (идеологической, стилиевой и т. п.) подразумеваем сознание, способное породить подобную структуру и, следовательно, реконструируемое при восприятии текста.

Художественная система строится как иерархия отношений. Само понятие «иметь значение» подразумевает наличие известной реляции, то есть факт определенной направленности. А так как художественная модель, в самом общем виде, воспроизводит образ мира для данного сознания, то есть моделирует отношение личности и мира (частный случай — познающей личности и познаваемого мира), то эта направленность будет иметь субъектно-объектный характер.

Для русской поэзии допушкинского периода характерно было

³ Пушкин. Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, 1937, стр. 30. В дальнейшем все цитаты по этому изданию даются в тексте.

схождение всех выраженных в тексте субъектно-объектных отношений в одном фиксированном фокусе. В искусстве XVIII века, традиционно определяемом как классицизм, этот единый фокус выводился за пределы личности автора и совмещался с понятием истины, от лица которой и говорил художественный текст. Художественной точкой зрения становилось отношение истины к изображаемому миру. Фиксированность и однозначность этих отношений, их радиальное схождение к единому центру соответствовали представлению о вечности, единстве и неподвижности истины. Будучи единой и неизменной, истина была, одновременно, иерархичной, в разной мере открывающейся разному сознанию. Этому соответствовала иерархия художественных точек зрения, лежащая в основе жанровых законов.

В романтической поэзии художественные точки зрения также радиально сходятся к жестко фиксированному центру, а сами отношения однозначны и легко предсказуемы (поэтому романтический стиль свободно становится объектом пародии). Центр этот — субъект поэтического текста — совмещается с личностью автора, становится ее лирическим двойником⁴.

Однако, возможна и такая структура текста, при которой художественные точки зрения не фокусируются в едином центре, а конструируют некий рассеянный субъект, состоящий из различных центров, отношения между которыми создают дополнительные художественные смыслы.

Приведем пример:

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам;
Так ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий (III, 1, 419).

Ясно, что для выражений «ноздри пыльные» и «бег пахучий» нельзя подобрать единой точки зрения; первая будет иметь субъектом человека, наблюдающего льва, вторая — самого льва, поскольку человек не способен воспринимать след оленя как обладающий запахом, тем более резким («пахучий»). Но и сочетания «голодный лев» и «пыльные ноздри» также не имеют единого субъектного центра, поскольку одно подразумевает наблюдателя, не конкретизированного в пространстве, а другое — созерцание льва вблизи, на расстоянии, позволяющем разглядеть пыль, покрывающую ноздри. Даже оставаясь в пределах двух последних стихов, мы наблюдаем не один фокусный центр точек зрения, а некоего рассеянного субъекта, в пределах которого существуют не одна, а ряд точек зрения, отношения между которыми становятся дополнительным источником значений. Ясно,

⁴ Явление это раскрыто на примере поэзии Жуковского Г. А. Гуковским («Пушкин и русские романтики», Саратов, 1946).

что для метода, стремящегося создать иллюзию реальности, придать определенным сочетаниям слов характер воспроизводимого объекта, второй структурный принцип открывает большие возможности.

Как уже отмечалось, русская литература до Пушкина характеризовалась фиксированностью выраженной в произведении точки зрения. Множественность жанровых точек зрения в системе, традиционно именуемой классицизмом, единичность (на основе философского субъективизма) точки зрения в лирике Жуковского, в этом смысле, были явлениями однотипными. Количество возможных в литературе точек зрения было невелико, они были читателю заданы его предшествующим литературным опытом, и всякое отклонение художественного текста от какой-либо точки зрения означало для читателя неизбежность вовлечения его в систему с другой фиксированной структурой.

Существенным этапом на пути создания собственно пушкинской художественной системы явилась поэма «Руслан и Людмила». Новаторство имело здесь, главным образом, негативный характер: художественная система поэмы в целом не вовлекалась ни в одну из наперед заданных точек зрения. Механизм этого явления, поставившего в затруднение современных Пушкину критиков, был сравнительно прост: каждый из отдельных отрывков текста свободно вовлекался в традиционные осмысления. Однако смешение точек зрения, запрещенное самой системой художественного мышления предшествующей поры, превращало мир художественного создания в царство относительности, заменяло незыблемость отношений произведения и субъекта — игрой, иронически раскрывающей условность всех данных автору точек зрения.

*

*

«Евгений Онегин» стал в творчестве Пушкина новым этапом в построении текста. В 1822 г. в известной заметке, цитируемой под условным названием «О прозе», Пушкин отчетливо противопоставил в чисто семиотическом плане выражение и содержание.

Перефразистическая проза (в первую очередь, школы Карамзина) осуждается как неправдивая. При этом очень интересны критерии правдивости. Определенная литературная манера, построение текста по некоторым (любим) условным правилам — отвергается. Структурно организованному тексту («блестящие выражения») противопоставляется «простое» содержание, которое мыслится как сама жизнь. А «жизнь» в литературном произведении — это неэстетизированная речь, текст, художественно неорганизованный и поэтому истинный. Но естественно, что любой текст, входящий в художественное произведение, есть художественный текст. Так возникает задача построения художест-

венного (организованного) текста, который имитировал бы нехудожественность (неорганизованность), создание такой структуры, которая воспринималась бы как *отсутствие* структуры.

В ходе настоящей статьи мы постараемся показать, как складывалось в романе Пушкина такое построение текста. Причем, как мы увидим, для того, чтобы вызвать в читателе ощущение простоты, разговорной естественности языка, жизненной непосредственности сюжета, безыскусственности характеров, потребовалось значительно более сложное структурное построение, чем все известные литературе тех лет. Эффект *упрощения* достигался ценой резкого *усложнения* структуры текста.

В 1822 г. Пушкин высказал убеждение, что путем к художественной правде является отказ от ложной условности существующих литературных стилей. Сказать правду — значит сказать просто. Он писал: «Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу: не выхваляйте мне Бюфона, [этот человек] пишет — Благороднейшее из всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч. Зачем просто не сказать лошадь <...> Читаю отчет какого-нибудь любителя театра — Сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Апол... — боже мой, да поставь — эта молодая хорошая актриса — и продолжай — будь уверен, что никто не заметит твоих выражений...» (XI, 18). Итак, один способ построения текста (ложный, литературный) — противопоставляется другому (истинному, «простому»). При этом следует подчеркнуть (в дальнейшем это нам потребуется), что это «простое» содержание — совсем не многообразная действительность, а мысль. Именно мысль как содержание противостоит условности литературного выражения (проза «требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат»). Это представление о том, что мысль адекватно выражается простым языком и противостоит вычурности литературного стиля, неоднократно возникала в момент кризиса романтизма. Не случайно Белинский называл эпоху романтизма «веком фразеологии», а Лермонтов писал:

Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?⁵

В 1822 г., в процитированном отрывке, Пушкин полагал, что «язык простой» необходим для прозы, оговариваясь: «Стихи дело иное» (XI, 19). Однако, в дальнейшем разворачивается экспансия «прозы» (понимаемой как простота, отказ от литературной условности и выход искусства во внелитературный ряд со-

⁵ М. Ю. Лермонтов, Соч. в шести томах, М.—Л., Изд. АН СССР, 1954, т. II, стр. 147.

держания) и в сферу поэзии. При этом прозаизация поэзии воспринималась как борьба за ее истинность и содержательность. Идеи, из которых исходил в данном случае Пушкин, имели в русской критике определенную судьбу. Именно на их основе выросло представление о том, что критерием достоинства стиха является его прозаический пересказ. В «Памятнике дактило-хореческому витязю», произведении, известном Пушкину хотя бы из-за ссылок на него в споре о русском гекзаметре, Радищев писал: «Знаешь ли верное средство узнать стихотворен ли стих (если так изъясниться можно)? Сделай из него предложение, не исключая ни единого слова, то есть сделай из него прозу благо-склонную. Если в предложении твоём останется поэзия, то стих есть истинный стих»⁶.

Любопытно, что именно этот же критерий использовал Белинский, борясь с романтической поэзией.

«Стих, переложенный в прозу и обращающийся от этой операции в натяжку, также как тёмные, затейливые мысли, разложенные на чистые понятия и теряющие от этого всякий смысл, обличают одну риторическую шумиху, набор общих мест», «Я представляю вам, — продолжает Белинский, — несколько фраз из большей части стихотворений г. Бенедиктова, обращенных мною в прозаические выражения, со всею добросовестностью, без малейших искажений»⁷. Здесь дословно повторяются требования Радищева «сделать предложение не исключая ни единого слова».

Итак, содержание — критерий художественного достоинства. Но не всякое содержание удовлетворяет Радищева. Оценка им отрывков из «Тилемахиды» показывает нам, что было приемлемо писателю в этой области и что возбуждало протест.

«Я не имел уже и утехи бедные, выбрать
Кое-нибудь одно, меж рабством и смертью в горе
П. Стихи очень слабые!

Надо стало быть рабом и сносить терпеливо, и пр.

Б. Не только стихи слабые, но и *слабая проза*»⁸.

(курс. мой — Ю. Л.).

Совершенно ясно, почему этот отрывок и в качестве прозы не удовлетворил Радищева. Заключение в нем *мысль* прямо противоположна многократно высказываемому Радищевым убеждению, что готовность к гибели является и первым условием борьбы против рабства. Из многочисленных высказываний его по этому поводу приведем хотя бы отрывок из главы «Медное»,

⁶ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, 217.

⁷ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. I, М., Изд. АН СССР, 1953, стр. 360—361.

⁸ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, стр. 218.

где автор так характеризует покорного, не способного к возмущению раба: «Твой разум чужд благородных мыслей, ты *умереть не умеешь. Ты склонился и будешь раб духом как и состоянием*» (курс. мой — Ю. Л.)⁹.

Стремление раскрыть жизненное содержание романтических выражений, столкнув их с «прозой» действительности — один из распространенных приемов пушкинского романа. При этом особенно ясно он проявляется там, где авторский стиль формируется в противопоставлении системе литературно условных выражений. Так возникает текст, состоящий из парно соотнесенных кусков, причем один из фрагментов — «простой» — выступает в качестве *значения* другого, обнажая его литературную условность.

Он мыслит: «буду ей спаситель.
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал;
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек;
Чтобы двухутренний цветок
Увял еще полураскрытый».
*Все это значило, друзья:
С приятелем стреляюсь я.*

(VI, 124, курс. мой — Ю. Л.).

Здесь текст, построенный на внесистемной, с точки зрения всей первой его части, лексике, воспринимается как проза, или, что в данном случае равно, как содержание, *значение* монолога Ленского. При этом определенная ритмическая организованность текста перестает быть релевантной — она не значима (так как в равной мере характеризует оба противопоставляемых текста) и не мешает воспринимать заключительные стихи как структурно неорганизованные. Ритмически организованный текст становится воспроизведением разговорной прозы — все, что отличает его от нее, теряет значение, а все совпадающее становится дифференцирующим признаком.

При таком построении автору, чтобы дать образцы литературной «правдивости», все время надо цитировать «антисистему» стиля. В «Евгении Онегине» это делается очень широко.

Луну, небесную лампаду ...
... Но ныне видим только в ней
Замену тусклых фонарей (VI, 41).

На модном слове *идеал*
Тихонько Ленский задремал; (VI, 126)

Фиалок нет и вместо роз
В полях растоптанный навоз (VI, 360).

⁹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 351.

Стократ блажен, кто предан вере,
Кто хладный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге,
Или, нежней, как мотылек,
В весенний впившийся цветок (VI, 94—95).

В черновом варианте стилистической антитезы не было:

Как бедный путник на ночлеге —
Как беззаботный мотылек (VI, 377).

Поскольку как структурный выступает лишь «ложный» план, — «истинный» характеризуется только негативно, *отсутствием* отмеченной структурности. Так, например, Татьяна конструирует свою личность в соответствии с усвоенной ею системой выражения

... себя присвоя
Чужой восторг, чужую грусть.

Ее реальная личность — жизненный эквивалент условной романтической героини, в качестве которой она сама себя воспринимает:

Воображаясь героиней
Своих возлюбленных творцов,
Кларисой, Юлией, Дельфиной (VI, 55).

Речь идет не о какой-либо конкретной системе сознания, хотя во всем этом строе идей легко можно усмотреть черты литературного романтизма, а шире — об условной, книжной модели мира, включающей *всю* наличную для эпохи Пушкина сумму литературных традиций. Эта единая структура, объединяющая условный образ героини и условную систему выражения, детерминировала и тип героя: в этой системе Онегин может быть воспринят лишь в переводе на ее условный язык: он «милый герой» (VI, 55), «ангел хранитель» или «коварный искушитель» (VI, 67). В первом случае он будет осмысляться как «совершенства образец», наделенный

Душой чувствительной, умом
И привлекательным лицом (VI, 56).

Во втором — это будет «задумчивый Вампир Или Мельмот, бродяга мрачный». Каждый из этих вариантов героя будет в сознании Татьяны жестко определять развитие романа. Это или неизбежное («при конце последней части») наказание порока и торжество законной любви, или гибель соблазненной героини («погибну — дева говорит»). Привычные нормы построения сюжета романа становятся для Татьяны готовым штампом ос-

мысления жизненных ситуаций. Для того, чтобы раскрыть ложность данной (романтической) модели мира, строится перевернутая система: вместо «искусство — воспроизведение жизни» — «жизнь. — воспроизведение искусства».

Татьяна более склонна видеть в Онегине «искусителя» («блистая взорами, Евгений Стоит подобно грозной тени»). Отсутствие третьей возможности доказывается и тем, что романтический Ленский мыслит в тех же категориях: «спаситель — развратитель». Пушкин утверждает ложность такого осмысления героя, а, следовательно, и всей этой структуры. Однако, при таком художественном построении истинная характеристика героя дается лишь негативно:

Но наш герой, кто б ни был он,
Уж верно был не Грандисон (VI, 55, курс. мой — Ю. Л.)

Там, где требовалось создание стиля, не полемически противопоставленного литературным штампам, а вполне от него независимого, эта система не могла уже быть удовлетворительной.

Рассмотрим стилистическую структуру двух строф из четвертой главы романа:

XXXIV

Поклонник славы и свободы,
В волненьи бурных дум своих,
Владимир и писал бы оды,
Да Ольга не читала их.
Случалось ли поэтам слезным
Читать в глаза своим любезным
Свои творенья? Говорят,
Что в мире выше нет наград.
И впрямь, блажен любовник скромный,
Читающий мечты свои
Предмету песен и любви,
Красавице приятно-томной!
Блажен... хоть, может быть, она
Совсем иным развлечена.

XXXV

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няни,
Подруги юности моей,
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав неожиданно за полу,
Душу трагедией в углу,
Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,

Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов (VI, 87—88).

Строфы представляют собой многократное повторение одной и той же ситуации: «Поэт читает свои стихи возлюбленной» — в стилистически контрастных системах. Каждый из трех членов ситуации («поэт», «стихи», «возлюбленная») может трансформироваться.

I	Владимир	оды	Ольга
II	Поэты слезные	творенья	любезные предмет песен и любви,
III	Любовник скромный	мечты	красавица приятно-том- ная
IV	Я	плоды моих мечтаний	старая няня
V	Я	трагедия	сосед
VI	Я	сладкозвучные строфы	дикие утки

Соответственным образом действие по чтению стихов получает каждый раз особое наименование: «читаю», «душѹ», «пугаю». Такой же «трансформации» подвергается реакция объекта на чтение:

Ольга не читала их...

Говорят,
Что в мире выше нет наград

Блажен ... хоть, может быть, она
Совсем иным развлечена

Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.

Значение этих стихов строится по сложной системе: каждая отдельная лексическая единица получает дополнительное стилистическое значение в соответствии с характером структуры, в которую она включена. Здесь, в первую очередь, будет играть роль ближайшее окружение данного слова. Действие поэта в случаях III и IV охарактеризовано почти одинаково:

Читающий мечты свои ...

...Плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю ...

Но то, что в случае III это действие связывает «любовника скромного» и «красавицу приятно-томную», а в VI — «я» и «ста-

рую няню», придает одинаковым словам глубоко различное стилистическое значение. «Мечты» в III включены в условно-литературную фразеологическую структуру и соотносятся с IV по принципу ложного выражения и истинного содержания. Точно так же «старая няня» оказывается в аналогичном отношении к «красавице приятно-томной». Но антитеза «условная поэзия — истинная проза» усложняется тем, что «старая няня» одновременно «подруга юности» и это сочетание дано не как иронический стык разных стилей, а в качестве однозначной стилистической группы. Вместо антитезы «поэзия — проза» появляется: «ложная поэзия — истинная поэзия». «Поклонник славы и свободы» и его «оды» получают особое значение от того, что «Ольга не читала их» (в данном случае возникает двунаправленное отношение: равнодушие Ольги раскрывает книжный характер «волнения бурных дум» Ленского, поскольку стих: «Да Ольга не читала их» звучит как голос трезвой прозы, который в структуре романа неизменно ассоциируется с истиной, но, одновременно, безусловное поэтическое обаяние «славы и свободы» и «бурных дум» подчеркивает житейскую заземленность Ольги). «Говорят, — Что в мире выше нет наград» — сочетание двух эквивалентно-уравненных единиц, разговорной и условно-литературной сопровождается «снижающим» стилистическим эффектом. Однако значения в этих строфах образуются не только синтагматической связью. Расположенные в вертикальных колонках слова воспринимаются как варианты (парадигмы) единых инвариантных значений. Причем ни одно из них не относится к другому как содержание к выражению: они взаимонакладываются, образуя сложное значение. Сама отдаленность и кажущаяся несовместимость таких понятий, как «предмет песен и любви», «старая няня», «сосед», «дикие утки», при их включенности в один парадигматический ряд оказывается важным средством семантической интенсификации. Получается своеобразный семантический супплетивизм, при котором разные и отдаленные слова одновременно ощущаются как варианты одного понятия. Это делает каждый вариант понятия в отдельности трудно предсказуемым и, следовательно, особо значимым. Необходимо отметить и другое: не только отдаленные лексемы сближаются в сложной архиединице, элементы различных (часто — противоположных) стилистических систем оказываются включенными в единую стилистическую структуру. Такое уравнивание различных стилистических планов ведет к осознанию относительности каждой из стилистических систем в отдельности и возникновению иронии. Доминирующее место иронии в стилевом единстве «Евгения Онегина» — очевидный и отмечавшийся в литературе факт.

В дневнике В. К. Кюхельбекера содержится определение юмора, очень важное для понимания стилистической функции

иронии: «Сатирик-саркастик; Ювенал, Персий ограничиваются одним чувством — негодованием, гневом. Юморист, напротив, доступен всем возможным чувствам; но он не раб их, — не они им, он ими властвует, он играет ими, вот чем, с другой стороны, отличается он от элегика и лирика, совершенно увлекаемых, порабоощаемых чувствами. Юморист забавляется ими и даже над ними»¹⁰. Ирония истолковывается здесь как выход за пределы определенного «чувства», принципиальное допущение любой оценки, любого «чувства» и возможность, в связи с этим, встать выше самого этого принципа («над ними»). Если отметить, что «чувства» в терминологии Кюхельбекера близко соответствуют нашему представлению о системной направленности, «точке зрения», то станет очевидно значение этого высказывания для построения художественной системы, ставящей целью выход за пределы субъективизма той или иной системы к внесистемной реальности. Причем принцип множественной перекодировки систем, как нам уже приходилось отмечать¹¹, может служить и романтической иронии, стремящейся доказать, что каждая из систем релятивна, но выход за их пределы есть выход в пустоту, и реалистической иронии, стремящейся воссоздать облик реальности, лежащей по ту сторону субъективных стилистических структур, взаимно налагая их и снимая самый принцип субъективности. Если в отрывке «О прозе» Пушкин требовал «мысли и мысли» (принцип этот мог бы реализовываться не только в прозе, но и, например, в сатире, написанной с точки зрения человека, ставшего «в просвещении» «с веком наравне», в политической комедии типа «Горя от ума»), то теперь он выдвинул новый принцип, для которого нашел неожиданное определение: «болтовня». 16 ноября 1823 г. он писал А. А. Дельвигу: «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь до нелзя», а летом 1825 г. А. А. Бестужеву: «... Полно тебе писать быстрые повести с романтическими переходами — это хорошо для поэмы байронической. Роман требует болтовни». Неоднократно уже отмечалось, что Пушкин имеет здесь в виду повествовательность. Однако, видимо, речь идет и о другом — о том стилевом разнообразии, которое заставило Н. Полевого сравнить первую главу романа с музыкальным «саргиссио». Так, в первой главе автор, именно в связи с якобы случайными отклонениями от стройности изложения называл свою лиру «болтливой» (VI, 19).

Механизм иронии составляет один из основных ключей стиля романа. Проследим его на нескольких примерах.

¹⁰ Дневник В. К. Кюхельбекера, предисловие Ю. Н. Тынянова, ред. и примечания В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого, Л., «Прибой», 1929, стр. 40.

¹¹ См. «Труды по знаковым системам», т. II, Тарту, 1965.

XXXVI

И так они старели оба,
 И отворились наконец
 Перед супругом двери гроба,
 И новый он приял венец.
 Он умер в час перед обедом,
 Оплаканный своим соседом,
 Детьми и верною женой
 Чистосердечней чем иной.
 Он был простой и добрый барин,
 И там, где прах его лежит,
 Надгробный памятник гласит:
 Смиранный грешник, Дмитрий Ларин,
 Господний раб и бригадир
 Под камнем сим вкушает мир.

XXXVII

Своим пенатам возвращенный,
 Владимир Ленский посетил
 Соседа памятник смиренный,
 И вздох он пеплу посвятил;
 И долго сердцу грустно было.
 «Poor Yorick!» молвил он уныло. . . (VI, 47—48).

Здесь стилистические сломы образуются не системой трансформаций одного и того же экстрастилистического содержания, а последовательной сменой стиливых аспектов. Первый стих: «И так они старели оба» демонстративно нейтрален. В нем отмеченным является отсутствие признаков какого бы то ни было поэтического стиля. В стиливом отношении это стих *без точки зрения*. Последующие три стиха характеризуются хорошо выдержанной высокой, в духе XVIII века, стилистикой, что конструирует и соответствующую точку зрения: перифразы «отворились двери гроба», «новый он приял венец» вместо «умер», лексика — «супруг», «приял» не могли вызвать у читателя Пушкина никаких других художественных переживаний. Однако в следующем стихе торжественные перифразы переведены в другую систему: «... он умер». Стилистика последующих стихов совсем не нейтральна в своем прозаизме. Она составлена из соединения точных прозаизмов, придающих стилю в системе данного построения текста оттенок истинности и, следовательно, поэтичности, которые сочетаются со снижающими стиль элементами. Подробность «в час перед обедом» в сочетании с «отворились двери гроба» вносит несколько комический оттенок архаической деревенской наивности — время смерти отсчитывается от времени еды. Ср.:

... Люблю я час
 Определять обедом, чаем
 И ужином. Мы время знаем

Этот же комический эффект создается сочетанием торжественного «оплаканный» и «своим соседом», поскольку облик деревенского соседа-помещика был для читателя «Евгения Онегина» достаточно недвусмысленным и к тому же был уже обрисован в строфах IV, V, VI и др. той же главы. В свете этого «дети» и «верная жена», оплакивающие покойника, воспринимаются как архаически-торжественный штамп. Все это бросает свет на точку зрения 2—4 стихов. Высокая поэтика XVIII века воспринимается как штамп, за которым стоит архаическое и наивное сознание, провинциальная культура, простодушно переживающая вчерашний день общенационального умственного развития. Однако стих «чистосердечней чем иной» обнаруживает в архаическом штампе не ложную фразу, а содержание истины. Оставаясь штампом обязательного в эпитафиях высокого стиля и, одновременно, неся печать неуклюжего провинциализма, текст не теряет способности быть носителем истины. Стих «Он был простой и добрый барин» вводит совершенно неожиданную точку зрения. Семантическая направленность подразумевает наличие в качестве субъекта этой системы — крепостного крестьянина. Объект (Ларин) является для субъекта текста барином. И с этой точки зрения Ларин выглядит как «простой и добрый» — этим продолжает очерчиваться контур патриархальных отношений, царящих в доме Лариных. Все эти многократные стилистико-семантические переключения синтезируются в заключительных стихах — в тексте эпитафии, одновременно и торжественной («Смиранный грешник», «вкушает мир») и комической («господний раб и бригадир»), наивно уравнивающей отношение к земной и небесной власти.

В следующей строфе мы сталкиваемся с новой группой переключений. Условно-поэтическое (в традиции дружеского послания) «своим пенатам возвращенный» сменяется известием о посещении Ленским могилы Ларина. «Соседа памятник смиренный» выглядит «смиранным», то есть прозаическим («смиранный проза») для Ленского (с той наивной точки зрения, которая реализована в эпитафии, — он торжественен). «Вздых он пеплу посвятил» ведет нас в мир представлений Ленского, что закономерно завершается репликой «Poor Yorick!»: Ленский строит свое «я» по образцу личности Гамлета и перекодировывает всю ситуацию в образах шекспировской драмы.

Мы убедились на этом примере (а аналогичным образом можно было бы проанализировать любые строфы романа), что последовательность семантико-стилистических словов создает не фокусированную, а рассеянную, множественную точку зрения, которая и становится центром надсистемы, воспринимаемой как

иллюзия самой действительности. При этом, существенным именно для реалистического стиля, стремящегося выйти за пределы субъективности семантико-стилистических «точек зрения» и воссоздать объективную реальность, является специфическое соотношение этих множественных центров, разнообразных (соседствующих или взаимонаслаивающихся) структур: каждая из них не отменяет других, а соотносится с ними. В результате текст значит не только то, что он значит, но и нечто другое. Новое значение не отменяет старого, а коррелирует с ним. В итоге этого художественная модель воспроизводит такую важную сторону действительности, как ее неисчерпаемость в любой конечной интерпретации.

* *
*

Принцип семантико-стилистического слома является лишь проявлением общей конструктивной идеи романа. Так, на низших уровнях ему соответствует интонационное разнообразие: существование и — следовательно — уравнивание на шкале художественных ценностей различных интонаций органически связано с принципом «болтовни», выходом за пределы любой фиксированной художественной структуры.

Поскольку лексико-семантический строй стиха влияет на стиль декламации, эквивалентность различных типов интонирования задана проанализированными выше словами. Однако, у мелодики есть и другая сторона — связь с ритмико-синтаксическим построением стиха.

Воспроизведение действительности на интонационном уровне — это, в значительной мере, воссоздание иллюзии разговорных интонаций. Конечно, речь идет не о перенесении в текст романа конструкций, прямо заимствованных из každодневной речи, поскольку стихотворная структура и связанный с ней определенный декламационный строй заданы, и «разговорность» — не отказ от них, а надстройка над ними. Таким образом, и на этом уровне стремление к имитации, свободной речи оборачивается созданием «надструктуры». При этом снова объективность (воспринимаемая как «внеструктурность») оказывается результатом количественного и качественного увеличения структурных связей, а не их ослабления, не разрушения структур, а создания структуры структур (систем).

Бросается в глаза одна особенность: очевидно, что стихотворный текст, разделенный на строфы (тем более на строфы со сложной рифмовкой), более удален от «простой» нестихотворной речи, чем нестрофический поэтический текст. Структурность текста выражена в нем резче. В истории русской поэзии, действительно, будет реализован путь, который поведет к прозаиза-

ции стиха через значимое отсутствие внешних признаков стихотворной структуры («минус-прием») — отказ от рифмы, отказ от поэтизмов языка, отсутствие тропов, обилие переносов. В данном случае мы имеем дело с явлением прямо противоположным.

Стремление ряда европейских поэтов (Байрон, Пушкин, Лермонтов) в момент отказа от субъективно-лирического и монологического построения романтической поэмы обратиться к строфическому построению текста — весьма примечательно. Имитация разнообразия живой речи, разговорности, интонация «болтовни» оказывается связанной с монотонностью строфического деления. Этот парадоксальный факт нуждается в объяснении.

Дело в том, что прозаическая (как и всякая иная) интонация всегда определяется не наличием каких-либо элементов, а отношением между структурами. Для того, чтобы стих воспринимался как звучащий близко к неорганизованной речи, нужно не просто придать ему структурные черты непоэтического текста, а воскресить в сознании декламатора и отменяемую, и отменяющую структуры одновременно.

В анализируемом нами случае основным средством депоэтизации является несовпадение синтаксических и метрических единиц. Именно их отношение (в данном случае — отношение несовпадения) становится значимым признаком структуры. Однако значимое несовпадение синтагмы и ритмы (переживаемое декламатором как торжество языка над стихом, то есть как «естественность») возможно лишь при наличии устойчивых и однообразных границ ритмического членения текста. В романтических «южных» поэмах с их нефиксированной строфой отношение сверхстиховой синтагмы и ритмы не может стать смысловоразличающим элементом.

В «Евгении Онегине» текст глав (на сверхстиховом уровне) устойчиво членится на строфы, а внутри строф — благодаря постоянной системе рифмовки — на весьма обособленные и симметрически повторяющиеся из строфы в строфу элементы: три четырёхстишия и одно двустишие:

Конечно вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала и кругом.

Сюда, на зло правописанью,
Стихи, без меры, по преданью
В знак дружбы верной внесены,
Уменьшены, продолжены.

На первом листике встречаешь
Qu'écirez-vous sur ces tablettes;
И подпись: *t.à v. Annette;*
А на последнем прочитаешь:

Совершенно очевидно, что не только система рифм, но и в полном соответствии с нею — синтаксическое строение делит строфу на хорошо выделенные части.

Мы видим, что границы ритмического деления строфы (между первым и вторым, вторым и третьим четверостишиями и между последним четверостишием и двустиишем) совпадают с синтаксическими границами, в результате чего возникают резкие разделительные паузы. Это членение строфы поддержано всем текстом романа, который строится так, чтобы постоянно обновлять и поддерживать в читателе чувство постоянной пересеченности текста границами. По подсчетам Г. О. Винокура, в романе 260 случаев совпадения ритмемы и синтагмы в конце первого четверостишия и только 75 — синтаксического переноса за его пределы (к первому типу должны быть приплюсованы еще 32 случая, когда второе четверостишие связано с первым синтаксически, но связь эта факультативна, так что и в этом случае можно отметить отсутствие переноса)¹². Второе четверостишие менее отделено. Это объясняется спецификой тематического построения строф, но и здесь совпадения синтагмы и ритмемы решительно преобладают (187+45 случаев факультативной связи с последующим против 134). Для третьей границы соответственно имеем: 118+119 против 127¹³. Из этого можно сделать вывод, что основная масса текста романа построена так, чтобы все время поддерживать в читателе чувство ожидания пауз в определенных, структурно запрограммированных местах. Именно наличие такого ожидания делает значимым его нарушение, которое практикуется в романе очень широко — после первого четырехстишия строфы — почти 25%, после второго — 57,75%, после третьего — более 53%. Таким образом, соотношение между нарушениями и соблюдениями ритмической границы таково, чтобы она постоянно сохранялась в сознании читателя (следовательно, чтобы нарушение ее было значимым). И, одновременно, требуется, чтобы читатель чувствовал, что подобные нарушения происходят достаточно часто, что, следовательно, они не могут быть случайными и, очевидно, ему предлагается не какая-то одна поэтическая структура, а отношение двух структур — утверждающей некие закономерности и их разрушающей. Причем именно отношение (одна структура на фоне другой) является носителем значения. Для того, чтобы понять содержательный характер этого отношения, необходимо остановиться на воздействии его на мелодику стиха. Мы будем пользоваться этим термином, введен-

¹² Г. Винокур, Слово и стих в «Евгении Онегине», стр. 186.

¹³ Там же, стр. 187.

ным в русское стиховедение Б. М. Эйхенбаумом, в двух смыслах, различая мелодику стиха, образуемую отношением ритмических и синтаксических единиц («мелодика синтаксическая» — в дальнейшем МС) и отношением используемой поэтом лексики к нормам стиля, шкале высокого, низкого, поэтического и непэтического стиля («мелодика лексическая» — в дальнейшем МЛ). Отношение МС и МЛ образует интонацию данного стиха. При этом, рассматривая МС, мы абстрагируемся от слов, из которых построен стих, рассматривая МЛ — отвлекаемся от отношения ритмом и синтагм. Синтаксические конструкции нас интересуют в этом случае лишь постольку, поскольку они влияют на стилистическое значение тех или иных лексем или групп лексем.

Рассмотрим некоторые аспекты МС в «Евгении Онегине». Стих XVIII века не допускал расхождений между синтагмой и ритмемой. Так, например, александрийский стих образовывал устойчивую ритмическую группу из двух стихов, скрепленных парными рифмами, внутри членившуюся на стихи. Подсчеты показали, что совпадение ритмического членения (стихи, двустихия) и синтаксического было почти абсолютным. Приведем для краткости лишь данные о случаях, когда синтаксическая единица не совпадала с двустихием, образуя перенос синтагмы в другую единицу. Например:

Крепитесь в ревности то свету показать,
Что не единою победой помрачать
Своих соперников россияне удобны.
Минервы подданы ко всем делам способны...
(Княжнин, Послание к российским питомцам
свободных художеств)

Чем страсти сила дух наш больше напрягает,
Тем воображение сильнее обращает
На немощную часть весь теплый тела сок,
Чем сердце греет в нас чрез быстры бег и ток...
(Поповский, Опыт о человеке г. Попе)

В обоих случаях в конце второго стиха границы ритмемы не совпадали с синтагмой. Количество подобных случаев ничтожно: Княжнин, «Послание к российским питомцам свободных художеств» на 80 стихов — 1 случай (1,2%)

Поповский, «Опыт о человеке г. Попе» (письмо второе) на 492 — 2 (менее 0,5%)

Костров, перевод «Илиады» (1 песнь)
на 802 — 16 (2%)

Херасков, «Россиада» (1 песнь)
на 468 — 1 (0,2%)

Конечно, не случайно, что у Княжнина и — особенно — Кострова показатели выше, чем у Поповского и Хераскова, строго придерживавшихся норм поэтики XVIII в., однако, и у них коли-

чество переносов ничтожно. Таким образом, синтагма и ритме-ма всегда совпадали, следовательно, отношение их не могло быть носителем значения, оно не было значимо в поэтическом смысле, указывая, в случае расхождения, лишь на низкое ка-чество стихов. Такая МС являлась основой для размеренной и неизменной интонации — сигнала принадлежности текста к поэзии. Всякая другая интонация воспринималась как сигнал о непозитической природе текста.

Принцип совмещения границ синтагмы и ритмемы был на-столько всеобщим, что в тех жанрах, которые подразумевали более свободные синтаксические конструкции (и, в этом смыс-ле, противостояли «высокой» поэзии), утвердился «вольный стих», позволявший растягивать и укорачивать ритмему по длине синтагмы, но не допускавший их расхождений. Нечто ана-логичное произошло в строфическом членении русской романти-ческой поэмы в том ее виде, какой был придан ей «южными» поэмами Пушкина. Длина строфы была свободной — она зави-села от длины высказывания (нечто аналогичное стиху в «воль-ном стихе» и абзацу в прозе). Поэтому отношение этих двух всегда совпадающих единиц не являлось носителем значения. А это приводило к тому, что МС делалась константной величи-ной. Конечно, МС поэмы, писанной александрийским стихом, «вольным ямбом» или «южной» поэмы Пушкина были различ-ны, но внутри каждого из этих типов текста это была величина неизменная.

Совершенно иначе построен текст «Евгения Онегина». Струк-тура, подразумевающая и наличие четких ритмических граней, и возможность их значимых нарушений, создавала большое число смыслоразличительных дифференциаций. Отдельно взя-тая абстрактная схема строфы потенциально скрывала в себе следующие возможные отношения синтагм и ритмем.

Строфа	Наличие переноса	Отсутствие переноса
	+	—
Первое четырехстишие	—	+
	+	—
Второе четырехстишие	—	+
	+	—
Третье четырехстишие	—	+
	+	—
всего		16 возможностей

Однако значимое разнообразие отношений синтаксических и ритмических единиц этим не исчерпывалось. Каждый из стихов мог окончиться большой паузой с интонацией синтаксической исчерпанности (графически — точкой или равными ей знаками), малой паузой, отмечающей конец элементарной синтаксической единицы с интонацией неисчерпанности (графически — чаще всего, запятая), паузой, промежуточной по длительности между этими двумя, с интонацией продолжения, но не столь обязательного, как в последнем случае (графически «;» и условно к ней приравниваемые двоеточие и тире). Наконец, стих может кончаться отсутствием синтаксической паузы с соответствующей паузой в середине следующего стиха или в конце его. *Два последние случая* следует резко различать, так как первый из них дает максимальную интонацию несовпадения, а второй — минимальную.

Таким образом, каждый из стихов строфы таит в себе возможность пяти различных синтаксических окончаний. Это, если учитывать, что порядок также влияет на количество интонационных возможностей, дает следующие разнообразия: 5¹⁴. В данном случае для нас не важно, что не все из логически возможных отношений ритмического и синтаксического членения онегинской строфы реально встречаются в тексте романа, а другие встречаются редко, так как, во-первых, редкость лишь повышает значимость, а, во-вторых, реальный текст воспринимается в его отношении к множеству потенциальных возможностей как речь структуры к ее языку.

Поскольку каждое из этих возможных отношений имеет свою МС, практически получается неисчерпаемое богатство интонационных типов. Причем постоянное читательское чувство того, что богатство это нарушает интонацию, подсказываемую ритмической структурой, создает субъективное впечатление раскованности, свободы интонации, побеждающей условность поэтической речи. В результате усложнения структуры возникает иллюзия ее уничтожения — победы нестиховой речи над стихом. При этом общая МС строфы возникает из взаимосоотнесения МС отдельных частных ее элементов. Части строфы, в силу разнообразия их отношений, почти всегда несут различные интонации, но информация, которую несет интонация всей строфы, не складывается из суммы их последовательных восприятий, а возникает из их отношения.

Так складывается строфа как интонационное целое. Но и она воспринимается в отношении к другим строфам. И тот закон слов, сопоставления различных интонаций, который господствует внутри строфы, определяет и строфическую композицию.

То же самое можно сказать и о МЛ. Единство интонации в поэзии XVIII века достигалось и тем, что каждый поэтический жанр подразумевал строго закрепленный за ним тип лексики.

Таким образом, общий характер МЛ был предопределен самим жанром еще до того, как чтец обращался к конкретному тексту.

Отнесенность определенных групп лексики к шкале «поэтического-непоэтического» сохранилась и в романтической поэзии.

Принципом, формирующим МЛ (равно как и вообще стиль пушкинского романа), было не только расширение допустимой в поэзию лексики, но и уравнивание различных и противоположных стилистических пластов как эквивалентных, игра, основанная на том, что любые слова могут оказаться рядом и любая стилистическая антиномия может быть представлена как тождество.

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы *розы*;
На, вот возьми ее скорей!)

(VI, стр. 90).

Условность литературного штампа раскрывается тем, что одностилевые и, в этом смысле, эквивалентные слова выведены в разные ряды — «морозы» обозначает явление реального мира, а «розы» — лишь рифма.

... вместо роз
В полях растоптанный навоз

(VI, стр. 360)

Здесь рифмующиеся слова демонстративно уравниваются.

Так и на этом уровне реализуется общий принцип построения пушкинского романа в стихах.

* * *

В статье «К эволюции характеров в романе «Евгений Онегин» я пытался наметить принципы построения образа в романе¹⁴. Сейчас интересно выяснить, каким путем столь различные художественные конструкции совместились в едином структурном целом. Особенностью построения характеров в романе явилось то, что роман очень легко подвергается членению на своеобразные синхронные срезы — главы. Пушкин мыслил главу как естественный элемент в конструкции романа, причем элемент, обладающий значительной самостоятельностью¹⁵.

Глава, как правило, начинает новый сюжетный поворот и, как я старался показать в работе, посвященной эволюции харак-

¹⁴ Не повторяю основных положений этой статьи, отсылая читателя к ее тексту.

¹⁵ Не всегда граница синхронного среза совпадает с границей главы. В первой главе романа мы имеем две последовательных системы: в одной из них Онегин — поверхностно образованный светский фант, в другой — человек, который «жил и мыслил», собеседник и единомышленник автора.

теров в романе, новый тип построения образа. Взятая изолированно, глава представляет собой синхронно-организованную систему, в которой каждый персонаж лишь составной элемент функции — соотношения персонажей. Аналогичные наблюдения делались уже давно. Г. О. Винокур писал: «Отношения между автором и героем определились вполне, и для уразумения смысла «Евгения Онегина» в целом эти отношения, конечно, не менее важны, чем собственно сюжетная сторона «романа в стихах» <...> Задача не исчерпывалась изображением типической личности самой по себе. Рядом с портретом героя возникает автопортрет самого повествователя, так, что оба дают боковое освещение друг другу»¹⁶.

Не только образы автора и центрального героя, но и все персонажи романа на каждом синхронном срезе образуют соотносенную, функционирующую систему, причем заданными, первичными являются не персонажи, а функции (отношение персонажей). Так, например, в замысле первой главы было заложено отношение между нравственным идеалом, приближающимся к установкам Союза Благоденствия, и образом поверхностного молодого человека, в определенных отношениях внешне соприкасающегося с передовыми кругами (как Игрок в пушкинском наброске комедии или Репетилов в «Горе от ума»). Это противопоставление будет проявляться в частных антитезах:

А	В
I истинное образование «высокий ум» просвещение на уровне века («и в просвещении встать с веком наравне» «век нынешний и век минув- ший»)	поверхностное внешнее образование
II Гражданственность «высокие труды»	праздность пустые занятия: танцы, карты, поверхностный байронизм.
III Истинная любовь	светское волокитство
IV Высокое искусство	лёгкая поэзия сладострастное, низкое искус- ство

Специфика диспозиции героев в этом понятийном поле сводилась к тому, что вместо расположения — автор в группе передовых людей, а герой — «гасильник», по терминологии Н. Тургенева, как это имеет место, например, в антитезе Чацкий —

¹⁶ Г. Винокур, Слово и стих в «Евгении Онегине», стр. 167—168.

фамусовская Москва (что порождало бы отношение сатиры), в данном случае мы имеем другое расположение: герой внешне принадлежит к кругу автора. Он может вести с дамами «ученый разговор» «и даже мужественный спор»

О Байроне, о Манюэле,
О карбонарах, о Парни...

Так же, как Репетилов: «О Бейроне, ну о матерях важных».

Раскрытие внутреннего различия этих образов и задает то функциональное отношение, которое реализуется ироническим тоном повествования.

Но вот на втором синхронном срезе I главы, в силу причин, на которых мы сейчас не будем останавливаться, отсылая читателей к нашей первой статье, функциональное соотношение персонажей нарушается. Онегин приобретает значительность, образ его становится серьезным, приближается к кругу высоких, для автора, ценностей. Одновременно произошли изменения в понятийном поле: разочарование и скепсис, трактовавшиеся как светская причуда, перешли в колонку А, став признаком «высокого ума» («кто жил и мыслил...»). Онегин и автор, и внутренне и сюжетно, становятся рядом. Вместе с нарушением функции исчезает и ирония. В этом смысле крайне интересна попытка Пушкина восстановить, при изменившейся оценке каждого из персонажей, их функциональное отношение: в черновых рукописях второй главы Онегин сливается с лирическим героем элегии «Демон» и высоким, трагическим образом Алеко:

Какие страсти не кипели
В его измученной груди
Давно ль надолго ль присмирели
Они проснутся — подожди — (VI, 280).

И в этой же и последующей строфах авторский образ перемещен в колонку «В», наделен снижающим признаком — он картежник¹⁷.

Что до меня, то мне на часть
Досталась пламенная страсть.

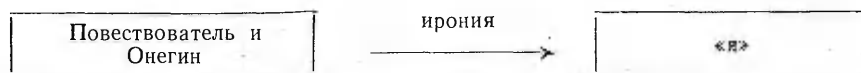
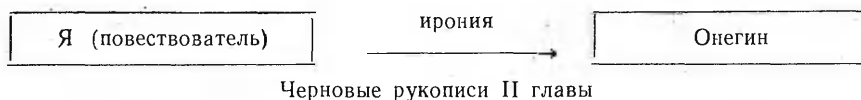
Страсть к банку! ни любовь свободы,
Ни Феб, ни дружба, ни пиры
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры.

(VI, 280—281).

¹⁷ Карточная игра наряду с танцами устойчиво осуждалась в кругах Союза Благоденствия как праздное времяпровождение, достойное мелких душ. Ср. пушкинскую комедию об игроке; Молчалин «целый день играет», подлаживаясь под вкусы людей «века минувшего». Враждебность фамусовского общества Чацкому подчеркнута ремаркой после его монолога: «Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись по карточным столам». И. П. Липранди, вспоминая обстановку в кружке кишиневских декабристов, писал: «Здесь не было карт и танцев, а шла иногда очень шумная беседа, спор и всегда о чем-либо дельном, в особенности у Пушкина с Раевским» («Русский архив», 1866, № 7, столб. 1255).

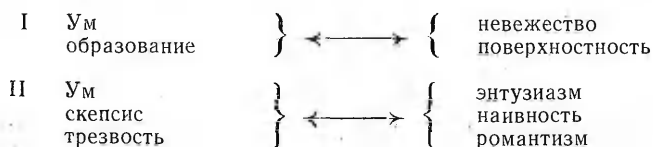
Введение условного «я», которого нельзя отождествить ни с автором как персонажем, появившимся в первой главе, ни с повествователем, поскольку он отделен от этого «я» ироническим тоном рассказа, призвано сохранить функцию отношения персонажей, хотя герои поменялись местами. Работая над этими строфами, Пушкин сознательно обострял антитезу. Чем выше подымался Онегин (ср. замену «Какие чувства не кипели» на «Какие страсти не кипели»), тем резче снижалось условное «я». Если вначале его не могли отвлечь от карточной игры «ни любовь, ни музы», то затем это было заменено на «ни любовь свободы». Схему отношения персонажей можно представить в следующем виде:

Первый синхронный срез I главы

Мы видим, что при перестановке героев на шкале авторской оценки функциональное их отношение остается неизменным.

Подобно этому, и в дальнейшем в каждом новом синхронном срезе прежде всего задается *отношение* персонажей. Умный скептик <—> юный энтузиаст; сестра, идеал поэта-романтика, штампованный литературный персонаж («...но любой роман Возьмите и найдете верно Ее портрет...») с заурядной душой <—> сестра с деревенским именем и самобытным характером; «современный человек» <—> девушка, верящая «преданьям простонародной старины», — вплоть до усложненной антитезы восьмой главы. Однако, в каждом синхронном срезе антитеза возникала не сама по себе, а как производное от общих представлений о том, что есть современный человек. Причем свойства этого героя существовали не как перечень каких-либо отдельно названных качеств, а как совокупность противопоставлений. В ходе работы над романом Пушкин проделал эволюцию, сменив ряд идейно-художественных принципов и, соответственно, меняя представление о сущности литературного характера.

III	Ум усталость души	}	←→	{	наивность способность к чистому чувству
IV	Ум эгоизм	}	←→	{	наивность народность
V	Стремление к счастью	}	←→	{	выполнение долга ум

В зависимости от характера основной антитезы (а мы указываем лишь на основные — в реальной ткани произведения каждый синхронный срез представлен не одной антитезой, а иерархией семантических противопоставлений) видоизменяется и тип героя. Фигуры героев — пересечения функциональных отношений внутри каждого синхронного среза — получают в каждом случае своеобразные характеристики и различные мотивировки. Так, если в первой главе поверхностная образованность, удаленность от вершин просвещения воспринималась как критерий, отделяющий героя от положительного идеала, то в пятой — именно это (в сочетании с наивностью и душевной чистотой) воспринимается как средство положительной характеристики.

Таким образом, одни и те же персонажи получают в разных главах весьма различные — порой, прямо противоположные — характеристики. Так, та характеристика Онегина, которая в XXIV строфе седьмой главы высказывается от лица автора (и Татьяны), в XII строфе восьмой — выступает как мнение «людей благоразумных». Количество подобных слов в построении характера в романе очень велико (анализ их см. в статье «К эволюции построения характеров в романе „Евгений Онегин“»). Однако, если переход к новым принципам построения художественной модели каждый раз диктовался изменением творческого метода писателя, и, следовательно, противоречия в тексте романа возникали стихийно, то отказ от их устранения («но их исправить не хочу») сразу же приобрел программный характер. Читатель, передвигаясь по тексту, переходил от одного синхронного среза к другому, причем каждый из них давал свою особую картину функциональных отношений. Но, если в отдельных публикациях Онегин первой, седьмой или восьмой глав — совершенно различно построенные и входящие в различные системы персонажи, то тем не менее, объединенные в едином тексте романа, они все же складываются в некое единство. Возникает парадигматика образа; причем весьма отличающиеся по своей природе функциональные пересечения, которые внутри каждого отдельного среза обозначаются, например, именем «Онегин», складываются по вертикали в систему

вариантов, объединенных инвариантным единством. Это приводит к тому, что новые художественные принципы не отменяют старых, а образуют с ними функциональное целое. Таким образом, вместо представления о единственно возможном изображении объекта средствами искусства, возникает представление о множественности путей воссоздания объекта в разных его состояниях.

А поскольку поэтика романа утверждала для каждой главы переход к новой парадигматике персонажей и, одновременно, строила его как принципиально неоконченный, допускающий продолжение, то центральные образы приобретали характер сложных структур, складывающихся из взаимоналожения ряда трактовок и принципиально допускающих бесконечный ряд истолкований. Это открывает нам другую конструктивную основу пушкинского романа — он не только строится как система соотнесения разнородных структур и элементов, но и *имеет открытый характер*. Он может быть продолжен сюжетно, продолжен и в других отношениях. Это художественная система, которая принципиально может быть конструктивно продолжена. С этим связана особая судьба романа, поставившая его в соотнесенность со *всей* последующей традицией русской литературы, а не только с какими-либо ее отдельными направлениями. С этим же связано демонстративно-полемическое построение сюжета: роман — на эту его особенность указал еще Белинский — не кончается ничем. Обычное построение романа, которое Пушкин художественно ощущал как точку отталкивания, подразумевало наличие сюжетного конца. Пушкин иронически писал, обращаясь к друзьям:

Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Роман не конча перервать,
Отдав его уже в печать,
Что должно своего героя
Как бы то ни было женить,
По крайней мере уморить,
И лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывести вон (III, 1, 397).

«Роман не конча перервать» — это сознательный художественный принцип. Роман «с концом» («женить», «уморить») дает конечную модель бесконечной жизни — Пушкин сознательно строит текст как воссоздающий самый принцип неоконченности. Одновременно следует отметить и другое — конечная модель относится к неконечной как язык к речи (пользуясь терминологией Ф. де Соссюра). Роман «с концом» находится к действительной жизни в том же отношении (это, конечно, не исключает того, что внутри текста такого романа могут и должны

быть выделены свои уровни языка и речи). Пушкинский роман представляет собой неконечный текст, воспроизводящий другой неконечный текст (действительность). Следовательно, их язык (конечная система) еще не дан — его надо вывести. И истинность этого языка будет проверяться тем, с какой точностью он способен послужить описанию речевого текста. Но один и тот же речевой текст может допускать различные принципы описания. В этом и состоит глубокое художественное значение пушкинского романа в стихах: автор дает читателю сложно структурно построенный язык, который читатель должен принять за речь (язык выступает как имитация речи другой системы); сложное структурное построение становится воспроизведением внеструктурной действительности.

Читателю предстоит самому создать модель, которая будет и определеннее и, неизбежно, беднее пушкинского текста. Именно такова была последующая судьба пушкинского романа: он дал пищу для различных истолкований — очень часто искажающих и полемических, чрезвычайно часто истолковывался упрощенно. Но именно эта широта диапазона возможных истолкований позволяла ему оказывать столь длительное воздействие на последующую литературу. И это же делает его богатейшим материалом для доказательства того тезиса, что исчерпывающее истолкование возможно лишь для произведения, утратившего художественное значение.

Часто жалуются на обилие взаимопротиворечащих суждений критики и литературоведения по поводу великих произведений искусства, видя в этом признак научной слабости. Конечно, можно лишь сожалеть о тех случаях, когда это происходит из недобросовестности или недостаточной осведомленности пишущих. Но при этом не следует забывать, что художественное произведение представляет собой особое устройство, способное накапливать информацию.

Оно само как бы «выдает» новые истолкования до тех пор, пока сохраняет художественную жизнь. Это свойственно каждому значительному произведению искусства, а «Евгению Онегину» в наивысшей мере.

В. П. БОТКИН — ЛИТЕРАТОР И КРИТИК

Б. Ф. Егоров

Статья 3

Как ни пытался Боткин укрыться в итальянских музеях от жизненных бурь, но крупные общественные сдвиги в России не могли не привлечь его внимания: «никакие красоты искусства и природы не могут устоять в душе, когда заговорит в ней любовь к своей родной земле»¹, — писал он И. И. Панаеву 29. I. 1858. Зимой 1857—1858 годов в Риме образовался кружок русских либеральных деятелей, куда вошли И. С. Тургенев, В. П. Боткин, кн. В. А. Черкасский, граф Н. Я. Ростовцев и др. На «сходках» этого кружка горячо обсуждался крестьянский вопрос и даже было принято решение совместно издавать еженедельный журнал «Хозяйственный указатель»; Тургенев написал объяснительную записку и программу издания, но дальше этого впрочем дело не пошло, т. к. обращение Черкасского к русскому правительству с просьбой о разрешении журнала не имело успеха².

Сам факт участия Боткина в таких встречах и проектах на социально-экономические темы весьма знаменателен. Во второй половине 50-х годов он в духе общелиберального вольномыслия клеймит николаевскую Россию³, христианскую религию, принесшую русскому народу суеверия, невежество, косность⁴,

¹ Тургенев и круг «Современника», стр. 436.

² См. «Рус. пропилеи», т. 3, М., 1916, стр. 145—153, 318—319.

³ В письме к Фету от 17. VI. 1859: «Последняя война сняла плеву с наших глаз; она показала, что с тупостью и младенчеством народа в наше время далеко не уедешь. Назвавшись европейским государством, надо идти сообразно с европейским духом, или потерять всякое значение. Мы тридцать лет боролись с европейским духом и опомнились, очутившись у бездны. Мы только теперь начинаем понимать, что мы государство бедное, истощенное всяческою неурядицею, что мы не по одежке протягивали ножки, что мы почти накануне нового банкротства, что наша полицейская роль в Европе была безумством» (А. А. Фет, Мои воспоминания, I, стр. 298).

⁴ См. письмо к Л. Н. Толстому от 13. V. 1859 (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими деятелями, М., 1962, стр. 171).

ратует за скорейшее освобождение крестьян в рамках правительственных предначертаний и гневно обрушивается на консервативных помещиков: «Где этим паразитам, отрешенным и от государственной, и от народной почвы, понять, что в крепостном праве заключается узел, связывающий Россию по рукам и по ногам <...> Обновиться и отрезвиться нужно нашему дворянству — иначе оно впадет в такой же идиотизм, в какой впали представители наших аристократических фамилий <...> Боже мой! страшно подумать, в каких руках находится этот умный, дельный русский мужик!»⁵

В указанных и во многих других письмах той поры Боткин неоднократно подчеркивает свою симпатию к «европеизму», мечтает о приобщении России к европейской культуре — и, разумеется, к социально-политическим формам, т. е. к буржуазному строю. Недаром он в 1859 году сближается с редакцией «Русского вестника» (тогда Катков еще не утратил либерального «англоманства») и отдает журналу две свои статьи об Англии (см. №№ 74, 75 росписи)⁶. Здесь, если не считать нескольких второстепенных замечаний, Боткин воистину воспеваает английский строй и быт за господство законности, публичности, гласности, за разрушение кастовых перегородок и участие в управлении страной средних классов, за контроль «общественного мнения» над правительством. Автор восхищается «демократизмом» английской аристократии и умеренностью и дисциплинированностью низших сословий, а попутно раздраженно бросает гневные реплики в адрес «крайних социальных мнений», вызвавших французскую революцию 1848 года (I, 323—324). Весь панегирический тон обоих очерков английской жизни обнаженно раскрывает социально-политический идеал Боткина. Некоторые расклеванные излияния в письме к Фету от 1. VII. 1858 дополняют сказанное: «вся Европа более или менее живет в будущем <...> одна Англия живет и наслаждается в настоящем, прочно в своей тарелке. Это дает ей характер, не похожий ни на какую другую страну <...> Это внушает уважение и доверенность. Разумеется, темных сторон здесь бездна, — но общее грандиозно и привлекательно. Сколько в этом народе здравого смысла и ума!!»⁷ Давняя мечта Боткина о классовом мире, о спокойных «наслаждениях»; о социально-политическом statu quo воплотилась теперь в английском строе.

⁵ Тургенев и круг «Современника», стр. 435—437.

⁶ Дружинин с язвительной завистью писал об этом Л. Толстому: «Я очень рад, что Васинька стал протопресвитером «Русского вестника», уж, конечно, «Русский вестник» всем журналам, и не одним русским, — начальник» (письмо от 29. III. 1859; К. Чуковский, Люди и книги 60-х годов, Л., 1934, стр. 267).

⁷ ЛБ, ф. 315, карт. 6, № 25. (Фет не включил этот отрывок в свои воспоминания).

Но, с другой стороны, когда Боткин соприкасался с английским искусством, то он не мог не видеть, что меркантильное общество подавляло духовность, возвышенность и широту идеала. Поэтому в том же письме к Фету об английском театре он отзывался отнюдь не восторженно: «Нынешние англичане утратили смысл играть Шекспира: для этого надо вознестись над национальным в общечеловеческое, — а этому теперь мешают им тысячи препятствий: и их узкая национальность, и их пуританизм, и формальная религиозность, и их мелкая, сухая мораль. Представь себе Диккенса с шекспировским воззрением на человеческую природу. Но Диккенс <...> через несколько лет будет забыт»⁸. Впрочем, аналогично было мнение Боткина о немецком театре. В письме к брату Дмитрию от 9—10. V. 1858 он описывал посещение Мюнхенского театра (постановка «Гамлета») и с досадой отмечал, что у актера, исполнителя главной роли, не было «глубокой задушевности», не было «в сердце» «тех нежнейших и возвышенных струн, из каких состоит натура Гамлета»; «без них не придаст он этому удивительному образу живой действительности и той *правды*, которая одна низводит в душу зрителя неизъяснимое очарование сценического искусства. Наш бедный Мочалов обладал этим в высочайшей степени»⁹.

К родной литературе Боткин относился аналогично: положительно оценивает произведения, где реализм, жизненная правда сочетается с одухотворенностью, поэтической возвышенностью. Восторженно отзывался он о «Саргиной могиле» М. А. Петрова: «Любовь крестьянской девушки представлена с такою правдою и прелестью, как никогда до сих пор не была представлена»¹⁰. Еще более восторженно он, разумеется, оценил «Обломова»: «Не все лица его живы, но есть такие, которые изумляют яркостью своей действительности; уверяю Вас — это произведение большого таланта»¹¹. Но, пожалуй, самое большое впечатление на Боткина тех лет произвела «Гроза» Островского. Он написал автору комплиментарное письмо, особенно оттеняя поэтичность

⁸ А. А. Фет, Мои воспоминания, I, стр. 244. Ср. Б и Т, 149. Но через несколько лет Боткин изменит свое мнение о Диккенсе и даст восторженный отзыв о таланте писателя в статье «Публичные чтения Диккенса в Париже» (см. № 76 росписи).

⁹ ИРЛИ, ф. 365, оп. 1, № 68, л. 46. В переводе на немецкий язык большой отрывок из этого письма опубликован в статье: J. D. Levin, Die westeuropäische Shakespeare-Forschung in Rußland und ihre Popularisierung durch V. P. Botkin. «Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik», 1964, H. 3, SS. 295—296.

¹⁰ Б и Т, 153. Письмо к И. С. Тургеневу от 6. IV. 1859. О М. А. Петрове см. К. Чуковский, ук. соч., стр. 77—87.

¹¹ Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями, М., 1962, стр. 157. Письмо к Л. Н. Толстому от 4. XII. 1857. Ср. отзыв об «Обломове» в письме Боткина к И. И. Панаеву от 29. I. 1858 (Тургенев и круг «Современника», стр. 437).

драмы: «Вы взяли такой сюжет, который насквозь наполнен поэзии <...> Он так деликатен, так идеально-религиозен и так внутренне правдив сам по себе, что каждое слово в нем надобно брать из самой скрытой глубины души, ибо малейшая непродуманная и не прочувствованная фраза могла расстроить впечатление всего характера и погубить его правдивость. Но этого не случилось, и «Гроза» всю свою стихийною силою ложится на душу читателя»¹². Далее следуют восторженные характеристики художественной силы образов Катерины, барыни, Дикого и Кабанихи. В письме к Дружинину от 20. III. 1860 Боткин разъяснил и другую причину столь похвального отзыва о «Грозе»: либеральному строю чувств и мыслей критика импонировала поэтизация определенных сторон в жизни русского мещанства — вместо прежнего «обличительства» «Доходного места»¹³, вообще импонировало отсутствие прямых социальных конфликтов, понятое Боткиным как умиротворенность драматурга: «раскрывая купеческий быт, Островский по большей части относится к нему не отрицательно, а положительно. Рисуя эти ужасные нравы — он тем не менее всегда найдет в них какую-нибудь примирительную сторону. Уже в одном этом виден поэт»¹⁴. А в письме к Фету, отправленном одновременно с предыдущим, Боткин как бы соединяет оба плана: «Это лучшее произведение его; и никогда он еще не достигал до такой силы поэтического впечатления. Катерина останется типом. И какая обстановка! — эта фантастическая барыня, эта полуразвалившаяся и заброшенная церковь, эта идиллия, озаренная зловещим предчувствием неминуемого и страшного горя, — все это превосходно, широко, сильно и мягко»¹⁵. Главное — мягко! Стоит сравнить эти отзывы Боткина с известными идеями Добролюбовской статьи «Луч света в темном царстве», чтобы увидеть всю пропасть, разделявшую уже тогда демократический и либеральный лагери.

Поразительный контраст с революционно-демократическими оценками составляют и высказывания Боткина о творчестве Тургенева конца 1850-х — начала 1860-х годов. Вот отзыв об его «Асе»: «лицо Аси не удалось — и вообще вещь имеет прозаически придуманный вид. О прочих лицах нечего и говорить. Как лирик, Тургенев хорошо может выражать только *пережитое* им; во всем остальном выступают наружу одни поэтические намере-

¹² Неизданные письма <...> из архива А. Н. Островского, М.-Л., 1932, стр. 42. Письмо от 16. III. 1860.

¹³ Ср. отзывы Боткина о «Доходном месте» как о пьесе «книжной» (Письма к А. В. Дружинину, стр. 54) и «сочиненной», а не «живой» (Тургенев и круг «Современника», стр. 408).

¹⁴ Письма к А. В. Дружинину, стр. 60.

¹⁵ А. А. Фет, Мои воспоминания, I, стр. 323—324.

ния и подробности»¹⁶. Именно «подробности» и интересуют Боткина в тургеневских повестях и романах той поры, при отрицательном — в целом — отношении к их проблематике, сюжетам и главным образам. Такова оценка «Накануне»: «Для меня эти поэтические, истинно художественные подробности заставляют забывать о неясности целого. Какие озаряющие предметы эпитеты, да, солнечные эпитеты, неожиданные, вдруг раскрывающие внутренние перспективы предметов. Правда, что несчастный болгар решительно не удался; всепоглощающая любовь его к родине так слабо очерчена, что не возбуждает ни малейшего участия, а вследствие этого и любовь к нему Елены более удивляет, нежели трогает»¹⁷.

Лишь позднее, в 1862 году, Боткин очень высоко оценил роман «Отцы и дети»¹⁸ не только за «подробности», а за общий смысл, за сущность образа Базарова. Как писал Тургенев К. Случевскому, «Базарова совершенно поняли, т. е. поняли мои намерения только два лица: Достоевский и Боткин»¹⁹. Эти намерения были изложены Тургеневым в том же письме: «Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на гибель — потому что она все-таки стоит еще в преддверии будущего»²⁰. Несомненно, Боткину в это время особенно импонировала трагическая «гибель» Базарова — ему очень хотелось «доказать» несвоевременность и вообще враждебность революционно-демократического движения и русской жизни (он, разумеется, не хотел видеть в Базарове будущее). По воспоминаниям того же Н. В. Щербаня, когда во время обсуждения «Отцов и детей» кто-то высказал предположение, что Тургеневу «достанется» (очевидно, со стороны «Современника»), то Боткин воскликнул: «Пусть! пусть!», «как бы заранее торжествуя победу над хулиателями»²¹.

Отношение Боткина к демократическому лагерю стало теперь откровенно враждебным. «Когда обнаружили у нас первые признаки революционного брожения, им овладел панический страх»²². В письмах к Дружинину 1859 года содержатся резкие отзывы о направлении «Современника»²³. Позднее Бот-

¹⁶ Там же, стр. 236. Письмо от 31. III. 1858.

¹⁷ Там же, стр. 323. Письмо от 20. III. 1860. В тех же выражениях Боткин описал свое впечатление от романа «Накануне» в письме к Дружинину от того же числа (Письма к А. В. Дружинину, стр. 59—60).

¹⁸ По воспоминаниям Н. В. Щербаня, Боткин «кряхтел от удовольствия», слушая роман («Русский вестник», 1890, № 7, стр. 17).

¹⁹ И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем, Письма, т. IV, М.-Л., 1962, стр. 381. Письмо от 14 (26). IV. 1862. Ср. там же (стр. 385) письмо к Ф. М. Достоевскому от 22. IV (4. V). 1862.

²⁰ Там же, стр. 381.

²¹ «Русский вестник», 1890, № 7, стр. 17—18.

²² Е. М. Феоктистов, Воспоминания, Л., 1929, стр. 30.

²³ Письма к А. В. Дружинину, стр. 57, 59.

кин правильно уловил связь между студенческим движением и идеями «Современника», и, разумеется, эмоции его были весьма тенденциозны: «К сожалению, надобно признаться, что в последние 3 или 4 года студенты весьма мало обращали внимания на ученье. Разного рода крайние доктрины вскружили им головы, одним словом, прежняя апатия заменилась лихорадочною раздражительностью; большая часть находилась под влиянием мнений Чернышевского и Добролюбова, которым ты имел случай любоваться в Риме. Таким образом, из этой оппозиции, которая вышла на улицу и против которой была употреблена военная сила, — к несчастью, не вышло ровно никакого толка». Далее следует недовольство Михайловым за распространение прокламаций, что тоже «порождено доктринами Чернышевского», а в заключение восхваляется свое «поколение»: «мы прежде всего старались действовать путем научным, образованием, а не одними политическими теориями, взятыми из французских книжек. Мы старались действовать на духовную сторону человека»²⁴.

Насколько Боткин тенденциозно и искаженно представлял события в России, служит примером другое письмо к тому же адресату: «Это задний хвост того, что было во Франции, после революции 1848 года. Это русские копии с социалистов и коммунистов с тою разницею, что в Париже и Германии они набирались из фабричных и других работников, что весьма естественно, а у нас из семинаристов, студентов и юных офицеров. Органом их был Чернышевский и К° в «Современнике». Эта горсть людей вообразила себя руководительницею общества, стала печатать прокламации, воззвания, в которых объявлялось, что надо уничтожить бога, брак и собственность, и что после этого все пойдет отлично». А далее, совершенно в духе наиболее реакционной прессы, передовой молодежи приписывались пожары и другие действия «по указаниям польской революционной партии». Боткин очень доволен, что в Орловской губернии, где он прожил месяц, не было крестьянских волнений, и реформа совершается мирным путем: «Все там тихо, все понемногу развязывается, везде спокойствие»²⁵.

Разразившееся вскоре польское восстание смяло прогнозы Боткина, его мечты о «постепеновском» развитии России. Еще несколько месяцев назад Боткин был типичным «западником», начиная с внешнего копирования быта²⁶ и кончая теоретиче-

²⁴ ИРЛИ, ф. 365, оп. 1, № 9, лл. 34 об. — 35. Письмо к М. Боткину от 7. XI 1861.

²⁵ Там же, лл. 51 об. — 52 об. Письмо к М. Боткину от 12—16. IX. 1862.

²⁶ См., например, в письме И. С. Тургенева к В. А. Черкасскому от 9(21). VII. 1858: «Вы спрашиваете меня о Боткине, я его оставил в Лондоне уже почти совсем превратившегося в англичанина: носит пестрый лиджак, в

скими декларациями: «Мы винули Гегеля за то, что он давал славянскому племени низшее значение против германского, — увы! всякий убедится в этом наглядно»; «Виноват ли я в том, что мне баллады Шиллера в тысячу раз больше волновали сердце, нежели русские сказки и старинные сказания о князе Владимире?»²⁷. И вдруг у вчерашнего «западника» мгновенно произошло «русское народное чувство»; он в самом шовинистическом угаре шлет во всех своих письмах той поры громы и молнии на головы восставших и вообще поляков, а с другой стороны — поет дифирамбы статьям «Русского вестника» и «Московских ведомостей», полностью поддерживая мракобесную позицию Каткова в польском вопросе²⁸. Куда делись боткинский либерализм, гуманизм и «золотая середина»? Он призывает в интересах «нашей собственной безопасности» беспощадно подавить восстание и навечно поработить Польшу: «Прежде всякой гуманности и отвлеченных требований справедливости — идет желание существовать, не стыдясь своего существования» (Б и Т, 180); «существование России, как европейского государства, основано на покорении Польши»²⁹.

Правда, после подавления польского восстания Боткин несколько успокоился, и в его идеях и действиях снова появилась «золотая середина»³⁰, но в целом он превратился в настоящего махрового реакционера. Приведем к примеру эволюцию его отношения к Герцену. В начале 1858 года Тургенев писал Герцену следующее: «Боткин, с которым я вижу каждый день, совершенно симпатизирует твоей деятельности и велит тебе сказать, что, по его мнению, ты и твои издания — составляют эпоху в жизни России»³¹. А вот что сообщил сам Боткин в письме к брату Михаилу от 9—18. XII. 1862: «значение Герцена очень из-

6 часов ездит по Rotten Row верхом, подпрыгивая на рыси — и превосходно сквозь зубы выговаривает — Oh Yes!» (И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем, Письма, т. III. М.—Л., 1961, стр. 228).

²⁷ А. А. Фет, Мои воспоминания, I, стр. 402, 403. Письмо от 28. VIII. 1862.

²⁸ Б и Т, 175—177; 179—180 (письма от 6. VI. и 17. VII. 1863); «Рус. архив», 1872, № 5, стлб. 1055—1056; А. А. Фет, Мои воспоминания, I, стр. 416, 423 (письма от 26. III и 8. V. 1863).

²⁹ ИРЛИ, ф. 365, оп. 1, № 9, л. 69 об. Письмо к М. Боткину от 12. III. 1863.

³⁰ Боткин, например, почти два года (1864—1865) «успокаивал» Каткова, прося его не нападать на либерального Н. А. Милютина. Сохранилось (в копиях) много писем Боткина к Каткову тех лет, с интересными сообщениями о политической борьбе в правительственных сферах в Петербурге (ЛБ, ф. 120, № 22).

³¹ И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем, Письма, т. III, М.—Л., 1961, стр. 181. Ср. с этим великолепную фразу Герцена из «Былого и дум». «сам В. П., постоянный, как подсолнечник, в своем поклонении всякой силе, умильно смотрел на «Колокол», как будто он был начинен трюфлями» (А. И. Герцен, Собр. соч. в 30 тт., т. XI, М., 1957, стр. 300).

менилось в России <...> «Колокол» совершенно лишился прежнего интереса. С тех пор как в России все подвергнулось реформам, — нельзя писать о ней, не зная дела специально. Прелестный, увлекательный талант Герцена остается по-прежнему, но на нем лежит какая-то тяжесть, которая лишает его свободы. А эта тяжесть есть социальные и другие фантастические теории. Жаль этого; что делать»³². И еще одно письмо тому же адресату от 12. III. 1863: «Это восстание (польское — Б. Е.) соединялось со многими другими обстоятельствами, именно с действиями лондонских агитаторов. Увлечшись идеею свободы — Герцен и К°, сами не замечая того, совершенно подпали под польское влияние. Но поляки вели двойную игру; принимая услуги Герцена во имя свободы, — они в то же время имели другую, скрытую от него цель: всячески обессилить, разложить Россию и воспользовавшись этим, восстановить Польшу в ее первобытном виде»³³. Разумеется, такое истолкование герценовской деятельности, как и истолкование польского движения 1863 года, не могло остаться в секрете, до Герцена тоже дошли, конечно, известия об эволюции бывшего товарища, поэтому когда они случайно встретились в Веве в сентябре 1865 года, то Герцен отказался разговаривать с Боткиным и ушел, не попрощавшись³⁴.

Всю свою ненависть к революционным демократам Боткин излил в не увидавший тогда света статье, написанной им совместно с Фетом, — обширной рецензии на роман Чернышевского «Что делать?»³⁵ Боткину принадлежит заключительная глава рецензии, посвященная изложению (ругательному, конечно) истории коммунизма и социализма во Франции от Бабефа до современности, с соответствующими проекциями на родную почву: «Кроме собственников в России нет народонаселения — нет пролетариата, за ничтожным исключением ремесленников обоего по-

³² ИРЛИ, ф. 365, оп. 1, № 9, лл. 60 об. — 61.

³³ Там же, л. 67 об.

³⁴ См. Б. и Т., 221. В. Крылов в своих воспоминаниях о Боткине рассказывает еще об одной встрече: «Боткин и Герцен встретились в последний раз в Париже в 1867 г. в Café de la Rotonde в Пале-Рояле <...> Разговор шел самый ординарный о самых ординарных вещах, чуть что не о погоде, холодно пожали они друг другу руки и разошлись, будто и век никогда не было между ними никакой близости» (ИТМ, 3 А Бот. 117). Н. А. Белоголовый, присутствовавший при этой встрече и более подробно ее описавший, относит ее к 1869 г. (Н. А. Белоголовый, Воспоминания, 4-е изд., СПб, 1901, стр. 546—548). Более вероятно датировка М. К. Лемке — 1868, согласно письму Герцена к Огареву от 20. IX: «Вчера встретился с Вас. Боткиным <...> Он мне ненавистен» (А. И. Герцен, Собр. соч. в 30 тт., т. XXIX, М., 1964, стр. 445).

³⁵ См.: Неизданная статья А. А. Фета о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» («Лит. наследство», т. 25—26, М., 1936, стр. 477—544; вступ. статья Ю. Стеклова, публикация и комментарии Г. Волкова). Статья началась для «Русского вестника», но Катков не напечатал ее, боясь, что она послужит скорее агитации за роман, чем оттолкнет от него читателей. Реакционеры всегда боялись передовых идей, даже в тенденциозном изложении...

ла, проживающих в столицах. Да и за большую их часть <...> стоит где-либо — недвижимая собственность <...> Укажите хотя на один класс нашего народонаселения, в интересах которого могла бы быть желательна социальная революция» (ук. соч., стр. 531). Как Боткину хотелось, чтобы Россия обошлась без революции!

Пользуясь своими знакомствами в бюрократических сферах и в Совете по делам книгопечатания, Боткин агитирует правительственных чиновников за репрессивные меры против «Современника» и «Русского слова» — и ликует, когда узнал о запрещении журналов³⁶.

Реакционная тенденциозность Боткина проявилась, с другой стороны, в положительных оценках «антинигилистических» произведений, имеющих мало отношения к настоящему искусству. Вот, например, его характеристика комедии Л. Толстого «Зараженное семейство»: «Она вовсе не так дурна, как говорили. Только 1 и 2 акты растянуты и вообще нет комической струи. Но она имеет значение в общественном отношении» (Б и Т, 211). Даже откровенная малограмотная стряпня могла удостоиться похвалы Боткина: «Из новых пьес большие сборы дает «Гражданский брак», написанная по поводу разных дикостей нашей невежественной и бессмысленной молодежи <...> Пьесу написал какой-то студент и написал очень аляповато и пошловато, таланта не видать. Но я посмотрел без скуки, ради разных указаний на нашу современность» (Б и Т, 252). Первая цитата взята из письма к Тургеневу от 3. IX. 1864, вторая — 23. XII. 1866. А «посередине», 11. II. 1866 Боткин писал Фету: «Для поэтического чувства необходимы тишина и сосредоточение <...> Увы! бессмертная эпоха русской поэзии прошла и бог знает, вернется ли когда-нибудь <...> Поэтическая струя исчезла и из европейских литератур, замутила ее проклятая политика; признаюсь откровенно, все эти вопросы политико-экономические, финансовые, политические — внутренне нисколько меня не интересуют. А здесь все только ими и заняты»³⁷. Из выше приведенных цитат, из статьи о «Что делать?» видно, какова истинная цена этой аполитичности и теории «чистого искусства»! Боткина еще хватало на разоблачение буржуазной пошлости в европейской бульварной литературе (см., например, его резко отрицательный отзыв о романе А. Дюма-сына «Дело Клемансо» — Б и Т, 233), но если отечественная халтура отражала социально-политические настроения критика, то он мирился с нею!

В последние четыре-пять лет своей жизни Боткин медленно, но верно превращается в откровенного консерватора, сторон-

³⁶ А. А. Фет. Мои воспоминания, II, стр. 89, 92. Письма к Фету от 1. II. и 9. VI. 1866.

³⁷ Там же, стр. 83. У Фета ошибочно: «10. II».

ника самых реакционных политических форм³⁸ и чуть ли не красного патриота³⁹. Это наглядно проявилось в его оценках настоящей, «большой» литературы 60-х годов. Из «Обрыва» Боткин узнал лишь первые две части, т. е. он не читал еще основных разделов романа, в которых мог найти много близкого для себя; а первые две части Боткин, подобно известным высказываниям Тургенева, оценил как перепев старой темы «лишнего человека» и, похвалив «подробности», отрицательно отозвался в целом, Райский для него — «лицо мертвое и неприятное», «нелепость»⁴⁰.

Зато к «Войне и миру» Боткин отнесся в высшей степени сочувственно, очевидно, усмотрев в толстовских художественных идеях дорогую ему проповедь патриархальности и смирения: «Исключая страницы о масонстве, которые мало интересны и как-то скучно изложены, — этот роман во всех отношениях превосходит <...> Какой характер Наташи и как выдержан! Да, все в этом превосходном произведении возбуждает глубочайший интерес. Даже его военные соображения полны интереса, и мне в большей части случаев кажется, что он совершенно прав. И потому какое это глубоко русское произведение»⁴¹.

Понравился Боткину и «Дым» в окончательной обработке: «Это настоящая сочная повесть с его (Тургенева — Б. Е.) известными достоинствами и с меньшими против прежнего недостатками»⁴².

Следует учесть, что последние отзывы делались уже тяжело (и безнадежно) больным человеком. Много месяцев Боткин медленно умирал. Вначале ему отказали глаза, затем паралич охватил все конечности. И тем не менее он упорно следил за литературой. Впрочем, этот интерес в то время имел уже чисто эстетски-потребительский характер, как и вообще вся жизнь Боткина в последние его годы, напоминавшая пир во время чумы. Так, вернувшись 15 сентября 1869 года в Петербург и чувствуя, что его дни сочтены, Боткин снял роскошную квартиру, устраивал частые музыкальные концерты перед своей постелью — и вели-

³⁸ Е. Колбасин в своих воспоминаниях приводил, со слов Тургенева, следующую фразу Боткина: «Россия погибает окончательно, единственное ее и наше спасение, это — жандарм. Это — краеугольный камень, главный столп нашего государства» («Современник», 1911, № 8, стр. 238).

³⁹ Боткин, например, был недоволен образом Потугина из тургеневского «Дыма» и желал автору: «чтоб любовь к России выражалась в твоём цинике более идеальным, сознательным образом» (Б и Т, 230). Боткин стал решительно возражать против европейских мерок в оценке современной русской действительности (Б и Т, 229), соотнося ее не с современной Европой, а с национальным прошлым, особенно с предпетровским временем (А. А. Фет, Мои воспоминания, II, стр. 97).

⁴⁰ Б и Т, 239, 279; А. А. Фет, Мои воспоминания, II, стр. 196.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 115.

колепные лукулловы обеды⁴³ (был приглашен повар из кухни цесаревича!). Фет приводил (по рассказу Дмитрия Боткина) предсмертные слова Василия Петровича: «вот меня осуждали за бережливость. Зато ты видишь, как я обстановил свою жизнь перед концом. Ты не можешь себе представить, до какой степени мне это приятно. Райские птицы поют у меня на душе»⁴⁴.

Боткин скончался на рассвете 10 октября 1869 года, не дожив до концерта, назначенного им на утро того же дня⁴⁵.

⁴³ Феоктистов так описывал один из последних визитов к Боткину: «Пре-
до мною был не живой человек, а труп. Боткин лежал на диване навзничь, со
сложенными на груди руками; казалось, все тело его было парализовано
<...> Вдруг появились у него какие-то судороги на лице, и он начал делать
мне знаки глазами <...>

— Какого вы мнения, — прошептал Боткин, — о кулебяке со стерлядью
и разной другой рыбой?». Далее рассказывается об обеде, данном на сле-
дующий день Боткиным (Е. М. Феоктистов, Воспоминания, Л., 1929,
стр. 31—32).

⁴⁴ А. А. Фет, Мои воспоминания, II, стр. 202.

⁴⁵ П. В. Анненков и его друзья, стр. 580; Е. М. Феоктистов, ук. соч.,
стр. 33.

ЖУРНАЛ «ЗАГРАНИЧНЫЙ ВЕСТНИК»

П. С. РЕЙФМАН

Статья 2¹

Значительное место в «Заграничном вестнике» занимали многочисленные отклики на события, происходящие в наполеоновской Франции. Резкое осуждение Наполеона III — характерная особенность всей русской демократической журналистики 1860-х гг. В «Заграничном вестнике» регулярно печатались известия о Франции, выдержанные в подчеркнуто антинаполеоновских тонах. С самого начала 1864 г. в «Европейской жизни» постоянно упоминается о различных случаях проявления административного деспотизма, о лицемерии, ханжестве, произволе, господствующем в наполеоновской Франции. В вып. 3, сообщая об одном уголовном процессе, обозреватель замечает, что в нем проявилось «все безобразие французского уголовного суда» (стр. 136). В вып. 4, говоря о праздновании шекспировского юбилея во Франции, автор с иронией рассказывает о французской полиции, запретившей торжества, так как комитет пригласил В. Гюго заочно председательствовать на них. Здесь же, упомянув о продажном французском писаке Э. Абу, обозреватель подчеркивает, что в его произведениях «лучше других» выражается нравственное распадение современной Франции» (стр. 201). В вып. 7 высмеивается «целомудрие» французской администрации, заменившей название картины Ж. Фера «Проститутка», так как оно показалось «безнравственным». В вып. 12 с возмущением рассказывается о «процессе тринадцати». Французская администрация, воспользовавшись законом, запрещающим собрания и комитеты, не дозволенные правительством, возбудила дело против оппозиции, образовавшей избирательный комитет. По мнению «Заграничного вестника» во время этого процесса обвиняемые и их защитники стремились отстоять права, которые у них «отнима-

¹ См. «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 167, Тарту, 1965. Ссылки на «Заграничный вестник» будут отмечаться в тексте, с указанием года, выпуска и страницы.

лись самыми грубыми, насильственными мерами» (стр. 599). Обозреватель саркастически замечал, что французская полиция, «даруя всем французам *suffrage universel* <...> вместе с тем, чтоб человек не баловался, отнимает всякую возможность подавать голос иначе, как в пользу императорского кандидата» (599).

Весьма иронически о Наполеоне III говорится и в «Европейской жизни» 1865 г. В вып. I с насмешкой рассказывается о словах французского императора по поводу игрушки-автомата, подаренной наследному принцу. Обозреватель замечает, что такой автомат сможет стать достойным наследником Наполеона III. В вып. 3 редакция вновь возвращается к «процессу тринадцати», показывая все лицемерие и иллюзорность «свободных выборов» во Франции. Всеобщее избирательное право, по мнению обозревателя, в условиях наполеоновского режима превращается в фикцию, в орудие правительственной диктатуры, оно полностью контролируется и направляется властями и отнюдь не служит общественным интересам: «На образование всякого избирательного комитета должно испрашивать наперед разрешение правительства, которое, следовательно, имеет полное право отказать в этом разрешении <...> оппозиция должна испрашивать у правительства позволение быть оппозицией, т. е., чтобы послать в законодательный корпус оппозиционных депутатов, требуется позволение того самого правительства, против которого они восстают. Очевидно, до какого абсурда дошла великая страна *suffrage universel*» (стр. 539). В этом же выпуске с иронией сообщается о мэре одного французского города, запретившем торговать грибами, так как некоторые из них оказались ядовитыми. Этот частный случай служит для редакции поводом еще раз высказать свое общее отношение к мелочной административной опеке французских властей, подавляющих малейшие проявления общественной инициативы: «В этой стране, где правительственная опека в настоящее время достигла самых громадных размеров и где свободный гражданин не смеет чихнуть, чтоб ему не утер носа префект, — каждый день случаются самые курьезные случаи» (стр. 549).

Об избирательной системе наполеоновской Франции рассказывается и в вып. 8. По мнению обозревателя, Наполеону III удалось создать избирательную машину, действующую безукоризненно в интересах власти: «Послушная, раболепная, запуганная толпа назначала, ибо нельзя сказать, чтобы она избирала, тех преданных слуг правительства, которых ей представляли. И какой же порядок, какая тишина, какое безмолвие царили и на выборах, и впоследствии в собраниях, результате этих выборов!» (стр. 314). Однако, в последнее время машина начала работать не столь исправно, на выборах в 1863, 1864 гг. в ряде городов победили оппозиционные депутаты, правительство забеспокоилось, усилило прямой административный нажим, прибегая в то

же время к маневрам, объявляя, чтобы спасти свой престиж, победивших оппозиционных депутатов правительственными. Редакция считает все это свидетельством тупика, в который зашло наполеоновское правительство, началом пробуждения сил страны. В то же время она весьма скептически относится к прогнозам французской либеральной печати, утверждавшей, что парламентские изменения приведут к скорым переменам в правительственной системе, благотворно скажутся в жизни страны. Обозреватель замечает, что он не верит в осуществление «царства свободы под высоким давлением императорско-централизационной машины» и в возможность сочетания «этих двух несогласующихся понятий» (стр. 316). В обзоре утверждается, что «нет никакой причины думать, чтобы правительство переменяло вдруг свою систему, которая так хорошо для него действовала до сих пор, хотя теперь некоторые пружины, действительно, совершенно поржавели и требуют починки» (стр. 316). Противопоставление свободы и императорской власти, подлинного демократизма и государственно-бюрократической машины, конечно, относилось отнюдь не только к наполеоновской Франции. Не только к ней относились и рассуждения о том, что правительство добровольно не откажется от существующей системы произвола и деспотизма, даже тогда, когда она совершенно изжила себя.

Французская администрация осуждалась и в вып. 10, в разделе «Европейская жизнь». Здесь рассказывалось о том, что власти, в связи с избирательными интригами, оказались вынужденными поставить памятник Жаку Араго, видному ученому, убежденному республиканцу, участнику революции 1848 г., противнику переворота 2 декабря, Наполеона III. Но при этом было объявлено, что памятник поставлен именно ученому, а не «республиканцу, другу народа и защитнику свободы» (стр. 195). Узнав об этом, сын Араго, его друзья отказались участвовать в открытии памятника, и торжество приняло «льстиво-императорский» оттенок. Речи, тосты — все было пропитано самой бесстыдной лестью, самым нахальным издевательством над всем, что было так дорого и свято великому патриоту, именем которого так ужасно злоупотребляли» (стр. 195).

В «Европейской жизни» вып. 11 рассказывалось о преследовании французскими властями журналиста Рожара, автора антинаполеоновских памфлетов. Обозреватель не согласен с попытками преувеличить радикализм Рожара, придать его деятельности серьезное значение. Но, по его мнению, история Рожара — свидетельство того противодействия, которое вызывается всяким деспотизмом даже в весьма умеренных людях: «Довольно часто замечено, что насилие, так сказать, искусственно порождает себе самых жестоких противников <...> Там,

где насилие, для приведения в исполнение своих административных мер, вынуждено давать власть даже глупейшим жандармам, происходят от самодурства и слепого усердия самые возмутительные нелепости <...> которые порождают самые гибельные последствия» (стр. 404).

Критика Наполеона III связывается в «Заграничном вестнике» и с появлением книги французского императора о Юлии Цезаре. Прославляя Цезаря, проводя недвусмысленные аналогии между римской и французской империями, августейший писатель стремился к прославлению самого себя, самого принципа императорской власти. Поэтому критика его сочинения выходила за рамки осуждения Цезаря, Наполеона, превращалась в протест против всякого самодержавия. Вспомним, что тема цезарей затрагивалась в русской журналистике не раз. К ней обращался еще Белинский. Перечитывая Плутарха, он пришел к своей «маратовской любви» к человечеству, отражением которой явилась, в частности, его статья «Кесари». В подобном же плане обращалась к теме цезарей, цезаризма и редакция «Заграничного вестника». В «Европейской жизни» вып. 6 (1864) с насмешкой говорилось, что приспешники Наполеона III, стараясь выслужиться перед императором, стремятся доказать, что цезари — носители демократии, боровшиеся с аристократами и буржуазией, но защищавшие интересы народа. Редакция подробно цитирует статью французского публициста Депуа, направленную против одного из подобных хвалителей, который «думал выслужиться перед новейшими государями, оправдывая прежних цезарей» (стр. 607). Депуа иронически предлагает не ограничиваться апологией цезарей, а развить тезис: «*демократизм константинопольских султанов*» (стр. 611), «*Турецкий демократизм*» — вот интересный тезис для защиты: рекомендую его «любителям», — замечает он, обращаясь к хвалителям цезарей.

Весьма иронически о книге Наполеона III, о том, что французские газеты «конечно, уже трубят восторженные гимны августейшему писателю» (стр. 171), упоминается и в «Европейской жизни» вып. 1 (1865).

С критикой самодержавного произвола связано и осмысление в журнале деятельности Наполеона I. Оно сказывается в статье «Наполеон и литература» (см. стр. 70), в редакционных примечаниях к статье Р. Эмерсона «Представители человечества» (1865, вып. 1). В последних выражается несогласие с Эмерсоном, идеализирующим Наполеона, преувеличивающим значение великих людей для человечества. В ответ на призыв Эмерсона преклоняться перед великими людьми, редакция замечает, что лучше не поклоняться никому, не делать себе кумирчиков, не быть «дыханием уст» кого бы то ни было: «Для того уже, чтоб сказать: *это великий человек* — нужна критика» (стр. 15). Эмер-

сон, оправдывая происходящее в действительности, говорил о круговороте явлений, о том, что ныне повелевающий прежде сам покорялся, что, с философской точки зрения, кажущаяся несправедливость исчезает, так как все личности тождественны в идее человечества. Редакция возражает против подобного рода «утешений». Она показывает, что для большинства жизнь слишком коротка, чтобы круговорот явлений мог совершиться и число страданий уравниваться числом благ: «Никакие поэтические вымыслы о торжестве человечества, о развитии идеи в обществе, не утолят голода, не уменьшат невежества <...> не убавят страданий *одной реальной* особи, а поэтому несправедливость *относительно ее* останется несправедливостью» (стр. 17). По мнению редакции, «Эмерсон рисует не настоящего Наполеона, а своего особенного» (стр. 33). Настоящий же Наполеон, по мнению редакции, выразитель идей буржуазии, а разница между этой партией и консерваторами несущественна: буржуазные демократы — молодые консерваторы, а консерваторы — состарившиеся демократы;² обе партии выше всего ставят собственность, которую одни силятся достать, другие — удержать; в этом смысле Наполеон выражает позицию демократов и в их юности, и в старости.

Деспотическим режимам в журнале противопоставлялись страны с демократическим, с точки зрения редакции, образом правления. Так, в вып. 3 (1866) опубликована статья «Обычай Ури», рассказывающая о политических и общественных учреждениях швейцарского кантона Ури, опередившего, по мнению автора, другие страны на двести лет. Но особенно подробно говорится в журнале о Соединенных Штатах Америки. Это и не удивительно. Война Севера против Юга, которая велась как раз в те годы, приковывала к Соединенным Штатам всеобщее внимание. Русские революционные демократы, как и лучшие люди Европы, с горячим сочувствием относились к северянам, к президенту Соединенных Штатов Линкольну, следили за их борьбой, верили в их победу. Поэтому они с особой силой акцентировали вопрос о демократичности американской конституции, о противоположности ее самодержавному произволу. Тема Соединенных Штатов осмысливалась как антикрепостническая и антидеспотическая. Такое осмысление, противопоставление демократической Америки императорской, бюрократически-централизованной Франции отчетливо ощущается в статье Э. Лабуле «Америка и Франция» (1864, вып. 10). Лабуле хвалит Америку как страну, в которой народ не передает правительству всей власти, в противоположность Франции, где права общества

² Возможно, здесь — перефразировка слов Щедрина о «титularных советниках», превращающихся в «нигилистов». (Н. Щедрин, Полн. собр. соч., т. VI, 1941, стр. 248).

крайне ограничены. Он упоминает о гражданской войне в Америке, при этом все его симпатии на стороне северян. Он резко осуждает рабство, его защитников. Статья выдержана в несколько апологетических тонах, но, учитывая обстановку во Франции и в Америке, можно понять, почему редакция «Заграничного вестника» должна была с сочувствием отнестись к положениям, высказанным Лабуле.

В подобном же плане выдержан обзор «Из разных стран» (1865, вып. 5), в котором, на основе различных статей, описывается жизнь Америки. Автор сообщает и о недостатках американского общества, об односторонности практического направления всей американской жизни, о пренебрежении к серьезным теоретическим наукам, но, по его мнению, эти недостатки — частные; они исчезнут с течением времени, а хорошие стороны останутся. В вып. 2 (1864) напечатано извлечение из книги Неймана по истории Соединенных Штатов и статья В. Арндта, дающая обзор жизни США и книги Неймана. Редакцию привлекает то, что Нейман хорошо изучил предмет, что он на стороне северян и, «главное, проникнут глубоким сочувствием к американской демократии» (стр. 246). Но особенное сочувствие к Америке, к ее лучшим людям, выражено в статьях, непосредственно касающихся темы борьбы с невольничеством. Редакция «Заграничного вестника» настойчиво выступала против всякой расовой дискриминации, против тех, кто утверждает, что негры — низшая раса, что не было ни одного замечательного по своим способностям негра. «Такое самоуверенное невежество, — замечает автор статьи «Из разных стран», — заслуживает полного презрения» (1865, вып. 5, стр. 300). Он говорит, что из среды негров вышли многие выдающиеся люди, проявившие себя и в истории политической, и в сфере научной. Об одном из них, астрономе Вениамине Баннекере, довольно подробно рассказывается в статье. Автор считает, что негритянское племя имело уже своих ученых, художников, философов и что «число их будет увеличиваться со свободой этого племени» (стр. 300). Уже здесь, когда речь идет о неграх, замечательных по своим способностям, с сочувствием упоминается имя Туссена-Левертюра, «черного консула», предводителя восстания негров на о-ве Гаити. Ему посвящена и специальная статья, помещенная в следующем выпуске под рубрикой «Из истории Америки». В предисловии редакции Левертюр назван одним «из замечательных деятелей в вопросе о правах цветных племен на участие в исторической жизни мира» (стр. 380). О нем говорится, как о реформаторе того же типа, что и Вашингтон, как о «великом народном деятеле» (стр. 402). С огромным сочувствием рассказывается о его жизни, о борьбе за свободу негров. Симпатии редакции к цветным племенам, к их судьбе отчетливо ощущаются и в статье «Восстание негров в Ямайке» (1866, вып. 3). Естественно, что при таком отношении

негритянский вопрос в США, борьба за свободу негров должны были найти широкое отражение на страницах «Заграничного вестника». Так, в статье «Из разных стран», в которой Америка в целом описывалась в весьма положительных тонах, автор замечал, что невольники «одни марают демократическую картину Нового света, которых плантаторы стремятся низвести на степень обезьяны, и не признавая человеческих свойств, не признают и человеческих прав» (стр. 300). В вып. 4—6 за 1864 г. напечатана большая статья «Процесс Джона Брауна», в которой рассказывалось о жизни этого пламенного борца за свободу негров, о суде над ним и его гибели. Вся статья пронизана ненавистью к рабству, его защитникам, горячей симпатией к Джону Брауну, поднявшему первым знамя вооруженной борьбы против невольничества. Редакция «Заграничного вестника» недвусмысленно выражает свое отношение к деятельности Д. Брауна. Он называется «замечательным человеком» (стр. 145). Во вступительной редакционной заметке о нем говорится, что, «казненный, как последний преступник, он пал за защиту той самой идеи, за которую стоит теперь правительство Линкольна», которая «служила главным мотивом самого важного преобразования и в нашей новейшей истории — за идею освобождения личности от произвола других личностей»; «Закон осудил его, общество плантаторов задавило его; но виселица не обесчестила смелого гражданина, в котором правительство его страны видит теперь героя и который должен остаться героем и для всякого русского, сочувствующего уничтожению крепостного права в России» (стр. 141). Следует отметить, что сама тема уничтожения рабства совсем не являлась в 1860-х гг. монополией революционно-демократической и демократической печати. В связи с реформой 1861 г. невольничество осуждали не только либеральные, но и реакционные издания. Но сама специфика постановки вопроса о Джоне Брауне, утверждение права на восстание против рабства, возможности противопоставить «законности невольничества» силу личного убеждения в его несправедливости и действовать согласно такому убеждению, вопреки законности — все это выводило статью за рамки тех либерально-реакционных откликов на войну Севера и Юга, которые были связаны с прославлением крестьянской реформы в России.

Отношение редакции к освобождению невольников, к борьбе Севера против Юга определяло и оценку в «Заграничном вестнике» предводителя северян, президента Соединенных Штатов Линкольна. В «Европейской жизни» (1865, вып. 2) с удовлетворением сообщалось о вторичном избрании Линкольна на пост президента. Похвалы Линкольну тесно связывались с его политикой, направленной против рабства, против Юга, который для «защиты своих материальных интересов, своего эгоизма <...>

поднял руку на отечество» (стр. 390). По мнению обозревателя, «события в Америке имеют значение не только местное, но общечеловеческое» (стр. 392). Такая оценка как бы перекликалась с точкой зрения Чернышевского, только что высказанной в романе «Что делать?». С гневом и скорбью говорится в журнале об убийстве Линкольна, павшего жертвой сторонников рабства. Обзор «Европейской жизни» (1865, вып. 5) почти целиком посвящен памяти американского президента. Линкольн, по мнению обозревателя, — «защитник права и единства своей родины, освободитель целой расы» (стр. 306), он посвятил всю свою жизнь освобождению негров и этим заслужил «венец бессмертия, перед которым бледнеют все лавры счастливых полководцев и гениальных администраторов» (стр. 314), его смерть произвела «страшное потрясающее впечатление» (стр. 307), его облик «будет вечно стоять во всем своем величии и чистоте» (стр. 308) перед глазами потомков. Обозреватель обещает в дальнейшем дать подробный очерк деятельности Линкольна, рассказать об его смерти и похоронах. Это обещание он выполняет в следующем выпуске. Здесь, между прочим, возникает, в связи с оценкой деятельности убитого, вопрос о демократических учреждениях, при которых «величие граждан никогда не может принести вреда или нарушить счастье нации» и самые великие из людей остаются лишь «слугами закона» (стр. 482, 483), об общественном устройстве, породившем Линкольна, «подчиняющем людей учреждениям» (стр. 482). О смерти Линкольна говорится и в статье «Из истории Америки», напечатанной в том же, 6-м выпуске. Редакция мимоходом здесь отмечает, что жертвой борьбы против рабства «недавно пал один из благороднейших наших современников под ударами безумного убийцы» (стр. 380). С горячей похвалой упоминается о Линкольне и в вып. 12 «Европейской жизни» (1865); при этом попытки отдельных европейских журналистов сблизить имена только что умершего либерального короля Бельгии Леопольда 1-го и Линкольна кажутся обозревателю неоправданными и порочными, неизмеримо умаляющими значение последнего.

Противопоставление демократических порядков крайней централизации, административному насилию, самодержавному произволу звучало и в материалах «Заграничного вестника», посвященных жизни Англии. Так, в статье Лабуле «Америка и Франция» (см. стр. 48) об Англии упоминалось весьма сочувственно, ее устройство, как и американское, противопоставлялось деспотическому правлению Наполеона III. Такого же рода положительные высказывания об Англии встречаются в статьях «Очерки Англии» (1864, вып. 1, 3, 9), «Тэн и Англия» (1864, вып. 8, 9) и др. Однако, отношение редакции к английскому общественному устройству гораздо сдержаннее, чем к американскому. Так,

приводя неумеренные похвалы Тэна английским порядкам, редакция замечает: «мы далеко не согласны с похвальным тоном многого, что сказано в этом параграфе»; по ее мнению, «английское общество представляет тяжелые несовершенства, перед которыми его хвалители ненамеренно или намеренно закрывают глаза» (вып. 9, стр. 432). В примечании говорится о бесспорных достоинствах этого общества, в особенности при сравнении его с устройством большинства европейских государств (в первую очередь здесь подразумеваются государства с монархическим образом правления, лишенные всяких демократических свобод, в том числе Россия — П. Р.); но здесь же отмечается господство в нем посредственности, отсутствие условий для подлинного развития человеческой личности. В «Европейской жизни» вып. 8 (1865), рассказывая о выборах в парламент Англии, о победе либералов, автор замечает, что они «служат делу консерватизма лучше самих консерваторов» и «только либеральными фразами скрывают свой антилиберализм, который ясно проявляется в постоянном сопротивлении всякой мысли о реформе» (стр. 317). Но особенно отчетливо отрицательное отношение к буржуазной Англии проявилось в статьях и заметках, посвященных колониальному вопросу, который неоднократно затрагивался на страницах «Заграничного вестника». Так, в вып. 4—5 (1865) опубликована большая статья «Процесс Уаррена Гастингса». Гастингс — один из крупных колониальных чиновников, правивших Индией во второй половине XVIII в., ост-индский генерал-губернатор, много сделавший для укрепления британской империи. В конце века он был отставлен, предан суду, процесс его тянулся с перерывами около 30 лет (1786—1813), во время суда выяснилось множество жестокостей, беззаконий, злоупотреблений, совершаемых колонизаторами в Индии. Автор довольно подробно говорит об этих злоупотреблениях и беззакониях. И в то же время он решительно протестует против объяснения их личными качествами ост-индского губернатора, как делали это во время процесса противники Гастингса. В статье отчетливо ощущается мысль, столь близкая русским революционным демократам, что дело не в отдельных носителях беззакония, а в системе общественных отношений, которые определяют всю деятельность Гастингса, все его злодеяния. Ни одному английскому политику, по словам автора, не пришло на ум отказаться от добытых Гастингсом земель и богатств, но многие считали «благочестивою обязанностью» осуждать способ его действий. В статье разоблачается лицемерие директоров ост-индской компании: «Правда, они никогда не советовали насилия или явного угнетения и не одобряли их. Напротив, в своих предписаниях они постоянно выражали превосходные, человеколюбивые основные идеи <...> Но каждое из них оканчивалось настоятельным требованием: «Управляй кротко, но присылай более денег», «Будь отцом бед-

ного народа, но добывая более денег» (вып. 4, стр. 51). В такого рода приказах заключалось непреодолимое противоречие, и Гастинг прекрасно понимал, что «из двух предписаний директоров: будь кроток и справедлив и добывай деньги, только одно могло быть приведено в исполнение, и он нисколько не затруднялся в выборе», решив, что и для директоров, и для него лично будет лучше, «если он примет их проповеди к сведению и будет добывать деньги» (стр. 51).

В журнале, правда, звучали иногда и примирительные ноты в отношении к колониальной политике. В этом, возможно, сказалось упрощенное понимание дарвиновской теории естественного отбора, перенесение на человеческое общество законов борьбы за существование. Такого рода взгляды проявлялись и в «Русском слове». Вспомним, что, например, в рецензии В. Зайцева на книгу Катрфажа «Единство рода человеческого» («Русское слово», 1864, № 8) прямо говорилось о превосходстве белой расы, закономерности ее господства над цветными племенами, неизбежности невольничества и т. п. До таких крайностей редакция «Заграничного вестника» не доходила, но все же в журнале иногда появлялись статьи, в которых ощущается довольно примирительное отношение к колонизации. Так, в статье «Австралия» (1865, вып. 7) деятельность колонистов рассматривается как «борьба просвещения против варварства и человеческой отваги против природы» (стр. 119). Довольно сочувственно говорится о колонизации Новой Зеландии в статье «Исторические мелочи» (1865, вып. 3). Но и в той и в другой статье сообщается о жестокостях английских колонизаторов, о том, что они ведут себя так, «будто пришли заселять страну, обитаемую только дикими зверями», что «истребление туземцев было принято за правило и цель» (вып. 7, стр. 123). Анализируя отношения, сложившиеся в Австралии между туземным населением и колонистами, автор приходит к выводу: «не подлежит сомнению, что истребление туземного племени производится с необычайною скоростью» (стр. 124); он с горечью восклицает: «Не постыдно ли было, что люди, явившиеся сеятелями просвещения, имели жестокость осудить на смерть целое население» (стр. 123). Такого же рода мысли встречаются и в статье о колонизации Новой Зеландии.

Осенью 1865 г. в английской колонии Ямайка произошло восстание негров. «Заграничный вестник» упоминал о нем в «Европейской жизни» вып. 12 за тот же год, осуждая всю систему английской колониальной политики. В вып. 3 (1866) напечатана статья «Восстание негров в Ямайке». В ней с негодованием рассказывалось о действиях Англии в этой колонии, о жестокостях и произволе, вызвавших восстание, о зверской расправе над восставшими. По словам редакции, события в Ямайке потрясли и возмутили лучших людей Европы, Англии.

С сочувствием сообщается в «Заграничном вестнике» и об

ирландском национально-освободительном движении, о деле фениев, борцов за свободу Ирландии. О них упоминается, с обещанием в дальнейшем поговорить о них подробнее, в «Европейской жизни» вып. 11 (1865). В вып. 12 за тот же год это обещание выполняется. По мнению обозревателя, события в Ирландии (как и в Индии, на Ямайке) свидетельствуют о кризисе английской колониальной системы, «громко изобличают во лжи официальную похвальбу, которую она (Англия — П. Р.) думает отвести глаза целому миру» (стр. 600).

Симпатии к освободительной борьбе против угнетения, рабства, деспотизма определяли и отношение «Заграничного вестника» к событиям в Италии. В вып. 6 и 8 (1865) опубликованы статьи, объединенные общим названием «Из новейшей истории Италии». Первая из них представляет собой перевод статьи Монизэ «Братья Бандьера», вторая, написанная одним из сподвижников Гарибальди, имеющая подзаголовок «Из рассказов очевидца об экспедициях Гарибальди», сообщает о ряде эпизодов национально-освободительной борьбы конца 1850-х — начала 1860-х гг. Монизэ знакомит читателей с подвигом братьев Бандьера, патриотов «Молодой Италии», друзей и сподвижников Маццини, попытавшихся поднять восстание и казненных в 1844 г. Они совершили свою вылазку без особых шансов на успех, но смерть их, по мнению автора, не бесполезна, она всколыхнула народные массы, усилила ненависть к поработителям, и позднее, в 1848 г., вся Калабрия встала под знамена Гарибальди: «Таким образом, кровь братьев Бандьера и их товарищей-воинов была пролита не напрасно; их высокое безумие было, быть может, высшей мудростью, а казнь — смертельным ударом, нанесенным их палачам!» (стр. 379). В обстановке, создавшейся к середине 1860-х гг. в России, в период все усиливавшейся реакции, расправ царского правительства над революционерами, этот рассказ о героях итальянского освобождения, отдавших свою жизнь за свободу, без надежды на близкий успех, эта восторженная похвала «безумству храбрых», самым непосредственным образом перекликались с вопросами, стоявшими перед русскими борцами за свободу. Надо отметить, что проблема жертвенной гибели начинает в это время все отчетливее звучать в передовой русской литературе. Ее затрагивает еще Чернышевский в своих воспоминаниях о Добролюбове. Она отчетливо звучит в переводе В. Курочкина «Безумцы», в стихотворении Некрасова «Памяти Добролюбова». Не случайно с началом наступления реакции все большее значение приобретает вопрос об этическом облике новых людей. В этой обстановке революционный демократизм из области мировоззрения, системы взглядов переходит в область революционного подвига, когда оказывается недостаточным иметь какие-то определенные мнения и становится необходимым пожертвовать за них свободой, жизнью, собственной

кровью. В таких условиях рассказ о «высоком безумии» братьев Бандьера, которое одновременно являлось и «высшей мудростью», был особенно злободневен. Любопытно, что в деле Лаврова хранится рукопись статьи «Строй идей, среди которых развивался Иисус», переведенной из книги Э. Ренана, предназначавшейся для «Заграничного вестника» и обратившей на себя внимание во время следствия. В ней имеются строки: «Оппозиция всегда делает честь стране. Самые великие люди наций те, которых она приговаривает к смерти» (№ 70, л. 365 об.). Эти строки ясно свидетельствуют об отношении редакции к революционным борцам, к их жертвенной гибели и служат в какой-то степени откликом на расправу царизма с русскими революционерами, с Чернышевским.

Вторая статья «Из рассказов очевидца» с глубокой симпатией рисовала облик Гарибальди и его сподвижников. В ней говорилось о деятельности Гарибальди после взятия Палермо, о неудачной высадке его под Аспромонте, подчеркивалось восторженное отношение населения к Гарибальди, его простота и демократичность.

Тема итальянского национально-освободительного движения затрагивалась и в сообщении об юбилее Данте («Европ. жизнь», 1865, вып. 6). По мнению обозревателя эти два факта тесно связаны друг с другом: «Празднество в честь Данте есть, с тем вместе, празднество в честь новой Италии» (стр. 486). В журнале цитируется письмо В. Гюго, выражающее подобную мысль, в котором Данте ставится в ряд борцов за свободу Италии. Среди произведений художественной литературы, опубликованных в «Заграничном вестнике», напечатана новелла «Потерянный ботинок» Ф. Онгаро, одного из участников гарибальдийских походов (1864, вып. 4).

Мотивы национально-освободительной борьбы сливаются в «Заграничном вестнике» с вопросами борьбы политической, социальной, с темой революции, революционного отрицания. Даже в естественно-научных статьях пропаганда отрицания, критики, как способа познания истины, нередко выходит за рамки чисто научных проблем. Так, в статье «Труды Пастера» (см. статью 1-ую стр. 143) осуждались взгляды тех, кто обвиняет критику, считая, что она «все разрушая, ничего не создает, уничтожая старые верования человека, не дает ему новых» (1865, вып. 9, стр. 392). По мнению автора, «тот, кто уничтожает ложную систему, на столько же достоин уважения, как тот, кто создает хорошую новую теорию. В науке утверждение и отрицание обыкновенно бывают неразлучными спутниками» (стр. 393). Эти рассуждения, по всей видимости редакционные, непосредственно относились к вопросам научного исследования, должны были подтверждаться рассказом о деятельности Пастера. Но вряд ли

в них не вкладывался более широкий смысл, вряд ли не имелись в виду те нападки на революционное отрицание, «мальчишек», «нигилистов», которые столь часто встречались в то время в русской реакционной печати.

С вопросами революционного отрицания связана в «Заграничном вестнике» и тема французской революции 1789 г. О ней говорится неоднократно, то мельком, попутно, в редакционных примечаниях к статьям, посвященным иным проблемам, то довольно подробно. Так, в примечании к статье Э. Ренана «Высшее преподавание во Франции» (1864, вып. 4) редакция не соглашается с автором, который утверждал, что до революции распределение общества по классам было проще, чем после нее, и это представляло известные преимущества для развития образования: «Распределение сословий во Франции, — замечает редакция, — до 1789 г. представляло такую массу несправедливости, что удобство, доставляемое несколькими ученым личностям (и то чрезвычайно сомнительное, при многочисленных стеснениях мысли и круга деятельности), вовсе не может быть взято в соображение как что-либо *лучшее* в каком бы то ни было отношении» (стр. 189). Резко осуждается в примечаниях и отрицательная оценка Ренаном Вольтера (стр. 173). Подобное же отношение к революции выражено в статье «Общественная жизнь в Париже до террора и после него» (по Коллофу). В ней разбираются исследования братьев Гонкуров по истории французского общества периода революции. Редакцию привлекало обилие материалов, собранных в книге, воссоздающих картину жизни парижского общества, но пристрастное отношение Гонкуров к событиям, осуждение революции, восхваление Бурбонов не вызывало ни малейшего сочувствия. В статье с иронией рассказывается, что во Франции образовалось своего рода «литературное рыцарство», к которому принадлежат и Гонкуры: на каждой странице их сочинений «сквозит явное предпочтение старинному порядку и отвращение от нового революционного быта» (стр. 79). Такую оценку революционных событий редакция связывает с современным положением авторов, с их отношением к наполеоновскому режиму. Она считает, что для тех, кто «наслаждаются порядком и удовольствиями нынешней второй империи и находят ее <...> вполне удовлетворяющей потребности человека и гражданина, революция была, действительно, безобразною эпохой» (стр. 79).

Во многих статьях рассказывается в весьма положительных тонах о ряде революционных деятелей. Так, в вып. 3 (1864) напечатана статья М. Минье «Лакналь». Она представляет собой похвальное слово Лакналю, прочитанное Минье на заседании парижской академии. Редакция далеко не целиком согласна с Минье, она отмечает, что привычка его произносить напыщенные официально-академические речи сказалась и в выступлении о

Лакнале. Но сам образ Лакналя, человека, который до конца «был верен республиканским убеждениям» (стр. 384), деятеля Конвента, разделявшего «мнения самих крайних республиканцев» (стр. 386), вызывает горячее сочувствие редакции. В статье подчеркивается, что Лакналь — участник «насильственных мер, способствовавших торжеству революции» (стр. 385). Автор считает заслугой Лакналя верность его республиканским принципам, весьма сдержанное отношение к Бонапарту, его убеждение, что «непростительно <...> политическими принципами революции жертвовать для гражданских целей, и судьбу великой нации вверять гибельному произволу одного, хотя бы великого человека» (стр. 396). Минье подчеркивает, правда, относительную умеренность Лакналя, противопоставляет его «ужасам» революции, левым революционным деятелям (Дантону, Робеспьеру). Но само обращение к образу комиссара Конвента, убежденного республиканца, противника монархии, крайне положительная обрисовка этого образа имели вполне определенный смысл. Рассказ же об отношении Лакналя к Наполеону I проектировался на современность, на Наполеона III во Франции, в частности, на всякого носителя самодержавной власти, в общем. И не умеренность Лакналя, а именно его республиканские убеждения, верность революционным идеям, враждебность монархии привлекали к нему симпатии редакции «Заграничного вестника».

Весьма недвусмысленно высказывает редакция свое отношение к революционной якобинской диктатуре и в статье «Г-жа Роллан» (по Шарлю Мазаду). Г-жа Роллан — одна из деятельниц французской революции, сторонница жирондистов, была казнена в 1793 г. якобинцами. В 1864 г. в Париже опубликованы ее мемуары, вызвавшие ряд откликов и в русской периодической печати. Так, в № 7 «Русского слова» за 1864 г. о них напечатана статья П. Вейнберга, в которой Роллан называется «замечательной женщиной» (стр. 163) и обрисовывается с большой симпатией. В статье указывается, что жирондисты были неправы, думая, что можно остановить колесо истории. Но Вейнберг (возможно, из цензурных соображений) не дает резкой критики жирондистов и не показывает прямо правоты их противников, якобинцев. К мемуарам Роллан обращается и редакция «Заграничного вестника», публикуя в вып. 3 за 1865 г. вышеназванную статью. В ней крайне положительно говорится о личных качествах Роллан, о том, что она — талантливая и умная дочь народа, подлинная представительница 3-го сословия, ненавидящая старый порядок и с нетерпением ожидавшая революции. Уже само это прославление одной из деятельниц революции, хотя и принадлежащей к лагерю жирондистов, имело прогрессивный смысл, так как в Роллан положительно оценивается не ее жирондистская ограниченность, а связь с революцией, отрицание

сословно-монархического строя. Именно эти ее черты привлекли внимание и редакции «Русского слова». Мемуары Роллан давали возможность еще раз затронуть тему французской революции и выразить свое отношение к революционным событиям. Редакция подчеркивает закономерность революции, ее прогрессивную роль, необходимость уничтожения ею старого общественного порядка. Революция рассматривается как «борьба принципов, из которых должно возникнуть обновление человечества», она и теперь «не теряет вдохновляющей силы» (стр. 463). В статье говорится о жертвах революции, о том, что она — страшный кризис, трагедия, но благодаря этой трагедии произошло рождение «нового порядка вещей, купленного ценою катастрофы» (стр. 463). Трагическая сторона революции, по мнению редакции, отнюдь не изменяет прогрессивного характера революционных событий, не делает революцию менее неизбежной, великой, необходимой.

В статье рассматриваются действия различных партий во время революции. Весьма иронически говорится в ней о сторонниках конституции, которые не шли далее ограничения королевской власти: они называются «группой бессильных людей» (стр. 483). Но особенно подробно освещаются отношения между жирондистами и монтаньярами, причем все симпатии редакции оказываются на стороне последних: жирондисты хотели правительства, в котором «господствовало сословие достаточных граждан» (стр. 483); «это была блестящая партия, но неспособная действовать» (стр. 486), «Они уничтожили все средства спасения Франции, когда возмутились против Парижа <...> Они на каждом шагу должны были бороться с последствиями того, что сделали сами. Остановившись на полудороге, они сами осуждали свое прошлое и ставили на карту те начала, за которые бились <...> Ежеминутная, страшная борьба не позволяла полумер» (стр. 486); поэтому столкновение между жирондистами и более последовательными монтаньярами оказалось неизбежным, оно «должно было кончиться на эшафоте» (стр. 486), «по необходимости переходит в террор, в энергичную диктатуру монтаньяров» (стр. 483). И, говоря о личных достоинствах г-жи Ролан, об ее уме, смелости, искренности, редакция в то же время показывает ограниченность ее политической позиции: «В этой борьбе г-жа Ролан была не дальновидна, но искренна <...> она думала, что торжество достаточных классов над аристократией есть конечное благополучие человечества» (стр. 488).

Вопрос о соотношении свободы и насилия в революции, о неизбежности и правомерности якобинской диктатуры ставится также в статье «Арман Каррель» (по Ланфрэ), опубликованной в вып. 10—11 за 1865 г. Каррель — историк и публицист, противник реставрации Бурбонов, участник революционных событий

1830-х гг., постепенно разочаровавшийся в июльской монархии и перешедший в лагерь республиканцев. Он был противником революционной диктатуры, считая, что она ограничивает свободу, «допускал возможность мирного решения вопроса, не желал кровавых столкновений» (вып. 11, стр. 266). В статье говорится о нем с большой симпатией, отмечается его честность, человечность, верность возвышенным идеалам. Но в то же время подчеркивается его утопизм, непонимание своеобразия эпохи, неизбежности жестокой, неумолимой борьбы. Он, по мнению редакции, не мог отрешиться от политического взгляда на историю: «Для лиц этого направления достаточно незначительных уступок со стороны власти, чтобы они были удовлетворены» (стр. 266). Каррелю противопоставляются его союзники, различные группы демократической партии. Одни из них ориентировались на «Общественный договор» и идеи Робеспьера, идеалом их была эпоха Конвента, время революционной диктатуры, они ненавидели существующий порядок и не верили в возможность уступок, хотя и стояли «на почве политических требований», не вдаваясь «в вопросы экономических и общественных реформ» (стр. 270—271). Другие «совершенно отрицали значение политических реформ, требовали преобразований более глубоких, под наружностью государственного строя проникали до вопросов общественных, экономических, смело вносили свою критику в самые основы всего тысячелетиями установившегося порядка вещей, в устройстве семейства и собственности» (стр. 270). К таким людям редакция относит сенсимонистов, фурийеристов, сторонников Бабефа, Буонаротти. Последний «сознавал более ясно, что экономическая реформа, касавшаяся самых основ общества, не может ожидать добровольных уступок от существующего порядка вещей <...>, а потому лишь в явной, неумолимой, кровавой борьбе можно надеяться на осуществление надежд его единомышленников» (стр. 270). По мнению редакции, Каррель, отрицая *всякую* диктатуру, был и прав, и не прав, он «рисовал истинный идеал общественных отношений, но отношений в среде спокойного общества, где одна партия, положив оружие, не должна опасаться на завтра за свое существование» (стр. 285); демократы же, разделяя в конечном итоге идеалы Карреля, считая террор явлением временным, понимали, что от него можно отказаться лишь тогда, когда новое общество укрепитя и будет гарантирована невозможность возвращения к старым порядкам: «Но, пока, они сознавали необходимость борьбы; решившись на нее, выбирали действительнейшее орудие и смотрели на проповедь Карреля, как на дело весьма хорошее *после битвы*, но теперь неуместное и несвоевременное» (стр. 283). Такая же ситуация, по утверждению автора статьи, сложилась и в прошлом, во времена Конвента; монтаньяры вовсе не являлись сторонниками террора ради тер-

рора, но они понимали, что идет смертельная борьба, что их — меньшинство, что их противники беспощадны, а масса не понимает своих интересов, воспитана в духе старых идей; нужно было захватить власть и любой ценой продержаться, выиграть время пока подрастет новое поколение защитников нового порядка, когда всякие попытки реставрации прошлого окажутся безрезультатными, «надо было бороться *всеми средствами*, чтобы обеспечить это одно условие (выиграть время — П. Р.); и континент, во имя свободы, облекся в самую строгую диктатуру военачальника, не щадил ни своих, ни чужих, зная, что не пощадят и его; но ему времени не хватило, и реакция восторжествовала ранее, чем первая французская республика дала свое новое поколение (стр. 271—272). Статья проникнута горячим сочувствием и к якобинцам, и к радикальным деятелям 1830-х гг., которые понимали неизбежность ожесточенной, кровавой борьбы для завоевания свободы. В то же время в ней подчеркивалась мысль, что диктатура — не цель, а средство, что она временна и должна исчезнуть после того, как вырастет новое, свободное поколение и обеспечит прочность победившего строя; она — часто необходимое условие успешной борьбы за свободу, но конечной целью, о которой нельзя забывать, является именно свобода.

В статье Бамбергера «О симпатиях к Франции на берегах Рейна» (1865, вып. 12) принцип национальной независимости связывался неразрывно с принципом «народной автономии, народной свободы» (стр. 494). Автор утверждал, что симпатии к Франции в конце XVIII века, после 1793 г., связаны с влиянием идей революции, свободы, направленных против деспотизма немецких властей.

Большое внимание редакция «Заграничного вестника» уделяла вопросу об экономическом положении работников, о господстве над ними власти капитала, о необходимости обращать основное внимание на экономическую, а не политическую сторону вопроса. Интерес к экономическим проблемам, как проблемам определяющим, ощущается в ряде статей, опубликованных в «Заграничном вестнике». Он непосредственно перекликается с утверждением в «Современнике» и в «Русском слове» первостепенности экономики. Так, в обзоре новых книг, рецензируя книгу Кине «Революция», автор упрекает его, что он ставит в заслугу вождям революции то, что было на самом деле их слабостью: они мало обращали внимания на увеличение «материального благосостояния всей массы народа» (1866, вып. 1, стр. 188). По мнению обозревателя, Кине не может понять, что между «Ненасытной жаждой наслаждений», которую, по его словам, искусно поддерживали в народе демагоги древности, и «естественным стремлением улучшить свое материальное положение, когда оно из рук вон плохо, целая бездна» (стр. 188).

В обзоре «Европейская жизнь» (1864, вып. 5) говорится о важности для историка вопросов «технологии», «так как с каждым годом делается более ясным, что лишь экономические вопросы составляют основу исторических переворотов и лишь технические улучшения составляют, особенно в древности, эпохи в истории развития масс» (стр. 406). Под «технологией» обозреватель, по всей видимости, подразумевает развитие производительных сил. Но экономические вопросы интересуют редакцию «Заграничного вестника» не только с точки зрения развития производства. Она обращает внимание и на вопросы распределения, производственных отношений, видя в них основу всякой национальной, политической, религиозной и т. п. борьбы. Так, в вступлении к статье Л. Рюдигера «Национальность» (1864, вып. 6) редакция замечает: «Экономические вопросы всегда составляли самую существенную основу исторических столкновений: господин и раб, помещик и крепостной, собственник и пролетарий, капиталист и поденщик — все это были различные формы проявления того же самого экономического дуализма, который возбуждал продолжительную борьбу» (стр. 413). Оценивая революционные события в Европе конца XVIII—XIX века, положительно относясь к ним, редакция понимает, что вовсе не все участники революции могли воспользоваться реально ее победой, что в ней соединились «под общим знаменем борьбы за политические права и меньшинство, которое могло получить их, и огромное большинство, которое не было в состоянии ими воспользоваться» (стр. 413). Редакция не согласна с утверждением Рюдигера, что в настоящее время противоречия между различными слоями населения одной страны сглаживаются, так как образование сближает людей, делает их более похожими друг на друга. «К сожалению, — замечает она, — это гораздо более желательно, чем осуществимо. Напротив, разница между миросозерцанием развитого весьма небольшого меньшинства и миросозерцанием огромного большинства людей — никогда не была так громадна, как в наше время» (стр. 416).

С точки зрения критики современных экономических отношений редакция «Заграничного вестника» оценивает и деятельность Прудона. В «Европейской жизни» вып. 2 (1865) сообщается о смерти Прудона. Он называется «одним из замечательнейших мыслителей Европы» (стр. 373). Обозреватель с похвалой говорит о статье, посвященной памяти Прудона, опубликованной в «С.-Петербургских ведомостях», он приводит подробные выдержки из статьи, солидаризуясь с точкой зрения ее автора. Тот видит главный смысл деятельности Прудона «в критике современного состояния европейского общества и средств, предлагаемых в видах улучшения этого положения» (стр. 377). Эта критика неразрывно связана с верой в лучшее будущее устройство общества: «если он (Прудон — П. Р.) отрицает современ-

ную экономическую неурядицу, то только во имя лучшего разумнейшего устройства экономических отношений, которого он хотя и не обнимает во всей его полноте, но в победу которого он тем не менее верует со всей горячностью фанатика» (стр. 377). Именно эта страстная ненависть Прудона к современному экономическому устройству, его горячая вера в будущее справедливое общество определяет положительное отношение к нему «Заграничного вестника». В то же время редакция, вслед за автором «С.-Петербургских ведомостей», вовсе не фетишизирует утверждений Прудона, понимая ошибочность многих его положений. В статье утверждается, что предлагаемая Прудоном система отнюдь не исправила бы общественного зла, не уничтожила бы борьбы между производителями, промышленной анархии (стр. 379). Прудон критикуется за то, что он с ожесточением отвергает всякое «слитие однородных интересов, сотоварищество известного числа производителей для дружного производства и экономического потребления» (стр. 379). Таким образом системе Прудона противопоставляется принцип ассоциаций производителей. В статье утверждается, что предложения Прудона не столь уж радикальны, как может показаться на первый взгляд, что лишь резкость их выражения вызвала такой испуг буржуазных читателей, «реакцию гораздо большую, чем радикальнейшие идеи Луи Блана и прочих общественных деятелей его времени» (стр. 380).

К вопросу об ассоциациях редакция возвращается и в вып. 4 того же года. В обзоре «Из человеческой культуры» рассказывается о жарких спорах, ведущихся между противниками и сторонниками рабочих ассоциаций. Видно, что сам принцип объединения производителей близок редакции и вызывает сочувствие. В то же время в статье говорится о тех, которые стремятся заключить ассоциацию в рамки, противоречащие самой ее сущности, чтобы избежать последствий, из нее вытекающих. Сторонники подобных взглядов образуют целые школы, примером которых может служить деятельность Шульце-Делича и его последователей. Применение теории этой школы, по мнению обозревателя, может оказать влияние на жизнь «отдельных личностей», из рабочих, но не изменит положение массы; оно сравнивается с благотворительностью, которая может спасти отдельного человека от голода, смерти, но не является никак решением вопроса о нищете (стр. 133). С точки зрения редакции «Заграничного вестника», рабочие должны ожидать улучшения своей участи не от взаимного кредита, который проповедовал Шульце-Делич, не от финансовой помощи буржуазии, а от перестройки общества; их «благосостояние обуславливается общественным устройством, следовательно, его изменение должно стоять на первом месте при изучении рабочего вопроса». Изменение общества журнал связывает с развитием «тех новых форм организации

труда, которые вырабатываются практикою жизни и составляют существеннейший вопрос современных экономических теорий» (стр. 135). В журнале весьма положительно говорится о Луи Блане, об его проекте национальных мастерских для рабочих (1866, вып. 1, «Из разных стран»). Редакция неоднократно использует его «Письма из Англии» для составления обзора «Европейская жизнь». В вып. 1 (1866) с сочувствием приводятся доводы Ф. Лассалья в пользу национальных мастерских Л. Блана. О Лассале упоминается и в «Европейской жизни» вып. 9 (1864). Сообщая о смерти его и Анфантена, обозреватель называет их личностями «весьма замечательными» (стр. 593). В вып. 1 (1864) напечатана публикация — «Генрих Гейне и Фердинанд Лассаль», в которой приводится письмо поэта, с похвалой отзывающегося о молодом Лассале. В вып. 1 (1866), говоря о Луи Блане и Лассале, редакция обещает в ближайшее время напечатать большую статью о рабочих ассоциациях в Европе. Это обещание ей выполнить не удалось. Итак, интерес к идеям утопического и научного социализма довольно отчетливо ощущался на страницах «Заграничного вестника».

Среди статей, посвященных вопросам экономики, следует выделить те, в которых говорилось о земельных отношениях, ренте, правах на земельную собственность и т. п. Так, в вып. 8 (1865) были напечатаны сразу две такого рода статьи. Одна из них, «Экономический вопрос в Греции», основываясь на материалах греческих газет и рассказывала о тяжелом положении народа. Революция не изменила этого положения. В статье подробно говорилось о податях, которые вынуждены платить крестьяне, о высоком поземельном налоге, о десятине, собираемой правительством при помощи откупщиков. Автор осуждает проекты, предлагаемые для изменения существующего положения, так как все они исходят из интересов правительства, а нужно учитывать интересы крестьян, применяя меры, способные «улучшить нравственное и материальное положение земледельческого класса» (стр. 308). Такого рода реформы, по мнению автора, не выгодны и государству, так как народное благосостояние — залог укрепления государства; если и теперь «без больших трудностей успевают награть достаточно для quasi-государственных нужд с бедного и редкого населения» (стр. 308), то при благоденствии народа тем более легко будет найти средства и для нужд государства. Подобные рассуждения косвенно относились и к России. Сама собой напрашивалась аналогия между положением греческих крестьян после революции и русских — после реформы. Читатели подводились к выводу, что не формальные изменения, а лишь экономическая сущность, материальное благосостояние или нищета народа определяют оценку того или иного государственного устройства.

Еще более непосредственно перекликалась с явлениями рус-

ской действительности статья «Поземельная собственность в Англии и ее права», опубликованная в том же выпуске. В ней ставился вопрос о производственных отношениях в современном европейском обществе, о пагубности существующего общественного устройства, о крайней неравномерности распределения богатств. Статья отмечала «недостатки нашего экономического устройства отношений между различными классами общества и бедствия, падающие вследствие того на огромное большинство населения цивилизованного мира» (стр. 162). Эти недостатки, по мнению автора, столь велики и кричащи, что можно оправдать *любое* (подчеркнуто мною — П. Р.) средство, ведущее к их устранению (стр. 162). Автор полемизирует с теми, кто пытается доказать неизбежность нищеты и страданий народа. В статье подвергается сомнению сам принцип частной собственности и очень сочувственно говорится о различных учениях, отвергающих этот принцип: «С большими или меньшими видоизменениями, отсутствие личной собственности составляет основную идею во всех коммунистических учениях, которые за последние пятьдесят лет проповедовались Сен-Симом, Оуэном, Фурье и их подражателями. Не следует упускать из виду, что учения эти еще ни разу не подвергались испытанию, которое беспристрастный наблюдатель мог бы счесть окончательно решающим вопрос» (стр. 163). Под «личной собственностью» автор понимает, как видно из текста, именно частную собственность. Утверждая, что учения социалистов-утопистов ни разу не испытывались на практике, он имеет в виду то, что нет никаких оснований считать их несостоятельными, отвергать их. Рассматривая историческое изменение взглядов на собственность, автор считает, что постепенно все более сужается круг явлений, на которые признается право собственности. Из него постепенно исключаются дети, жена, рабы и т. п. В статье отмечается, что существование рабства — яркий пример того, «каким образом возникает противозаконное право собственности» (стр. 164). И на основании всех этих рассуждений делается вывод, что частная собственность землевладельцев на землю столь же неестественна и противозаконна, как рабство: «Между историей воззрения на обладание человека другим человеком и между историей воззрения на поземельную собственность существует весьма много аналогий» (стр. 164); поэтому следовало бы отменить ее, взять землю в руки государства и предоставить ее в пожизненное, но не наследственное, владение тем, кто ее обрабатывает, удовлетворив тем «право каждого отдельного члена общества на участие в пользовании общим наследием» (стр. 177); «допущение всего народа к пользованию землею представляет единственный удовлетворительный выход из затруднений» (стр. 177—178). Автор понимает, что в современных условиях Англии подобные предложения вряд ли могут рассчи-

тивать на близкое осуществление; в качестве компромиссной меры он предлагает резко увеличить налоги на землевладельцев. Но, в принципе, единственным радикальным выходом он считает национализацию земли и передачу ее в пользование всего народа. Совершенно очевидно, что подобная точка зрения проектировалась редакцией «Заграничного вестника» на земельные отношения пореформенной России, показывала всю несостоятельность их, намечала пути подлинного решения крестьянского вопроса.

О противоречиях общественного устройства, о необходимости существенных изменений экономических отношений, в частности поземельной собственности, говорится и в статье Поля Буато «Сочинение женщины о теории налогов» (1864, вып. 3). Речь в ней идет о книге Клеманс Ройе, переводчице Дарвина, авторе романа «Близнецы Элласа», о котором неоднократно упоминалось в «Заграничном вестнике» (см. ниже). Ройе выступает сторонницей пропорционального и прогрессивного налога, учитывающего имущественное состояние граждан. Она считает, что основная тяжесть налога должна падать на богатых. Ройе предлагает налог на движимое имущество, высказывая попутно свои республиканские идеи, симпатии к французской революции: «Подобный налог был бы спасительным средством, которое бы позволило французской революции избежать страданий финансового кризиса и гибели <...> Но реакционная партия, состоявшая наполовину из аристократов, наполовину из буржуа, желавшая гибели республики, не допустила этого налога и, может быть, помешала таким образом окончательному ее водворению во Франции» (стр. 504). Ройе осуждает людей, «возводящих право собственности к какому-то невидимому миру», опирающих его «на какое-то откровение», которые собственность государства готовы признать «доктриной вмешательства и социализма» (стр. 504).

Большое внимание уделялось в «Заграничном вестнике» и женскому вопросу. Как известно, Лавров был горячим сторонником женского равноправия, одним из организаторов и вдохновителей общества женского труда, которое пытались в 1860-х гг. основать в Петербурге. Участие в организации этого общества инкриминировалось Лаврову во время следствия. Естественно, что вопрос о положении женщин не мог не отразиться на страницах «Заграничного вестника». Затрагивался он и в статье о книге Ройе. В предисловии редакции к статье Буато отмечалось, что эта книга еще раз подтвердила истину, «которую история доказала уже столько раз, но против которой еще все протестуют близорукие умы, именно, что женщине, при надлежащем развитии, доступны научные сферы в той же мере, как мужчине» (стр. 497). А раз это так — утверждала редакция — отчего не дать женщинам «всех средств развития и увеличить в

своем развитии капитал знаний и благ всего человечества? Зачем не дать обществу *во всех его сферах* возможность — *только возможность* — воспользоваться трудом женщины?» (стр. 497). Попутно в предисловии упоминалось о проекте создания в Петербурге «Общества женского труда» и выражалась горячая поддержка этому начинанию: «Искренне желаем еще неродившемуся обществу, да встретит его проект в русском обществе не голословное сочувствие, но постоянное содействие, которое так редко для полезных начинаний; да примется оно решительно за свое дело <...> Много, много ему дела!» (стр. 497—498).

Основным условием подлинного равноправия женщины «Заграничный вестник», как и другие демократические издания 1860-х гг., считает изменение ее экономического положения, участие в производительном труде, материальную независимость. Но и другие аспекты женского вопроса находят свое отражение на страницах журнала. В вып. 4—5 (1865) опубликована статья «Любовь и брак» (по Раденгаузену). Автор ее, несколько вульгаризируя проблему отношений между мужчиной и женщиной, решая эту проблему главным образом лишь в биологическом плане, подверг резкой критике существующее общественное устройство. Он говорит о нерасторжимости браков, о неестественности тех основ, на которых они часто заключаются (учитывается имущественное положение, а не возможность создания сильного, здорового потомства), о разврате и пороке, которые скрываются за мнимо-моральной и добропорядочной внешностью. По мнению автора, «общество само создает браки, не соответствующие своему назначению и, охраняя браки эти своею властью от расторжения, образует таким образом браки по принуждению» (вып. 4, стр. 240). В статье доказывается, что «основанием брака должен быть свободный выбор, взаимное влечение, что только при существовании этого условия должен быть заключаем брак», «при расторжении же брака обществу надлежало бы только принимать во внимание прекращение взаимной склонности» (стр. 158). Подобного рода рассуждения были весьма характерны для революционно-демократической журналистики. Они перекликались самым непосредственным образом с идеями недавно опубликованного романа Чернышевского «Что делать?», с той полемикой, которая возникла вокруг романа. Редакция «Заграничного вестника», по существу, приняла участие в этой полемике, возражая тем, кто обвинял Чернышевского в «безнравственности». Она утверждала, вслед за Чернышевским, что нравственным является не брак, основанный на имущественных расчетах, часто прикрывающий разврат, отсутствие любви, рабскую зависимость женщины от мужчины, который невозможно расторгнуть даже тогда, когда обе стороны нена-

видят друг друга, а свободный союз, основанный на взаимной склонности и равноправии.

В журнале печатается много статей о замечательных женщинах прошлого, говорится об их благотворной роли в области искусства, культуры, политики. В 1864 г. публикуется очерк жизни графини Альбани, возлюбленной итальянского поэта Алфьери, хозяйке литературно-общественного салона, хорошо знавшей многих выдающихся людей конца XVIII — начала XIX вв. (вып. 10—11). В 1865 г. рассказывается о жизни одной из деятельниц французской революции, погибшей во время якобинской диктатуры, г-жи Ролан (вып. 3), о друге Гете, тонком знатоке искусства и литературы, Рахили Варнгаген фон-Энзе (вып. 4—5). В вып. 1—3 (1866) помещен «Очерк истории германских женщин» (по Шерру), в вып. 10 (1864) — статья «Из науки о человеке» — в них говорится о положении женщин в различные времена, в различных странах. Мимоходом женский вопрос неоднократно затрагивается в статьях, посвященных самым различным проблемам: так, говоря о демократических учреждениях Америки, авторы ссылаются на то, что там женщина относительно свободна (см. стр. 49). Крайне положительно отзывается журнал о творчестве женщин-писательниц (напр., в «Европейской жизни» вып. 7 1864 г. говорится о романах Ройе, Дж. Эллиот, Ш. Бронте).

Хотя «Заграничный вестник» был, в основном, изданием научно-популярным, общественно-политическим, философским, вопросы искусства, литературы находили на его страницах довольно широкое отражение. Среди богатого и разнообразного материала, сообщаемого в «Европейской жизни», весьма часто встречаются сведения о живописи, театре, музыке, о новинках художественной литературы. Так, во вып. 2 (1864) рассказывается о французском и немецком театре, в 3-м и 4-м говорится о шекспировских торжествах, о музыке Гуно и Россини, о Гюго и Сервантесе и т. п. Обзор новых книг «Европейской жизни» вып. 7 (1864) целиком посвящен беллетристическим произведениям, в нем идет речь о книгах Ауэрбаха, Шпильгагена, Клеманс Ройе, Ш. Бронте и др.

В вып. 1 (1865) напечатана статья Я. Фалька «Странствующие рыцари», в которой рассказывается о средневековой рыцарской литературе и об ее отношении к действительности. В вып. 10—11 (1865) помещена статья Сен-Рене Тальяндье «Графиня Альбани», в которой сообщается ряд сведений о поэтах Алфьери, Шенье, об итальянской и французской литературе конца XVIII — нач. XIX вв. Редакция не ограничивается знакомством читателей с искусством европейским, с именами более или менее известными. В «Европейской жизни» вып. 8 (1864) рассказывается о писателях Латинской Америки, о колумбийском

поэте Арболеде, о турецкой журналистике. В вып. 6 (1865) в статье «Из истории Америки» («Американские развалины») сообщается о древней цивилизации Мексики, о памятниках мексиканского искусства. В вып. 7 (1865) напечатана статья Э. Ренана «Древность египетской цивилизации», в вып. 12 (1864) «Европейской жизни» рассказывается о китайской, голландской литературе, о румынском театре и т. п.

Как правило, материалы по искусству и литературе, при всем их разнообразии, подчинены общему направлению журнала. В какой-то степени можно говорить даже об известной прямолинейности, односторонности, утилитарности в истолковании задач искусства, о некотором пренебрежении к его художественной ценности, об усиленной акцентировке его идейной сущности, но в целом ориентировка редакции на произведения, тесно связанные с действительностью, с современностью, выражающие передовые общественные идеи, имела прогрессивный смысл. Этой ориентировкой определялось появление в вып. 10—11 «Заграничного вестника» перевода статьи Тэна «Философия искусства». Редакция вообще весьма положительно относилась к творчеству Тэна (см. «Европейскую жизнь», 1864, вып. 4, стр. 200, вып. 8, стр. 213). В статье «Философия искусства» излагаются лекции Тэна, прочитанные им во Франции, в Школе изящных искусств. В них говорилось и о воспроизведении в искусстве природы, действительности, и об отсутствии в нем мелочного правдоподобия, о необходимости выделения главного, выяснения характеристических черт. Для истолкования произведений искусства, Тэн требовал обращаться к общему настроению умов, к нравам эпохи, учитывать воздействие на искусство общественного развития. Он как бы сравнивал законы развития природы и искусства, ориентируясь на последние открытия в области естественных наук, на теорию Дарвина (последнее должно было вызывать явное сочувствие редакции «Заграничного вестника»). По мнению Тэна, так же, как растения, зависящие от природных условий, под влиянием которых происходит естественный отбор, произведения искусства зависят от «нравственной температуры», от общего состояния умов, духа времени и т. п. Среда, по Тэну, не производит талантов, гениев, но она способствует или мешает их развитию, делает выбор между различными видами талантов; художник тесно связан со средой, зависит от нее, он — член общества, и общественная атмосфера не может не оказывать на него влияния. Общество формирует художника и готово воспринять лишь определенные произведения искусства, соответствующие общественным вкусам. Тэн рассматривает различные эпохи в развитии искусства, стремясь определить своеобразие каждой из них, указать для каждой ведущие виды искусства и объяснить их появление особенностями эпохи. Он возражает сторонникам теории вырож-

дения современного искусства, считает, что вырождаться могут лишь определенные старые формы, что новое время должно вызывать к жизни и новое искусство. Критик призывает художников наполнять ум и сердце «идеями и чувствами нашего века, и художественное произведение возникнет» (стр. 236). В статье отчетливо ощущается апологетическое отношение Тэна к современной европейской цивилизации, к буржуазному развитию. Редакция «Заграничного вестника» отнюдь не разделяла радужных представлений Тэна о сущности капиталистического «прогресса» (см. стр. 52). Не ставила она задачи дать всесторонний обзор его литературных взглядов, хотя и несколько идеализировала их. Но ей были близки утверждения Тэна о связи искусства и жизни, об определяемости художника общественной средой, о необходимости для творцов искусства проникнуться вопросами современности. Выводы Тэна осмысливались как пропаганда боевого, действенного искусства, выражающего передовые идеи своего времени. Именно с такими идеями редакция связывала литературу, утверждая, что поэт — эхо эпохи. Так в статье «Из науки о человеке» (1864, вып. 10) редакция рассматривала каждого настоящего писателя как истолкователя «лучшей» стороны чувств данной эпохи, «чувств лучших людей ее, потому что искусство, делающееся органом животных инстинктов или унижительных направлений в мысли данной эпохи, недостойно художника <...> и недостойно названия художественного искусства» (стр. 181). Затрагивается в журнале вопрос и о значении литературной критики. Так, в вып. 3 (1864) напечатана статья «Несколько слов об эстетической критике», опубликованная в английском журнале «Корнгильский магазин» в один из последних месяцев издания этого журнала Теккереем. Статья, по мнению редакции «Заграничного вестника», может служить в какой-то степени характеристикой эстетических взглядов «этого замечательного писателя» (стр. 353). Автор выступает с пропагандой журнальной критики, которая должна регулярно оценивать произведения искусства, ограждать искусство от раболепного преклонения перед авторитетами. Такой критике следует быть всегда правдивой, выражать открыто свои убеждения, не бояться менять их, опасаясь укоров в непостоянстве, если они окажутся ошибочными. Характерно, что редакция «Заграничного вестника» сопровождает последнее требование следующим примечанием, подчеркивающим отказ от старых, реакционных взглядов во имя новых, прогрессивных: «В отношении нравственных убеждений справедливо оправдывается в молодом человеке изменение убеждений в прогрессивном направлении и осуждается противоположная тому перемена» (стр. 365). Статья целиком посвящена чисто-эстетическим проблемам, вопросы общественного, гражданского значения искусства в ней совсем не затронуты. Но требование серьез-

ной, принципиальной, правдивой и резкой критики, основанной на твердых и объективных принципах, поддерживающей в искусстве все новое и прогрессивное, направленной против устаревших авторитетов, в какой-то степени смыкалось с выводами, развивавшимися в русской демократической журналистике, в частности, с отдельными положениями статьи Чернышевского «Об искренности в критике». И хотя редакция «Заграничного вестника» не преувеличивала значения публикуемой ею статьи, все же статья играла известную роль в определении эстетической позиции журнала.

Важное значение для выяснения взглядов редакции «Заграничного вестника» на искусство имеет статья Евг. Делуа «Наполеон и литература» (1865, вып. 9). Она связана с публикацией личной переписки Наполеона I-го и обращена против Наполеона III. Автор с иронией упоминает о предложении, адресованном французским ученым министром внутренних дел Наполеона III г-ном Дюрюи. Дюрюи призывал заниматься вопросами новейшей истории и утверждал, что это можно делать с полной безопасностью для авторов. Делуа сомневается в такой возможности, считая, что даже говоря о весьма отдаленной эпохе, рискуешь на каждом шагу сказать что-либо «щекотливое», поэтому, дескать, он и деятельность Наполеона I-го рассматривает лишь с точки зрения весьма узкой области, его отношения к литературе, взяв из переписки «самую невинную вещь в свете» (стр. 357). По мнению Делуа, Наполеон постоянно заботился о литературе, поощрял ее, и, «если правда, что самым благоприятным условием к развитию поэзии служит царствование государя, интересующегося славой литературы <...> то никогда поэзия Франции не должна была достигнуть более блестящего состояния» (стр. 357—358). А между тем литература этого времени крайне бессильна, слаба и посредственна, и причина этого бессилия, по Делуа, заключается в стремлении Наполеона полностью контролировать и направлять общественную мысль, определять пути развития литературы; Наполеон покровительствовал известным писателям, оказывал им «царские милости», раздавал пенсии, награды; ни один известный писатель не заключался в тюрьму за свои произведения: «причина тому очень проста: полиция и цензура предупреждали проступок, т. е. печатанье, а потому не за что было и наказывать» (стр. 360—361). В статье говорится, что с 1789 г., с начала революции, свободная печать являлась необходимым орудием и условием умственной деятельности; Наполеон пресек свободу, и литература захирела. Делуа рассказывает о преследованиях журналистики, о прекращении большинства журналов, о строгом надзоре за остальными, о мелочном вмешательстве правительства в дела литературы. Наполеон лицемерно заявлял, что он не хочет цензуры; «он не хотел цензуры, чтобы иметь право сказать: я не стесняю свобод-

ной мысли, я не хочу цензуры; а полиция делала свое дело, хотя и не имела права выставлять свои действия на обложках сочинений» (стр. 367). Автор полемизирует с мыслью Наполеона, что литература нуждается в правительственном поощрении: «Вместо того, чтобы предоставить талант самому себе <...> своему вдохновению, — *поощрять* его, покровительствовать ему», вместо того, чтобы ему «позволить действовать, позволить *думать*» — стремление «управлять всем, даже умом» (стр. 374). Демуа рассказывает о письме Наполеона, в котором он рекомендует одному из министров заказывать критические статьи о произведениях наиболее видных писателей, хвалить таких писателей, направлять их, осторожно указывая на их «ошибки», подсказывая сюжеты и способы воплощения их. Наполеон советовал министру после появления подобного рода статей лично написать автору, произведение которого разбиралось, а еще лучше даровать ему награду. В статье говорится об учреждении специальных правительственных премий, которые должны были присуждаться раз в десять лет за лучшие произведения литературы, о том, что Наполеон воздержался от вручения их, убедясь «в невероятном бесплодии литературы его времени» (стр. 387), но назначил день следующей раздачи (3 ноября 1819 г.). В этот день царствовал король, Людовик 18, который не обладал качествами Наполеона, но имел, по Демуа, одно серьезное достоинство: был равнодушен к литературе; за это его ценят те, кто «стоят за отделение литературы от администрации и не верят в благотворность покровительственной системы» (стр. 388). В статье с сочувствием приводятся слова прусского короля Фридриха Великого, который на вопрос: почему он не поощряет литературу? — отвечал: «Что я могу сделать лучшего для немецких литераторов, как совсем не заниматься ими, не читать их произведений?» (стр. 388). Демуа настойчиво подчеркивал, что все подобного рода попытки подчинить литературу правительственной опеке обречены на провал, что они могут привести лишь к вырождению литературы, что они не в силах влиять на общественное мнение: «общественное мнение, в литературе по крайней мере, составляет само собою; правительство не в состоянии образовать его» (стр. 75). Своим острием рассуждения Демуа направлены против Наполеона 3-го, его политики подавления свободной мысли, мелочной правительственной опеки над всяким проявлением общественной жизни, в том числе жизни литературной. Подобного рода рассуждения должны были встретить весьма положительное отношение редакции «Заграничного вестника», неоднократно выражавшей свою антипатию к французскому императору и порядкам, установленным им в стране. Но материал статьи Демуа является косвенным откликом на литературную политику русского царизма. В сознании читателей рождались аналогии, связанные с правительственными попытками подчинить се-

бе русскую литературу, влиять на ее направление, заставить выражать нужные идеи. Ведь совсем недавно (в 1862 г.) министр просвещения Головин подал в Совет министров записку о необходимости «нравственного воздействия» на литературу, предлагая «помогать» даровитым писателям, направляя их творчество, а правительство предоставило денежные субсидии на издание газет «Наше время» и «Голос». Ведь всем были памяты заявления различных «литературных будочников», громкогласно заявлявших, что они не за страх, а за совесть будут «содействием полиции оказывать». Выступая за связь литературы с жизнью, говоря о необходимости для писателя откликаться на самые современные, злободневные вопросы, редакция «Заграничного вестника» резко протестовала против попыток подчинения литературы интересам самодержавия, желавшего превратить ее в рупор реакционных идей, уничтожив всякую свободу мысли и независимости мнений. Она выступала тем самым и против продажных литераторов, готовых предложить свое перо правительству, прославляющих действия властей иногда за плату, а иногда и «бескорыстно», в чаянии будущих наград. В то же самое время редакция старалась показать, что такого рода правительственная политика не имеет ничего общего с интересами подлинного искусства, что она отнюдь не выражает общественного мнения и не влияет на него.

В журнале критикуется буржуазная французская литература, выражающая верноподданические идеи. Так, в «Европейской жизни» (1865, вып. 3) с насмешкой говорится о пьесе Ожье «Господин Герен», основная мысль которой, по мнению обозревателя, сводится к тому, что всё преклоняется перед мундиром, даже мошенники. Ожье считает такое преклонение прекрасным, автор же «Заграничного вестника» высмеивает подобный «апофеоз мундира» (стр. 555), встречавшийся в 1860-х гг. отнюдь не только во французской драматургии (вспомним добродетельных чиновников, борцов со взятками, всех этих героев Львова, Потехина и т. п., которых высмеивал в свое время еще Добролюбов). Резко осуждается буржуазная литература и в «Европейской жизни» 4-го вып. (1864). Речь здесь идет о творчестве Абу, об его книге «Прогресс». Обозреватель считает Абу писателем, в творчестве которого «лучше других выражается нравственное распадение современной Франции» (стр. 201), человеком, не имеющим никаких убеждений, стремящимся возвеличить среднюю, заурядную личность, столь характерную для буржуазного общества; Абу, по мнению обозревателя, соединяет либеральные фразы с преклонением перед империей Наполеона III-го; он превратился в панегириста Наполеона и, сам не веря в это, стремится доказать, что «устройство современной французской империи совместно с либеральными началами, с уничтожением

централизации и правильным самостоятельным развитием общества» (стр. 204).

Либеральная, вернее либеральничающая, буржуазная французская литература критикуется и в «Европейской жизни» 11-го вып. (1864). Здесь рассказывается о книге Жирардена, в которой автор ратует в защиту свободы печати. «Вероятно, читателям уже известно, — с насмешкой замечает обозреватель, — что Жирарден, в видах своего кармана, один из самых рьяных бойцов за свободу печати» (стр. 415). В обзоре утверждается, что подобного рода демагогические выступления не имеют ничего общего с подлинными интересами литературы, что «жаль видеть защиту великого и правого дела в руках представителя спекулятивной журналистики, одного из тех, которым либеральные фразы служили всегда лишь рекламой и которые готовы были, при случае, продать свое перо нечистому делу» (стр. 416). Сама борьба за свободу печати представляется редакции делом великим и правым, но в журнале решительно осуждается демагогическое использование спекулятивной журналистикой этой борьбы в своих личных целях. Такое использование нередко встречалось в те годы и в русской журналистике. Так, например, «Отечественные записки» после 1862 г. печатали статьи, в которых утверждалось, что чрезмерный зажим свободы печати вреден для властей и что строгие карательные меры против «нигилистической» литературы, временное прекращение «Современника» и «Русского слова», могут лишь подорвать правительственный авторитет. Революционные демократы отнюдь не заблуждались в сущности подобной «защиты» свободы печати и разоблачали ее демагогический характер (см. «Отеч. зап.», 1862, № 11, отд. «Соврем. хроника» и статью М. А. Антоновича «Краткий обзор журналов за истекшие восемь месяцев», «Современник», 1863, № 1—2). Критикуется буржуазная либеральная литература и в обзоре новых книг (1866, вып. 1). Оценивая «Письма из Англии» Луи Блана, автор мимоходом упоминает о литературе «примирительного направления», стремящейся к безличности и сглаживанию всех острых углов, ведущей полемику вокруг «тех общих идей либерализма, которые уже получили права гражданства в мире буржуазной посредственности и золотой середины» (стр. 180). В «Европейской жизни» (1864, вып. 3) критикуются пьесы Дюма-сына «Друг женщин» и Понсон-де Тералья «Молодость Генриха». Подобные изделия буржуазной драматургии, бесталанные и часто аморальные, вызывают суровое осуждение редакции. Им противопоставляются произведения подлинного искусства, как правило связанные с именами писателей прогрессивного направления, весьма отрицательно относящихся к существующему режиму. Особенно сочувственно относится редакция к Виктору Гюго, видя в нем не только великого писателя, но и общественного деятеля, предпочевшего изгнание покорности,

связанного с идеями революции, верящего в счастливое будущее человечества, в победу начал равенства, братства, гуманности, поборника свободы, врага самодержавного деспотизма Наполеона III-го. Так, в «Европейской жизни» (1864, вып. 4) Гюго называется «величайшим современным поэтом» (стр. 196). Обозреватель цитирует письмо Гюго, написанное в связи с шекспировскими празднествами, говорит об его книге о Шекспире, последние главы которой — «вдохновенная проповедь о необходимости скорого водворения на земле истины и свободы, замены царства силы царством мысли» (стр. 201). Редакция горячо сочувствует взглядам, высказанным Гюго, и в то же время понимает, что они утопичны, что действительность не дает оснований рассчитывать на близкое осуществление пропагандируемых им начал: «Но, увы, глас поэта, остается как всегда, гласом вопиющего в пустыне, и не царство мысли настает на земле, а люди изобретают пушку Армстронга, броненосные суда и истребляют друг друга, бог знает зачем и на что, на мирных полях Шлезвига и Ютландии» (стр. 201). В «Европейской жизни» 1-го вып. (1865) роман Гюго «Отверженные» противопоставляется книге одного из его немецких подражателей, стремившегося доказать, что преступления отдельных личностей создают общественные несчастья, тогда как Гюго «обвиняет все общество за преступления отдельных личностей» (стр. 158). Именно последнюю точку зрения разделяет и обозреватель «Заграничного вестника».

Книга Гюго о Шекспире восторженно приветствуется и в статье Ж. Занд «Письмо путешественника», опубликованной в 6-м вып. (1864). Эту статью редакция считает интересной потому, что в ней Занд дает оценку В. Гюго. К самой Занд редакция относится положительно, но несколько иронически, считая, что слава ее в прошлом, что новые ее произведения значительно слабее прежних. В «Европейской жизни» 3-го вып. (1864) упоминается о пьесе Занд «Маркиз де-Вильмэр». Пьеса расценивается, как правдивая «картинка современной ежедневной семейной жизни», называется «хорошенькой» (стр. 142), именно «хорошенькой», а не хорошей. Она рассматривается как неплохая безделка, но явно не принимается всерьез. В редакционных примечаниях к статье «Представители человечества» (из Ральфа Эмерсона) отмечается, что герои романа Занд «Графиня Рудольфштадт» может быть и поучительны, но не жизненны и значительно слабее других героев, нарисованных французской писательницей, в том числе самой Консуэло в 1-м томе (1865, вып. 3, стр. 402). Видимо, редакция осуждала некоторую экзальтированность, выпренность Занд, религиозно-нравственные мотивы, звучащие в ряде ее последних произведений. Говорится в журнале, в примечаниях к «Письму путешественника», и о преувеличенности похвал Занд Гюго; в то же время отмечается, что «при

всех этих излишествах, нельзя без сочувствия относиться к этим гордым личностям, не преклонившимся перед торжеством посредственности и лжи, и продолжающим идти путем *прежней* (т. е. революционной, свободной — П. Р.) Франции» (стр. 445).

С точки зрения идей о переустройстве общества расценивается в журнале и роман писательницы Клеманс Августы Ройе «Близнецы Элласа». О нем упоминается в «Европейской жизни» 4-го и 7-го вып. (1864). Редакция обещает рассказать об этом произведении, написанном переводчицей Дарвина на французский язык. В вып. 12 за тот же год обозреватель рассказывает об этом романе, отмечая, что весь интерес его заключается не в художественном исполнении, а в идеях, высказанных автором, «цель которых — совершенное преобразование общественного устройства» (стр. 611).

Оценивая новую немецкую литературу, редакция прежде всего обращается к наследию Генриха Гейне. Уже во 2-м (1864) выпуске опубликована статья «Гейне и Лассаль», в 9-м выпуске за тот же год статья Ш. Берту «Молодость Гейне», основанная на материалах переписки немецкого поэта, подробно цитируемой в журнале. Продолжением этой статьи служит написанный тем же автором обзор «Десять лет жизни Гейне» (1864, вып. 12), рассказывающий о деятельности Гейне в 1825—36 гг. и состоящий главным образом из писем самого Гейне, сопровождаемых короткими примечаниями Берту.

Весьма сочувственно оценивается творчество Ауэрбаха («Европейская жизнь», 1864, вып. 7). Среди беллетристических произведений, опубликованных в «Заграничном вестнике», напечатаны рассказы Ауэрбаха «Злые семена» (1864, вып. 1), «Кум под арестом» (1865, вып. 1). С похвалой говорится о творчестве немецкого писателя, автора народных рассказов Фрица Рэйтера. Он называется «величайшим германским юмористом» современности (1865, вып. 1, стр. 199). Здесь же хвалится и другой немецкий писатель Кляус Грот. Редакция с сочувствием отзывается о романе Ульбаха «Муж Антуанетты» (1864, вып. 12), о книге Шпильгагена «Фон Гогенштейны» (1864, вып. 7). Автор последней, по мнению обозревателя, противник социализма и радикальных преобразований, с симпатией рисует носителей этих идей, сумев понять, что они люди честные и убежденные, стоящие неизмеримо выше и немецкой аристократии и «либеральной» буржуазии. В статье Эмерсона «Представители человечества» рассматривается значение деятельности Гете, в которой автор видит выражение жизни Германии определенного периода. Эмерсон высоко ценит талант Гете, с похвалой отзывается о его романе «Вильгельм Майстер», но и отмечает «безнравственность» заключения романа, так как герой-демократ приходит в конце в лагерь аристократов. В примечаниях редакций утверждается, что

Гете, «вышедший из рядов буржуазии <...> не хотел видеть той борьбы, которая была между сословиями, и рисовал столкновения их только с тех точек зрения, которые подходили под его примирительный взгляд, скользивший по поверхности личных страданий для построения царства идеи» (1865, вып. 3, стр. 403). Сдержанная оценка редакцией «Заграничного вестника» наследия великого германского поэта объясняется ее ориентацией на прогрессивное, тенденциозное, антиаристократическое искусство, которому, по ее представлению, несколько противостояла эпически-спокойная, бесстрастно-величаявая поэзия олимпийца — Гете.

Такая позиция определяла и крайне сочувственное отношение редакции к немецкому писателю 17 в. Гриммельсгаузену, автору «Симплициссимуса». Об этом произведении подробно рассказывается в статье Эрнуфа «Немецкий Жильблаз 17 века» (1865, вып. 1): В ней подчеркивается, что автор, будучи современником 30-летней войны, правдиво изобразил «все страдания народа, все бедствия лагерной жизни», что у него начал создаваться «идеал гражданского равенства, политического единства и религиозной терпимости» (стр. 85). С похвалой говорится об обличении Гриммельсгаузеном феодальной знати, об его насмешках над богословами, об изображении тяжелого положения народа. Особенное одобрение вызывает предложение автора «Симплициссимуса» разделить князей и вельмож на три разряда: первый, наиболее непримиримый, — уничтожить; второй, не желающий расстаться со своими титулами и званиями, выслать из Германии, отправив воевать с язычниками; третий, наиболее разумный, оставить жить в стране, лишив всяческих привилегий, сравняв правами с остальными гражданами: «Выразивши такие мнения, понятно, что автор скрыл свое имя <...> Эти страницы любопытнее всего, что было написано современниками тридцатилетней войны» (стр. 110—111).

Отклики редакции на произведения английской и американской литературы имеют несколько менее определенный характер, не подчинены так четко ведущей тенденции. Мимоходом упоминаются с похвалой произведения Диккенса и Теккерея (1864, вып. 4); в 11 вып. (1864) помещена статья «Лорд Байрон» (по Тэню), в 1—2 вып. (1866) — статья «Эдгард Поэ». Довольно подробно рассказывается в первых выпусках за 1864 г. о шекспировских празднествах, происходящих в апреле в Англии и в других странах. Говоря об этих празднествах, редакция отмечает, что в Англии они оказались подготовлены довольно слабо, что дух буржуазного предпринимательства сказался при подготовке, а публика довольно безразлично отнеслась к славе Шекспира: «Нигде не почтили памяти великого поэта той единодушною, искреннею, трогательною данью уважения и любви» (1864, вып. 4, стр. 182). Здесь вновь затрагивается тема безразличия

буржуазного общества к подлинному искусству и в то же время указывается на истинных ценителей шекспировского гения, наследников его таланта — на простой народ: «Из всех публичных праздников в Англии, лишь один праздник, данный рабочими классами Лондона, был вполне достоин Шекспира. Тут выразился неподдельный, настоящий восторг» (стр. 194); этот праздник «блестит светом народа, выросшего до сознания своей силы, своих обязанностей и призвания»; он свидетельствует, что «пульс национальной жизни еще сильно и горячо бьется, хотя некоторые члены нации, быть может, больны и испорчены» (стр. 195). С именем народа связывается вопрос о будущем расцвете искусства и в статье Ренана «Высшее преподавание во Франции» (1864, вып. 4). В ней говорится, что «искусство, поощряемое народом, будет великим искусством, а не мишурой <...> Литература, внушенная народом, будет высокая литература, затрагивающая наши лучшие инстинкты» (стр. 165).

В «Заграничном вестнике» публиковалось сравнительно небольшое количество произведений художественной литературы. И по занимаемому ими месту, и по значению эти произведения играли явно второстепенную роль. Печатались только проза. Стихотворения вообще не появлялись на страницах журнала. Да и прозаических произведений публиковалось не столь уж много, как правило, не более одного на выпуск, с весны 1865 г. их переносят из основного текста в приложения, а затем они и совсем исчезают.

В журнале напечатаны два рассказа Б. Ауэрбаха («Злые семена», 1864, вып. 1 и «Кум под арестом», 1865, вып. 1), рассказы Шпильгагена «Рэзхен» (1865, вып. 2—3), Руппиуса «Мери Крейцер» (1864, вып. 11), В. Коллинза «Мулатка» (1864, вып. 10), повести Г. Готхельфа «Нотариус в западне» (1864, вып. 5), Тэлора «Тара» (1864, вып. 3), мисс Теккерей «История Элли» (1864, вып. 1—2), Дж. Эллиот «Братец Джек», новелла Франческо даль-Онгарио «Потерянный ботинок» и др. В приложениях к 1—8 вып. за 1865 г. опубликован роман Брэддон «Жена доктора». Иногда, печатая то или иное произведение, редакция стремилась дать легкое, увлекательное чтение, которое могло бы как-то расширить круг читателей, сделать содержание «Заграничного вестника» несколько менее серьезным и специальным. К таким произведениям относятся «Мулатка», «Тара». Характерно, что, отбирая такого рода произведения, редакция останавливалась все же на именах значительных и популярных (напр. В. Коллинза). Иногда, не придавая большого значения публикуемому произведению, редакция оговаривала появление его в журнале какими-нибудь косвенными причинами. Так, по поводу повести «История Элли» в примечаниях говорилось, что она не слишком хороша сама по себе, но любопытна как произведение, написанное дочерью знаменитого писателя, Теккерей,

недавно умершего, и, видимо, принимавшего какое-то участие в создании повести.

Но большей частью публикация художественных произведений определялась принципиальными соображениями и была связана с общим направлением журнала. Редакция ориентируется на писателей, изображающих народный быт, правдиво рисующих жизнь простых людей. Этим объясняется интерес к творчеству Ауэрбаха. Так, в «Злых семенах» рассказ ведется от имени человека из низов, крестьянского парня, извозчика. В рассказе «Кум под арестом» герой — мещанин, мясник Валентин, умный и здравомыслящий. Рассказ направлен против сословных предрассудков. Знатные родственники героя стыдятся его, хотят скрыть свою связь с плебеем. Узнав об этом, герой восклицает: «Да, знатные таковы: потихоньку отравить душу, это на их языке значит вежливость, но если кто-нибудь вскрикнет в гневе, это: фи! Как грубо, неблагородно, низко! Пойдите, знатная сволочь, попадетесь вы мне!» (стр. 51). Герой, да и сам автор, верят, что в будущем от таких предрассудков не останется и следа. Обращаясь к младенцу, герой говорит: «Надеюсь, обо всем этом и речи не будет, когда ты вырастешь» (стр. 62).

Антиаристократические тенденции отчетливо ощущаются и в рассказе Шпильгагена «Рэзхен». Отец героини, граф Вейсенбах, человек честный и прямой — защитник старины, сословных привилегий, враждебно относящийся к демократам. Герой же, граф Ленгсфельд, сторонник демократических убеждений. Он даже во имя любви отказывается признать, что «Август Сильный был благодетелем своего народа и что тирания есть единственная форма правления, достойная просвещенного девятнадцатого века» (вып. 2, стр. 272). Граф Вейсенбах с ожесточением говорит о нем: «Вольнодумец, атеист, республиканец, один из тех современных мечтателей, которые воображают, что могут перестроить свет на иной лад и что для этого достаточно втоптать в грязь все, что ценили и уважали их отцы» (вып. 3, стр. 412). В довольно отрицательных тонах упоминается в рассказе и о правителях герцогства: герцогиня в прошлом была дружна с семьей Вейсенбаха, когда же настает трудный момент, она ничем не хочет помочь, хотя и знает о правоте и честности старого графа; и лишь победа демократов, Ленгсфельда, спасает Вейсенбаха от бесчестия и окончательного разорения, он избавляется от сословных предрассудков и признает правоту своего бывшего противника.

Не следует преувеличивать прогрессивности подобного рода произведений. Они, их авторы, весьма далеки от всякого радикализма. И в «Злых семенах», и в «Куме под арестом», и в «Рэзхен» отчетливо ощущаются примирительные настроения. Герой первого рассказа проповедует всепрощение, отказ от мще-

ния, ненависти и зла. В «Куме под арестом» осуждается, да и то не столь уж резко, лишь старая тетка мужа героини, носительница сословных предрассудков. Племянница же Валентина и ее муж, происходящий из благородного баронского рода, нарисованы в весьма положительных красках. Они лишь не решаются вначале противоречить тетке, но относятся с большим сочувствием и к Валентину. Социальная острота конфликта оказывается крайне сглаженной, разрешение его предельно просто (изгнание злой тетки). Рассказ выдержан в идиллических, сентиментальных тонах. Примирительно-сентиментальный оттенок ощущается и в рассказе Шпильгагена «Рэзхен». Он заканчивается всеобщим примирением, «радикальность» героя ограничивается тем, что он побеждает на выборах консерваторов, и герцог предлагает ему сформировать новое правительство. Сам он из знатной семьи, но понимает потребности времени, неуместность крайнего консерватизма. Его противник, граф Вейсенбах, обрисован весьма сочувственно, в конце он отказывается от былых заблуждений, все оказывается весьма идиллическим. Отношения между героем и героиней, описание их даются в духе романтических произведений, с налетом сентиментальной слащавости. Один из персонажей, обрисованных в весьма неприязненных тонах, — трактирщик, ненавидящий аристократов, злой и неблагодарный, который не может «выделить из общего дела своей частной ненависти и своих частных стремлений» (вып. 2, стр. 226). Редакция «Заграничного вестника» отнюдь не была солидарна с такой точкой зрения и не переоценивала радикальности публикуемых ею писателей. В рецензии на роман Шпильгагена «Фон Гогенштейны» («Европейская жизнь», 1864, вып. 7) подчеркивалось, что автор — противник социализма и радикальных стремлений. Но критика немецкой аристократии, защитников старины, отрицание сословных привилегий вызывала сочувствие редакции. Не случайным было и появление на страницах «Заграничного вестника» повести Готхельфа «Нотариус в западне». Сюжет ее крайне прост. Хитрый и жадный нотариус, думая поживиться, женится на одной из своих клиенток, которая по его предположениям богата, а на самом деле ничего не имеет. Готхельф — один из немецких писателей, авторов сцен из крестьянской жизни, народных повестей и рассказов, о которых с таким сочувствием отзывалась редакция «Заграничного вестника» (см. оценку Рейтера, Грота, стр. 75). В вступительной заметке к повести говорилось об ограниченности Готхельфа, о том, что он испугался радикализма, стал защитником «добраго старого времени, патриархальной рутины и духовного застоя» (стр. 265), что он не был «довольно развитой, в политическом отношении, чтобы видеть необходимость коренных изменений во всем общественном устройстве» (стр. 264); поэтому «узкость его убеждений отнимает у его изображения всякую глу-

бину содержания» (стр. 266). Но в то же время подчеркивался талант Готхельфа, его юмор, человечность, искреннее стремление к добру, правдивость изображения народной жизни. В последнем, по мнению редакции, Готхельф превосходит Ауэрбаха. Сцены Готхельфа из крестьянской жизни, обрисовка ее темных сторон, вызвали недовольство реакции: «одни нашли его направление недостаточно религиозным, другие нашли его картины слишком откровенными, а выражения слишком резкими» (стр. 265). Именно эти стороны Готхельфа привлекают к нему внимание редакции. Напечатанная же в журнале повесть была любопытна и в другом плане. Сатирически изображенный в ней нотариус Штосли многими своими чертами напоминал русских сторонников реформ и порядка, противников «мальчишек-нигилистов». Штосли — англоман, почитатель английских аристократов. Он является сторонником свободы, но свободы особого рода: «Порядок прежде всего, — говорил он, — а затем свобода, но свобода благоразумная, свобода собственно для тех, кто умеет ею пользоваться» (стр. 277). И во имя этой «свободы», на самом же деле из-за своих личных выгод, Штосли собирается бороться с «этими мальчишками, не понимающими важности порядка, порядка прежде всего» (стр. 279). Он верит, что придет время расправы с такими мальчишками, «всю эту мелюзгу сошлют, рассадят по тюрьмам, а на нас, настоящих консервативных либералов, взвалят все дело» (стр. 280). Подобное изображение должно было напоминать читателям «Заграничного вестника» не только о русских охранителях-либералах вообще, но и конкретно о Каткове.

Характерна для направления журнала и новелла Онгаро «Потерянный ботинок». Она выдержана в романтических тонах, проникнута ненавистью к богатым и знатым, глубоким сочувствием к простым людям. Ее автор, по словам редакции, хороший описатель народного быта, бежавший из австрийских владений, сражавшийся в войсках Гарибальди. Он рассказывает о злодее-маркизе, обольстившем и бросившем бедную девушку, мать которой в свое время также была обесчещена и брошена богачом. Героиня становится падшей женщиной, «лицемерные богомолки или высокомерные *порядочные* женщины, продавшие себя мужьям с более тонкою расчетливостью», презирают ее (стр. 65—66), герой — сапожник по профессии — искренне любит героиню, хочет помочь ей, но не в силах сделать это. Вся новелла проникнута мыслью о несовершенстве общественного устройства, о виновности общества, толкающего бедняков на путь порока и преступлений.

Следует однако признать, что художественная проза не достигала общего уровня журнала и была, пожалуй, самым слабым местом его. Редакция в какой-то степени, возможно, недооцени-

вала роль беллетристики, старалась компенсировать ее недостатки публикацией различного занимательного материала (биографии, описания различных событий, процессов). Но все это не возмещало недостатков беллетристики, определяло некоторую сухость «Заграничного вестника», неизбежно должно было сказываться на его популярности.

Связывало редакцию и отношение к журналу цензуры, III-го отделения. Выше уже говорилось о недовольстве властей направлением «Заграничного вестника», о столкновениях с цензурой (см. статью 1-ую, стр. 132). Они начались, видимо, с самого начала издания журнала. Так, в вып. 3 (1864), печатая статью «Несколько слов об эстетической критике», редакция сообщала: «Обстоятельства, не позволившие нам на этот раз представить читателям другую, более значительную статью по теоретическому вопросу, в соединении с желанием скорее выпустить настоящий номер журнала, заставили нас прибегнуть к этой замене» (стр. 353). «Европейская жизнь» 8-го вып. за тот же год начиналась сразу с 2-й части, с обзора новых книг; редакция объясняла это тем, что 1-ю часть «пришлось отложить до следующего номера» (стр. 383). В начале же «Европейской жизни» 9-го, следующего, выпуска редакция замечала, что «по непредвиденным обстоятельствам наша хроника не появилась в прошлом номере» (стр. 583). Подобные краткие сообщения отчетливо свидетельствуют о цензурных ножницах, с которыми «Заграничному вестнику» пришлось встречаться неоднократно.

После ареста Лаврова (апрель 1866 г.) журнал, в сущности, прекратил свое существование, хотя номинально выходит еще в течение нескольких месяцев под редакцией Афанасьева-Чужбинского. 3—4-й выпуски за 1866 г. подготовлены еще Лавровым, и в них довольно отчетливо сказываются прежние тенденции. Так, здесь напечатана статья «Иосиф II», с резкими антимонархическими редакционными примечаниями. Однако, уже в начале 4-го выпуска опубликовано заявление «От редакции», повторяющееся и в следующих выпусках. В нем говорилось, что многие читатели «Заграничного вестника» просят печатать не отдельные отрывочные статьи, а фундаментальные сочинения. Якобы стремясь удовлетворить это желание, редакция обещает со следующего выпуска изменить структуру журнала. Действительно, в 5-м вып. напечатаны всего две работы: «Море» Шлейдена и «Энциклопедия государственных наук» Моля. В 6-м выпуске продолжают публиковать эти два произведения, в 7—8 — только «Море». Под именем «Заграничного вестника» по существу по частям издается одна большая книга, журнал перестает быть журналом. Редакция понимала это. В 8-м вып. напечатано новое заявление «От редакции», в котором говорилось, что «по непредвиденным обстоятельствам» издание журнала было пре-

крашено и читатели вознаграждены 2-мя обширными сочинениями за понесенную ими потерю (следовательно, сама редакция не рассматривала 5—8 вып. как журнал). В заявлении утверждалось, что ныне вокруг «Заграничного вестника» сплотились новые сотрудники, что журнал возвращается к прежней программе, читателям обещался ряд занимательных произведений, выдержанных в духе прежнего направления («История Соединенных Штатов» Лабуле, переводы из Бокля и т. п.). Подобные обещания повторяются и в следующих выпусках. С 9-го вып., вышедшего в декабре, в «Заграничном вестнике» вновь начинают публиковаться отдельные статьи. Так, в 9-м вып., наряду с продолжением «Моря», напечатаны статьи о круговращении воды (Г. В. Дове) и о мерах времени (Ферстора). Но возродить журнал не удалось. В начале 1867 г., на 2-м вып., он прекратил свое существование.

Таким образом закончилась история одного из демократических изданий 1860-х гг., связанного, вне всякого сомнения, с радикальной мыслью своего времени, отразившего и сильные и слабые стороны этой мысли в период наступления реакции. В нем сказались и тенденции вульгарного материализма, и известное воздействие идей позитивизма, и некоторая неопределенность в оценках возможностей и значения революции, путей общественного преобразования. Учитывая все это, нужно однако прежде всего помнить, что «Заграничный вестник» решительно отрицал коренные основы самодержавно-монархического и буржуазного устройства, резко критиковал религиозные верования, идеалистические воззрения, пропагандировал материалистические взгляды, достижения естественных наук, горячо сочувствовал борьбе за свободу, против рабства, насилия и деспотизма. Он оправдывал в целом революционную диктатуру, осуждал либералов, верил в возможность преобразования социальных отношений, в построение будущего счастливого общества. Не затрагивая непосредственно событий, происходящих в России, основанный целиком на заграничном материале, журнал был сугубо злободневным, связанным с русской действительностью, отнюдь не академичным. Выпуская его, русские демократы 1860-х гг. умело нашли своеобразный, особенно удобный в условиях реакции, тип издания, способствующий проведению через цензурные рогатки передовых, прогрессивных идей.

КТО ТАКИЕ «АРХЕОЛОГИ»?

П. С. РЕЙФМАН

Один из отрывков «Нашей общественной жизни» М. Е. Салтыкова-Щедрина, не опубликованный в «Современнике», сохранившийся в корректурных гранках и, видимо, входивший в апрельскую хронику 1864 г., начинается словами: «Археологи свидетельствуют...» Далее идет рассказ о том, что «в былые времена, когда человечеству угрожало какое-нибудь бедствие, или же когда в его среде совершался акт вопиющей и злобной неадекватности, то сама природа заблаговременно предвещала об этом смертных и достигала этой цели посредством временного извращения обычного действия своих сил. На небе появлялись необычайные звезды, померкало солнце, потрясалась земля, рождались уродливые младенцы с песьими головами, а в иных случаях даже ослы получали дар слова».¹ Повествование об ужасных «знамениях», предсказывающих наступление ужасных времен, как отмечалось в исследованиях, восходит у Щедрина к библии, к «Апокалипсису». Оно нужно сатирику для воссоздания атмосферы торжествующей реакции, которая перешла после 1862 г. в наступление, для сатирической обрисовки новых «деятелей» — «мальчиков с песьими головами», «обладателей песьих голов и птичьих когтей», для иронического изображения сторонников «Русского слова» — «фофанов», «украшенных чрезмерно длинными ушами».²

Следует отметить, что Щедрин в это время неоднократно обращается к библейским образам. Еще в «Сопелковцах» говорит он о людях «с песьими головами».³ В мартовской хронике «Нашей общественной жизни» (1864), рассказывая о рождении Васи Чубикова, Салтыков иронически замечает: «солнце не померкло от стыда, звезды не падали как листья от жалости, и [завеса не разодралась] от негодования».⁴ Связь этих слов с рассказом о «знамениях» в отрывке «Археологи свидетельствуют...» совершенно очевидна. В январских хрониках «Нашей общественной жизни» 1863 и 1864 гг. упоминается убогий Лазарь, в последней из них — Содом и Гоморра.⁵ Разумеется, Щедрин хорошо знал источник, к которому в конечном итоге восходят такого рода образы. Однако, возникает ряд вопросов: прямо ли из библии проникает в хроники Щедрина тема чудесных «знамений»? почему о них должны свидетельствовать какие-то «археологи»? кто такие эти «археологи»? не было ли в начале 1860-х гг. какого-либо события, которое могло сыграть роль толчка, определившего обращение Салтыкова к библии? Можно, правда, предположить, что

¹ См. публикацию В. Э. Богграда и статью С. А. Макашина «В борьбе с реакцией. Новые страницы из «Нашей общественной жизни» Щедрина», «Литературное наследство», т. 67, М., 1959, стр. 339.

² Там же, стр. 335, 339, 340.

³ Н. Щедрин, Поли. собр. соч., т. V, М., 1937, стр. 255.

⁴ Там же, т. VI, 1941, стр. 301.

⁵ Там же, стр. 48, 256, 264.

«археологи» вымышлены писателем, введены лишь из цензурных соображений, чтобы прикрыть сатирическое переосмысление библейских образов. Но такое предположение кажется нам маловероятным. Изучение публицистики Щедрина на фоне русской журналистики 1860-х гг. приводит к выводу о том, что сатирик весьма часто обращается не только к темам, проблемам, но и к отдельным образам, высказываниям, фактам, встречавшимся в периодике того времени. В «Нашей общественной жизни» Щедрин нередко как бы цитирует «Искру», упоминает, без точных указаний на источник, ряд событий, подражая, что они так или иначе известны его читателям. Этот прием узнавания знакомого усиливает ироническое звучание щедринской сатиры. Нам представляется, что он применен и в ссылке на «археологов».

Одним из событий, волновавших общественное мнение начала 1860-х гг., было издание книги Э. Ренана «Жизнь Иисуса». Ренан в то время закономерно воспринимался как археолог. В 1860—1861 г. он возглавлял, по поручению Наполеона III, французскую археологическую экспедицию, которая изучала культуру древней Финикии, широко знакомя европейскую публику с результатами раскопок. В 1864 г. Ренан публикует книгу «Mission de Phénicie», в которой отражена работа экспедиции. Он посещает раскопки в Египте. В русском журнале «Заграничный вестник» (1864, выи. 7) напечатан перевод его статьи «Древность египетской цивилизации», построенной на изучении материалов раскопок.

Однако, в восприятии читателя начала 1860-х гг. Ренан был не только ученым-археологом, но и безбожником, критиком официальных церковных догм. В 1862 г. Ренан назначен профессором Collège de France, но открытый курс, объявленный им, в котором затрагивались вопросы истории христианства, власти приостановили после первой лекции. Католическое духовенство провозгласило Ренана еретиком. Нападки церковников еще более усилились, когда он издал в 1863 г. книгу «Жизнь Иисуса», написанную по впечатлениям, полученным во время археологической экспедиции и доставившую Ренану всемирную известность. В 1864 г. императорским декретом он был лишен кафедры в Collège de France. Все это, естественно, наделало много шума и было хорошо известно русскому образованному читателю. Нужно сказать, что и русское православное духовенство не разошлось в оценке Ренана со своими католическими собратьями. Не ставя вопроса о подлинной сущности книги «Жизнь Иисуса», следует отметить, что она воспринималась в России того времени, как произведение, противостоящее официальной церковности, как попытка научной критики религиозных текстов. Особенное сочувствие одних и негодование других вызывали рассуждения Ренана о «чудесах». Автор «Жизни Иисуса» решительно отвергал возможность «чудес», старался найти логическое объяснение возникновения чудесных верований. Он довольно подробно рассматривал вопрос о «чудесах». 16-я глава его книги так и называлась «Чудеса», в 17-й главе Ренан детально останавливался на фантастических с его точки зрения представлениях Иисуса, который истолковывался не как бог, а как человек, о «чудесах» «Апокалипсиса», о страшных «знамениях», предсказывающих светопреставление, предшествуемое «ужасными бедствиями и возмешенное необычайными явлениями».⁶

Естественно, что церковники ополчились и на книгу Ренана в целом и, в особенности, на его критику библейских «чудес». Инспектор московской духовной академии архимандрит Михаил выпустил книгу «О евангелиях и евангельской истории» (М., 1864), специально посвященную критике Ренана. Михаил всячески ругал Ренана, называл его атеистом и материалистом, старался опровергнуть его точку зрения на «чудеса». Но и он должен был признать шум, вызванный книгой «Жизнь Иисуса», ее популярность, сочувствие ей определенных кругов русского общества. В 1865 г. в Петербурге напечатан перевод из аббата Гетэ «Опровержение на выдуманную жизнь Иисуса Христа, соч. Э. Ренана». Такого рода опровержения появляются и позднее

⁶ Э. Ренан, Жизнь Иисуса, Спб., 1907, стр. 216.

(см., напр. Берсье «Царское достоинство Иисуса Христа, ответ Э. Ренану и Л. Толстому», «Православное обозрение», 1889, № 4).

Естественно и то, что русская цензура решительно запретила книгу Ренана. В фонде Центрального управления по цензурному ведомству хранится дело о переводе «Жизни Иисуса» на русский язык. Как видно из него, книга подлежала «безусловному запрещению» и не должна была выдаваться на руки, даже тем, которые имели право получать иностранные книги без цензуры. В 1863 и 1864 гг. с книгопродавцев потребовали обязательство не иметь «Жизни Иисуса» и никому не продавать ее.⁷ В деле о П. Л. Лаврове упоминается запрещенная цензурой статья, предназначенная для журнала «Заграничный вестник», «Строй идей, среди которых развивался Иисус», переведенная из книги Ренана и истолкованная властями как материал не только антиклерикальный, но и антиправительственный.⁸ Приведенный пример свидетельствует и о том, что русская демократическая печать стремилась использовать идеи Ренана в борьбе против официальной церковности, против существующего порядка, защищая право научного анализа, критики основ, считающихся незыблемыми. В таком плане упоминается имя Ренана в газете «Современное слово». Осуждая запрещение его лекций в 1862 г. (см. выше), редакция истолковывает этот запрет, как попытку «заставлять молчать науку и историческую критику», за чем «следовало бы ожидать понижения уровня понятий, лицемерие заняло бы место общественной нравственности».⁹

Очень вероятно, что Щедрин, рассказывая о «знаменаниях», упоминая «археологов», имеет в виду книгу «Жизнь Иисуса», истолкование ее русской передовой общественной мыслью 1860-х гг., возникшую вокруг нее полемику, намекая тем самым на одну из злободневных запретных тем. В этом случае становится особенно ясно, что писатель не только сатирически переосмысливает библейские образы, используя их в борьбе с современными ему противниками, но и весьма иронически относится к самой библии, «чудесам», «знаменаниям», которые с таким ожесточением защищали опровергатели Ренана.

⁷ См. П. С. Рейфман, Демократическая газета «Современное слово», Тарту, 1962, стр. 37.

⁸ См. наст. изд., стр. 55. Редакции «Заграничного вестника» удалось напечатать статьи Ренана, более нейтральные по содержанию: «Высшее преподавание во Франции» (1864, вып. 4), «Древность египетской цивилизации» (1865, вып. 7).

⁹ П. С. Рейфман, Демократическая газета «Современное слово», стр. 36—37.

ИНОСТРАННАЯ ЦЕНзуРА В ТАРТУ В 1860-х ГОДАХ

П. С. РЕЙФМАН

21 мая 1869 г. приказом министра просвещения, без просьбы об отставке, без мотивировки ее причин, был уволен один из видных преподавателей Дерптского университета, ординарный профессор кафедры русской истории Карл-Христиан-Гергард Карлович Ширрен (1826—1910), бывший декан историко-филологического факультета, председатель «Эстонского ученого общества», редактор газеты «Dorpat'er Tagesblatt». Немильность была такова, что на ходатайство совета университета от 27 мая того же года о назначении Ширрену пенсии ответа не последовало. Лишь в 1873 г., в ответ на повторное ходатайство, новый попечитель Дерптского учебного округа сообщил, что ни его предшественник, ни он сам не сочли возможным поддержать просьбу совета¹.

Увольнение Ширрена, как неоднократно указывалось в исследованиях о Прибалтике, было вызвано появление его брошюры «Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin», Leipzig, 1869, направленной против «Окраин России» (вып. 1—2) Юрия Самарина, вышедших в 1868 г. в Праге.² Об этой причине пишет, между прочим, попечитель Дерптского учебного округа, мотивируя отклонение ходатайства о пенсии Ширрену и напоминая совету университета, что Ширрен уволен «по поводу изданного им сочинения «Livländische Antwort»³. Однако, имеются факты, которые позволяют утверждать, что брошюра Ширрена не была единственным поводом его отставки. В связи с этим вопросом оказывается весьма любопытной деятельность Ширрена как цензора иностранных книг, проверяемых в Дерпте. В фондах Центрального управления по цензурному ведомству и Министерства внутренних дел, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, имеются материалы, дополняющие наши представления об увольнении Ширрена.

В 1864 г. Центральное управление по цензурному ведомству рассматривало прошение дерптских книготорговцев. В нем говорилось, что прохождение иностранных книг, предназначаемых для Дерпта, через рижскую цензуру, приводит к неоправданной трате времени, к увеличению расходов на перевозку. Торговцы просили разрешения доставлять книги непосредственно в

¹ См. ЦГИА Эстонской ССР, ф. 402, оп. 3, № 1865, лл. 163, 164, 174. В дальнейшем обозначается: № 1865.

² См. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета, ред. Г. В. Левицкий, т. 2, Юрьев, 1903, стр. 543; Е. В. Петухов, Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет в последний период своего столетнего существования, СПб., 1906, стр. 8; Я. Зутис, Очерки по историографии Латвии, ч. 1, Рига, 1949, стр. 164—165; С. Г. Исаков, Остзейский вопрос в русской печати 1860-гг., Тарту, 1961, стр. 149—167.

³ № 1865, л. 174 об.

Дерпт, через Псков, по Варшавской железной дороге, и цензурировать их прямо на месте. Цензура иностранных книг не возражала против такого предложения. Согласилось с ним и управление Дерптским учебным округом. Оно сообщило, что для хранения иностранных книг может быть выделено при университете помещение и что профессора готовы принять на себя обязанности цензоров. Вскоре управление округа докладывало министру внутренних дел, что помещение выделено, а проверка книг поручена на правах отдельных цензоров в пограничных городах, профессорам Ширрену и Куртцу.⁴

Прошло пять лет. В 1869 г., в одном из «всеподданейших докладов» (от 11 июля) министр внутренних дел А. Е. Тимашев, знакомя царя с историей передачи цензуры иностранных книг дерптским профессорам, настойчиво подчеркивал, что такой порядок предполагался как временный, что его необходимо изменить, так как он существует «не только без пользы для дела, но с вероятным вредом для тех интересов, ограждать которые призвана иностранная цензура». Убеждение это основывалось на официальных отчетах о деятельности Дерптской цензуры, весьма ясно свидетельствовавших «о недостаточном правильном исполнении цензирующими иностранные книги профессорами возложенной на них обязанности. А именно: в сих отчетах, за все время с 1864 г., ни разу не было показано в привозе ни одной книги, подлежащей исключению каких-либо предосудительных мест или безусловному запрещению».⁵ Министр обращал внимание, что через дерптских книготорговцев проходит большое количество иностранных книг, что по числу этих книг Дерпт превосходит многие другие города, в которых ежегодно получаются сотни книг, «подлежащие безусловному запрещению, исключению мест и пр.» (л. 16). Тимашев делал вывод, «что отчетные сведения дерптских профессоров не заслуживают доверия и что сими профессорами, в противность цензурным правилам, сочинения запрещенные и подлежащие исключению мест и пр.» в свет беспрепятственно» (л. 16—16 об.). Тимашев сообщал, что когда он, на основании таких выводов, распорядился изъять цензуру иностранных книг из рук профессоров и возложить ее на дерптского цензора, те, как видно из заявления попечителя учебного округа, Кайзерлинга, ссылаясь на постановление 1864 г., объявили, что они «не находят возможным исполнить вышеизложенное распоряжение министра внутренних дел, как несогласное с законом» (л. 17). Министр просил поддержки царя, напоминая мимоходом об «известной» книге Ширрена (имеется в виду его «Ответ» Самарину), как о свидетельстве его неблагонадежности. По докладу последовала резолюция: «Высочайше повелено исполнить и вместе с тем сообщить г. Управляющему министерством народного просвещения, что попечителю Дерптского учебного округа не следовало бы давать ход протесту гг. Ширрена и Куртца». К этому времени прямого вмешательства уже не требовалось. 1-го апреля 1869 г., по собственному прошению, поданному, вероятно, не только по личной инициативе, был освобожден от цензорских обязанностей Куртц.⁶ Вообще, видимо, он главной роли во всей этой истории не играл. Профессор кафедры церковной истории и богословской литературы, а затем кафедры экзегетики⁷ и восточных языков Гейнрих Гейнрихович Куртц (1809—1890), выслуживший пенсию уже в 1860 г. и дважды временно оставляемый на следующее пятилетие в университете, был вряд ли способен на активный протест. С ним дело обошлось без скандала. За свою цензорскую деятельность он получает даже благодарность попечителя Дерптского учебного округа. Через год (27 апреля 1870 г.) Куртц без шума уволен в отставку «за выслугою срока» (№ 908, л. 84 об.). Ему выплачивают пенсию, которая после смерти Куртца переходит

⁴ См. ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, № 33, дело «О цензуровании иностранных книг, получаемых в Дерпте из-за границы, при Дерптском университете».

⁵ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 1, № 5, лл. 15 об. — 16. В дальнейшем ссылки на листы этого дела указываются в скобках в тексте.

⁶ ЦГИА Эстонской ССР, ф. 402, оп. 3, № 908, л. 67.

⁷ Отрасль богословия, связанная с толкованием богословских текстов.

его семье. По-иному поступили с Ширреном. 14 мая 1869 г. он был отрешен от обязанностей цензора (№ 1865, л. 162), а 21 мая приказом министра уволен из университета.

В исследованиях по истории Прибалтики весьма справедливо отмечалось, что «оппозиционность» прибалтийских «либералов», видным представителем которых являлся Ширрен, царскому правительству была весьма условной, что объективно они защищали интересы немецких помещиков и т. п. (см., напр., вышеупоминаемую книгу Я. Зутиса). Следует, однако, помнить и то, что полемизировали с ними, большей частью, литераторы славянофильского и официально-реакционного лагеря. Критика, нередко справедливая, положения в Остзейском крае шла в русле славянофильско-катковских нападок на польский, украинский, финский и пр. «сепаратизмы», в русле реакционной шовинистической пропаганды. Следует помнить и то, что действия, далекие не только от всякой революционности, но и от всякой прогрессивности, могли в определенной ситуации, безотносительно к причинам, их вызвавшим, приобретать объективно прогрессивный смысл. Какими бы доводами ни руководствовался Ширрен (а их не следует идеализировать), нельзя не признать, что, благодаря ему, в течение 5 лет иностранные книги могли проникать в Россию через Дерпт, минуя цензурные препятствия.

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ ЛЬВА ТОЛСТОГО (Л. ТОЛСТОЙ И ВЛ. СОЛОВЬЕВ)

З. Г. МИНЦ

Полемика, не раз вспыхивавшая между Л. Толстым и Вл. Соловьевым — философом-идеалистом, публицистом и поэтом, — уже привлекала внимание исследователей. Однако, в целом проблема «Толстой и Вл. Соловьев» не получила пока сколько-нибудь удовлетворительного решения¹. Дореволюционные исследования вопроса резко делятся на две группы. Одна — работы чисто констатационного плана, где просто утверждается какая-то общность писателей² или какое-то отличие Л. Толстого от Вл. Соловьева³. Работы эти интересны как свидетельство того, что творчество, общественная позиция и личность Толстого и Соловьева воспринимались современниками как явления, в той или иной степени родственные. Однако никаких попыток так или иначе конкретизировать черты сходства или различия обоих авторов, а, тем более, объяснить их, в работах этого типа мы не находим.

¹ Сказанное никак не означает, что настоящее сообщение ставит перед собой эту цель. Хочется лишь назвать те основные аспекты взаимоотношений Л. Толстого и Вл. Соловьева, которые, на наш взгляд, представляют наибольший научный интерес, а также очертить круг материалов, имеющих непосредственное отношение к решению вопроса.

² Ср.: «Если мы теперь обратимся к новому времени <...> и здесь станем искать национальных героев <...>, то мы должны прежде всего назвать Толстого и Достоевского <...>, а к ним без колебаний причислить <...> Влад. Соловьева, единственного до сих пор царя нашей русской философии» <С. Булгаков, Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой (параллели), «Литературное дело», сборник, СПб., 1902, стр. 119>.

³ Ср.: М. И. Дубинский (Полтавский), Где истина?, в кн. М. Дубинского: За дружескою беседою. Пб. 1901. Автор статьи говорит о коренных различиях в подходе к вопросам этики у Л. Толстого (в «Противоречиях эмпирической философии») и у Вл. Соловьева (в работах «Нравственная философия как самостоятельная наука» и «Нравственные основы общества»). Изложив в форме воображаемого диалога между Толстым и Соловьевым обе точки зрения (подробнее о них см. ниже, на стр. 95—96), автор ограничивается лишь недоумением по поводу их столь резкой противоположности: «Спор не был окончен. Истина, которую одинаково защищали оба писателя, не была выяснена <...> Бедная истина!» (ук. соч., стр. 109).

Вторая группа исследований содержит резкие антитолстовские выпады «справа». Авторы этих работ стоят, как правило, на ортодоксально-церковной или крайне близкой к ней точке зрения. Взгляды не только Л. Толстого, но и Вл. Соловьева трактуются здесь в сильно упрощенном виде, полностью подтянутом под нужды церковной ортодоксии: «хороший» Вл. Соловьев с его «истинно христианской точкой зрения» противопоставляется Толстому и его «лжеучению». Так строятся статьи «киевского епархиального миссионера» С. Потехина, утверждавшего, что в «Трех разговорах» «В. С. Соловьев обнаруживает действительный обман мнимого «христианства» гр. Толстого»⁴, священника С. Садовского⁵, книга М. Тареева⁶ и др. По существу, качественно не отличаются от них и более талантливо написанные статьи С. Булгакова и Евг. Трубецкого. В первой из них противоречивому «нравственному мировоззрению Л. Н. Толстого»⁷ ставится в пример Вл. Соловьев, у которого вопросы этики «разрешаются вполне в духе церковного учения»⁸. В работе Евг. Трубецкого вначале утверждается, что у Толстого и Соловьева «общая религиозная задача», но что, решая ее, и Вл. Соловьев со своим «полностью несостоятельным»⁹ теократизмом, и Толстой с его анархизмом.

⁴ С. Потехин, Критика толстовства В. С. Соловьевым, «Миссионерское обозрение», СПб, 1901, январь, стр. 34 (продолжение статьи — в февральском номере журнала).

⁵ См.: Свящ. С. Садовский, Владимир Соловьев о графе Толстом, «Душеполезное чтение», 1901, часть II, май, стр. 146—156.

⁶ См.: М. М. Тареев, Основы христианства, тт. III и IV. См. также: «Ежемесячные сочинения», 1900, № 56, стр. 159; «Противотолстовская литература», «Православно-русское слово», 1902, № 10; «По поводу взглядов гр. Толстого и Вл. Соловьева на вопросы нравственности», «Церковный вестник», 1895, стр. 75; «Два пророка (Вл. Соловьев и гр. Л. Н. Толстой)», «Новое время», 1888, № 4524; А. Д. Беляев, Истинное христианство и гуманизм (по поводу воззрений на христианство гр. Л. Н. Толстого и Вл. Соловьева), Сергиев-Посад, 1898 (то же: «Богословский вестник», «Церковный вестник», 1892, №№ 6, 7, 9, 10; 1893, № 3); А. Д. Беляев... (рец.), «Книжный вестник», 1893, № 6. Ср.: С. Н. Трубецкой, «Вопросы философии и психологии», 1900, III.

⁷ С. Булгаков, Человекобог и человекозверь, «Вопросы философии и психологии», М., 1912, март—апрель, кн. 112 (II), стр. 75. Этические воззрения Вл. Соловьева трактуются как последовательная проповедь аскетизма, что справедливо по отношению к ряду философских сочинений Вл. Соловьева (напр., «Оправданию добра») и крайне упрощенно по отношению к значительной части его творчества (напр., к статьям, опубликованным в «Вестнике Европы»); уместно напомнить также гедонистические переводы из Гафиза и сатирические стихотворения Вл. Соловьева; ср. у Э. Радлова характерное сопоставление Соловьева с «писателем эпохи возрождения» гр. Пико della Мирандола: оба автора признают за земной «жизнью человека значение» (Э. Радлов, Вл. С. Соловьев. Биографический очерк, в кн.: Вл. С. Соловьев, Собрание сочинений, т. 9, СПб, изд. «Общественная польза», б. д., стр. XXV и XXIII).

⁸ Там же, стр. 67.

⁹ Кн. Евг. Трубецкой, Спор Толстого и Соловьева о государстве, «Сборник второй. О религии Льва Толстого», М., «Путь», 1912, стр. 60.

впадают в заблуждение. Переходя, однако, от «заблуждений» к «истине», Евг. Трубецкой отдает явное предпочтение Вл. Соловьеву — и притом его наиболее мистическому и реакционному произведению — «Трем разговорам».

Исследователи советского периода неизмеримо меньше интересуются проблемой «Толстой и Соловьев», по-видимому, поверив на слово сотрудникам «Душеполезного чтения», что критика Толстого Соловьевым — это всегда критика с позиций церковной ортодоксии, и лишь изменив оценки обоих авторов на диаметрально противоположные. Так, Н. Н. Апостолов, справедливо отметив крайнюю противоречивость взглядов Вл. Соловьева, вместе с тем, оценивает их как бы с точки зрения толстовской системы. Оказывается, что, во-первых, Вл. Соловьев проявлял наиболее сильные стороны своих взглядов именно и только тогда, когда сотрудничал с Толстым, а наиболее слабые — когда расходился с ним; во-вторых, получается, что общим у Толстого и Соловьева был лишь ряд совместно предпринятых практических акций, при полном различии и даже противоположности мировоззрения: «Кроме «православия», были у Вл. Соловьева общественно-значимые порывы. Их, конечно, не мог не ценить Толстой <...> И тот и другой одинаково не могли молчать перед палачами царской России. Толстой часто лелеял в себе мысль о возможности совместной работы с Соловьевым, т. к. не мог все-таки не видеть известной близости их некоторых устремлений»¹⁰. И лишь публикатор переписки Л. Толстого с Вл. Соловьевым П. Попов с полным основанием отметил, что и «литературная, и общественная деятельность» Л. Толстого и Вл. Соловьева в определенные моменты оказывалась «с точки зрения правительственной бюрократии, подлежащей ограничению для ограждения общества от их губительного влияния»¹¹. В этой же работе приведен ряд весьма положительных отзывов Толстого о Соловьеве¹². П. Попов чувствует сложность проблемы «Толстой и Соловьев» и неправильность того или иного прямолинейного ее решения. Однако обусловленная жанром вступительной заметки краткость работы не позволила автору дать сколько-нибудь детализованное решение задачи.

При подходе к решению проблемы следует иметь в виду, прежде всего, что не только мировоззрение Толстого отличалось

¹⁰ Н. Н. Апостолов, Л. Н. Толстой и его спутники, М., 1928, стр. 238.

¹¹ Литературное наследство, тт. 37—38, Лев Толстой, II, М., изд. АН СССР, 1939, стр. 268.

¹² К работам, касающимся исследуемой проблемы, в кн.: «История русской литературы XIX в. Библиографический указатель», М—Л., изд. АН СССР, 1962, стр. 650 (№ 14844) — отнесена также статья Л. Оболенского «Умственное шатание» («Книжки недели», 1893, № 9); однако, статья эта посвящена полемике Вл. Соловьева не с Львом Толстым, а с Львом Тихомировым.

«кричащими противоречиями». Воззрения Соловьева тоже были чрезвычайно сложными, соединявшими в себе самые различные тенденции. Правда, идеологическая природа этой сложности у Толстого и Соловьева была различной: Л. Толстой отражал внутренние противоречия русской демократической мысли послереформенного периода — творчество Вл. Соловьева соединяло верность многим традициям демократической мысли с отходом от этих традиций в решении ряда коренных проблем. Тем не менее, следует иметь в виду, что взаимодействие взглядов Толстого и Соловьева — это всегда взаимодействие между двумя сложными и противоречивыми системами, и выносить оценки а priori здесь невозможно.

Следует отметить и еще одно важное обстоятельство. Ни у Толстого, ни у Соловьева за годы, протекавшие от начала знакомства до смерти Вл. Соловьева, взгляды не оставались неизменными. Оба автора переживали стремительную эволюцию. Так, Л. Толстой переходит от мучительных колебаний и поисков середины 1870-х гг. (когда состоялось их первое знакомство) к окончательному оформлению своих новых — крестьянско-демократических — взглядов. Вл. Соловьев в 1870-ые годы основной пафос своей критики направляет против увлечений собственной молодости — позитивизма и материализма, которым противопоставляет реакционную теократическую утопию. С начала же 1880-х гг. у него — сперва не очень заметно, а к 1890-м гг. уже довольно бурно — нарастает протест против «во зле лежащего мира» современной ему реакционной русской действительности. Протест этот приведет Вл. Соловьева не только в либеральный «Вестник Европы», но и к серьезному сближению его (в публицистике и частично — поэзии начала и середины 1890-х гг.) с традициями демократической мысли. В последние же годы жизни (примерно с 1897—98 гг.) Вл. Соловьев, разочаровавшись в теократической утопии, но не видя никаких иных выходов из мира зла, вновь переходит на позиции, весьма близкие к церковной ортодоксии и политической официозности («Три разговора» и др.). Все это, разумеется, не могло не отразиться на перипетиях взаимоотношений Л. Толстого и Вл. Соловьева.

В отношениях Толстого и Соловьева отчетливо вычленяются 4 периода.

Первый из них — середина 1870-х гг., время знакомства Л. Толстого с идеями и личностью Вл. Соловьева. Этот период характеризуется безусловной обоюдной симпатией писателей. Причины толстовского тяготения к Вл. Соловьеву — в том, что отходящий от ортодоксальной религии Л. Толстой и порывающий с юношеским позитивизмом Вл. Соловьев, идя в противоположных направлениях, встречаются в какой-то общей точке. Эта общая точка — стремление заменить существующую — не удовлетворяющую ни Толстого, ни Соловьева — православную

церковность каким-то иным, но тоже связанным с идеализмом миросозерцанием. Для Вл. Соловьева, кроме того, важную роль играла и его любовь к Толстому-писателю.

Первые впечатления Л. Толстого от Вл. Соловьева были безусловно положительными. В конце 1870-х гг. Толстой интересуется произведениями Вл. Соловьева, посещает его лекции в Соляном городке¹³, просит Н. Н. Страхова прислать «заманчивую» статью философа («Вера, разум и опыт»; см.: 62, 369) и т. д. Тогда же состоялось и их личное знакомство¹⁴. Высказывания Л. Толстого о Соловьеве в середине 1870-х гг. почти без исключения положительные; это касается и работ¹⁵, и личности философа¹⁶. На основной пункт этого сближения точно указал сам Л. Толстой: «Не изменяя содержания своих взглядов, я все более укрепляюсь в убеждении, что нравственное дело есть первое и неперемненное условие всего прочего и что без этого условия самые высокие и глубокие вещи не только теряют свое достоинство и свою благотворность, но и могут превратиться в самые ужасные мерзости. Это убеждение сближает меня с вами в самом существе дела» (65, 14). Однако, после этого первого увлечения в отношении Толстого к Соловьеву наступило довольно быстрое охлаждение. Второй этап взаимоотношений писателей — конец 1870-х — 1880-ые гг. — отмечен растущим отталкиванием Толстого от Соловьева. Л. Толстой неоднократно отмечает в дневниках и письмах: при чтении работы «Философские начала цельного знания», «мне стало невыносимо скучно» (письмо Н. Н. Страхову от 15 ... 16 августа 1877; 62, 337); «Чтения о Богочеловечестве» — «такой сор», «детский вздор» (ему же от 17—18 апре-

¹³ См. письмо к А. А. Толстой от 10 марта 1878 г. (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, юбилейное издание, М., ГИХЛ, 1928 — 1959, т. 62, 1953, стр. 392. Ниже все ссылки на это издание даются в тексте, первая цифра означает том, вторая — страницу).

¹⁴ Знакомство это, как указывают комментаторы 62 т. Полного собрания сочинений Л. Толстого, произошло около 10 мая 1875 г. в Ясной Поляне. Инициатором его был Вл. Соловьев, испросивший в письме от 3 мая этого года разрешение приехать к Л. Толстому (см.: 62, 197).

¹⁵ Ср. в письме к Н. Н. Страхову от 23 декабря 1874 г.: «Я прочел философскую статью Соловьева, и она мне очень понравилась <речь идет о магистерской диссертации «Кризис западной философии. Против позитивистов» >...», М., 1874 — З. М.>. Еще один человек прибыл к тому малому полку русских людей, которые позволяют себе думать своим умом» (62, 128). Ср. также в письме от 25 августа 1875 г.: «Мое знакомство с философом Соловьевым очень много дало мне нового, очень расшевелило во мне философские дрожжи и многое утвердило и уяснило мне мои самые нужные для остатка жизни и смерти мысли» (Литературное наследство, тт. 37—38, Л. Н. Толстой, И, М., изд. АН СССР, 1939, стр. 156).

¹⁶ Ср. в письмах Н. Н. Страхову: 22—24 марта 1877 г. — «он хороший» (62, 317); 21—22 мая 1877 г. — «передайте ему <Вл. Соловьеву — З. М.> мою любовь» (62, 327) и др.

ля 1878; 62, 413)¹⁷; «Соловьев <...> головной» (В. И. Алексееву от 15—30 <?> ноября 1881; 63, 81); «Пришел Соловьев. Мне он не нужен, и тяжел, и жалок» (запись в дневнике от 13 апреля 1884; 49, 81); «приехал Соловьев. Поговорил с ним ничтожно» (то же от 20 апреля 1889; 50, 70)¹⁸. К этому времени относится и начало полемики между писателями.

Здесь, однако, следует оговориться. Термин «полемика» может быть применен к характеристике взаимоотношений Толстого и Соловьева лишь в весьма ограниченном смысле. Сам Л. Толстой после перелома в мировоззрении 1880-х гг., как известно, вообще, считал всякую личную полемику неэтичной, несущей в себе эмоции озлобления, ожесточения. Поэтому, например, он в письме Н. Н. Страхову от 16 марта 1878 г. категорически заявляет: «Как мне ни досажен Соловьев, я не желаю, чтобы вы писали о нем. Решительно не стоит того.» (62, 400). Из этих же соображений Л. Толстой, включая в текст «Исследования догматического богословия» часть рукописи «По поводу статей Соловьева; Ив<анцова> — П<латонова> и Д. Х<омякова>», вычеркивает оттуда имена Соловьева и др., а затем, 24—25 мая 1882 г., пишет жене: «... Очень рад, что не напечатал. Я не хочу задора» (83, 346). Отсюда же — отрицательное отношение уже в начале 1890-х гг. к полемике Н. Н. Страхова и Вл. Соловьева по поводу книги Данилевского «Россия и Европа» («все полемики бесполезны», 65, 160; см. также: 65, 173 и 65, 199). И уже 30 августа 1900 г., узнав о смерти Вл. Соловьева, Толстой сокрушается о том, что, споря с философом, он испытывал «недобрые» чувства (72, 437).

Отношение Вл. Соловьева к полемике было принципиально иным: он любил и считал вполне оправданной литературную (и не только литературную!) борьбу. В ряде его статей и стихотворений¹⁹ находим прямое упоминание имени Л. Толстого или — еще чаще — недвусмысленные намеки на те или иные положения «толстовства». Однако, как это явствует, например, из писем Вл. Соловьева к М. М. Стасюлевичу, он считал неэтичным поле-

¹⁷ Этот отзыв и был итогом слушанья Л. Толстым лекций Вл. Соловьева в Соляном городке.

¹⁸ Ср. также: 50, 54 и др. О «неудовлетворенности» Л. Н. Толстого «книжностью» рассуждений Вл. Соловьева в начале 1880-х гг. пишет и живший в Ясной Поляне В. И. Алексеев (см.: В. И. Алексеев, Воспоминания, Летописи ГЛМ, кн. 12, Л. Н. Толстой, т. II, М., 1948, стр. 281).

¹⁹ См. ниже, стр. III. Ср. также статьи Вл. Соловьева: «Заметка по поводу новых христиан» («Русь», 1883, № 9, стр. 39—43, — полемика с работой: К. Леонтьев, «Новые христиане. Ф. М. Достоевский и гр. Л. Н. Толстой», М., 1899) и «Личная нравственность и общее дело» (сб. «Помощь голодающим», М., 1892). В указателе к Толстовской библиографии Битовта ошибочно значится статья: В. Соловьев, Граф Лев Николаевич Толстой, «Нива», 1879, № 43, — написанная братом Вл. Соловьева Всеволодом Соловьевым.

мизировать с опальным писателем²⁰. Так что и здесь спор чаще всего принимал форму иронических намеков, пародирования и т. п.

И все же, по-видимому, термин «полемика» здесь применим. Дело не только в том, что о спорах и обоюдной критике свидетельствует множество косвенных показаний (например, как указывают комментаторы к ПСС, Л. Толстой в 1882 г. поддерживал М. А. Энгельгардта, ведшего спор с Вл. Соловьевым — см.: 62, 112—126; антитолстовские настроения Вл. Соловьева были широко известны всему образованному Петербургу, благодаря, в частности, соловьевским остроумам и шуточным мистификациям²¹ и т. д., и т. п.). Главное — в том, что, начиная с конца 1870-х гг., Л. Толстой и Вл. Соловьев обращаются, как правило, к одному и тому же кругу проблем (ср. об этом у Л. Толстого в письме Н. Н. Страхову от 17...18 декабря 1877 г. по поводу «Критики отвлеченных начал» Вл. Соловьева: «Я видел, что она <статья — З. М.> касается того самого, что занимает меня», — 62, 360). При этом, естественно, общность предметов и аспектов рассмотрения наиболее отчетливо выявляет существенные различия, а порой и прямую противоположность точек зрения.

Охлаждение взаимных отношений в конце 1870-х гг. первым испытал, по-видимому, Л. Толстой. По крайней мере, из приведенных выше и ряда аналогичных записей явствует, что Толстой отрицательно относился к Вл. Соловьеву еще тогда, когда философ часто навещал его и писал ему дружеские («ласковые», по выражению Л. Толстого) письма. Спецификой идейных расхождений на этом первом этапе являлось то, что не только у Вл. Соловьева, но и у Л. Толстого взгляды находились в стадии формирования и часто были диффузными, недостаточно определенными. Тем не менее, из полемики видно, что критика Л. Толстым Вл. Соловьева уже в этот период содержала в себе зерна специфически-толстовского «мужицкого демократизма» в оценке действительности.

Главным предметом разногласий конца 1870-х гг. являлся вопрос о месте философии в общественной жизни. Вл. Соловьев в работах «Критика отвлеченных начал», «Нравственная

²⁰ См.: Вл. Соловьев, Письма, (т. IV), Пб., «Время», 1923, стр. 30—31 и др.

²¹ Так, еще в 1909 г. Л. Толстой, не без некоторой обиды, «вспомнил насмешки Соловьева о том, что я говорю, что не земля вертится, а солнце ходит» (57, 31). Комментируя эту запись в дневнике, Н. Н. Гусев справедливо, на наш взгляд, предполагает, что речь идет о «насмешках», высказанных в устных разговорах (57, 307). По вопросу о полемике Вл. Соловьева с М. А. Энгельгардтом и участии в ней Л. Толстого см. также: Летописи ГЛМ, кн. 12, Л. П. Толстой, т. II, стр. 158, и: Вл. Соловьев, Письма, [т. IV], стр. 15.

философия как самостоятельная наука» и др. утверждал, что положения христианского вероучения и этики должны быть непременно взвешены на весах «чистого разума»²². Для Л. Толстого такая постановка вопроса была неприемлемой. Он считал, что «основы эти <знания о божестве — З. М.> необъяснимы разумом <...> и потому божественны» (62, 360). Толстого раздражают попытки Вл. Соловьева логически опровергнуть «утилитаризм» («формула альтруизма опровергается, по-моему, так же просто, как и формула эгоизма», 62, 361): он считает единственным доказательством справедливости христианской этики только то, «что нравственная истинность этого положения, соответствующего основному началу нашему, слишком очевидна» (там же). «Рационалистическому» истолкованию положений идеализма у Соловьева Толстой противопоставляет апелляцию к чувству, интуиции²³. Нетрудно заметить, что в этом «интуитивизме» уже проступают черты свойственного позднему Толстому недоверия к современной науке и ее «логистике», равнодушной к чувствам человека, к «естественным», самоочевидным вопросам человеческого счастья. Вместе с тем, очевидно и то, что, в той мере, в какой Л. Толстой стихийно преодолевает идеализм Соловьева, он критикует и диалектику соловьевского подхода к миру. В ранних работах Соловьева (еще в период их полного приятия) он видит «один недостаток — гегелевскую зловредную философию. Вдруг с бухты да барахты является в конце статьи какой-то дух, мне очень

²² Так, например, в статье «Исторические дела философии» (1880) Вл. Соловьев утверждает, что именно философия впервые сформулировала идеи «свободы и братского единения», «провозгласила права человеческого разума» и т. д. (Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева, 2-ое изд., т. 2, Спб., изд. «Просвещение», б. д., стр. 403 и 411). Философское мышление в этой статье Вл. Соловьева не только оказывается более всеобъемлющей сферой духовной деятельности человека, чем религия, но, по существу, и полностью подменяет ее, как наиболее прямой путь к познанию истины.

²³ Интересно, что в дальнейшем «правая» публицистика будет упрекать в «рационализме» и Вл. Соловьева, и Л. Толстого, а спустя два десятилетия — противопоставлять «чистый беспримесный рационализм» «религиозного учения» Л. Толстого и «дух церковного учения» в работах Вл. Соловьева (С. Булгаков, Человекобог и человекозверь, «Вопросы философии и психологии», М., 1912, март—апр., кн. 112 (11), см. 75, 67 и др.). Следует отметить и то, что Вл. Соловьеву не раз посылались «справа» упреки в пантеизме и в апелляции к человеческим «страстям» (ср., например: И. С. Аксаков, Полное собрание сочинений, т. 4, М., 1886, стр. 218). При этом отход от ортодоксально-церковной точки зрения как в сторону «рационалистских», так и в сторону «пантеистических» тенденций, действительно, был присущ и Л. Толстому, и Вл. Соловьеву (хотя, конечно, последнему — в неизмеримо меньшей степени). Надо подчеркнуть также, что и «рационализм», и «пантеизм» были апелляциями к «земному», человеческому критерию истинности — в противоположность церковной ортодоксии, для которой именно мысль о необходимости введения таких «земных» критериев казалась особенно кощунственной.

противный и давно знакомый» (62, 128). С другой стороны, критика Л. Толстым Соловьева в конце 1870-х гг. часто еще ведется с позиций, субъективно не отличающихся от ортодоксально-христианских; так, 3 сентября 1881 г. Толстой «защищает» христианство от «выдумок» Соловьева: «Соловьев бедный, не разобрав христианство, осудил его и хочет выдумать лучше. Болтовня, болтовня без конца» (49, 58).

Постепенно критика Вл. Соловьева Л. Толстым становится все более последовательно демократической и стихийно-«реалистической». Главным объектом толстовской критики делаются «теократические» иллюзии Соловьева, его надежды на церковь. В мае 1887 г. он пишет Страхову: «Соловьев спутан и не может уже искать истины нигде, кроме <...> в загаженном уголку церкви»²⁴. Ср. запись в дневнике от 18 марта 1889 г.: «Встретил Соловьева, с ним посидел: он признает церковь только как зачаток. Но почему известная ему римская или какая бы то ни было другая есть этот зачаток?» (50, 53). Столь же резко не приемлет Л. Толстой соловьевского мистицизма, причем интересно, что теперь Толстой противопоставляет Вл. Соловьеву аргументацию именно рационалистического порядка: «Мы не можем понять загробную жизнь, п<отому> ч<то> она не только вне наших чувств, но и вне нашего ума. Ум может определить и понять только то, что касается этой жизни. Соловьев <...> ничего не видит, кроме своего» (52, 276). Он с изумлением говорит о характерной для Вл. Соловьева вере в чудеса: «Как это люди образованные и умные могут серьезно говорить о таком явном и очевидном вздоре, как воскресение или вознесение какого-то человека, который вместе с тем «бог»»²⁵. В это время Толстой уже осуждает «теоретичность» философских построений Вл. Соловьева не за апелляцию к разуму, а, напротив, за противоречащие простым аксиомам «естественного» разума (и «естественного» чувства) хитросплетения софистики²⁶, призванные придать логический вид простому суевию: «Мне объяснилась вера слепая, вера в нелепость, вера в прошедшее, Соловьева <...>, которой я прежде не понимал <...> Есть две веры: одна — вера привычки, вера прошедшего, при которой разум употребляется на то, чтобы

²⁴ Толстой и о Толстом, сборник второй, М., изд. Толстовского музея, 1926, стр. 52.

²⁵ А. Оболенский, Две встречи с Толстым, в сб.: Толстой. Памятники творчества и жизни, сб. III, 1923, стр. 42. Вл. Соловьев, со своей стороны, резко иронически относится к авторам толстовского толка, «для которых бог есть только метафора, а Христос — только примерного поведения человек или даже образцовый революционер» (Вл. Соловьев, Письма [т. IV], стр. 15).

²⁶ Ср. более позднюю запись в Дневнике от 22 мая 1907 г.: «Прекрасное выражение Канта: «Люди делаются софистами своих юношеских заблуждений». Соловьевы, Аксаковы» (56, 31).

объяснить себе то, чему веришь по привычке, и вера разумная, <...> вера в то, что не в силах ещё выразить, обнять со всех сторон, но что уж верно знает разум, вера будущего <...>. Первая вера — вера мертвая, неподвижная, вторая вера — живая, движущаяся» (52, 17—18).

Особенностью взаимоотношений Л. Толстого и Вл. Соловьева в конце этого второго периода (конец 1870-х — конец 80-х гг.) является и то, что Соловьев также начинает испытывать отчужденность и критиковать (вначале — только в письмах) Л. Толстого. В первое время критика эта ведется действительно с позиций мистических и ортодоксально-христианских. Такой смысл имеет, в частности, полушуточное замечание в письме к И. С. Аксакову (1882 г.): с Толстым «давно не выдаюсь, и он для меня «яко язычник и мытарь»»²⁷. Философские и этические взгляды Л. Толстого — странность, чудачество; по поводу смерти И. А. Гончарова Соловьев пишет 20 сентября 1891 г. М. М. Стасюлевичу: «Вот и предпоследнего корифея русской литературы не стало. Остался один Лев Толстой, да и тот полумумный. «Уж так у нас в городе устроено: если умный человек, так или пьет запоем, или рожь такие корчит, что святых вон неси»»²⁸. По-видимому, Л. Толстой и Вл. Соловьев, часто встречаясь в эти годы, много говорят о своих разногласиях. По крайней мере, Л. Толстой убежден, что «Влад. Соловьев враждебно относится ко всей <...> работе» Толстого-философа (63, 156). Но, вместе с тем, и в этот второй период у Толстого и Соловьева, наряду с ростом взаимной отчужденности и критики, постоянно возникают и пункты сближения. Дело в том, что даже в эти годы взгляды Вл. Соловьева содержат элементы весьма непоследовательной, но все же временами достаточно острой критики отдельных сторон реакционной русской действительности²⁹. Соловьев постоянно испытывает гнет цензуры, «немилость» царя и гонения Победоносцева — и это делает его и в глазах правительства, и в глазах передовых общественных деятелей той поры фигурой прогрессивной, кое в чем близкой именно к Толстому.³⁰ Именно гонения самодержавия и помо-

²⁷ Вл. Соловьев, Письма, <т. IV>, стр. 15.

²⁸ Там же, стр. 54. «Уж так у нас в городе устроено...» и т. д. — цитата из «Ревизора».

²⁹ В этом смысле весьма показательна эволюция Соловьева от сотрудничества в «Новом времени» и охранительных изданиях позднеславянофильского толка к либеральному «Вестнику Европы».

³⁰ См. об этом: П. Попов, Переписка Толстого с В. С. Соловьевым, Лит. наследство, тт. 37—38, стр. 268, Характерно, что Л. Толстой и Вл. Соловьева постоянно приглашают участвовать в общих мероприятиях (например, по борьбе с голодом; ср.: 72, 48—49). В частности, Л. Толстой и Вл. Соловьев — участники сборников: «Помощь голодающим». Научно-литературный сборник, М., изд. «Русских ведомостей», 1892; «Помощь. Вологодский

гают писателям не только не порывать полностью друг с другом, но и временами, напротив, делать шаги к возобновлению духовных контактов, осознавать свою общность (которая, как уже говорилось, была общностью не только практически-этических норм общественного поведения, но и теоретических воззрений). Так, 1 <?> апреля 1881 года в письме к Н. Н. Страхову встречается — особенно заметная на фоне общего резко-отрицательного отношения — неожиданно очень положительная оценка Вл. Соловьева: «Молодец Соловьев. Когда он уезжал, я сказал ему: дорого то, что мы согласны в главном, в нравственном учении, и будем дорожить этим согласием» (63, 61). Эта запись становится понятной, если вспомнить, что ей предшествовала нашумевшая в свое время лекция Вл. Соловьева в зале Кредитного общества от 28 марта 1881 г.: лекция закончилась тирадой против смертной казни народовольцев и вызвала восторг одной части слушателей и возмущение другой³¹. Вл. Соловьев после лекции подвергся правительственным гонениям и был вынужден прекратить преподавательскую деятельность³². Интересно, что

сборник в помощь пострадавшим от неурожая», СПб, Типография А. М. Вольфа, 1892; «Путь-дорога. Научно-литературный сборник в пользу общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам», СПб, изд. К. М. Сибирякова, 1893.

³¹ 28 марта 1881 г. в Особом присутствии Сената закончился суд над первомаковцами. Теперь окончательное решение зависело от царя. В этот день Вл. Соловьев должен был читать вторую лекцию из цикла «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса»; в конце чтения он внезапно дал весьма резкую оценку современной ему русской действительности. Затем, отвечая на прямой вопрос одного из слушателей, каково должно быть справедливое решение по делу народовольцев, Вл. Соловьев, вторично взойдя на кафедру, заявил, что здесь возможен единственный достойный выход — помилование цареубийц. Всякий иной выход, — заявил Соловьев, — будет отвергнут народом: «Если русский царь <...> предаст их казни, если он вступит в кровавый круг, то русский народ, народ христианский, не может за ним идти. Русский народ от него отвернется и пойдет по своему отдельному пути» (П. Щеголев, Событие первого марта и Владимир Сергеевич Соловьев, «Былое», 1906, № 3, стр. 53). Резонанс лекции был настолько велик, что критик-народник Л. Мельшин (П. Якубович) уже в начале XX в. писал о Вл. Соловьеве, что «лет двадцать назад голос его вызывал сочувствие передовой части русского общества» (Л. Мельшин, Владимир Соловьев, в кн.: Очерки русской поэзии, СПб, 1904, стр. 338).

³² Уже на следующий день после лекции на имя Петербургского градоначальника Н. М. Баранова стали поступать доносы на Соловьева. 30 марта Баранов срочно докладывал министру внутренних дел Лорис-Меликову о «манифестации», вызванной выступлением Вл. Соловьева. Лорис-Меликов передал о случившемся царю, рекомендуя в качестве кары «лишение профессорского звания, воспрещение публичных лекций, удаление из Петербурга». И хотя из этих угроз реализована была только одна — рекомендация «воздержаться от публичных лекций», — но и в таком виде наказание было достаточно суровым (См.: П. Щеголев, Событие 1 марта и Владимир Соловьев, «Былое», 1918, № 4—5 (32—33), стр. 331). О влиянии этого запрета на дальнейшую судьбу Вл. Соловьева см.: Письма Вл. С. Соловьева, т. 3, стр. 338.

Л. Толстой увидел в поступке Соловьева не только личное благородство, но и реализацию каких-то близких ему идей, — «нравственного учения», отрицающего насилие, но и диктующего борьбу против правительственных репрессий. Не менее любопытно и то, что Вл. Соловьев в эти тяжелые для него дни навещает Ясную Поляну.

Воспоминания о беседах с Вл. Соловьевым по поводу правительственных репрессий сохранились у Л. Толстого надолго. Он упомянул о них в своей знаменитой статье «Не могу молчать»³⁴, подчеркнув полное единодушие с Соловьевым в отношении к смертной казни.

С другой стороны, и Вл. Соловьев сочувствовал Л. Толстому горячее всего именно в те моменты, когда писатель подвергался правительственным гонениям. Так, еще в декабре 1886 года Вл. Соловьев писал М. М. Стасюлевичу по поводу отлучения Л. Н. Толстого от церкви: «Еще, мне кажется, было бы полезно напечатать у вас целиком, без комментариев и только с некоторыми подчеркиваниями, поучение архиеп<ископа> Никанора «О том, что ересеучение графа Л. Толстого подрывает основы государственного порядка в России». Я не высоко ценю графа Л. Толстого как мыслителя, но тут дело не в том, а в невообразимой подлости обличительных приемов со стороны корифея нашей иерархии и, главное, в том циническом неверии во внутреннюю духовную силу своего дела, которым пропитано все это «поучение». Если хотите, я сделаю в тексте проповеди необходимые подчеркивания и прибавлю несколько вступительных и заключительных слов в сдержанно-ироническом тоне»³⁵.

Когда в 1891 г. в № 6 «Русского вестника» появилась статья Щеглова, в которой Н. Гоголь, Ф. Достоевский и Л. Толстой клеймились как «развратители юношества», Вл. Соловьев активно выступил на защиту Толстого в статье «Запоздалая вылазка»^{35а}. Число подобных примеров можно было бы увеличить.

Эти отдельные точки сближения тем интереснее, что где-то к началу 1890-х гг. в отношениях Л. Толстого и Вл. Соловьева намечается новый сдвиг, определивший новый — третий — этап их взаимоотношений. Правительственная реакция и гонения, с одной стороны, и заметный рост демократических воздействий на взгляды Вл. Соловьева — с другой, приводят опять к взаимной симпатии и ощущению родственности взглядов.

³⁴ «Помню, как тогда <в 1880-х гг. — З. М.> Соловьев Владимир с радостью рассказывал мне, как не могли по всей России найти другого палача, и одного возили с места на место» (37, 86).

³⁵ Вл. Соловьев, Письма, <т. IV>, стр. 30—31. На эту защиту Л. Толстого Вл. Соловьевым обратил внимание рецензент IV тома «Писем» Вл. Соловьева (см.: П. Преображенский, Вл. Соловьев. Письма (рец.) «Печать и революция», 1924, № 1, стр. 266).

^{35а} См.: Собрание сочинений Вл. Соловьева, т. VI, стр. 325 и др.

Так, 11 марта 1889 г. Л. Толстой записывает в своем дневнике: «С Соловьевым хорошо говорил»; Толстой после этой беседы призывал Вл. Соловьева: «Так пойдемте навстречу друг другу» (50, 50).

В качестве важного для начала 1890-х гг. пункта сближения писателей, кроме уже упоминавшегося родства в понимании этических проблем, следует отметить и общность взглядов на национальный вопрос — один из характерных «индикаторов» при определении политической позиции общественных деятелей конца XIX в. В основе взглядов Толстого на проблему взаимоотношения наций лежало «сознание братской связи со всеми народностями» (65, 45). Воззрения Вл. Соловьева, гораздо более путанные, испытавшие в 1870 — начале 1880-х гг. заметное воздействие славянофильства и еще более заметное влияние «почвенничества» Ф. М. Достоевского, к рассматриваемому периоду, однако, стали очень близкими к этой толстовской точке зрения. Так, в книге «Национальный вопрос в России» (1884, II изд. 1888) и в целом ряде статей конца 1880-х — нач. 1890-х гг. Вл. Соловьев утверждал, что тягчайшим преступлением царизма является угнетение малых народностей.

Для иллюстрации позиции Вл. Соловьева в этом вопросе приведу лишь один пример — «Речь на Университетском обеде», прочтенную 8 февраля 1890 года и не вошедшую в Собрание сочинений Вл. Соловьева. Речь эта, сохранившаяся в чистовом автографе в Рукописном отделе ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде³⁶, дает, по-видимому, достаточно полное представление о взглядах Вл. Соловьева.

Речь на университетском обеде 8 февраля 1890 г.

Господствующая идея настоящего времени есть идея национальная. В этом, конечно, нет ничего дурного. Но национальная идея, как и всякая другая, может пониматься весьма различно. У нас довольно распространено такое ее понимание, которое напоминает известный ответ готтентота миссионеру, спрашивавшему его, знает ли он различие между добром и злом? «Конечно, знаю, — отвечал готтентот, — добро — это когда я украду чужой скот и чужих жен, а зло — когда у меня украдут.» Подобным образом многие наши националисты восхваляют любовь к своему народу как высшую добродетель, а чужой патриотизм признают за измену.

Несмотря на распространенность такого взгляда, я все-таки думаю, что русская национальная идея не может быть основана на готтентотских нравственных понятиях, что она не может исключать принцип справедливости и всечеловеческой солидарности. Считаю своевременным пожелать осуществления истинно-русской идеи и того, что в ней заключается: автономии Польши, равноправности евреев и свободного развития всех национальных элементов, входящих в состав Российской империи.

³⁶ См.: РО ГПБ, ф. 124 (Собрание П. Л. Вакселя), ед. хр. 4052, лл. 1—2.

Разумеется, между позициями Л. Толстого и Вл. Соловьева и по национальному вопросу имелся ряд весьма существенных различий (так, для Толстого национальный вопрос стихийно был одним из аспектов его социальных концепций — Соловьев выводил свое требование равноправия наций из идеалистического представления о вкладе каждой национальной культуры в развитие религиозной «идеи человечества»). Тем не менее, несомненна и связь обоих авторов в эти годы с общей традицией — традицией русской и западно-европейской демократической мысли — в решении национального вопроса³⁷. Поэтому вполне естественно, что, когда Вл. Соловьев в начале 1890-х гг. стал весьма остро полемизировать с реакционными позднеславянофильскими публицистами (В. В. Розановым, Н. Я. Данилевским, отчасти — с Н. Н. Страховым и др.) по национальному вопросу, Л. Толстой, при всей своей нелюбви к полемике, постепенно стал следить за ней и в письме к Н. Н. Страхову прямо сказал о своей солидарности с Вл. Соловьевым: «Против Данилевского, за ист<орическое> отрицание народности я с Соловьевым» (64, 175). Тогда же Л. Толстой вновь начинает интересоваться работами Вл. Соловьева. Так, по свидетельству В. Ф. Лазурского (учителя детей Л. Н. Толстого), Толстой 3 июля 1894 г. в разговоре с домашними, резко осуждая позднеславянофильских публицистов, «ссылается на Владимира Соловьева, когда нужны ссылки на исторические примеры»³⁸. 14 июля 1894 г. Л. Толстой говорит о Вл. Соловьеве: «Это писатель очень способный» (хотя одновременно он резко осуждает «вздор» «Чтений о Богочеловечестве»)³⁹; еще через несколько дней В. Ф. Лазурский отмечает, что Толстому «нравятся комические стихи В. Соловьева»⁴⁰. В это же время активизируется и переписка Л. Толстого и Вл. Соловьева.

В результате этого временного духовного сближения писателями и был предпринят ряд совместных антиправительственных акций. Это, в первую очередь, написание протеста против правительственного антисемитизма. Весной 1890 года Вл. Соловьев

³⁷ Интересно, например, что именно в эти годы и именно в связи с решением национального вопроса Вл. Соловьев начинает использовать типично-демократические критерии при оценке явлений современной действительности. Так, по поводу дела Дрейфуса он писал в письме к Евг. Тавернье в январе 1898 г.: «Всякое учреждение, национальное и другое, требующее для своей защиты или сохранения обвинения хотя бы одного невинного, не имеет права существовать хотя бы один день и неминуемо должно погибнуть» (Вл. Соловьев, Письма, <т. IV>, Пг, изд. «Время», 1923, стр. 225). Подобного рода подход к проблеме государства, личности и общества в ряде сторон близок к толстовскому.

³⁸ Дневник В. Ф. Лазурского, «Литературное наследство», тт. 37—38, Л. Толстой, 11, М., изд. АН СССР, 1939, стр. 459.

³⁹ Там же, стр. 466.

⁴⁰ Там же, стр. 498.

и Э. М. Диллон послали Л. Толстому письмо с просьбой написать или подписать такого рода протест. Просьбу авторов письма поддержал перед Толстым и И. И. Горбунов-Посадов (см.: 65, 56). В ответном письме от 15 марта 1890 г. Л. Толстой благодарит Соловьева и Диллона («за то, что вы предлагаете мне и даете случай участвовать в добром деле», — 65, 45) и соглашается подписать протест⁴¹. Далее он просит Вл. Соловьева составить текст протеста самому, любопытно формулируя эту просьбу: «...Вперед знаю, что если Вы, Владимир Сергеевич, выразите то, что Вы думаете об этом предмете, то Вы выразите и мои мысли и чувства», (65, 45). 30 мая 1890 года Л. Толстой получил от Ф. Б. Геца текст протеста⁴² и подписался под ним. Подпись Л. Толстого — как наиболее авторитетного участника протеста — по настоянию Вл. Соловьева была поставлена первой⁴³.

В это время можно наблюдать сближение между Л. Толстым и Вл. Соловьевым и по ряду других пунктов. Так, все чаще переходя от «теократических» утопий — мечты об «идеальной» церкви — к трезвому рассмотрению современной церковности, Вл. Соловьев все более резко относится к ее идеям и практике. Все чаще мелькает в его письмах (а — отчасти — и в публицистических статьях «Вестника Европы») мысль о деятелях церкви как корыстных обманщиках⁴⁴. Мысль эта, столь близкая Л. Толстому (а, скорее всего, и возникшая под его влиянием) порождает у Вл. Соловьева замысел составить «систематическую хрестоматию из <...> религиозно-нравственных сочинений» Толстого; 8 июля 1894 года он пишет Толстому: «Думаю озаглавить хрестоматию так: «Критика лжехристианства, из сочинений Льва Толстого», — и просит для работы над хрестоматией толстовскую статью на столь близкую Вл. Соловьеву тему, как «Христианство и патриотизм». Хрестоматия эта (которая, подобно ряду других работ Вл. Соловьева, бесспорно, мыслилась как издание вне России) не была составлена. Не реализовался и

⁴¹ В тот же день Л. Толстой благодарит Черткова за то, что тот, еще до письма Толстого, передал Вл. Соловьеву о согласии писателя участвовать в протесте (87, 19).

⁴² Текст протеста см.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева, т. II, СПб, изд. «Общественная польза», 1909, стр. 15.

⁴³ См.: В. Г. Короленко, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 258—260. «Акции» Вл. Соловьева и Л. Толстого вызвали ярость Победоносцева (см., например, письмо К. П. Победоносцева к Александру III и резолюцию последнего в кн.: К. П. Победоносцев и его корреспонденты, М.—Пг, 1923, т. I, полутом 2). Победоносцев, перейдя в наступление, инспирировал исключение Л. Толстого и Вл. Соловьева из ряда ученых обществ, стремясь ограничить возможность распространения их взглядов. В исполненном ярости письме к Победоносцеву Вл. Соловьев призывает его «одуматься» и прекратить гонение на Толстого (там же, стр. 969—970).

⁴⁴ Ср., например, стих. «Ах, далеко за снежным Гималаем...», многочисленные высказывания в письмах к М. М. Стасюлевичу и т. д.

ряд других мероприятий по сотрудничеству обоих писателей⁴⁵. Тем не менее, следует констатировать, что, хотя полного согласия между Л. Толстым и Вл. Соловьевым не было и в этот период, однако, начало и середина 1890-х гг. — время явного сближения писателей.

Последний этап развития взаимоотношений Л. Толстого и Вл. Соловьева — конец 1890-х гг. В это время отношения их вновь резко ухудшаются. Причину нетрудно увидеть. Вл. Соловьев, страстно ненавидевший «во зле лежавший мир» реакционной русской действительности, вместе с тем, боялся и революции. Эта боязнь резко усиливается в годы начинающегося революционного подъема (и провоцируется, в частности, предсмертной болезнью Вл. Соловьева). Отсюда — и начало бурных атак Вл. Соловьева на Л. Толстого. Активность публичных (в том числе — и печатных) нападок Вл. Соловьева на Л. Толстого при почти полном и демонстративном молчании последнего, а также отчетливые черты «критики справа» в этих нападках — характерные признаки последнего периода.

В полемике конца 1890-х гг., в отличие от споров конца 1870-х—1880-х гг., отчетливо выявляются политические основы разногласий писателей. Толстовское отрицание государства начинает осознаться Вл. Соловьевым в «Трех разговорах» как антитеза его собственным политическим взглядам и настойчиво критиковаться. Эту противоположность взглядов обоих писателей на государство понимал и Л. Толстой. Уже после смерти Соловьева, в дневнике 1906 г., он писал: «Часто удивлялся на путаницу понятий таких умных людей, как Вл. Соловьев <...> и теперь ясно понял, отчего это. Все от того же (как и во всей теперешней науке) признания государства как чего-то независимо от воли людей существующего, предопределенного, мистического, неизменного» (55, 286). Эта же мысль еще более резко и афористично выражена в записной книжке 1906 г.: «Причины Соловьевской чепухи: признание государства естественным, по воле бога существующим соединением» (55, 373).

Параллельно вновь начинается дискутироваться вопрос о сущности веры, причем теперь позиция самого Л. Толстого резко меняется. Во взглядах Толстого на религию все усиливаются элементы рационализма, и, соответственно, — критики религиоз-

⁴⁵ Так, интересно, что именно к 1890-м гг. относится попытка мужа сестры Вл. Соловьева, М. С. Безобразовой, — П. Безобразова — издавать журнал под руководством Л. Толстого и с участием А. П. Чехова и М. Горького. Сам Л. Толстой отнесся к этому не реализованному по ряду причин предложению очень положительно (См.: П. Безобразов, Памяти великого художника. По личным воспоминаниям, «Одесский листок», 1910, № 277. 2 декабря). Очевидно, что, если бы журнал, организованный мужем любимой сестры философа, увидел свет, это создало бы новые условия для сотрудничества Л. Толстого и Вл. Соловьева.

ных построений Вл. Соловьева. В дневниковой записи В. Ф. Лазурского от 6 апреля 1900 г. читаем: «Лев Николаевич не любит В. Соловьева <...> По мнению Льва Николаевича, Соловьев такой же православный, верит в откровение, но старается оправдать все это философскими теориями»⁴⁶. Здесь в основе осуждаемого Толстым — «вера в откровение», в интуитивное проникновение в «божественную сущность» мира; «философские теории» же, по мнению Л. Толстого, именно тем и плохи, что не составляют рациональной, критической основы подхода к религии, не идут от «разума естественного», а представляют собой (как и вся современная наука) оправдание суеверия и предрассудков. Подобного рода записи, направленные против интуитивизма Вл. Соловьева, часты у Толстого и в годы после смерти философа. Так, в записной книжке за 1908 г. читаем: «Как не может сам понять и верит, т. е. подчиняется, — Машенька и др., это понятн<о> и достойно, но когда может и хочет опереться на предание, на таин<ства> — Соловьев и tutti qua<nti>, тогда плохо» (56, 359). Аналогичную мысль высказал Л. Толстой в беседе с П. Струве, критикуя позицию авторов сб. «Вехи». Он отметил, что не понимает (т. е., по существу, не принимает) православия таких людей, как Вл. Соловьев: «Когда человек уже раз усумнился и потом начинает строить всякие софизмы, чтобы все-таки оправдать церковную веру, из которой он вырос, — этого я не могу понять!»⁴⁷. В приведенном высказывании, кстати, кроме уже отмеченной критики «софизмов», призванных оправдать не просветленные критическим разумом суеверия, интересна и убежденность в наличии религиозных «сомнений» у Соловьева — черты, в высшей степени характерной для этого философа.

Хотя полемика с Толстым по вопросу о роли государства и об основах религиозного чувства занимала в творчестве Вл. Соловьева последнего периода значительное место, однако, основной мишенью «Трех разговоров» стала толстовская идея о непротавлении злу насилием. Против нее и направлено большинство высказываний Генерала — центрального носителя авторской идеи в «Трех разговорах». Хотя имя Толстого в этом произведении не названо, объект полемики был определен и читателем, и критикой сразу. Впрочем, попытки полемизировать с Л. Толстым по этому вопросу предпринимались Вл. Соловьевым и несколько раньше — например, в статье «Принцип наказания с нравственной точки зрения». Прочтя эту статью, Л. Толстой в своем дневнике ведет с ней любопытную полемику (см.: 53, 12—13).

Полемическим нападкам подвергаются и толстовские теории

⁴⁶ «Литературное наследство», тт. 37—38, стр. 502.

⁴⁷ А. Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, т. I, М., 1922, стр. 290.

самоусовершенствования, «опрошения»: их Вл. Соловьев опровергает в статьях, высмеивает в стихотворениях⁴⁸ и письмах⁴⁹. Наконец, Вл. Соловьев часто обращается к опровержению и иронии в адрес толстовских концепций искусства. Ср., например, в известной эпиграмме на Л. Толстого и И. Репина:

Некогда некто изрек: «Сапоги суть выше Шекспира».

Чтобы, по слову сему, превзойти британца, сапожным
Лев Толстой ремеслом занялся и славы вящей достигнул.⁵⁰

Как уже говорилось, именно в этот последний период политические взгляды Вл. Соловьева подчас приобретают наиболее реакционный характер. Это в особенности заметно в уже упоминавшихся «Трех разговорах» с их прямой защитой самодержавия и православия.⁵¹ Следует сразу же отметить, что в той системе взглядов Вл. Соловьева, которая характерна для его *предсмертных* работ, не только критика воззрений Л. Толстого на государство и церковь, но и нападки на то, что, с современной точки зрения, тоже составляет «слабые стороны» толстовского мировоззрения, приобретали подчас охранительный смысл. Так, борьба с теориями «непротивления злу» сочеталась у Вл. Соловьева конца 1890-х гг. с резко-антидемократической позицией в подходе к вопросам внешней политики (ср.: «Панмонголизм», «Дракон»). С антидемократических позиций ведется и критика толстовских идей внутреннего самоусовершенствования.

⁴⁸ Ироническое упоминание о нравственной проповеди Л. Толстого в стихотворных посланиях к М. М. Стасюлевичу и М. А. Кавосу («Михал Матвееч, дорогой!..» и «Михал Альбертыч, дорогой!..»):

— ...Брошюру издал Лев Толстой
О том, что пьянство вредно, —

позволяет предположить, что Л. Толстой имелся в виду и в эпиграмме из письма к Оболенскому:

«Отказаться от вина...»

и, соответственно, датировать эту эпиграмму приблизительно концом 1890-х гг.

⁴⁹ Ср., например, в письме к брату М. Соловьеву по поводу кражи у Вл. Соловьева 500 рублей слугой Алексеем: «Вера сообщила тебе, как я «избавился от зла» (по терминологии Л. Толстого)» (Вл. Соловьев, Письма, <т. 4>, Пб, «Время», 1923, стр. 97).

⁵⁰ Владимир Соловьев, Стихотворения, изд. 7-ое, доп., М., изд. «Русский книжник», 1921, стр. 275.

⁵¹ «Три разговора» подверглись резкой критике авторов либерального толка (см., например: М. О. Меншиков, Отклики, «Неделя», 1900, № 6, 6 февраля), вызвавшей попытки Вл. Соловьева оправдаться (см.: Вл. Соловьев, Письма т. IV стр. 144). Любопытно, однако, что А. П. Чехов, например, берет Вл. Соловьева под защиту, находя в «Под пальмами» (одно из названий «Трех разговоров») защиту «европейской культуры» (А. П. Чехов, Полное собрание сочинений и писем, т. XVIII, ГИХЛ, 1949, стр. 339).

вания личности. Философскую подоплеку этой полемики отчетливо осознавали уже современники: «Есть два воззрения на нравственную природу человека и природу зла: одно учит о врожденности зла, о коренной поврежденности человеческой природы <...>, другое считает человеческую природу здоровой и неповрежденной и ищет причину зла где угодно, только не в человеческом сердце: в заблуждениях ума, в невежестве, в дурных учреждениях. Согласно первому, человеческая природа двойственна и дисгармонична <...>, согласно второму, естественный человек есть воплощение гармонии <...> и истинная мудрость велит не бороться с природой, а ей по возможности следовать <...>. Оба воззрения резко противостоят друг другу»⁵², — пишет С. Булгаков, возводя далее взгляды Вл. Соловьева (приравненные к «христианскому учению о человеке») к воззрениям первого типа, а толстовские (как и социализм) — к системам второго рода. Выше уже говорилось о том, что подобная характеристика приложима не ко всем работам Вл. Соловьева — однако, применительно к периоду «Трех разговоров» ее следует признать справедливой, равно как и характеристику основ этики Л. Толстого. Но отсюда ясно, что толстовские идеи нравственного с а м о усовершенствования были следствием веры писателя именно в добрую природу человека и в победу ее над преходящими обманами несправедливого общественного строя. И, напротив, Соловьевское неверие в идеи самоусовершенствования было следствием скептического отношения к вере в добрую природу человека — основе всех идейных построений западно-европейского и русского демократизма. Оно закономерно приводило к мыслям о необходимости государственного (монархия) и церковного (теократия) насилия над личностью во имя фикций «общего блага».

И, однако, дело все же и в этот период обстояло сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Критика толстовских идей, принявшая у Соловьева в «Трех разговорах» действительно реакционную форму, вызревала в предшествующий период, и в контексте статей Вл. Соловьева периода «Вестника Европы» она могла иметь и иной смысл. Хотя собственно политические взгляды Вл. Соловьева и в это время не шли дальше либерализма и конституционализма, однако, в его работах мелькают не только многочисленные следы демократических воздействий, но и стремление преодолеть метафизичность и антиисторизм позднедемократических взглядов Л. Толстого во имя диалектики и истории.

Это стремление отчетливо проявилось и в публикуемой ниже статье «Наши Никодимы». Статья эта, не вошедшая в Собрание

⁵² С. Булгаков, *Человекобог и человекозверь*, стр. 58.

сочинений Вл. Соловьева и найденная нами в РО ГПБ,⁵³ содержит развернутую критику такой важной особенности толстовства, как «руссоистское» полное отрицание цивилизации. На основе анализа содержания статья датируется концом 1890-х гг., т. е. может рассматриваться как один из итогов полемики Вл. Соловьева с Л. Толстым. Как и все документы, связанные с последним периодом взаимоотношений писателей, она содержит теоретические положения, внутренне глубоко противоречивые. С одной стороны, в статье прямо отразились реакционные политические воззрения автора «Трех разговоров». Они видны, прежде всего, в той защите церкви и государства, с которой начинаются антитолстовские тирады Соловьева: Вл. Соловьев высмеивает Толстого за то, что, по его мнению, «не нужно церкви, потому что церковники бывают лицемерны, фанатичны и своекорыстны; не нужно государства, потому что оно связано с принуждением, а принуждение есть зло» и т. д., и т. п. Более того: сам принцип историзма превращался здесь — что прекрасно понимал Л. Толстой — в защиту исторически сложившихся форм жизни, приобретал отчетливый охранительный характер⁵⁴. И тем не менее, даже этого рода критика отмечала некоторые из таких сторон демократической мысли, которые обнаруживали в конце XIX в., на грани третьего периода русского освободительного движения, ее метафизичность, утопичность, неспособность понять поступательное движение истории. Именно таков смысл упреков Вл. Соловьева в адрес «Никодимов», которые считают, что человечество «должно опять войти в доисторическую утробу матери-природы, отбросивши от себя все, что выработалось в нем за многие тысячелетия умственного и культурного роста — все многообразие исторических форм, всю сложность жизненных отношений». Революционной, максималистской, но метафизической толстовской антитезе «нормального» и «ненормального», добра и зла Вл. Соловьев противопоставляет более сложное понимание прогресса, включающее одновременное появление и новых достижений, и новых трудностей и конфликтов в результате поступательного развития общества. Как и во всяких системах подобного рода (и, прежде всего, — в диалектике гегелевского типа), реакционность непосредственных политических выводов сочетается здесь с потенциальной возможностью революционного осмысления всех посылок сис-

⁵³ РО ГПБ, ф. 718 (Вл. Соловьева), ед. хр. 9, лл. 1—4. Статья представляет собой черновой автограф с правкой. Имя Л. Толстого в статье не названо — по-видимому, по причинам, отмеченным выше, на стр. 94—95 — но адресат ее узнается сразу по целому ряду бесспорных намеков.

⁵⁴ Близкую аргументацию в пользу исторически создавшихся форм жизни найдем в этот период у целой группы авторов, начиная от Ф. М. Достоевского и Н. Н. Страхова и кончая такими последовательно-реакционными публицистами, как, например, В. В. Розанов.

темы. Сам Вл. Соловьев этих выводов так и не сделал. Но они были сделаны наиболее талантливым из его учеников — Ал. Блоком, прошедшим путь от соловьевской мистики — через демократические воздействия 1907—9 гг. — к революционному историзму его позднего творчества.

Ниже мы приводим полный текст статьи «Наши Никодимы», которая, бесспорно, должна быть включена в состав русской «толстовианы»⁵⁵.

Вл. Соловьев

НАШИ НИКОДИМЫ

Всякий, читавший Евангелие, удивлялся, конечно, простодушию того Никодима, который, будучи «учителем израилевым» и «начальником иудеев», никак не мог понять, что значит духовное возрождение. С искренним недоумением он спрашивал: «Как может человек родиться, будучи стар? Нельзя же ему вторично войти в утробу матери своей и родиться?» (Ев. Иоанна, III, 4).

Такая наивность перестанет нас удивлять, если мы послушаем тех учителей, которые через столько веков после Никодима в нынешнее время и среди нашего христианского мира рассуждают о царствии Божием. Они знают, что человечество должно духовно переродиться, но понимают это так, что оно должно опять войти в доисторическую утробу матери-природы, отбросивши от себя все, что выработалось в нем за многие тысячелетия умственного и культурного роста — все многообразие исторических форм, всю сложность жизненных отношений. Во всем этом есть или может быть зло — значит ничего этого не нужно. Не нужно церкви, потому что церковники бывают фанатичны, лицемерны и своекорыстны; не нужно государства, потому что оно связано с принуждением, а принуждение есть зло; на фабриках рабочие бывают подавлены чрезмерною механическою работою — значит, не нужно фабрик и заводов; деньги развивают стяжательство и мошенничество, значит не нужно денег, — отчего прямо не менять пирог на лапти? Ученые часто занимаются пустяками, значит не нужно науки и университетов. Художники и музыканты действуют своими произведениями на чувственность, значит, не нужно искусства; купцы живут обманом, как видно уже из пословицы: «Не обманешь — не продашь», — значит, не нужно торговли; в городах много соблазнов — да погибнут города; люди, легкомысленно вступившие в брак, не ладят между собою, — значит, семья есть разврат, и так далее, все по тому же шаблону.

Как, однако, низко упали в умственном отношении наши Никодимы сравнительно с евангельским! Тот, понявши идею возрождения в нелепом смысле, сейчас же и увидал эту нелепость и указал на нее с недоумением: разве жизнь возвращается назад, разве может человек войти в утробу матери своей

⁵⁵ В архиве Вл. Соловьева [ЦГАЛИ, ф. 446 (Вл. Соловьев), оп. 2, ед. хр. 16] хранится рукопись (стеклограф) «Толстой в его хозяйственных мечтаниях (по прочтении «Крейцеровой сонаты»)». Рукопись эта, числящаяся как соловьевская, бесспорно, не написана Вл. Соловьевым, что доказывается анализом как содержания (сочетание церковности, национализма с интересом к хозяйственным проблемам), так и языка (элементарно безграмотного). Тем не менее, нахождение этой рукописи в составе архива Вл. Соловьева может представить интерес для будущего исследователя темы «Соловьев и Толстой».

и родиться. Почему не может? — сказали бы наши учителя почтенному раввину, если бы он жил в нынешние времена, — очень может, стоит только захотеть! — Но ведь человек вырос, у него развился сложный организм... — Какой такой организм! Есть только душа, а организм профессора выдумали, чтобы жалование получать. — Но как же быть, например, с ногами? Ведь они нужны, чтобы стоять и ходить? — Зачем ноги? Зачем стоять на земле? Человек должен возноситься духом... Ногами человек идет на убийство и всякое злодеяние, ногами маршируют солдаты, ноги — корень зла! — Ну, а руки... — Зачем руки? Руками человек, вместо того, чтобы работать, совершает всевозможные мерзости. — Но ведь руками же человек и работает... — Тем хуже: работать совсем не надо, полезно только неделание, нужно одуматься. — Но во всяком случае нужна, по крайней мере, голова, — ее-то уж никак нельзя сократить.

— Это почему? Да голова всего вреднее! Откуда происходят злые дела, как не от дурных мыслей, которые являются в голове, голову должно сократить, это самое безнравственное, самое ужасное изобретение!

К такому радикальному упрощению сводится окончательно эта проповедь нового Евангелия. А старое и вечное Евангелие на все это дает один невозмутимый ответ: «Не затем послал бог сына своего в мир, чтобы судить мир, а чтобы спасен был мир чрез него» (Ев. Ио^{ан}на, III, 17).

ПРИРОДА И ХАРАКТЕР КОНФЛИКТА В ОДНОАКТНОЙ КОМЕДИИ А. П. ЧЕХОВА *

В. Н. НЕВЕРДИНОВА

Исследование творчества А. П. Чехова — водевилиста неизбежно вызывает вопрос о связях одноактных комедий Чехова с массовым водевилем тех лет. Из писем и высказываний А. П. Чехова явствует, что он проявлял к одноактному репертуару большой интерес. Мы сталкиваемся с его многочисленными советами драматургам, с замыслами совместного написания одноактных комедий, с оценками современного Чехову водевиля.¹

Водевиль 80-х годов представлял собой чрезвычайно пеструю картину: наряду с пьесами переводными и заимствованными, на русской сцене конца XIX века бытовали оригинальные одноактные комедии. Естественно, что одноактные произведения А. П. Чехова должны были встать в определенные отношения к творчеству его современников, выступавших в том же жанре. Чехов, несомненно, не только наследовал традиции Гоголя и Тургенева, но учитывал и опыт современных ему драматургов.

Поэтому без рассмотрения традиционного водевиля, создаваемого современниками Чехова, без учета путей, которыми шли драматурги, нельзя понять характера одноактной драматургии Чехова.

Установить общее и отличное в творческих принципах Чехова и его современников — значит поставить его одноактную драматургию в определенные связи с современниками, иметь представление о характере традиций, наследуемых драматургом, и, главное, понять глубину его новаторства в области малых драматургических форм.

* *
*

* Прислано из Таллинского педагогического института.

¹ См., например: Ив. Щеглов, Из воспоминаний об Антоне Чехове, Ежемесячные приложения к «Ниве», 1905, № 6; Т. Щепкина-Куперник, Из воспоминаний, М. ВТО, 1959; Эн, Неизвестные письма Чехова, «Русские ведомости», 1914, 31 мая; Ю. Соболев, Антон Чехов — водевилист, «Работис», 1929, № 29 и др.

В 80-е годы XIX века «наряду с реакционным помещиком, равноправным хозяином положения стал сытый буржуа-мещанин, аполитичный, довольный своим утробным существованием, ограниченный и наглый»². Тенденция к мещанскому благополучию характерная для времени, сказалась в стремлении к развлекательной литературе, уводящей от изображения жизненных противоречий. Таким образом, сама эпоха вызвала к жизни водевиль, этот «одряхлевший и измельчавший жанр сценической шутки».³ Он прочно обосновался на сценах столичных и провинциальных театров.

В отличие от большинства водевилистов эпохи, А. П. Чехов — автор одноактных комедий — смотрит на создание веселой комедии, как на серьезное дело.⁴ Серьезное отношение к веселому смеху — это способ отражения жизни и одна из сторон мироощущения писателя. Чехову свойственно «редкое умение на маленьком полотне сосредоточить картину громадных размеров»⁵, тяготение к цельной картине мира, стремление дать ее оценку. Вместе с тем, «Чехов Антон с ранних лет видел жизнь такой, как она есть; оранжереи не было. Видел пеструю смесь ничтожного и смешного, насильнического и серьезного».⁶

Мещанский мир одноактных пьес А. П. Чехова — это нечто примитивное, способное вызвать либо улыбку, либо презрительное недоумение. В основу одноактной пьески Чехов кладет бытовой факт, окрашенный нередко в анекдотические тона. Герои комичны в своем желании казаться не тем, что они представляют собой в действительности, элементарностью устремлений⁷. Чехов-водевильист изображает жизнь, которая не имеет права именоваться жизнью, и этим выражает своё неприятие окружающего мира.

Различие мироощущения Чехова-водевилиста, с одной стороны, и авторов традиционного водевиля, — с другой, выражается через определенную систему художественных средств.

Задача настоящей статьи — исследовать природу и характер

² История русской литературы, т. IX, ч. II, М.—Л., изд. АН СССР, 1956, стр. 351.

³ Г. Бялый, Драматургическое мастерство Чехова, «Театр», 1954, № 7, стр. 44.

⁴ См.: А. Караганов, Критический реализм, в кн.: Творческий метод, Сборник статей, М., изд. «Искусство», 1960.

⁵ Б. В. Варнеке, История русского театра, Изд. 2-ое, значительно дополненное, СПб., изд. Н. Н. Сергиевского, 1914, стр. 654.

⁶ Борис Зайцев, Чехов, Литературная биография, Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1954, стр. 11.

⁷ См. письмо А. П. Чехова А. И. Южину: А. П. Чехов, Полное собрание сочинений и писем, М., ГИХЛ, 1948, т. XIV, стр. 452. В дальнейшем все ссылки, кроме особо оговоренных, — по этому изданию, в тексте. Первая цифра в скобках означает том, вторая — страницу.

конфликтов, лежащих в основе сюжета одноактных комедий А. П. Чехова.

*
*
*

Чтобы комедия была «веселым пустячком», игралась и смотрелась легко, водевилисты 1880-х гг. стремятся к нарочитой неглубокости содержания, к обыгрыванию комических положений, к смешным каламбурам и т. д.

Чеховские одноактные пьесы полностью сохраняют требования жанра: легко разыгрываются и смотрятся. Но за внешней легкостью чеховских пьесок часто стоит значительное содержание, которое по мере развития действия сначала только угадывается и до некоторых пор почти не тревожит. Зритель или сопереживает вместе с участниками пьес их злоключения, или смеется над их примитивными инстинктами и чувствами, обнажающимися в самые неподходящие моменты: во время свадьбы, в празднование юбилея, — или, в конце концов, жалеет героев, смешных и одновременно жалких, запутавшихся в жизни, — тех, в которых, хотя бы на короткое время, просыпается человек.

Встает, естественно, вопрос, как при малозначительности фактов, намеренном погружении в быт, в обыденную жизнь, веселом и смешном обыгрывании этих фактов Чехов достигает того, что знакомство с его одноактными пьесами оставляет впечатление соприкосновения с большой и значительной литературой?

Легкость, свойственная одноактной комедии, впечатление правдивости и интерес, с которым она смотрится, зависят в значительной мере от характера конфликта, от того, какие формы он принимает и как развивается в пьеске.

Это естественно, так как внутренняя напряженность и быстрая смена событий обязательны в одноактной шутке. Достигнуть этого можно, построив пьеску на остро выраженных противоречиях.

Наиболее яркая, острая и, пожалуй, традиционная форма выражения конфликта в одноактной драматургии — спор между участниками сценки. К нему зачастую обращаются авторы водевилей, шедших на сцене в 80-е — 90-е годы XIX века.

В «Моте»⁸ (Тарновского) отец постоянно спорит с дочерью, с богатой сестрой и с женихом дочери. Вся пьеска «Милые братья — только тешатся» того же автора целиком построена на пререканиях и взаимообвинениях мужа и жены. В основе водевилей Ивана Щеглова «Женская чепуха» и «Не в добрый час» — также спор. То же можно сказать и о других водевилях.

К спору, как форме выражения (а иногда и разрешения)

⁸ Тарновский, Сборник «Театр», т. II, М. Изд. Театр. библ. Рассохина, 1878.

конфликта обращается в одноактной драматургии и Чехов. У него везде спорят: во время предложения и при получении долга, на свадьбе и перед юбилеем. Даже в сценках, где, казалось бы, нет видимых противоречий, участники вступают в спор с невидимым противником — жизнью и обстоятельствами. Но характер и причина спора всегда различны, и относятся зрители к тому, что происходит на сцене, по-разному — или весело и легко, или с долей большего или меньшего раздумья. И в том и в другом случае несерьезность спора свидетельствует о несущественности водевильных конфликтов. Но если в традиционном водевиле она является отражением авторского мира, то у Чехова оценок и изображаемой жизни. Обратимся к сравнению.

Из массы водевилей, наводнивших в 80-е — 90-е годы XIX века русскую сцену, мы выбрали два весьма популярных и бойко шедших на столичной и провинциальной сцене того времени. Это «Мотя» Тарновского и «Жена на прокат» Рассохина⁹, на остальные водевили будем по необходимости лишь ссылаться. Сопоставляя одноактную комедию Чехова с водевилем 80-х и 90-х годов, постараемся уяснить содержание конфликта, на котором строится одноактная шутка, и те формы, которые он принимает.

Отношение зрителя к происходящему на сцене зависит в известной степени от того, сумеет ли он поверить в персонажей сценки, в их наполненный противоречиями мирок. Они живут в особом, водевильном мире, где нет больших событий, глубоких и сложных чувств. Их волнения обычно не выходят за рамки ревнивых подозрений («На волосок от преступления» и «Отелло Кузьмич и Дездемона Панкратьевна» Мансфельда), забот, связанных со сватовством («Мотя» Тарновского, «Не зная броду, не суйся в воду» и «Стрекоза» Мансфельда), легкого флирта («И он во всем же виноват» Мансфельда и «Милые бранятся, только тешатся» Тарновского).

Так же «несерьезно» ведут себя персонажи большинства одноактных комедий Чехова. Они заботятся о внешней благопристойности свадебного или юбилейного торжества, поглощены комическим сватовством или повествуют о страданиях дачного мужа. Постоянные несогласия, столкновения по любому поводу составляют содержание то и дело вспыхивающих конфликтов. Все это очень похоже на традиционный водевиль, но конфликты маленьких пьесок Чехов наполняет иным содержанием. У него в одноактной комедии спор вращается вокруг вопросов, жизненно важных для самих участников. Ломов и Наталья Степановна спорят о земле, Апломбов и родители Дашеньки — о приданом, все поведение Мерчуткиной подчинено желанию получить 24 руб-

⁹ С. Рассохин, Веселый театр, вып. 3, изд. 2-е М, изд. С. Рассохина, 1923.

ля 35 копеек, и даже незаметная перебранка между Настасьей Тимофеевной и Андрюшей Нюниным связана с 25-ю рублями, напрасно истраченными на генерала. Смирнов может ссориться с вдовушкой и говорить ей в глаза самые нелестные вещи, но зрителю известно, что он приехал за долгом. Таким образом, даже не новые конфликты Чехов делает значительными для участников сценки и, конечно, для зрителя.

Иное в традиционном водевиле. Персонажи его, находясь друг с другом в постоянных противоречиях, больше говорят о том, что задано сюжетом пьески, что, следовательно, должно их занимать.

Все оказывается настолько мелким и ненужным, что конфликты-столкновения зачастую не достигают необходимой остроты, нужного накала и развития. Не дойдя до апогея, они мирно проясняются и заканчиваются («Не зная броду, не суйся в воду» Мансфельда)¹⁰. В пылу спора герои одноактной сценки вспоминают о множестве других вещей, не имеющих прямого отношения к основному разногласию. Спор о преимуществах Угадай или Откатая не связан непосредственно с предложением, которое собирается сделать Ломов. На фоне того, что должно произойти, разговор о собаках, казалось бы, особого смысла не имеет. Но уж раз о них упомянуто, ссоры не избежать, потому что это продолжение основного конфликта сценки, спора о престиже хозяина. Так «мелочи» подчиняются в чеховской сценке основным противоречиям и приобретают особый смысл: они наполняют конфликт пьески определенным содержанием и придают ему внутреннее единство. С «мелочами» встречаемся и в традиционном водевиле. В качестве примера обратимся к водевилю И. Щеглова «Не в добрый час». Хозяйка (Чермоева) ссорится с кухаркой Аграфеной:

Аграфена: Чего вы еще не выдумаете? Их (тарелок — В. Н.) и всего-то было четверо штук.

Чермоева: Врешь, полдюжины.

Аграфена: Слава богу, у меня глаза не завязаны: три голубого фарфора с амуром на середке и одна так, без всякой фантазии. Извольте сейчас посмотреть!!

Чермоева: А я тебе докажу, что полдюжины — и все с амуром... все с амуром!!

С кухаркой ссорится хозяйка из-за тарелок, а с мужем долго и с упоением спорит о том, где находится Липецк — в Калужской Черниговской или Тамбовской губерниях.¹¹

Здесь назначение «мелочей» иное. Они существуют лишь ради того, чтобы внести в сценку большую занимательность, сделать

¹⁰ Д. А. Мансфельд, Сцена, вып. 21, М, изд. С. Рассохина, 1907.

¹¹ И. Щеглов, Веселый театр, СПб, Изд. А. С. Суворина, 1897, стр. 40.

динамичнее сюжет. Но, почти не связанные с основным конфликтом, они не в состоянии сделаться органической частью сценки.

Мелкие разногласия осложняют основное противоречие одноактной шутки и создают дополнительные конфликты-столкновения. Благодаря им, зритель получает более полное представление о персонажах сценки, а их разнообразие приводит к ряду комических эпизодов, деталей и реплик. Несогласия и противоречия могут быть несерьезны и незначительны, но участники спора тратят на их разрешение массу энергии. И это несоответствие между причиной спора и затраченной энергией заставляет смеяться. Следовательно, многоконфликтность делает пьеску не только более естественной, но и утверждает её как шутку.

Характерную для традиционного водевиля картину многоконфликтности дает пьеска Рассохина «Жена на прокат».

Герой её Сергей Петрович — легкомысленный молодой человек, живет на средства богатого и строптивого дядюшки. Сергею Петровичу постоянно не хватает денег, и он выпрашивает их под разными предлогами: либо извещает, что женится, либо выдумывает рождение несуществующих детей. Узнав, что дядюшка приезжает в город, он решает создать иллюзию семьи и просит хозяйку квартиры стать его женой на время. Это приводит к различным смешным неловкостям, взаимонепониманию и совершенно неожиданному концу: хозяйка квартиры, вдова Хоросева, женит на себе упрямого и богатого дядюшку.

Пьеска наполнена множеством противоречий. В конфликте все: дядя и племянник, дядя и вдовушка, и, в заключение, неугомонный Мордашев (дядя) ссорится с Акакьевым (одним из постояльцев в доме вдовушки). Уверенный, что вдовушка — жена племянника, Мордашев не может понять не посвященного в обман Акакьева.

Акакьев. Могу добавить, муж полгода как в могиле.

Мордаш. В могиле? Кто в могиле?

Акакьев. Похоронен-с... могу добавить, с большой пышностью.

Мордаш. (смеясь) Да вы того... (показывает на лоб). Чердак-то у вас в порядке?

Акакьев. Я сам нес гроб и горько плакал.

Мордаш. (тихо) Помешанный. (Ему) Ну, а я вам скажу, что я его видел сегодня.

Акакьев. (в ужасе отскакивая) А... кого? Где?

Мордаш. Здесь, несколько минут назад...

Акакьев. (тихо) Сумасшедший. (Ему) Могу добавить, вы ошибаетесь... Помешанный (Надевает пальто и галоши) Ужасно боюсь помешанных. (Направляется

к двери). Честь имею кланяться, смею добавить, обратитесь в больницу умалишенных...¹²

Будь Мордашев повнимательнее, разговор с Акакьевым мог бы навести его на некоторые размышления и помочь раскрыться обману. Значит, новое столкновение обостряет конфликт и усиливает комизм пьески, так как участники диалога говорят на разных языках. Естественно, напрашивается вывод, что многоконфликтность нечужда традиционному водевилю. Но по сравнению с водевилем Чехова она приобретает иные формы. В пьеске Рассохина все остается в рамках заданного противоречия. Новые конфликты-столкновения идут по пути дополнения и углубления основного конфликта. У Чехова же один конфликт часто порождает другой, который наполняет смыслом основной и одновременно получает самостоятельное значение. Причем, второй конфликт нередко противоречит первому (сватовство и спор о собаках в «Предложении») и соотносится с ним как кажимость характера с его сущностью. Дополнительные конфликты в чеховской сценке могут быть не связаны непосредственно с основным, но в итоге все вместе они объединены единством темы. Яркую картину в этом плане представляет собой «Юбилей». Конфликты между Хириным и Шипучиным, Хириным и Мерчуткиной, Хириным и Татьяной Алексеевной самостоятельны и рождены различными причинами. Но только все они, объединенные вместе, составляют суть сценки — картину трагикомического празднования юбилея.

Впечатление недосказанности, неполноты конфликта, характерное для традиционного водевиля, может зависеть и от того, что в нем герои не всегда равноправны. Примером служит водевиль Тарновского «Мотя». Участники его — Мотя и ее отец Окуньков, боящийся замужества дочери. Все силы он употребляет на то, чтобы избавиться от очередного жениха — Фарфоровского. Но Фарфоровскому покровительствует богатая сестра Окунькова. Отцу Моти нужно, таким образом, и сестре угодить (иначе она лишит его дочь наследства), и добиться цели — выгнать ненавистного жениха. Ситуация водевильная, но в пьеске исключена из конфликта Мотя. Она — причина спора между братом и сестрой и ненависти отца к каждому новоявленному жениху. Вокруг нее разворачиваются события, сама же она в них участия не принимает. Так Мотя уподобляется чеховскому «невыстрелившему ружью». Зависит это не только от неумения, но и от того, что внимание авторов направлено на отдельные факты, на поверхностность явлений и нет стремления к изображению цельной картины мира.

У Чехова в одноактной комедии нет «нестреляющих ру-

¹² С. Рассохин, Веселый театр, вып. 3, изд. 11-е, М, изд. С. Рассохина, 1923, стр. 14—15.

жей» — никогда не бывает необязательного участника. Он отдает слуге Луке («Медведь») центральное место в финале и смело вовлекает в конфликт пьески Татьяну Алексеевну («Юбилей»), не имеющую прямого отношения к юбилейным событиям.

Одна из отличительных особенностей пьесы-шутки, не претендующей на серьезность — ее анекдотическая основа. Она находится в тесной связи с конфликтом пьески. Роль анекдотического случая в одноактной пьеске значительна потому, что он намечает конфликт сценки, определяет его развитие и ярче обнажает комизм положений.

На анекдоте строятся многие одноактные пьесы Ивана Щеглова¹³. Это переодетый слуга, проводящий вместо хозяина-врача комический прием больных («Доктор принимает»), или репортер, спрятанный в сундуке у известной актрисы («Гастро-лерша»), или же злключения молодых людей, которых непременно хочет женить на своих дочерях предприимчивая мамаша («Мышеловка»). То же у Тарновского в водевиле «Милые братья, только тешатся»,¹⁴ где в комическую ситуацию попадает муж, поверивший мнимому другу и обманутый им. На анекдоте построены сценки Мансфельда («И он во всем же виноват»)¹⁵ и других авторов.

Значение анекдота в них велико: он концентрирует действие и является причиной противоречий, которые определяют смысл всей пьески.

Чехов — автор одноактной шутки — и в этом не нарушает водевильной традиции. Действительно, разве не анекдотически выглядит предполагаемая дуэль между мужчиной и женщиной или обморок, случившийся со «здоровым упитанным мужчиной» во время спора, или, наконец, скандал на юбилее из-за вздорной просительницы. Но анекдотический случай в чеховской пьеске, пусть даже самый смешной и неожиданный, никогда не выдуман и вытекает из обстоятельств, в которые попадают участники сценки. Смирнов и Попова так естественно ссорятся и стараются доказать свою правоту, что вызов на дуэль не кажется абсурдом. Так же естественно воспринимается в «Предложении» спор до обморока. Жизненное положение, с которым связывается анекдот, делает более оправданным, «обусловленным» и конфликт.

В сравнении с традиционным водевилем место и значение анекдота в чеховской пьеске меняется: он не причина конфликта, а, скорее, его следствие. Так, в «Медведе» к мысли о

¹³ И. Щеглов, Веселый театр, Одноактные шутки, СПб, изд. А. С. Суворина, 1897.

¹⁴ Тарновский, Сборник Театр, т. I, М., Изд. Театр. библиот. Рассохи-на, 1878.

¹⁵ Д. А. Мансфельд, Сочинения и переводы, М., Изд. Пайчадзе, 1886.

дуэли привел предшествующий спор. А Толкачев («Трагик поневоле») произносит «крови жажду» и начинает бегать за приятелем с ножом только после того, как переполнилась чаша его терпения.

Меняя место анекдота, автор сознательно уменьшает его роль: анекдот в сценке Чехова принимает характер эпизода, события, а смысл сценки определяют иные, более значительные вещи. Комизм положения у Чехова только дополняет комизм характера, тогда как авторы традиционного водевиля дальнейшие изображения комических положений не идут.

Таким образом, если традиционный водевиль на анекдоте «закручивает» действие, то Чехов использует его как дополнение к содержанию для «облегчения» всей пьески. («Медведь», «Предложение»).

В «Свадьбе» и «Юбилее» анекдот теряет неожиданность и непосредственность, ошутимее подготавливается развитием действия и приобретает ярко выраженные бытовые черты. Перед зрителем предстает жизнь уже не только комической стороной, при знакомстве с ней просто и беззаботно смеяться нельзя.

И совершенно незначительную роль играет анекдотический случай в драматическом этюде «Лебединая песня» и сцене-монологе «О вреде табака» (редакция 1902 года). Действие каждой из них разворачивается вокруг смешного на первый взгляд случая: смешон комик, забытый после бенефиса в театре, смешон жалкий, запутавшийся человек, рассказавший со сцены вместо «ученой» лекции о себе, своей жене, о жизни. Но комическое положение никак здесь не связывается с конфликтом. Он существует сам по себе, поэтому роль анекдотического эпизода совсем мала. Более того, положение, которое в традиционном водевиле должно быть смешным, оборачивается у Чехова далеко неюмористической стороной.

Таким образом, если в традиционном водевиле анекдот — самоцель, то в одноактной комедии Чехова обращает на себя внимание психологическая естественность анекдота¹⁶. Кроме того, он помогает раскрыть противоречие внешнего вида и поведения героя (обморок Ломова в «Предложении») и тем самым обнажает существенные черты конфликта, участвует в создании образа «перевернутого мира». Анекдотическая нелепость в чеховской одноактной пьесе обнажает нелепость и противоречия жизни.

Как уже отмечалось, участники чеховской сценки в споре часто уклоняются от основной темы, вспоминают о множестве

¹⁶ На сочетание в водевиле Чехова «невероятности» с правдой характера, правдой психологической указывает А. Роскин в кн. А. П. Чехов, М., ГИХЛ, 1959.

других вещей, непосредственного отношения к их разногласиям не имеющим.

Действительно, какое отношение к деньгам, к долгу, который должен получить помещик от кредиторши, имеет вспыхнувший спор между Смирновым и Поповой.

Смирнов: ... Скажите мне по совести: видели вы на своем веку женщину, которая была бы искренна, верна и постоянна? Не видели! Верны и постоянны одни только старухи да уроды!..

Попова. Позвольте, так кто же, по-вашему, верен и постоянен в любви? Не мужчина ли?

Смирнов. Да-с, мужчина!

Попова. Мужчина! (Злой смех). Мужчина верен и постоянен в любви! Скажите, какая новость! (Горячо) Да какое вы имеете право говорить это? ... (XI, 88)

А ведь именно в этом новом вспыхнувшем разногласии полнее раскрываются их характеры.

То же можно сказать о «Предложении», «Юбилее» и других пьесках. Хирин, стремясь избавиться от Мерчуткиной, бесцеремонно выгоняет ее. В словесной перепалке они доходят до взаимных оскорблений.

Хирин. Я вас, мадам, спрашиваю: у вас голова на плечах, или что? Ну, чорт меня подери совсем, мне некогда с вами разговаривать! Я занят. (Указывает на дверь) Прошу!

Мерчуткина. (удивленная). А деньги как же?..

Хирин (вполголоса). Ежели ты не уйдешь сию секунду, то я за дворником пошлю! Вон! (Топчет ногами).

Мерчутк. Нечего, нечего! Не боюсь! Видали мы таких... Сквжина! (XI, 138).

Поведение подчеркивает суть характера каждого: женоненавистничество и раздражительность Хирина и мерчуткинское умение любым способом добиваться желаемого. Так выступает существенная особенность чеховского водевиля: связь между конфликтом сценки и характерами ее участников, взаимообусловленность конфликта и характера. Поэтому даже предполагаемое участие в дуэли женщины воспринимается как нечто естественное. Хорошенькая, темпераментная вдовушка настолько ненавидит своего кредитора — «медведя» и «монстра», что у зрителя нет повода усомниться в искренности ее слов и поступков, не поверить ей. Столкновения между героями — крупные и мелкие — Чехов строит так, что они не идут вразрез с

характерами, помогают увидеть участников в разнообразных ситуациях и прийти к пониманию глубины типа¹⁷.

Авторы наиболее удачных водевилей также стремятся к тому, чтобы поступки и реплики участника соответствовали его характеру. Вернемся к водевилю Тарновского «Мотя».

Конфликт между Окуньковым и его сестрой становится возможным, потому что оба они упрямы и каждый из них обуреваем противоположными стремлениями. Окуньков хочет дольше удержать при себе дочь, его сестра — скорее выдать Мотю замуж. Таким же упрямым предстает Окуньков в столкновении с женихом дочери. Причем диалог между ними написан в духе чеховской шутки: конфликт то готов разрастись, то искусственно приглушается. Окуньков страстно желает избавиться от жениха, но, боясь гнева богатой сестры, не говорит об этом прямо.

Окуньков. Вы бы, право, лучше остались...

Фарфоров. Не хочу... нельзя!

Окуньков. (в сторону) Мразь! (Ему) Ну, если вам никак нельзя, то... не смею настаивать.

Нимфодора. (сестра Окунькова — В. Н.) Человек! (Хочет тоже уехать).

Окуньков. (Ей) Постой. (Ему) Сакердон Ильич! К-ха! Мне нужно еще с вами поговорить, с одной стороны...

Фарфоров. Вы назвали меня дураком.

Окуньков. Неужели вы обиделись?

Фарфоров. Обиделся!

Окуньков. Ну, это другое дело¹⁸.

Реплики и поступки Окунькова вполне соответствуют его характеру. Это уводит конфликт от схематизма, и он приобретает черты правдоподобности.

Так же, как шутка А. П. Чехова «Предложение» (берем для сравнения эту пьеску как наиболее близкую по сюжетной ситуации и характеру конфликта), «Мотя» держит зрителя в напряжении, потому что предугадать исход конфликта невозможно. Остроумны и смешны положения, в которые попадает Окуньков, и его неистощимые выдумки, чтобы отвалить женихов. Сходство авторских приемов, таким образом, очевидное.

И все-таки между одноактной пьеской Чехова «Предложение» и водевилем Тарновского «Мотя» разница даже в существовании конфликтов-столкновений, составляющих содержание сценок.

¹⁷ О художественной манере типизации раннего Чехова, о его умении от поверхностного впечатления приходить к пониманию глубины типа говорится в книге Н. Нальм, Anton Tschschows kurzgeschichte und deren Vorläufer, Weimar, 1933.

¹⁸ Тарновский, Сб. Театр, т. II, М., изд. Театр. библ. Рассохина, 1878, стр. 175.

Конфликт в чеховской пьеске помогает увидеть участников в ином освещении.

Ломов и Чубуковы, споря, неожиданно раскрываются с новых сторон. Помимо страсти к спору, их поведение определяется тем, что они помещики, каждый из них — хозяин, владелец земли и собак. Так Чехов незаметно для зрителя расширяет и углубляет характеристику героев, наделяет каждого участника относительно сложной гаммой чувств, делает более разносторонним характер. Роль конфликта становится значительной, коль скоро он начинает участвовать в прояснении характера.

Узнаванию персонажа помогают те «мелочи» или детали, о которых речь шла выше. Деталь Чехов вводит незаметно, без назойливости, иногда она принимает характер случайности, просто к слову произнесенной реплики. Наталья Степановна, например, говорит: «...а вчера такой дождь был, что рабочие весь день ничего не делали». (XI, 97). Иногда же она имеет вид пустяка, кажущейся бессмыслицы (например, Змеюкинское «Дайте мне атмосферы!»). Наполняя сценку каламбурами, пустяками, казалось бы случайными репликами, Чехов следует водивильной традиции, сохраняет требование формы. Но, вводя детали, Чехов придает своим героям достоверность и жизненность, лишает характеры схематизма, делает их динамичными.

В «Моте» этого нет. Противоречия между героями сценки не вносят ничего нового в наши представления о них. Появление очередного жениха Моти лишь подчеркивает упрямство Окунькова и его сестры, усугубляет противоречия, на которых строится сюжет. Деталей, которые помогли бы узнать и понять характер, нет. Поэтому создается впечатление узости конфликта, намеренного ограничения его рамок.

Для автора пьески «Жена на прокат» связь между конфликтом и характером еще менее обязательна. Здесь обстоятельства складываются так, что участники сценки находятся в постоянных противоречиях друг с другом. Но только один Мордашев (дядюшка) в конфликте из-за особенностей своего строптивного характера. Мордашев не может допустить обмана и отправляется в город, чтобы во всем убедиться самому. Остальные герои в конфликте друг с другом в силу своих поступков (Сергей Петрович) или причуд (Хорошева). В пьеске, таким образом, по-разному мотивируется участие персонажей в конфликте, и не всегда поступки объясняются особенностями характера.

В основной массе традиционный водевиль еще более однообразен. Действующие лица в нем наделяются качествами, которые позволили бы им участвовать в перипетиях и спорах, выпадающих на их долю. Характеров нет, есть только схемы, которые используются авторами в заданных сюжетных ситуациях. Если это ссорящиеся супружеские пары, то они либо

выясняют отношения («Молчание» Билибина,¹⁹ «Милые братья, только тешатся» Тарновского), либо одержимы желанием доказать свою правоту («Не в добрый час» И. Щеглова, «На волосок от преступления»²⁰ Мансфельда и др.). Ничто иное не занимает спорящих. Узенький мирок, вздорные, придуманные ссоры переходят из пьески в пьеску, а потому все известно заранее и лишено интереса. Так авторы лишают участников сценки и самое сценку впечатления достоверности.

Для того, чтобы одноактная пьеса была более занимательной и динамичной, нередко сталкиваются в конфликте сугубо противоположные характеры. Это дает материал для острых комедийных ситуаций.

В качестве примера вновь обратимся к пьеске «Жена на прокат». Смысл диалога между Мордашевым и Акакьевым заключен в противоречивости их характеров: один из них порывистый, стремится все выяснить сразу, обо всем имеет свое суждение, другой облакает мысли в словесно-туманную форму, ничего не досказывает до конца, очень нерешителен.

Акакьев. Очень жаль, а я, извольте видеть... как вам выразить... я человек крайне несмелый, робкий и притом... гм... гм...

Мордашев. (возвышая голос) Да что же вы, будете говорить или нет?...

Акакьев. (испуганно) Сейчас, сию минуту... (вытирает лицо и откашливается)

Мордаш. Готовы?

Акакьев. Готов-с (после паузы). Я сын бедных, но благородных родителей; отец мой после своего отца, который, могу добавить, тоже имел отца...

Мордаш. (перебивая) Вероятно, и мать.

Акакьев. (привстав) Изволили справедливо сказать...²¹

На контрастности характеров построены сценки Тарновского «Мотя», И. Щеглова «Сила гипнотизма» и многие другие. Чехов — автор одноактных комедий — и в этом отдает дань водевильной традиции и в то же время выходит далеко за ее рамки. Для Чехова важна не столько контрастность характеров, сколько то, что персонажи сценки обуреваемы противоположными стремлениями. Обратимся к диалогу, случившемуся на свадьбе («Свадьба»).

Наст. Тим. Чем тревожить меня разными словами, вы бы лучше шли танцевать.

¹⁹ В. Билибин, Молчание, шутка в 1 д., СПб, 1899.

²⁰ Мансфельд, Сочинения и переводы, М., изд. Пайчадзе, 1886.

²¹ Тарновский, Сб. Театр, т. II, М., Изд. Театр. библ. Рассохина, 1878, стр. 13.

Апломбов. Я не Спиноза какой-нибудь, чтоб выделявать ногами кренделя... Но дело не в танцах. Простите, маман, но я многого не понимаю в ваших поступках. Например, кроме предметов домашней необходимости, вы обещали также дать мне за вашей дочерью два выигрышных билета. Где они?

Наст. Тим. Голова у меня что-то разболелась... Должно, к непогоде... Быть оттепели!

Апломбов. Вы мне зубов не заговаривайте. Сегодня же я узнал, что ваши билеты в залоге. Извините, маман, но так поступают только одни эксплуататоры... (XI, 116).

Эта сценка дает не только материал для острой комедийной ситуации, но позволяет увидеть существо характеров и взаимоотношений. Чехов контрастностью характеров и противоположностью стремлений заставляет поверить в жизненность противоречий, в невозможность иных отношений между действующими лицами. Авторами традиционного водевиля контрастность характера используется лишь для того, чтобы построить забавную словесную дуэль.

* * *

По своей природе, характеру и целям конфликты, лежащие в основе одноактных чеховских пьес, различны. В иных конфликт лежит на поверхности пьески и легко наблюдается, в других же не «видится», а только ощущается, и его необходимо «додумать», чтобы до конца проникнуть в содержание пьески.

Легко прослеживается конфликт в «Медведе» и «Предложении». Условно назовем его «видимым». Он находится на поверхности пьески и проявляется через отношения действующих лиц друг к другу. Это столкновения — споры Поповой и Смирнова, Ломова и Чубукова, Ломова и Натальи Степановны. Споря, участники сценок обнажают свои истинные характеры, которые неожиданно оказываются совсем не такими, как предполагалось вначале.

И автор ведет развитие действия пьески так, чтобы зритель понял суть героев и искренне посмеялся над ними. А участники спора, постоянно и по разным поводам не соглашаясь друг с другом, помогают автору в этом.

Конфликт, таким образом, помогает понять авторский замысел и проникнуть в содержание пьески.

Спор делает пьеску более динамичной, заставляет с большим вниманием следить за развивающимися событиями. Значит, «видимый» конфликт помогает движению сюжета, и динамика пьески определяется его силой, его остротой.

Итак, «видимый» конфликт участвует в прояснении смысла, организует сюжет и помогает зрителю увидеть участников сценки в истинном освещении.

Более сложные формы принимает конфликт в «Юбилее» и «Свадьбе». Для участников этих сенок также характерны постоянные противоречия, и буквально с первых же реплик намечается ряд конфликтов-столкновений. В конфликте все: старик — генерал и собравшееся общество, жених и родители невесты, телеграфист Ять и хозяйка («Свадьба»). И в «Юбилее» — управляющий банком и вечно больной брюзга-бухгалтер, они оба и Мерчуткина и т. д.

Все эти противоречия легко наблюдаемы. Вместе они составляют уже известный нам «видимый» конфликт.

Но ни в «Свадьбе», ни в «Юбилее» такой конфликт не раскрывает истинного смысла пьески и прежде всего потому, что он приобретает несколько иной оттенок. Когда мы следили за спором в «Медведе» или «Предложении», то у нас не оставалось сомнений, что все происходящее очень важно для участников и никаких компромиссов быть не может. Каким-либо путем (безразлично, поцелуем или дуэлью), но спор должен быть окончен («Медведь»). Совсем иная картина теперь. Постоянно вспыхивающие конфликты важны для автора (а, следовательно, и для зрителя), но участники сценки почти не придают им значения и старательно их приглушают.

Ять. ... В наше время, Настасья Тимофеевна, трудно выйти за хорошего человека. Нынче каждый норовит вступить в брак из-за интереса, из-за денег.

Апломбов. Это намек!

Ять. (струсив) И никакого тут намека... Я не говорю о присутствующих... Это я так... вообще... Помилуйте! Все знают, что вы из-за любви... Приданое пустяшное.

Наст. Тим. Нет, не пустяшное! Ты говори, сударь, да не заговаривайся.

Апломбов. А вы, господин Ять, хоть и знакомый мне, а я вам не позволю строить в чужом доме такие безобразия! Позвольте вам выйти вон!

Ять. То есть как?

Апломбов. Желая, чтобы и вы были таким же честным человеком, как я! Одним словом, позвольте вам выйти вон! (Музыка играет туш).

Кавалеры. (Апломбову). Да оставь! Будет тебе! (XI, 120—121).

Острое положение, как видим, кончается ничем, конфликт приглушается изнутри, не успев разрастись. То, что должно было бы глубоко оскорбить человека, не проявляется в дальнейших взаимоотношениях участников свадебного обеда.

Вспыхивающие и старательно заглушаемые конфликты характерны также для «Юбилея». Шипучин и Хирин недовольны друг другом, но сдерживаются:

Шипучин. ... Ну, нет, судари мои. Замки у дверей и толстый швейцар — не мелочь. Дома у себя я могу быть мещанином, есть и спать по-свински, пить за поем...

Хирин. Прошу, пожалуйста, без намеков!

Шипучин. Ах, никто не намекает! Какой у вас невозможный характер... (XI, 132).

Кроме того, Хирину явно мешает присутствие в банке Татьяны Алексеевны. Но ни разу дело не доходит до открытого возмущения, до поры до времени все остается мирно. «Видимый» конфликт выступает в новом качестве, он «исчезающий», то есть тот, который с точки зрения здоровой логики должен бы быть, но которого по сути нет. Такой конфликт делает песку динамичной, но не раскрывает до конца ее внутреннего смысла.

Таким образом, «видимый» конфликт здесь развития не получает, он порождает другой, основной, тот, который раскрывает смысл всей сценки. И состоит этот новый конфликт в неприятии автором мира пошленьких и гаденьких, с большими претензиями людишек (не людей). Текстуального оформления он не получает и выражен в додумывании зрителем авторской концепции. Такой конфликт назовем «скрытым». Он получает в пьеске Чехова своеобразную форму выражения: цепь непрерывных конфликтов как бы раздваивается — в одну сторону уходят приглушенные «видимые» конфликты, в другую те, которые автор предлагает зрителю додумать. «Скрытый» конфликт является, таким образом, средством выражения сквозной темы сюжета (подводного течения пьесы). Лишь косвенно связанный с движением сюжета, он несет на себе, в первую очередь, иную нагрузку: вскрывает существо жизненных противоречий, изображенных в сценке, и, главное, подчеркивает противоречие между отношением автора к жизни, той нормой взаимоотношений, которую он считает естественной, и тем, как ведут себя персонажи пьески и что они утверждают. В неприятии, а следовательно, и в отрицании автором их мира заключено своеобразное разрешение «скрытого» конфликта.

И с иной, совершенно новой картиной развития конфликта встречаемся в сцене-монологе «О вреде табака» (редакция 1902 года) и драматическом этюде «Лебединая песня». В них нет спора между участниками (если их двое) и внешне все идет гладко. То, что мы привыкли считать видимым конфликтом, здесь вовсе отсутствует. Однако, это не означает, что в пьеске нет противоречий, они есть, но раскрываются не при общении

участников между собой, а в процессе осмысления героем сценки драматизма своего положения.

В качестве примера возьмем сцену-монолог «О вреде табака» (ред. 1902 г.) и проследим развитие в ней конфликта. Действие начинается вступлением на сцену Нюхина. Спокойно и даже благодушно настроенный, он начинает читать лекцию и одновременно повествует о своей жизни, ничуть не возмущаясь: «В пансионе я состою заведующим хозяйственной частью. Я покупаю провизию, проверяю прислугу, записываю расходы, шью тетрадки, вывожу клопов, прогуливаю женину собачку, ловлю мышей...» (XI, 305). Зритель же ощущает острое несогласие автора и не приемлет вместе с ним того, что пока внешне удовлетворяет Нюхина. Так сразу обозначается «скрытый» конфликт, и автор дает возможность почувствовать его с первых реплик героя сценки.

Перелом в настроении Нюхина намечается со слов: «Ничто мне не удастся, постарел, поглупел... Вот читаю лекцию, на вид я весел, а самому так и хочется крикнуть во все горло, или полететь куда-нибудь за тридевять земель. И пожаловаться некому, даже плакать хочется...» (XI, 306). Нюхин открыто говорит о глубоком противоречии между своим существованием и тем, что должно быть: «Надо вам заметить, пьянею я от одной рюмки, и от этого становится хорошо на душе и в то же время так грустно, что и высказать не могу; вспоминаются почему-то молодые годы, и хочется почему-то бежать, ах, если бы вы знали, как хочется!... Все равно куда, лишь бы бежать от этой дрянной, пошлой, дешевенькой жизни, превратившей меня в старого, жалкого дурака, старого, жалкого идиота, бежать от этой глупой, мелкой, злой, злой скряги, от моей жены, которая мучила меня 33 года, бежать от музыки, от кухни, от жениных денег, от всех этих пустяков и пошлостей...» (XI, 307). Так происходит прозрение героя и одновременно с этим прояснение «скрытого» конфликта. Теперь противоречие ощущают не только автор и зритель, но и герой сценки. Обозначившийся конфликт не является следствием столкновения разных людей или противоположных мнений, он показывает душевный разлад человека, обозначает противоречие между существующим и желаемым. И это противоречие тем сильнее ощущимо, чем бесстрашнее повествует обо всем герой: «Таким образом оказалось, что мы испекли несколько лишних блинов. Куда прикажете девать их? Жена сначала велела отнести их на погреб, а потом подумала, подумала, и говорит: «Ешь эти блины сам, чучело»... И я не съел, а проглотил их не жевавши, так как всегда бываю голоден» (XI, 305—306). Степень придавленности этого «мужа своей жены» и трагизм его положения становятся яснее именно потому, что он не негодует, не взывает к сочувствию, почти не протес-

тует и только с тоской вспоминает, что и он «был когда-то человеком». Конфликт реализуется в переживании героя, а автор стоит как бы в стороне, не вмешиваясь в повествуемое.

Почти такие же формы принимает конфликт в драматическом этюде «Лебединая песня».

В одноактной драматургии Чехов внимателен не только к характеру и формам выражения конфликта, но и к путям его завершения. Для Чехова важно все: закончен он или только приглушен, хотели участники сценки его окончания или нет, естественным или искусственным путем он разрешен. Смысловая сторона одноактной пьески и ее юмористическая окраска оказываются в прямой связи с избранными автором путями завершения конфликта.

Логически вытекает из заданных отношений и наиболее естественно разрешается конфликт в «Медведе» и «Предложении», естественно потому, что обе стороны охотно стремятся к его окончанию («Медведь»), или горячо желают этого («Предложение»). Обе стороны единодушны в желании снять его мирным путем. Такое разрешение конфликта помогает воспринимать всю пьеску легко: ничего серьезного не произошло, поэтому можно весело посмеяться над незадачливыми героями.

В «Юбилее» участники спора не завершают сами конфликта, он искусственно обрывается приходом депутации, так же как и в «Свадьбе» искусственно приглушаются вспышки спора, постоянно возникающие среди участников свадебного пиршества. Искусственность или некоторая насильственность в разрешении конфликта лишают пьеску беззаботности, дают место размышлениям о жизни, кусочек которой приоткрывается перед зрителем.

В «Лебединой песне» и сцене-монологе «О вреде табака» (ред. 1902 г.) вообще нет завершения конфликта. После трагического восклицания Нюхина о том, что он хочет «бежать, бросить все и бежать без оглядки», следует: «Однако, за кулисами стоит жена... Пришла и ждет меня там... Если спросит она, скажите ей, что лекция была, что чучело, то есть я, держал себя с достоинством» (XI, 308). Также ничем по существу кончаются горестные размышления Светловидова о погибшем таланте. Частично с тем же сталкиваемся в «Свадьбе». И там остается неразрешенным конфликт старого моряка с обществом веселящихся людишек. Эта неразрешенность конфликта — свидетельство того, что все остается по-прежнему: душевный подъем бесследно угасает, крик души прозревшего человека кончается ничем и оскорбление — только уходом оскорбленного.

По сравнению с традиционным водевилем роль конфликта в чеховской одноактной драматургии расширяется. Он помогает определить смысл всей пьески, прояснить ее идейное звучание. Благодаря умело найденным формам конфликта, Чехов уже

не только шутит. Причем, «осерьезнивание» пьески происходит совершенно незаметно, как бы изнутри, на поверхности же остается видимая легкость, которая делает пьеску веселой и несложной в восприятии.

Сценки «Трагик поневоле» и «О вреде табака» (ред. 1886—1889 гг.) не случайно оказались нами опущенными в разговор о характере и формах конфликта. Картина развития конфликта в этих пьесах нарушается: здесь нет той последовательности и логичности, как это было в остальных сценках. Так, не ведется «всерьез» спор в «Трагике поневоле», и ощущается преувеличенность чувствований и переживаний Толкачева. Сначала он горячо требует револьвер: «...Ох, матушки. Замучился, как собака. Во всем теле и в башке такое ощущение, как будто из меня шашлык сделали. Не могу больше терпеть. Будь другом, ничего не спрашивай, не вдавайся в подробности... дай револьвер! Умоляю!» (XI, 110). И кажется, что у человека иного выхода нет. Но потом он замечает: «Хоть посочувствуй», и сразу от его требования остается впечатление чего-то несерьезного, не до конца нужного ему самому. Недостаточность психологической мотивировки делает линию конфликта неубедительной. Она представляет собой некую ломаную линию, в которой есть очень сильные, но незавершенные начала. Нет в «Трагике поневоле» и конфликта «скрытого»: автор ничего не противопоставляет жалобам и разглагольствованиям дачного мужа. Поверхностный и в какой-то мере искусственный конфликт определил неглубокость и трафаретность содержания пьески. Требуя от шутки, чтобы герои ее действовали «всерьез», Чехов блестяще осуществляет это в «Медведе», и потому безоговорочно принимаешь невероятную вещь — дуэль женщины с мужчиной. Действия «всерьез» нет у участников сценки «Трагик поневоле», поэтому не веришь в желание Толкачева застрелиться. Чехов, очевидно, сознательно построил сценку как смешной, но пустой фарс. «Недостаточность» конфликта в данном случае — художественный прием, вытекающий из авторской задачи.

Своеобразная картина развития конфликта очевидна и в сцене-монологе «О вреде табака» (редакция 1886—1889 годов). Здесь полностью отсутствует конфликт «видимый». Нюхин вполне доволен положением «мужа своей жены», говорит с восторгом о ней и о себе: «Таким образом оказалось, что мы испекли пять лишних блинов. Куда прикажете девать их?... Ну, как вы думаете? Куда мы их дели? (Вздыхает и качает головой) О, любящее сердце! О, ангел доброты! Она сказала: «Съешь эти блины сам, Маркеша!». И я съел, выпив предварительно рюмку водки.» (XI, 365). Как видим, он приемлет житейскую мораль своей жены, его ничто не беспокоит.

Вся пьеска строится на конфликте «скрытом». Но «скрытый»

конфликт в данном случае не получает сильного звучания, так как для автора пока конфликта не существует.

В 900-е годы меняется отношение Чехова к жертве среды. Это, вероятно, побудило Чехова создать в 1902 году новую редакцию сцены-монолог «О вреде табака», которую есть все основания считать совершенно новой пьесой. В ней автор видоизменил конфликт и получил возможность обнажить смысл всей сценки, ярче выразить свое, авторское отношение к герою.

Конфликт имеет и самое непосредственное отношение к юмористическому звучанию маленькой чеховской пьески: он помогает разнообразить оттенки юмора.

«Видимый» конфликт, как уже говорилось, показывает открытые столкновения разных людей, их мнений, взглядов, вкусов, привычек. Следовательно, противопоставление обнажено, и чем оно неожиданнее, тем смешнее:

Наталья Степ. Урод этакий! Присвоил себе чужую землю, да еще смеет браниться.

Чубуков. И эта кикимора, эта, вот именно, куриная слепота осмеливается еще делать предложение и прочее! А? Предложение!...

Наталья Степ. Мне? Предложение? Ах! (Падает в кресло и стонет). Вернуть его! Вернуть! Ах! Вернуть! (XI, 103).

В конфликте обнажается комизм характеров участников сценок и тех положений, в которые они себя ставят.

Ведь только следя за спором Смирнова и Поповой мы начинаем понимать, как смешна хорошенькая вдовушка, решившая запереть себя в четырех стенах. В пылу спора она произносит о муже: «Коли на то пошло, так я вам скажу, что из всех мужчин, каких только я знала и знаю, самым лучшим был мой покойный муж... Я любила его страстно, всем своим существом... и — что же? Этот лучший из мужчин самым бессовестным образом обманывал меня на каждом шагу!.. И, несмотря на все это, я любила его и была ему верна... Мало того, он умер, а я все еще верна ему и постоянна. Я навеки погребла себя в четырех стенах и до самой могилы не сниму этого траура» (XI, 88—89). После этих слов у зрителя не остается сомнений в том, какова цена ее трауру.

Подобные одноактные пьески настраивают зрителя с первых же реплик на шутку. Он уверен, что сватовство Натальи Степановны не пройдет гладко, что Смирнову не просто будет отказано в деньгах, а случится нечто, не имеющее к деньгам отношения. На шутливое восприятие сценки зритель настраивается также авторской аттестацией. Попова не просто вдова (в этом слове что-то скорбное), а вдовушка (звучит уже более игриво)

«да еще с ямочками на щеках». Наталья Степановна — «девица 25 лет», а посему ей необходимо выйти замуж, так же, как и Ломову, «очень мнительному помещику», обязательно нужно жениться.

Таким образом, своеобразная авторская аттестация уже намечает конфликт, который реализуется в ходе действия пьески. Ведь в исходном положении герои «представляются», хотя казаться не такими, каковы они на самом деле. По мере развития действия обнажается их истинная суть, и зритель следит, как это происходит. Противоречия, в которых находятся участники сценок, видимые их превращения смешны и вызывают самую искреннюю ответную реакцию зрительного зала.

В отличие от «видимого», конфликт «скрытый» сообщает пьеске иную тональность. Как уже отмечалось, он заключает в себе столкновение разных точек зрения, разных «моралей». Благодаря ему, в пьесу вносится серьезная струя, и юмор ее окрашивается в иные тона.

В тех пьесках, которые строятся на сочетании «видимого» и «скрытого» конфликтов («Свадьба», «Юбилей»), автор, сохраняя их веселость и легкость, заставляя воспринимать все как шутку, дает возможность отчетливо почувствовать ту долю правды, «которая есть в каждой шутке». Зритель смеется над тщетными попытками Апломбова получить от родителей невесты банковый билет или над злоключениями Мерчуткиной, которая «кофей нынче пила и то без всякого удовольствия», но погружение в мир мерчуткиных и апломбовых снимает с пьески налет беззаботности.

Совсем иную юмористическую окраску имеют «Лебединая песня» и «О вреде табака» (ред. 1902 г.), где «видимого» конфликта вообще нет. Они тоже легки, изящны, но юмор их не связан с конфликтом, юмористический акцент в этих пьесках переносится на другие, менее значимые вещи. Конфликт же, как уже говорилось, служит иным целям: вскрывает разлад героя со средой. Поэтому он не только не усиливает юмора сценки, но тот юмор, который в ней уже есть, окрашивает в трагические тона.

Итак, материал подтверждает, что юмористическая тональность пьесок связывается в первую очередь с формой «видимого» конфликта, поскольку скрытый конфликт, как форма выражения подводного течения (сквозной темы пьески), является носителем трагической темы (ср. с поздними драмами А. П. Чехова).

Таким образом, основу конфликта в одноактных пьесах Чехова составляет противоречие между кажимостью и сущностью, словами и жизнью. Норма жизни и реальность противоречат друг другу, и автор через конфликт вскрывает это противоречие.

В пьесках с конфликтом первого типа противоречие между кажимостью и сущностью есть, но акценты еще не расставлены.

Кажущееся благополучие и нелепость всего — таков изображаемый автором мир. Во втором типе конфликта также раскрывается противоречие между кажимостью и сущностью, но акценты уже есть. Кажимость — это видимое благополучие, так как герои не ощущают конфликта, сущность — неблагополучие, и для автора это конфликт. Конфликт здесь оказывается средством авторской оценки героя. В пьесах третьего типа, где кажимость выступает как самооценка, сущность является авторской оценкой и дается вне конфликта, в более открытой форме.

Общее в характере и природе противоречий, которые составляют существо маленькой одноактной сценки, подводит к выводу, что Чехов и современные ему водевилисты идут одинаковыми путями, закрепившимися в водевильной традиции. Однако Чехов-водевильист ломает сложившийся трафарет. Следуя установившейся в традиционном водевиле форме конфликта, Чехов наполняет его иным содержанием, детали конфликта приобретают значительность, и сама сценка оставляет впечатление правды жизни.

Принципиально новой делает Чехов основу конфликта маленькой пьески: несерьезные водевильные противоречия приобретают смысл и значительность и становятся средством характеристики участников, а «мелочи» дополняют содержание конфликта, заставляют зрителя поверить в него. Картины полноты конфликта Чехов добивается и тем, что многоконфликтность принимает в его одноактных пьесах формы разноконфликтности, что роль каждого участника значительна как в сюжетном развитии пьески, так и в её конфликте, а также изменением места, а следовательно, и значения анекдота в ней. В одноактных пьесах Чехова конфликты помогают получить настоящее представление об участниках: они в них неожиданно раскрываются с новых сторон. По мере нарастания событий происходит постепенное узнавание того или иного действующего лица.

Так, в конфликтах-столкновениях персонажи чеховской сценки обретают полноту и достоверность характера, в то время как традиционный водевиль роль противоречий делает формальной: конфликты в нем лишь усиливают занимательность и организуют сюжет сценки.

Отличие водевиля Чехова от традиционного сумела почувствовать даже современная Чехову провинциальная критика. Газета «Саратовский листок» писала о постановке «Свадьбы»: «Разыгрывают эту очень забавную «сцену» Чехова бойко и даже... чересчур... они играют её как фарс — из тех, в которых все остроумие и весь комизм заключаются в чисто внешних «придуман-

ных» комических положениях, разных кунштюках и в грубом шарже. Но «сцена» Чехова — реальная (курсив автора — В. Н.), жанровая картинка, хотя и очень смешная, и играть её надо без ненужных подчеркиваний и преувеличений... тогда она будет интереснее (курсив автора — В. Н.) и комизм «Свадьбы» выступит ярче»²².

Итак, конфликты в традиционном водевиле сознательно суживают изображение жизни, Чехов же благодаря конфликту получает возможность представить полнее и разностороннее участников сценки и изображаемую жизнь.

²² «Саратовский листок», 1903, 30 сентября.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ.

Ю. М. ЛОТМАН

1. ОБ ОДНОЙ САМООЦЕНКЕ РАДИЩЕВА

В воспоминаниях П. А. Радищева есть одно примечательное место: «... в бытность свою в крепости он (Радищев — Ю. Л.) велел написать себе образ одного святого, вверженного в темницу за слишком смело говоренную истину, с надписью: «Блажены изгнанные Правды ради». Но портретный живописец Михайло, крепостной его человек, не умел исполнить его мысли и написал четыре фигуры святых, стоящих просто рядом»¹. Оно довольно часто цитируется и истолковывается в работах, посвященных Радищеву. Однако, до сих пор не было отмечено, что здесь скрыта примечательная самооценка своего дела, высказанная Радищевым в самое трудное для него время. Радищев, выпуская свою книгу, сознательно шел навстречу гибели. Он был убежден, что подвиг «мужественного писателя» — толчок, «первый мах в творении», приводящий общество в движение. Однако, для нас представляет особый интерес его отношение к своему подвигу в момент, когда он вынужден был, находясь в руках палача Шешковского, маневрировать, притворно каяться, писать самоуничижительные показания.

Источник текста, который Радищев просил написать на иконе, знаменателен² — это нагорная проповедь. Однако в литературе не было до сих пор обращено внимания на тот текст, часть которого Радищев процитировал. А для современников писателя подобный намек расшифровывался очень легко, поскольку он вел к общеизвестному источнику. Приведем то место из евангелия от Матфея, которое Радищев процитировал (гл. 5, ст. 10—16):

«10. Блажены изгнани правды ради: яко тех есть царствие небесное.

11. Блажены есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще меня ради.

12. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесах: тако бо изгнаша пророки иже быша прежде вас.

13. Вы есте соль земли: аще же соль обуюет, чим осолитися, живо что же будет к тому, точию да изслана будет вон и попираема человеки.

14. Вы есте свет мира, не может град укрытиса, верху горы стоя.

15. Ниже вжигают светильника и поставляют его под спудом, по на свещнице и светит всем иже в храмине сущь.

16. Тако да просветится свет ваш пред человеци».

Интересно, что определение «соль соли земной» Чернышевский позже

¹ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, М.—Л., Изд. АН СССР, 1959, стр. 71.

² В печати на него впервые, кажется, указал Г. Шторм (см. «Потаенный Радищев», М., «Советский писатель», 1965, стр. 99).

применил к Рахметову³. Исследователи с основанием сопоставляют эту характеристику с термином «апостол», распространенным в кругах «Земли и Воли».⁴

Радищев воспринимал себя как апостола свободы (ср. у Пушкина: «Руссо — апостол наших прав», VI, стр. 233).

В этом же смысле, возможно, следует понимать тот, оставшийся непонятным для крепостного живописца, замысел, о котором сын Радищева говорит очень глухо. По крайней мере очевидно, что на иконе следовало изобразить группу.

Все это вносит в высшей мере примечательные детали в один из наиболее трудно поддающихся изучению периодов жизни Радищева.

2. ГОРОДНИЧИЙ О ПРОСВЕЩЕНИИ

Не приведи бог служить по ученой части, всего боишься. Всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

(«Ревизор», действ. I, явл. I.)

В известной речи городничего, обращенной к чиновникам его города по случаю прибытия ревизора инкогнито, особое место занимает характеристика уездного училища. Гоголь тщательно работал над этой частью монолога городничего, меняя характеристики учителей и детали речи. Можно предположить, что он придавал этому месту особое значение.

Обычное читательское толкование этого текста таково: уездное училище находится в столь же запущенном состоянии, как и больница, где больные ходят «на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему»¹, а учителя — сборище монстров: любой из них «или косолапый, или гримасу состроит жалостную, или запоем пьет — что-нибудь из трех» (IV, 146).

Однако, стоит вдуматься в текст, чтоб убедиться, что замысел Гоголя был иным: поступки учителей кажутся странными городничему, («имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием», IV, 15); отношение автора к ним более сложное. А сама эта «странность» связана не с невежеством, а с «ученым званием» и не просто с ним связана, а «натурально неразлучна». Остановимся, например, на известном эпизоде с «учителем по исторической части». Сломанный стул при рассказе об Александре Македонском — необъяснимое действие для городничего, считающего, что цель просвещения — блюсти казенный интерес. «Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого казне убыток» <курс мой — Ю. Л.> (IV, 15). Однако, для Гоголя этот эпизод — рассказ пускай о комическом, но все же вдохновении. Это нам станет особенно ясно, если мы учтем литературный источник эпизода. Гоголь был внимательным читателем книг, казавшихся в его эпоху уже архаичными. Не случайно в том же «Ревизоре» упоминается «Житие Иоанна Масона». Особенно интересовало Гоголя все, относящееся к театру. Видимо, таким образом в его поле зрения попал и «Театральный собеседник»². Здесь Гоголь нашел следующий «анекдот»: «Чарл

³ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 210.

⁴ Л. М. Лотман, Чернышевский — романист, в кн.: «История русской литературы», т. VIII, ч. 1, М.—Л., Изд. АН СССР, стр. 499.

¹ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. IV, изд. АН СССР, 1951, стр. 13. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте.

² Полное заглавие: «Театральный собеседник, или собрание веселых и занимательных анекдотов, острых изречений, странных обычаев, касающихся до театра и проч. Изданный в пользу и удовольствие любителей театра», перс немецкого, М., 1804.

Тюлер, славный аглинский актер, принят был в самых молодых своих летах в сидельцы к одному книгопродавцу, у которого в лавке, читая театральные пьесы, пристрастился к комедиям так, что начал сам учить их наизусть и повторять весьма часто, хотя представления сего рода всегда оканчивались изломанием нескольких стульев, которые он ставил на место драматических лиц. Однажды ввечеру, повторяя роль Александра, он взял большие кресла, кои в воображении его представляли Клита; и когда он дошел до того места, в котором молодой монарх умерщвляет старого своего генерала, то ударил по креслам палкой, служившей ему вместо дротика, столъ крепко, что домашняя мебель, представлявшая Клита, рассыпалась с великим треском»³.

Именно увлечение, вдохновенность, пусть и комическая, подчеркиваются Гоголем в образе учителя истории. Так, уже в первой черновой редакции была выделена одержимость как его основное свойство: «Ну, покамест еще говорил об ассириянах и вавилонянах, еще ничего; а как добрался до греков — и начал бегать с кафедры: сначала к одной стороне доски прибежит, потом к другой, потом опять к одной». (IV, 164). Показательно, что «бегать» начал учитель, когда дошел до греческой истории, традиционно считавшейся школой гражданственности и героизма. В дальнейшем Гоголь убрал эти строки, но добавил в реплике Луки Лукича: «Говорит: как хотите. Для науки я жизни не пощажу» (IV, 15).

В ином смысле интересен образ учителя, строившего с кафедры гримасы. Упоминание о нем появилось уже в первой черновой редакции. Думается, что смысл этого эпизода значительно прояснится, если мы сопоставим персонаж из «Ревизора» с одним реальным историческим лицом, возможно, послужившим для Гоголя прототипом. В мемуарах студента Московского университета начала XIX в. Костенецкого читаем: «Сандунов, Николай Николаевич, ординарный профессор практического российского судопроизводства. <...> В обществе Сандунов был известен как отличный юрист, вел много частных процессов и между студентами слыл за очень умного человека. Но был он большой шут и насмешник <...> Забавнее всего было, когда он, бывало, составит из студентов какое-нибудь судебное место, например, Уездный суд и изберет судью, заседателя, истца и ответчика из одних заик. Истец, например, все тянет: о — о — о, ответчик прыскает и давится, судья каркает или гримасничает, секретарь сюсюкает <...> Вероятно, он очень хорошо понимал недостатки тогдашнего нашего судоустройства и законодательства; но можно ли было в то время, когда законы наши считались святыми, а власти — земными божествами, можно ли было выразить о них какое-либо критическое мнение? И поэтому, при чтении какого-либо указа, он возмущался его нелепостью до того, что трудно ему было удержаться, чтобы не высказать о нем какого-либо неблагоприятного замечания, а между тем, за каждое неблагоприятное слово могли потянуть его к Иисусу... Он и высказывался мимикой и гримасами и как скорчит, бывало, при чтении указа рожу, то мы, кроме того, что смеялись, но и понимали, что тут есть какая-либо явная нелепость <...> Покажется странным такое появление шута на профессорской кафедре; но мне кажется, что в то железное время для умного профессора, желающего хоть сколько-нибудь выразить свой недовольный взгляд на наше законодательство и судоустройство, и не было другого средства, как выражать свое мнение гримасами и шутками»⁴.

Н. Н. Сандунов, ведущий сложную и противоречивую жизнь тираноборца, автора антикрепостнических драм, поклонника Руссо и Шиллера и знатока законов, профессора университета, грузного (ср. у Гоголя: «этот, что имеет толстое лицо») и грозного декана, громогласного в Совете, нетерпимого к студентам-дворянчикам на кафедре, и одновременно чиновника-

³ Там же, стр. 40—41.

⁴ Костенецкий, Воспоминания о студенческой жизни, «Русский архив», 1887, № 2, стр. 233—234.

толкователя законов — был хорошо известен в Москве⁵. Его лекции слушали ученики Университетского пансиона и студенты, а среди них было много знакомцев Гоголя. Он мог быть известен Гоголю и по своим театральным связям, как брат знаменитого актера Силы Сандунова. Таким образом, «гримасы» Н. Сандунова вполне могли быть известны Гоголю. И тогда выговор Луке Лукичу, «зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству», получает особый смысл. Конечно, учитель «с толстым лицом» — не Н. Сандунов, но Гоголю, видимо, хотелось поставить рядом с учителем-энтузиастом учителя, испытывающего отвращение к преподаваемому им предмету. В черновой редакции (и так называемой «второй») эту линию развивает учитель «красноречия и риторики». Он, по словам городничего, «тоже имеет странную привычку. Он, например, читает: «Прекрасное есть, гм! гм! тьфу»... и плюнет; «Изящное, гм! гм! тьфу»... и плюнет» (IV, 247). Учителя отличающегося от мира чиновников и этим смущающего городничего: они увлекаются, гримасничают, плюют, «утюжат» бороды, их характерная черта — странность, чуждаемость. Они ведут себя неприлично. А главное требование городничего — соблюдение благопристойности, приличной внешности. В первой черновой редакции он советует смотрителю училищ: «Вообще, что касается до преподавания, то я советую вам приказать, чтобы все это было как можно, знаете, удовлетворительнее, чтобы этак было как требуется» (IV, 146). Однако, сама сущность науки — и ее служителей учителей — в невозможности подчиниться правилам, «чтобы все это было как можно, знаете, удовлетворительнее». Стремясь превратить учителей в чиновников, городничий переносит акцент с того, *что* преподается, на то, *как* преподается. Содержание науки он принимает как необходимое зло, но требует, чтобы особое внимание уделялось соблюдению *формы* преподавания. Он преподносит Луке Лукичу урок методики, навязывая ему схему урока, которой должен следовать учитель. «Он должен вот как говорить: «Любезные дети! Я намерен или имею намерение предложить вам вот то-то, вот то-то и вот то-то». Вот эдаким образом нужно и после там, как у кого следует: «Вавилоняне»... или: «Прекрасное», или «Грамматика поучает искусству говорить», и тому подобное...» (IV, 146).

Почему же Гоголь снял это, видимо, весьма существенное для него место? Вопрос этот подводит нас к немаловажной стороне всей проблемы. Александровская эпоха знала драматические эпизоды вмешательства реакции в дела просвещения, однако, превращение контроля и административного вторжения в систему, создание планомерно проводимой политики, имеющей целью отнять у учебных заведений их научную самостоятельность, было делом Николаевского царствования и воспринималось как новшество. Не случайно, городничий, преподавая образцы «правильного» обучения, замечает: «Я распространился потому, что *на это обращают теперь внимание*» (IV, 146; курсив мой — Ю. Л.). Гоголь в ранней молодости столкнулся с этой стороной николаевской политики и воспринял ее весьма болезненно⁶. Не случайно смотритель училищ в «Ревизоре» — самый запуганный из чиновников, (ему и фамилия дана — Хлопов), хотя, вместе с тем, и единственный, который в комедии не уличен ни в каких злоупотреблениях. Чиновник-взяточник олицетворяет норму мира городничего («Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уж так самим богом устроено, и волтерьянцы напрасно против этого говорят»), а учитель выглядит странным чудачком, подозреваемым в вольнодумстве. Впрочем, учитель не только казался, он и

⁵ Основная литература о Н. Н. Сандунове указана в кн.: Ю. М. Лотман, Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени, «Уч. записки Тартуского гос. университета», вып. 63, Тарту, 1958, стр. 87—93, см. также: Н. Л. Бродский, М. Ю. Лермонтов. Биография, т. I, Гослитиздат, М., 1945.

⁶ См. С. Машинский, Гоголь и «Дело о вольнодумстве», «Литературное наследство», т. 58, М., изд. АН СССР, 1952.

был чудачком, поскольку бюрократический мир не казался, а был нормой общественного существования. И Н. Сандунов — гримасничающий тираноборец, и Мерзляков — спившийся поклонник Шиллера, Гомера и русской народной песни, да и сам Гоголь на университетской кафедре — конечно, были «чужаками». Учителя в «Ревизоре» еще не стали чиновниками — поэтому они должны были выглядеть «странно».

Однако, эта новая — уже николаевская — система вмешательства в дела просвещения требовала гораздо более гибких деятелей. Старый — напоминающий еще героев «Ябеды» Капниста — чиновник был груб и невежествен, но одновременно осознавал свое невежество, испытывая перед недоступной ему ученостью некий трепет; новый государственный деятель, схвативший верхи образованности, считал себя компетентным решать все вопросы культуры.

Городничий — чиновник старого склада. Знание вызывает в нем уважение своей недоступностью. Он даже о судебном заседателе, от которого запах, «как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода» (IV, 14), говорит с уважением: «Он, конечно, человек сведущий». С известным почтением он говорит об учителях: «Они люди конечно ученые и воспитывались в разных коллегиях». Отмечая странность их поступков, он готов признать уместным подобное поведение в таинственной сфере науки, указывая лишь на опасность его в общении с хорошо ему известным миром чиновников: «Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего, *может быть оно там и нужно так* (курсив мой — Ю. Л.) об этом я не могу судить, но вы посудите сами, если он делает посетителю — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет» (IV, 15). Вмешиваясь в дела просвещения, городничий хотел бы, чтобы это вмешательство оставалось незаметным. Не случайно, когда во «второй редакции» Лука Лукич предлагает излишне горячего учителя истории «привязать немного к столу», городничий соглашается, но с ограничением: «Пожалуй, можно и привязать; только нужно так, чтобы это не было заметно» (IV, 248). Он еще не понимает, что от него могут ждать, требовать такого вмешательства, что если учитель привязан заметно, то это и есть настоящий порядок. Но Гоголь на примере судьбы своих любимых профессоров: Белоусова, Шапалинского, Ландражина, Зингера все это уже постиг. Бюрократ новой — николаевской — формации уже не скажет «об этом я не могу судить» — он убежден, что именно он и призван судить и направлять культуру и просвещение, и поэтому уместное в его устах нравоучение о том, как учителям следует строить уроки, противоречило характеру городничего, «уже постаравшегося на службе» (IV, 9). Чтобы не разрушать целостность характера, Гоголь и снял этот эпизод.

Комедия Гоголя создавала образ, значительно более емкий, чем уездный город, и отношение бюрократии и просвещения занимало в этом мире свое, немаловажное, место.

Городничий живет в ожидании кары — он знает, что в вверенном ему городе беспорядок («... высечена унтер-офицерская вдова, арестантам не выдавали провизии. На улицах кабаки, нечистота...»). Но беспорядок в больнице и в училище имеет разную природу: в больнице он заключается в том, что не лечат, а в училище — в том, что учат. Порядок же в училище, с точки зрения городничего, состоял бы в том, чтобы соблюдалась вся внешность обучения, а самого обучения не было бы. Обучение должно отсутствовать, но это отсутствие должно быть столь же незаметно, как и то, что учитель привязан к столу во избежание излишней живости изложения.

Общеизвестно обращение Гоголя к Пушкину перед написанием «Ревизора»: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто анекдот». «Несмешной» для Гоголя здесь означает «не только смешной, но и грустный». Именно таков был сюжет «Ревизора»: и «смешной», и «несмешной», и «анекдот». Эти же свойства были присущи и его частной детали: отношению городничего к просвещению.

МАТЕРИАЛЫ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ НА СТРАНИЦАХ НЕМЕЦКОЙ ПРИБАЛТИЙСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XIX ВЕКА (ОБЗОР)*.

С. Г. ИСАКОВ

Прибалтике¹ в XVII—XIX веках суждено было сыграть роль своеобразного посредника в развитии русско-немецких, а шире, и вообще русско-западно-европейских литературных и культурных связей. Особенно значительна роль прибалтийской немецкой прессы и местных культурных деятелей в ознакомлении немецких читателей с русской литературой в конце XVIII — первой половине XIX вв. Немалая часть переводов произведений русских авторов на немецкий язык в этот период была опубликована именно на страницах прибалтийских изданий или вышла из-под пера уроженцев остзейских губерний, вынужденных в силу ряда причин печататься за рубежом (напомним, что столь много сделавшие для пропаганды русской литературы на Западе переводчики П. О. Гётце, Р. Будберг-Беннингхаузен и другие были прибалтийскими немцами).

Забегая вперед, хотелось бы сразу же отметить, что круг распространения местной прибалтийской печати чаще всего не ограничивался лишь Остзейскими губерниями. Не случайно, например, местом издания одного из самых солидных прибалтийских журналов начала XIX в. «*Nordisches Archiv*», много сделавшего для пропаганды русской культуры, значится Рига и Лейпциг. Известное периодическое издание Г. Меркеля «*Der Zuschauer*» (1807—1856), выходившее в Риге, по первоначальному замыслу издателя должно было печататься в Берлине. Издававшаяся в 1804—1806 гг. в Берлине тем же Г. Меркелем и А. Коцебу газета «*Der Freymüthige*» с полным основанием можно считать и прибалтийским органом печати и т. д.

Вообще между Прибалтикой и Германией существовали очень тесные культурные связи, что вполне естественно, если принять во внимание немецкий характер культурной жизни Остзейского края вплоть до середины XIX в. Напомним, что образованное меньшинство Прибалтики в тот период состояло почти полностью из немцев или, реже, «онемечившихся» эстонцев и латышей. Остзейские губернии до 80-х годов XIX в. с известным основанием считались немецким краем в России. Государственным языком здесь фактически был не-

* Данная статья представляет собой часть большой работы о роли прибалтийской печати первой половины XIX в. в ознакомлении немецкого читателя с русской литературой, подготавливаемой в настоящее время автором этих строк.

¹ Понятие «Прибалтика» мы рассматриваем в том плане, в каком оно существовало в XIX в. В этот период в понятие «Прибалтики» (Ливонии) входили так называемые Остзейские губернии — Эстляндия, Лифляндия и Курляндия, т. е. фактически только Эстония и Латвия.

мецкий, на нем велось обучение во всех учебных заведениях (если не считать низшего типа народных школ, еще очень немногочисленных) и в Тартуском (Дерптском) университете. Причины этого явления, тесно связанного с так называемым особым остзейским режимом, установленным в Прибалтике потоками немецких рыцарей-завоевателей, общеизвестны, поэтому вряд ли стоит на них особо останавливаться.

Между Прибалтикой и Германией до середины XIX в. да и позже все время происходил своеобразный обмен культурными ценностями. Одним из проявлений этого был постоянный процесс «перемещения» культурных деятелей из Прибалтики в Германию и обратно. В этом нетрудно убедиться, если обратиться хотя бы к известным справочникам И. Ф. Рекке и К. Э. Напьерского² или к биографическому словарю Г. В. Левицкого³. Многие видные деятели прибалтийской немецкой культуры были выходцами из Германии, где они выросли и получили образование и куда они нередко возвращались в конце жизни. С другой стороны, многие уроженцы Прибалтики значительную часть своего жизненного пути проводили в Германии и т. д. Эти биографические связи также способствовали тому, что результаты литературной и культурной работы в Прибалтике становились известными и в Германии, а через нее — иногда и непосредственно — и в Западной Европе.

К сожалению, роль Прибалтики в развитии русско-немецких литературных и культурных отношений, значение деятельности прибалтийских немцев по пропаганде русской культуры на Западе до сих пор явно недооценивались⁴, да эти вопросы никогда и не были предметом специального изучения. Правда, в общем плане иногда отмечалось, что прибалтийские органы печати и местные деятели имеют немаловажные заслуги в ознакомлении западных читателей с русской литературой. Но эти утверждения оставались простыми декларациями, не подкрепленными конкретным анализом фактов.

В послевоенные годы очень большую работу по изучению русско-немецких литературных связей развернули ученые-слависты ГДР. В их трудах, посвященных многим вопросам этой сложной историко-литературной проблемы, неоднократно встречаются ссылки на прибалтийские издания, указания на деятельность остзейских немцев в этом направлении. Но обобщающих работ, в которых была бы рассмотрена в рамках комплексного исследования роль прибалтийской печати в развитии русско-немецких литературных связей, пока не создано и в ГДР⁵.

До сих пор почти не проявляли интереса к этому вопросу и ученые Эстонии и Латвии, хотя, казалось бы, их внимание должен был бы привлечь уже тот факт, что долгое время именно немецкие прибалтийские издания служили основным источником знакомства с русской литературой для немногочисленных еще представителей молодой эстонской и латышской интеллигенции.

² J. F. Recke und K. E. Napiersky, Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland, Bd. I—IV, Mitau, 1827—1832; Nachträge und Fortsetzungen, Bd. I—II, Mitau, 1859—1861 (в дальнейшем сокращенно: Recke, Napiersky, — с указанием тома римскими, а страниц арабскими цифрами).

³ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802—1902). Под ред. Г. В. Левицкого. Тома 1—2, Юрьев, 1902—1903.

⁴ На недооценку роли немецких и других иноязычных изданий, выходивших в России, в деле популяризации русской литературы на Западе указал в свое время акад. М. П. Алексеев, см. его статью «Пушкин на Западе», «Пушкин. Временник Пушкинской Комиссии. З», М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 108—109.

⁵ Насколько можно судить по систематически публикуемым в журнале «Zeitschrift für Slavistik» спискам диссертаций и других подобного рода работ по русско-немецким литературным связям, исследований русских материалов на страницах прибалтийской печати в их числе также нет.

Общеизвестно, что до середины XIX в. (в Эстонии даже, пожалуй, вплоть до начала 1880-х гг.) большая часть латышской и эстонской интеллигенции, выросшей в Прибалтике, была воспитана на немецкой культуре и попросту не владела русским языком, не имела возможности познакомиться в оригинале с творениями русских писателей. В этих условиях переводы и статьи о русской литературе, публиковавшиеся в немецкой прибалтийской печати, были основным источником знакомства с нею.

Это невнимание исследователей к прибалтийской печати — явление не случайное. Уже длительное время ни у нас, ни в ГДР вообще не заметно интереса к истории немецко-прибалтийской культуры. В свое время ею, в основном, занимались сами прибалтийские немцы, а в последние годы в какой-то мере лишь «остфоршеры» из ФРГ.

Это связано с тем, что у нас установился взгляд на немецко-прибалтийскую культуру как на явление исключительно реакционное, антинародное.

Действительно, немецкое привилегированное меньшинство в Прибалтике, захватившее здесь в свои руки власть, было в России наиболее реакционной силой, на которую опирался царизм в своей борьбе с народом. В течение многих веков остзейские бароны, а позже в какой-то мере и местные бюргеры выступали в роли жестоких угнетателей коренного населения края — эстонцев и латышей, лишенных всех прав и низведенных до положения рабов. При этом остзейцы с презрением относились и ко всему русскому, к России, царский режим которой в сущности обеспечивал их привилегии и защищал их силой штыков от народного гнева. Среди верхушки прибалтийских немцев установился взгляд на русских как на необразованных дикарей, которых остзейцы должны «просветить», принести им «свет цивилизации». Эта мнимо «культуртрегерская» концепция стала краеугольным камнем всех теорий защиты особого остзейского режима от посягательств извне⁶. Кстати, такое отношение верхушки остзейцев, зачастую передававшееся и ее «средним» слоям (низшие слои в Прибалтике состояли почти исключительно из эстонцев и латышей), сыграло крайне печальную роль в истории тех органов местной прессы, которые пытались пропагандировать русскую культуру и литературу на своих страницах. Как правило, лишенные поддержки большинства местной читающей публики эти журналы и сборники вынуждены были быстро прекращать свое существование.

Но все же было бы глубоко неверным считать, что вся прибалтийско-немецкая культура целиком была явлением реакционным. Ленинское определение двух культур в каждой национальной культуре вполне применимо и к Прибалтике⁷, хотя здесь дело обстоит несравненно сложнее, чем, скажем, в Германии, где низы принадлежали к той же нации, что и верхи. И внутри прибалтийско-немецкой культуры имело место сложное размежевание, отражавшее классовые противоречия и конфликты. И здесь было реакционное и прогрессивное крыло.

И дело здесь не только в наличии отдельных «белых ворон» в среде прибалтийских немцев, хотя и их появление вполне закономерно: в периоды обострения классовой борьбы нередко лучшие представители господствующих классов переходят на сторону угнетенных и униженных низов. Но главное — не в этом.

Наряду с основным классовым конфликтом в Прибалтике — крестьяне-феодалы, смыкавшийся здесь с конфликтом национальным, поскольку крестьянство состояло из эстонцев и латышей, а помещики чаще всего были немцы, в Остзейском крае имело место и иное социальное противоречие уже, в основ-

⁶ См. об этом: Я. Зутис, Очерки по историографии Латвии. Часть I, Рига, 1949, стр. 158—159.

⁷ Игнорирование этого положения — едва ли не основной недостаток многих работ, написанных в период культа личности да иногда и позже (см., напр., R. Peļše, *Latviešu un krievu kultūras sakari*, Rīga, LVI, 1951).

ном, в немецкой среде — противоречие между рыцарством и местной буржуазией. Порою это противоречие выступало в довольно резкой форме, особенно в период революционной ситуации в Европе в связи с Великой Французской революцией конца XVIII в. В такие периоды наиболее радикальные представители местной буржуазии решительно критиковали феодальный строй Прибалтики и смело выступали в защиту угнетенных крестьян. Именно на основе этого противоречия возникает прибалтийское Просвещение во главе с таким замечательным деятелем, как Г. Меркель. В своем отрицании феодального угнетения и в своем стремлении помочь эстонским и латышским крестьянам Г. Меркель, по существу, переходит на демократические позиции.

При этом важно подчеркнуть, что демократические силы Прибалтики в борьбе с остзейским рыцарством искали поддержки именно у русских, зачастую даже у русского правительства, рассматривая его как своего союзника в борьбе с особым остзейским режимом⁸. Отсюда и интерес в прогрессивных кругах прибалтийского общества к России, к русской культуре.

Передовые люди Прибалтики неизменно с глубоким уважением относились к стране, где они жили, и к населяющему ее народу. Они полны были желания помочь ему встать на более высокую ступень культурного развития и в то же время пропагандировать его достижения за рубежом. В этом смысле характерно выступление тартуского профессора всеобщей истории, статистики и географии Г. Ф. Пёшмана при открытии университета в 1802 г. Задачу университета он видит в том, чтобы удовлетворять нужды России, изучать страну. «И как благотельно должно действовать более основательное знакомство с отечеством на национальный дух и чувство патриотизма! Глубоким чувством достоинства и самоуважения должно наполняться сердце гражданина, принадлежащего к такому государству, которое не только в политическом и научном отношении возбудило уже внимание и удивление иностранцев, но также много обещает и для расширения области человеческого знания»⁹.

Далее Пёшман намечает в своей речи задачи университета, а в более широком плане и вообще местной интеллигенции в области культуры. Главная задача — посредническая миссия в передаче западноевропейской культуры, в первую очередь немецкой, в Россию. В качестве второй, правда, собственной задачи Пёшман намечает — знакомить Западную Европу и, в частности, Германию с русской культурой и литературой. «До сих пор многие открытия, многие продукты русского гения оставались или совсем неизвестными или не доходили до сведения Западной Европы в таком виде, как они заслуживали. Отсутствовал коммуникационный путь, по которому они быстро могли достичь Запада и там распространиться и быть использованными <...> Может быть также этой потребности сможет помочь новый университет»¹⁰.

⁸ Эта русская ориентация характерна уже для Г. Меркеля, см. об этом: Я. Зутис, цит. соч., стр. 98.

⁹ G. F. Pöschmann, Ueber den Einfluss der abendländischen Kultur auf Russland. Bey Gelegenheit der Eröffnung der Dörptschen Universität, Dorpat, 1802, S. 50—51. Здесь и далее отрывки из речи Пёшмана даны в переводе, опубликованном в книге: Э. Э. Мартинсон. История основания Тартуского (б. Дерптского — Юрьевского) университета, Л., Изд. ЛГУ, 1954, стр. 98—99 и след. Вместе с тем следует отметить, что оценка речи Пёшмана, данная Э. Э. Мартинсоном, выдержана в духе господствовавших в годы культа личности концепций и не представляется сейчас до конца верной. Э. Э. Мартинсон преувеличивает связь выступления Пёшмана с реакционными «культуртрегерскими» теориями остзейцев по отношению к России. Между тем лозунг «помочь России усвоить достижения западноевропейской культуры и науки» мог иметь и прогрессивный смысл.

¹⁰ G. F. Pöschmann, op. cit., S. 52.

Выше охарактеризованная «русская ориентация» прогрессивных кругов прибалтийского общества просуществовала до конца XIX в., когда царское правительство перешло к реакционной политике насильственной русификации Остзейского края и, тем самым, положило конец надеждам местных деятелей на помощь с его стороны. Но уже к середине XIX в. эта ориентация стала почти исключительной принадлежностью лишь латышских и эстонских деятелей.

К этому времени прогрессивные возможности немецкого меньшинства в Прибалтике были, по-видимому, уже исчерпаны. Как известно, демократически настроенная часть немецкого «третьего сословия» в Прибалтике всегда составляла лишь меньшинство. По мере дальнейшего развития и обострения антинемецкой (что соответствовало в общем-то понятию антифеодальной) борьбы эстонского и латышского крестьянства, по мере общего угасания буржуазной революционности в Европе слабело и старое противоречие между немецкими рыцарями и немецким же бюргерством в Прибалтике. Последнее начинает понимать, что и его особое положение, его привилегии, пусть меньшие сравнительно с рыцарскими, но все же несравнимые с бесправным положением крестьянства, зависят от сохранения утвердившегося в Прибалтике порядка, основанного на господстве меньшинства. Местная буржуазия начинает искать союза с остзейским дворянством, и этот союз окончательно оформляется в 1860-е гг. в период нового обострения классовой борьбы в Прибалтике, в период ожесточенных нападков русских либерально-консервативных кругов на особый остзейский режим.

К этому времени уже в подавляющем большинстве прибалтийских немцев утверждается отрицательное отношение ко всему русскому, в котором они теперь видят лишь враждебное себе начало. Пропаганда русской литературы на страницах прибалтийской печати, уже значительно ослабевшая и в 1840-е гг., сводится к минимуму. Конечно, отдельные энтузиасты русской литературы среди немцев в Прибалтике остаются, и их деятельность порою и во второй половине XIX в. представляет интерес, но бывшего значения она все же уже не имеет.

Но классовые противоречия прибалтийского «третьего сословия» с местным рыцарством были не единственной основой, на которой мог вырастать интерес к России и русской культуре. Немалую роль здесь играло и воздействие передовых западноевропейских, а в отдельных случаях и русских общественно-политических идей на передовую прибалтийскую интеллигенцию. Не следует недооценивать и столь часто игнорируемого нашими исследователями биографического фактора: живое общение представителей прибалтийской интеллигенции с русским народом, с его культурой и искусством, конечно, нейтрализовало укоренившиеся в среде остзейской верхушки антирусские представления, способствовало лучшему знакомству и с русской литературой, пропаганде ее достижений.

Здесь опять стоит сослаться на речь проф. Г. Ф. Пёшмана, который вспоминал: «Когда я с некоторыми ложными представлениями <...> в первый раз, и, признаюсь, не без некоторой боязни, отправился в провинции собственно России и здесь лучше, чем на берегу Балтийского моря, мог наблюдать характер русской нации; когда я заметил прекрасные способности этого народа к образованию, терпеливое расположение духа, его деятельность, его трудолюбие, его талант к подражанию и преобразованию; когда я узнал опрятность, гостеприимство, живость и изобретательность русских крестьян, их склонность к взаимному обмену сведениями, к моей собственной выгоде; тогда просил я с растроганным сердцем прощения у гения русской нации, тогда я свято обещал любить ее и ценить»¹¹.

Что касается влияния западноевропейских общественно-политических

¹¹ G. F. Pöschmann, op. cit., S. 38.

идей на прибалтийскую интеллигенцию, то оно тоже было явлением очень сложным. В николаевскую пору, как известно, в Западной Европе в среде свободомыслящих интеллигентов утвердилось отрицательное отношение к Российской империи, как к европейскому жандарму, нередко переносившееся и на всю русскую культуру¹². Но, например, в начале XIX в., особенно в период освободительных войн, дело обстояло совершенно иначе: в России, в русских видели освободителей от наполеоновского ига, что усиливало интерес и к русской литературе.

В роли пропагандистов русской культуры в Прибалтике, пожалуй, даже чаще, нежели местные уроженцы, «коренные» остзейцы, выступали выходцы из Германии. Это не случайность. Вообще германские интеллигенты, приезжавшие в поисках работы в Прибалтику, составляли едва ли не наиболее прогрессивную часть здешнего третьего сословия. Они не обладали особыми правами и привилегиями и не были скованы сословными предрассудками, которые были свойственны, вероятно, даже большинству прибалтийского бюргерства, с сочувствием приглядывались к тяжелой доле эстонцев и латышей¹³. Им был чужд высокомерный взгляд остзейских рыцарей на русских и Россию. Они чаще проникались искренним уважением и любовью к русской культуре и считали своим долгом пропаганду ее у себя на родине, в Германии. Между тем выходцы из Германии особенно в конце XVIII — первой четверти XIX в. составляли значительную часть местной интеллигенции. Они легче усваивали и передовые общественно-политические идеи своего времени, образуя левый фланг прибалтийской общественности.

В настоящей статье анализируются материалы по русской литературе и, шире, культуре, опубликованные на страницах прибалтийской печати в первое десятилетие XIX в., и делается попытка определить их роль в пропаганде русской словесности, в первую очередь, среди немецких читателей. Материалы о русской культуре на страницах остзейских газет и журналов нередко трудно отделить от статей и заметок, посвященных России вообще. Поэтому в поле зрения автора все время находились также и последние.

Ограниченные рамки статьи заставили автора ограничиться рассмотрением лишь тех изданий, которые выходили в свет непосредственно в Прибалтике, отказавшись от анализа работ и переводов из русской литературы, вышедших из-под пера прибалтийских немцев, но опубликованных за пределами Остзейского края.

Автор также считает своим долгом оговорить, что данная статья не является работой по истории немецкого перевода, поэтому чисто переводческие проблемы, анализ качества отдельных переложений будут занимать в ней минимальное место.

I.

Эпоха Павла I была, как известно, вообще мало благоприятна для развития литературы и для переводов произведений русских авторов на иностранные языки. Достаточно напомнить в этой связи о запрете в 1800 г. небе-

¹² См. об этом: E. Reißner, Die Rezeption der russischen Literatur in Deutschland zwischen 1813 und 1848 im Spannungsfeld von Fortschritt und Reaktion, «Zeitschrift für Slawistik», 1963, B. VIII, H. 5, S. 688—696.

¹³ Этот факт неоднократно отмечался современниками и даже нашел отражение в художественной литературе.

известным рижским цензором Ф. О. Туманским к распространению в России немецкого перевода «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина¹⁴.

Положение изменилось со вступлением на престол Александра I, с началом поры либеральных веяний в России. В 1802 г. в Прибалтике возникает два периодических издания, правда, почти тотчас прекратившихся, но весьма любопытных, поскольку они целиком были посвящены или России вообще или же русской словесности.

Первое из них — «*Journal der älteren und neueren Russischen Litteratur. Herausgegeben von Joh. Gust. Baron von Bellinghausen*» — вышло в свет в Ревеле (Таллине) и прекратилось на первой тетради.

Издатель журнала Иван Федорович Беллингсгаузен (Johann Gustav von Bellinghausen, 1759—1820) был уже к этому времени известен как переводчик. Он родился в Лифляндии (вероятно, в Вайдау), работал сначала переводчиком при лифляндском оберлэндгерихте, с 1795 г. нотариусом местного дворянства, затем несколько лет служил при ревельской таможне и, наконец, редактором в Комиссии по составлению законов в Петербурге. Отдельными изданиями еще в конце XVIII в. вышло три перевода И. Беллингсгаузена с русского языка на немецкий, в том числе ода М. М. Хераскова на коронацию Павла I (Рига, 1797). Позже, в 1812 г., И. Беллингсгаузен издавал в Петербурге на русском языке «Журнал правоведения», правда, также прекратившийся на первой части. Программа журнала была задумана довольно широко: издатель предполагал дать в нем анализ древнего и нового европейского законодательства в сопоставлении с российским. Как отмечал С. А. Венгеров, журнал был проникнут искренней любовью к русскому просвещению и «представлял по тому времени очень серьезное явление и, что всего удивительнее для автора и переводчика-немца, слог издания очень чистый и правильный»¹⁵.

«*Journal der älteren und neueren Russischen Litteratur*» И. Беллингсгаузена полностью посвящен русской словесности и состоит из статей и переводов самого издателя¹⁶. Во вступлении к изданию (стр. III—VI), исполненном глубокого уважения и любви автора к России и русской литературе, И. Беллингсгаузен замечает, что произведения русского духа еще мало известны немецким читателям, между тем как успехи российской словесности велики и слава Руси гремит повсюду. Изданием журнала автор и хочет «преумножить знакомство немецких любителей с русской литературой» в надежде побудить их этим к изучению и прекрасного русского языка. Издатель, в случае, если журнал встретит одобрение читателей, надеется расширить его и привлечь к изданию новых сотрудников. Надеждам И. Беллингсгаузена, как мы видели, не суждено было сбыться.

Журнал открывается статьей «*Ueber die Slawische Sprache und deren litterarische Anwendung, gleichfalls von den Fortschritten der Russischen Litteratur im letztverwichenen Jahrhunderte*» («О славянском языке и его литературном применении, также об успехах русской литературы в минувшее столетие»). Статья представляет собой краткий обзор истории русской литературы, даже, пожалуй, шире — письменности, начиная с древнейших времен до конца XVIII в. Хотя Русь образовалась в результате слияния славян с варягами, — утверждает автор, — но язык русских — чисто славянский.

¹⁴ О своего рода «беспримерной» деятельности Ф. О. Туманского на посту рижского цензора имеется большая литература, см., например: П. П. Каратыгин, Цензура времен императора Павла I, «Исторический вестник», 1885, т. XXII, октябрь, стр. 151—160; В. В. Сиповский, Из прошлого русской цензуры, «Русская старина», 1899, т. 98, апрель, стр. 171—175.

¹⁵ С. А. Венгеров, Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. II, СПб, 1891, стр. 388. О И. Беллингсгаузене см. также: Recke. Napiersky, I, 98—99; Nachträge, I, 44.

¹⁶ На это есть указание во вступлении к журналу — «*Journal der älteren und neueren Russischen Litteratur. Erstes Heft*», Reval, 1802, S. III.

Он был значительно обогащен переводами с греческого, которые стали появляться после того, как в IX в. у русских возникла письменность, ведущая свое начало от Кирилла и Мефодия. Далее И. Беллингсгаузен сравнительно подробно рассматривает русское летописание, особо отмечая заслуги Нестора, который был одним из древнейших северных историков вообще, не исключая и исландских хронистов¹⁷. В подтверждение своих мнений автор ссылается на В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Г. Ф. Миллера и А. Шлёцера.

Остановившись затем на продолжении летописания, «Степенной книге», И. Беллингсгаузен говорит о начале русского книгопечатания. Попутно он отмечает, что на славянских языках имелись и многочисленные народные песни, но в тяжелые годы монгольского ига литература, в основном, развивалась в монастырях. «Все же несколько лет тому назад было найдено в рукописи народное стихотворение (Volksgedicht): Песнь о походе Игоря, где упоминается еще более древний поэт по имени Боян»¹⁸.

Начало нового периода в истории русской литературы И. Беллингсгаузен верно связывает с преобразованиями Петра I. В числе его особенностей он подчеркивает как переход от духовной к светской словесности, так и переход от славянского языка к собственно русскому. Из писателей петровской эпохи упоминаются Феофан Прокопович и Гавриил Бужинский, из литераторов последующего периода — только Ломоносов и Сумароков, слава которых перешла уже границы России: о них писали и в иностранной прессе, и даже некоторые их труды появились там в переводе. Другие им современные писатели были не без таланта, но рядом с ними они все же менее заметны.

Дальнейший расцвет русской литературы падает на последнюю четверть прошлого века и связан с блистательным царствованием Екатерины II. Однако, уделив немало места общим рассуждениям об успехах муз в России при Екатерине II, автор не называет больше ни одного писательского имени.

Завершается статья чем-то вроде здравницы: да цветет русская литература и пусть литературная слава России сравнится с ее политическим величием и гражданским счастьем!

Если обзор русской литературы XVIII в. у И. Беллингсгаузена поверхностен и содержит уж слишком много пропусков, в этом смысле уступая даже многим обзорам, появившимся еще в прошедшем столетии¹⁹, то рассмотрение древнерусской словесности, при всех его ошибках и недостатках, находится на уровне научных представлений той поры.

Как бы иллюстрацией к статье служат помещенные в номере переводы из М. В. Ломоносова, Г. Бужинского и М. М. Хераскова, которые С. А. Венгеров квалифицировал как весьма удовлетворительные²⁰.

Переводы из Ломоносова предварены довольно подробной его биографией, занимающей 10 страниц текста, где отмечаются заслуги поэта в преобразовании системы русского стиха, а также в упорядочении русского языка. Переведено 4 стихотворения Ломоносова — «Утреннее размышление о божием величестве» («Morgenbetrachtungen über die Größe Gottes»), «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния» («Abendbetrachtungen bey Gelegenheit einer großen Nordlichterscheinung»), «Ода государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и та-

¹⁷ Высокая оценка русского летописания, в частности «Повести временных лет», утверждения, что русские летописи стоят едва ли не выше современных им западноевропейских хроник, характерны уже для конца XVIII в. и стали общим местом почти всех статей о русской словесности. Кстати, и Г. Ф. Пёшман утверждал в своей речи, что немногие народы могут гордиться таким полным и хронологически последовательным собранием annalov, как русские.

¹⁸ «Journal der älteren und neueren Russischen Litteratur», S. 15—16.

¹⁹ См. о них: П. Берков, Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке, «Язык и литература», сб. 5, Л., 1930, стр. 87—136.

²⁰ С. А. Венгеров, цит. соч., стр. 388.

тарами и взятие Хотина 1739 года» («An die hochselige Kaiserin Anna Iwanowna, auf den Sieg über die Türken und Tartaren und auf die Einnahme der Festung Chotzim im Jahre 1739»), «Письмо о пользе стекла» («Ueber den Nutzen des Glases»; перевод примерно половины — 204 строки из 440 — стихотворения; обещано продолжение в следующем квартальном номере).

Особенно удачным эти переводы все же признать нельзя. «Утреннее размышление», например, переведено очень вольно, шестистрошные строфы Ломоносова заменены четверостишиями; третья строфа — с нашей точки зрения, одна из самых интересных в стихотворении — вообще опущена; мысли Ломоносова, которые казались переводчику «частными», «несущественными», он также нередко пропускает, меняет отдельные образы оригинала и т. д.

Еще более свободным представляется перевод «Вечернего размышления». Сделанные переводчиком вставки и изменения зачастую искажают мысли Ломоносова. Так, в переводе второй строфы, которая под пером И. Беллингсгаузена разрослась до двух, появилась мысль о том, что поиски ученых суть ничто иное, как бесполозные заблуждения. Многие замечательные образы Ломоносова (как, например, «Открылась бездна звезд полна / Звездам числа нет, бездне дна») в переводе исчезли.

Точнее передана «Ода на взятие Хотина», быть может, потому, что здесь меньше «мыслей» и больше риторических фигур — переводчик не всегда «усваивает» первые, но вполне в состоянии передавать последние.

С меньшими издержками, хотя в том же духе, что и переложения первых двух стихов, сделан перевод «Письма о пользе стекла». В переводе несколько странно звучит для нашего уха примененный И. Беллингсгаузенom гекзаметр.

Но вообще нельзя излишне сурово относиться к этим переложениям из Ломоносова, принимая во внимание общий уровень тогдашнего поэтического перевода и учитывая, что предшественников у И. Беллингсгаузена почти не было²¹: общее представление о творчестве русского поэта они все же давали, тем более, что для перевода были отобраны три действительно лучших произведения Ломоносова.

Далее в журнале вслед за краткой биографией Гавриила Бужинского идет перевод, с некоторыми сокращениями, его «Слово I. В похвалу Санкт-Петербурга и его основателя, государя императора Петра Великого, говоренное пред лицом сего монарха при поднесении его Величеству перовыврезанного на меди плана и фасада Петербурга» («Lobrede auf St. Petersburg und dessen Erbauer den Hochseeligen Kaiser Peter der Großen gloriwürdigsten Andenkes, bey Gelegenheit, als Sr. Majestät der erste in Kupfer gestochene Abriß von St. Petersburg überreicht wurde, gehalten von dem räsanskischen und muromskischen Bischöfe damaligen Ober-Jeremonach der Flotte Gabriel Buschinsky»).

В заключении книжки дан перевод начала первой песни эпopeи «Россиада» «и ныне здравствующего тайного советника» М. М. Хераскова²². Продолжение перевода также было обещано в следующем номере. Этот перевод, в противоположность всем остальным, довольно точен.

Журнал И. Беллингсгаузена был, вероятно, первой попыткой (если не

²¹ В XVIII в. переводов стихов Ломоносова на немецкий язык почти не было. По крайней мере, в известных обзорах А. Лютера и Э. Бёме нет указаний на них, см.: E. Boehme und A. Luther, Frühe deutsche Übersetzungen aus dem Russischen. «Philobiblon», 1933, Н. 8, S. 277—282; Артур Лютер, Русские писатели XVIII—XIX века в немецких переводах, «Временник Общества друзей русской книги», IV, Париж, 1938, стр. 113—120.

²² Хераскову вообще посчастливилось у немцев, имеется довольно большое число переводов его произведений на немецкий язык, см. о них: А. Лютер, ук. статья, стр. 119—120. Первая песнь «Россиады» была переведена и И. Рихтером в его известном журнале «Russische Miscellen». Пять первых песен «Россиады» перевел и Якоб Ленц, но его перевод не был опубликован и затерялся — см. об этом: М. Н. Розанов, Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц. Его жизнь и произведения, М., 1901, стр. 480—481.

считать периодического издания Х. Бакмейстера «Russische Bibliothek, zur Kenntniß des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Rußland», B. I—XI, St. Petersburg—Riga—Leipzig, 1772—1787, профиль которого был все-таки более широк) создания такого органа печати на немецком языке, который был бы полностью посвящен русской литературе. Попытка, как мы видели, не удалась. Продолжения издания не последовало.

Но в том же 1802 г. была предпринята и другая подобного рода попытка, опять же не увенчавшаяся успехом. Мы имеем в виду журнал Б. Бергмана «Miscellen der Russischen und Mogolischen Literatur. Eine Monatsschrift für das Jahr 1802», Riga und Leipzig (вышло в свет две части журнала — за январь и февраль).

Издатель журнала и, по-видимому, автор почти всех помещенных в нем работ был довольно примечательной личностью. Бенъямин Бергман (Benjamin Fürchtgott Balthasar von Bergmann, 1772—1856), сын известного прибалтийско-немецкого писателя, автора ряда сочинений и на латышском языке, пастора Густава Бергмана, родился в Арраше (в Лифляндии), учился в Домском училище и в лицее в Риге, а затем, в 1791—1795 гг. изучал теологию в Лейпцигском и Иенском университетах²³. Близким другом Бергмана в университете был Э. М. Арндт, с которым он и позже переписывался. Уже в эти годы Бергман проявил исключительные познания в области истории и языков. Позже он стал подлинным полиглотом: в совершенстве владея немецким и латышским языками, он говорил и писал также на латинском, французском, русском, калмыцком, знал греческий, древнееврейский, английский и голландский языки, затем выучил и санскрит, и последней работой, которую он успел издать при жизни, было сопоставление санскрита с латышским.

После окончания университета Б. Бергман работал домашним учителем сначала в Риге, а потом в Москве у надворного советника Гончарова, который владел имением на нижней Волге. Там он впервые столкнулся с калмыками, образ жизни, язык и фольклор которых его очень заинтересовал. Добившись через всевышнего в ту пору Н. Новосильцева финансовой поддержки со стороны царя, Бергман в 1802 г. отправился в калмыцкие степи и в течение 15 (по сведениям сына, даже 16) месяцев кочевал вместе с калмыками, изучая их язык и этнографию. По возвращении из Калмыкии он был принят на государственную службу и по заданию правительства должен был направиться в новую экспедицию в Центральную Азию (по сведениям сына, Бергману предстояло возглавить экспедицию в Тибет, снаряжаемую графом Н. П. Румянцевым). Но тут тяжело заболел его отец, и Б. Бергман должен был уступить просьбам последнего вернуться в Лифляндию и стать его преемником на посту пастора. В 1804—1806 г. он был адъюнктом при отце, затем стал пастором в Эрлаа, а с 1814 г., после смерти родителя, в Руене, где и проработал до 1842 г. Тартуский университет присудил Бергману в 1816 г. за его научные труды степень доктора философии. Он был членом ряда научных обществ.

²³ Биографию Б. Бергмана мы восстанавливаем по следующим источникам: R. Richard. Bergmann [сын писателя]. Nekrolog, «Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit Rußlands, begründet von Dr. C. C. Ulmann, herausgegeben von Dr. C. A. Berkholtz», 1856, B. XII, Riga, S. 481—487; Recke. Napiersky, I, 129—132, Nachträge, I, 51—52; Des Palm Bergmann Nachkommen. 1672—1886, Riga, 1886, S. 62—63; <K. E. Napiersky>, Beiträge zur Geschichte der Kirchen und Prediger in Livland, H. 2, Mitau, 1850, S. 17—18. Библиография работ Б. Бергмана см.: Karl Goedeke, Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. Zweite, ganz neu bearbeitete Auflage. Fortgeführt von Edmund Goetze. B. 7, Dresden, 1900, S. 492—493; K. Goedeke, op. cit. Zweite, ganz neu bearbeitete Auflage. Herausgegeben von Herbert Jacob, B. XV, Berlin, 1964, S. 75 (в дальнейшем при цитировании сокращенно — K. Goedeke — с указанием тома римскими, а страницы арабскими цифрами).

Научную и литературную славу Б. Бергману принесла вышедшая в 1804—1805 гг. в Риге в 4 частях книга «Nomadische Streifereien unter den Kal-mücken in den Jahren 1802 und 1803» («Странствия с кочевниками-калмыками в 1802 и 1803 гг.»). Эта книга сыграла немаловажную роль в научном изучении калмыцкой степи и калмыков, в особенности их культуры, этнографии. Она была переведена на голландский и французский языки и еще в начале XX в. не потеряла полностью своего научного значения.

Литературное наследие Б. Бергмана довольно велико. Он был автором ряда исторических трудов, из которых наибольшая известность выпала на долю шеститомной книги «Peter der Große, als Mensch und Regent dargestellt» (1823—1830; переведена на русский язык Е. В. Аладьиным и выдержала два издания), в значительной мере написанной на основе русских источников. В 1825—1826 г. Б. Бергман издавал в Митаве (Елгаве) журнал «Magazin für Russlands Geschichte».

Бергман был автором и ряда переработок и переводов с русского (см. например, *Neue Anekdoten von Peter dem Großen, gesammelt durch Johann Golikow. Nach dem russischen Original bearbeitet*, Riga und Leipzig, 1802; с новым титульным листом — 1810).

Изданием же «Miscellen der Russischen und Mogolischen Literatur», собственно, и началась учено-литературная деятельность Б. Бергмана. «Задача этого журнала прежде всего состоит в том, — отмечает он в предисловии к изданию, — чтобы представить в немецком обличи читающему миру выборку лучших произведений русской литературы, которые еще не переведены ни на один язык»²⁴. Более всего русские трудились в области изящной словесности. Ими создан уже ряд замечательных «поэтических произведений, которые соревнуются с творениями духа других наций. Русская муза горда Херасковым, Державиным и Сумароковым, которым русский язык обязан своим развитием и грацией»²⁵. Однако иностранцы не знают их произведений, хотя лучшие из них заслуживают того, чтобы быть известными.

«Издатель этого журнала, — отмечается далее во вступлении, — обещает представить своим читателям интереснейшие предметы, касающиеся изящной словесности, истории и географии русских; все же иногда он будет добавлять к этому и собственные рассуждения, которые касаются как описания отдельных русских местностей и населяющих Россию народов, так и других предметов, имеющих отношение к России.

Кроме того, издатель будет помещать в этом журнале переводы творений духа монголов. Он намеревается изучить в юртах монголов их язык и словесность, частью для того, чтобы удовлетворить свою любознательность, частью для того, чтобы ближе познакомить образованную читающую публику с творениями монгольского духа, с эксцентричными деяниями их героев и божеств, с их образом мыслей и их характером»²⁶.

Но из 8 работ, помещенных в двух частях журнала, лишь одна посвящена монгольской (вернее, ойратской или калмыцко-ойратской) словесности, остальные же относятся к области истории, литературы или географии России.

Начинается журнал с описания Сарепты, местности на нижней Волге, населенной немцами-колонистами. Вслед за этим следует сравнительно точный перевод предисловия и первой книги I-го тома романа М. М. Хераскова «Кадм и Гармония» («Kadmus und Harmonia, eine Sage aus der griechischen Vorzeit, aus dem Russischen übersetzt») ²⁷.

Далее следуют фрагменты из известной книги «Полное историческое из-

²⁴ «Miscellen der Russischen und Mogolischen Literatur», St. I, S. III.

²⁵ Ibid., S. IV.

²⁶ Там же, S. VI—VII.

²⁷ Как отмечается в подстрочном примечании, перевод был сделан со второго издания книги: Кадм и Гармония, древнее повествование. М., 1793. Перевод первой книги «Кадм и Гармония» Хераскова был помещен и в «Russische Miszellen» (B. I, № 2, S. I—40) И. Рихтера.

вестие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разногласиях; собранное протоиереем Андреем Журавлевым» («Fragmente aus einem Werke des Protohieriey Andrei Iwanow²⁸, über die Raskolniken und frühern russischen Ketzzer, aus dem Russischen übersetzt»). В подстрочном примечании указывается, что переводчик пользовался вторым изданием этой редкой книги, вышедшим в 1795 г., которое ему одолжил г-н Баузе из Москвы. Тут же приводятся краткие сведения об авторе и о судьбе его книги. Автор этого произведения сам был некогда раскольников, принадлежал к секте федосеевцев, и то, что он описывает в своей книге, доподлинно соответствует действительности. Не случайно, раскольники с тщанием разыскивали оба издания книги, раскупили и уничтожили почти весь ее тираж. Уже в ту пору эта книга была библиографической редкостью. Избранные для перевода фрагменты касаются истории и особенностей различных ответвлений и сект старообрядчества, их быта и нравов. При этом переводчик снабжает свой труд обширными подстрочными примечаниями.

В февральском номере журнала было напечатано продолжение этого труда.

Завершается первая книжка журнала единственным переводом из «монгольской» литературы — «Geschichte von Goh Tschikütu Chan Kōbān, aus dem mogolischen». В подстрочном примечании Б. Бергман указывает: «Эта история, существующая лишь на монгольском языке, появляется здесь в первый раз в переводе. Монголы имеют много произведений, в которых господствует дух Востока. Нам они кажутся сказками, но монгольское духовенство возвышает эти сказки до истинных происшествий их религии. Авантюрное, чудесное в этих произведениях не имеет в понимании монголов ничего странного. Монгольская мифология, вероятно, превосходит греческую и северную богатством предмета, оригинальностью описаний, полными чудес происшествиями. Примером может служить Гох Чикюту хан Кёбян»²⁹.

Перевод закончен не был, обещанное в конце первой части продолжение не появилось.

Второй том журнала открывается статьей «Ueber den Ursprung der ältesten Russen» («О происхождении древних русских»). Здесь автор статьи подробно обосновывает широко распространенную в XVIII в. гипотезу о скандинавском происхождении русских, которая кажется ему наиболее убедительной.

Вслед за этим следуют две работы Н. М. Карамзина — перевод статьи «Нечто о науках, искусствах и просвещении» («Abhandlung über Wissenschaften, Künste und Aufklärung») и повести «Бедная Лиза» («Die arme Lisa, eine Erzählung aus dem Russischen des Herrn Nikolai Karamsin»), незадолго перед тем, в 1800 г., опубликованной в переводе И. Рихтера в Лейпциге в составе сборника избранных повестей русского писателя.

Наконец, во второй части «Miscellen...» опубликован фрагмент (четвертая глава первого тома) из «Истории Российской» В. Н. Татищева — так называемая Иоакимовская летопись («Fragment der russischen Geschichte von dem powgorodschen Bischof Joakim»); в XVIII в. она считалась более древней, чем летопись Нестора, хотя на самом деле «История Иоакима, епископа Новгородского» — плод фальсификации, выдумка какого-то книжника XVII в., некритически принятая В. Н. Татищевым за подлинную древнерусскую хронику³⁰.

²⁸ Превращение Андрея Журавлева в немецком переводе в Андрея Иванова объясняется просто: А. Журавлев чаще подписывался своим отчеством — Андрей Иоаннов, как это было принято в ту пору.

²⁹ «Miscellen der Russischen und Mogolischen Literatur», St. 1, S. 129.

³⁰ См. об этом: С. К. Шамбинаго, Иоакимовская летопись, «Исторические записки», т. 21, М.—Л., 1947, стр. 254—270; М. Н. Тихомиров.

Материал, помещенный в журналах И. Беллинггаузена и Б. Бергмана, в известной мере, предваряет те публикации произведений русских авторов в немецких переводах и те статьи о русской литературе, которые появляются в первое десятилетие XIX в. в других прибалтийских органах печати. Интерес в них будет прикован или к Карамзину и его школе или к творчеству общепризнанных к этому времени мастеров XVIII в. (к вышеперечисленным надо еще прибавить Г. Р. Державина). Впрочем, интерес к карамзинскому направлению вскоре станет преобладающим.

В том же 1802 г. в Риге отдельным изданием в переводе И. Г. Рихтера, самого крупного переводчика русской литературы на немецкий язык в конце XVIII — начале XIX вв., очень много сделавшего для пропаганды русской культуры на Западе³¹, выходит «Историческое похвальное слово императрице Екатерине II» Н. М. Карамзина («Lobrede auf Catharina die Zweyte, von Nikolai Karamsin»)³². Кстати, И. Рихтер, без сомнения, наиболее значительная фигура в истории русско-немецких литературных связей рассматриваемого периода, довольно активно сотрудничал в прибалтийской немецкой прессе. Это сотрудничество не прерывалось даже во время издания «Russische Miszellen». Особенно охотно печатался И. Рихтер на страницах журнала „Nordisches Archiv“.

Труды В. Н. Татищева по истории России, в книге: В. Н. Татищев, История Российская, т. I, М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 50—52.

³¹ О И. Рихтере и его журнале «Russische Miszellen» см.: В. И. Кулешов, Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина), М., Изд. МГУ, 1965, стр. 252—263 (см. также библиографию на стр. 407—408). К сожалению, раздел, посвященный И. Рихтеру, в книге В. И. Кулешова далеко не исчерпывает всех материалов и в нем мы находим даже несколько ошибок. Вне поля зрения автора, например, остались любопытные отклики на издание Рихтера в русских журналах, в частности критика Я. А. Галинковским на страницах журнала «Корифей, или ключ литературы» карамзинской ориентации Рихтера (см. об. этом: Ю. М. Лотман, Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский, «XVIII век», сб. 4, М.—Л., Изд. АН СССР, 1959, стр. 235—237). Неверно также утверждение В. И. Кулешова, что в переписке Карамзина не встречается имя Рихтера. На самом деле в письмах Карамзина к Вильгельму Вольцогену неоднократно идет речь о Рихтере и его переводах, см.: Literarischer Nachlaß der Frau Caroline von Wolzogen. Zweiter Band. Zweite Auflage, Leipzig, 1867, S. 422—430. Приносим благодарность Ю. М. Лотману, который указал нам на это издание.

Книга В. И. Кулешова вызывает возражение и в других отношениях. Крайне недостаточно рассмотрен в ней вопрос о роли прибалтийской немецкой прессы в ознакомлении западноевропейских читателей с русской литературой. Из всех прибалтийских изданий В. И. Кулешов рассматривает в этом плане почему-то только «Zuschauer» Г. Меркеля, чьи заслуги в пропаганде русской словесности как раз не столь значительны. Такие же журналы, как «Nordisches Archiv», значение которого в истории русско-немецких культурных связей вряд ли многим уступает значению «Russische Miszellen», «Esthona», «Der Refraktör» и другие, уделявшие много внимания русской литературе, остались вне поля зрения В. И. Кулешова и даже не упомянуты.

³² Просмотреть de visu это издание нам не удалось, но о нем упоминается в ряде библиографических справочников, см.: А. Шторх и Ф. Адельунг, Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия с 1801 по 1806 год, ч. II, СПб, 1811, № 461; В. С. Сопиков, Опыт российской библиографии, ч. III, СПб, 1904, № 5068.

„Nordisches Archiv“ вообще представляет собой самое интересное явление в прибалтийской журналистике первого десятилетия XIX в. Журнал выходил в 1803—1809 гг. ежемесячно вначале в Риге и Лейпциге, а с 1806 г., в связи с военными действиями в Германии, только в Риге. «Nordisches Archiv» проявлял исключительный интерес к России и был заполнен материалами, посвященными экономике, географии, истории, просвещению, культуре, литературе и театру России. Статьи и заметки, излагающие этот комплекс вопросов, либо оригинальны, либо представляют собой перепечатки из русских журналов, в особенности из «Вестника Европы». В сумме все эти материалы дают своеобразный энциклопедический обзор русской жизни. В этом смысле журнал «Nordisches Archiv», повторяем, сыграл не меньшую роль в ознакомлении западноевропейского читателя с Россией, чем знаменитые „Russische Miszellen“ И. Рихтера.

Издателем «Nordisches Archiv» был И. Х. Кафка (Johann Christoph Kaffka, 1754 (по другим сведениям — 1747) — 1815; настоящая фамилия — Энгельманн), личность весьма примечательная с необычной судьбой³³. И. Х. Кафка родился в Регенсбурге в Германии в семье ревностных католиков. Родители готовили его к духовной карьере и двенадцати лет отдали в иезуитскую гимназию в Регенсбурге, затем он учился у августинцев, занимаясь, впрочем, больше сочинительством драматических произведений. Очень рано мальчик проявил интерес к театру и уже в школе участвовал в духовных представлениях. В 1773 г. Кафка был посвящен у цистерцианцев в послушники; в свои проповеди он вплетал целые отрывки из «Эмилии Галотти» Лессинга и других драматических сочинений. По истечении срока послушничества Кафка отказался от духовной карьеры и вскоре ушел работать в театр, чем вызвал негодование отца. С 1775 г. он выступает в качестве актера, режиссера, а иногда и директора труппы в Праге, Нюрнберге, Франкфурте, Лейпциге, Дрездене, Берлине и других городах. В Прибалтику, в Ригу, Кафка впервые приехал в 1789 г., но тогда пробыл здесь недолго, отправившись вскоре обратно на родину. Но в 1800 г. мы вновь видим его в России, сначала на сцене немецкого театра в Петербурге, а со следующего года — в Риге. Здесь Кафка, не ограничившись работой в театре, открыл книжный магазин, который однако вскоре был закрыт, организовал публичную библиотеку и занялся литературной и издательской деятельностью.

Убедившись, что число периодических изданий в Прибалтике не велико, между тем как с открытием Тартуского университета и с увеличением числа интеллигентной читающей публики потребность в них есть, Кафка решил попытать счастья и в области журналистики. Он предпринял несколько попыток издавать газеты и журналы, но успехом из них, собственно, увенчалась лишь одна — издание журнала «Nordisches Archiv» с его приложениями «Miscellaneen zum Nordischen Archiv» и «Nordische Miscellen» (1807—1809). Все пять попыток организовать выпуск в свет газет («Gemeinnützige Blätter für das Rigasche Publicum», «Nordische Blätter», «Der Wiedererzähler», «Chronologen», «Zeitblüten») не удалось, только от одной из этих газет сохранились пробные номера, остальные же известны нам лишь по объявлениям об их предстоящем издании³⁴.

И. Х. Кафка был и очень плодовитым писателем, автором большого чис-

³³ Биографию И. Х. Кафки мы восстанавливаем на основе сведений, приведенных И. Ф. Рекке и К. Э. Напиерским (11, 408—409; Nachträge, 1, 298; эти сведения представляют особый интерес потому, что они были почерпнуты авторами из неопубликованной автобиографии Кафки).

³⁴ См. об этом: A. Keussler, Baltische Belletristik in den ersten Hälfte des neunzehnten Jahrhunderts, «Baltische Monatsschrift», 1907, B. LXIII, S. 263—264.

ла драм и драматических шуток, неоднократно ставившихся на сцене; писал он также романы, статьи, миниатюры³⁵. Впрочем, большого литературного значения его выдержанные в манере предромантизма произведения не имеют. В числе его работ есть несколько посвященных России — см., например, «Die Schöpfung Russlands. Ein historisch-poetisches Gemälde» (Mitau, 1810).

Умер И. Х. Кафка в Риге в театре при исполнении роли Портала в «Rochus Pumpernickel» при словах «Смерть уже овладевает мной...».

И. Х. Кафка сумел объединить в своем журнале, особенно в первые годы его существования, почти все тогдашние лучшие литературные силы Прибалтики. Среди его сотрудников мы видим У. фон Шлиппенбаха, П. Б. Кампенаузену, А. Х. Вейрауха, Б. Бергмана, А. Трухарта, И. Делакроа, И. Ф. Рекке, И. Х. Броце и других. Только Г. Меркель, занятый своими изданиями, стоял в стороне от журнала и даже видел в нем конкурента, что нашло отражение в его отзыве о „Nordisches Archiv“³⁶.

Материалы, помещавшиеся на страницах журнала, были очень разнообразны. Все же, скорее, «Nordisches Archiv» был журналом научным, нежели литературно-художественным: статьи по вопросам политики, экономики, истории, географии, философии, эстетики преобладают над собственно художественными произведениями. Печаталось и довольно много информационного материала; систематически велась хроника театральной жизни Остзейских губерний, Петербурга и Москвы, что, конечно, связано с театральными интересами издателя.

Четкой общественно-политической программы у журнала, пожалуй, не было. Но вообще издание пронизано умеренно-либеральным духом «дней Александровых прекрасного начала». С этим связано большое число материалов, исполненных искреннего восхваления Александра I и его мероприятий, в особенности тех, которые казались направленными к улучшению положения крестьян: закона о вольных хлебопашцах, крестьянских законов 1804 г. для Прибалтики, в известной мере гарантировавших право крестьянина на его хозяйство и в какой-то степени ограничивших помещичий произвол в отношении личности земледельца. Эти дифирамбы в адрес царя и закона 1804 г. на страницах журнала ни в коем случае нельзя рассматривать как явление реакционное. Демократические силы Прибалтики вплоть до 1880-х гг. находились во власти царистских иллюзий и склонны были искать поддержки у царя и центрального правительства в своей борьбе с остзейским рыцарством. Реформы начала XIX в. в Прибалтике проводились по прямому указанию свыше, из Петербурга, в то время как большинство местного дворянства относилось к ним настороженно, если не отрицательно, рассматривая их как незаконное вмешательство во внутренние дела остзейского рыцарства, ущемление интересов последнего. В этих условиях восхваление реформ и дифирамбы в адрес царя могли иметь даже в какой-то мере прогрессивный смысл.

Достоин внимания, что издатель «Nordisches Archiv» интересовался и положением крестьян в России, опубликовав несколько статей, в которых в умеренной, правда, форме критиковалось крепостное право. Здесь, в первую очередь, надо отметить статью «Etwas über die Leibeigenschaft in Bußland. Ein Bruchstück» (1806, B. 2, Mai, S. 81—96; «Нечто о крепостном праве в России. Отрывок»). В подстрочном примечании указано, что статья взята из бумаг покойного Я. Штелина, что, возможно, соответствует действительности, поскольку известно, что после смерти последнего осталось много рукописей разного содержания. Но на самом деле статья представляет собой перепечатку с небольшими изменениями основной части работы «Ueber Herrn Linguet, die Knechtschaft überhaupt und die Russische insonderheit. Von Herrn Staats-

³⁵ Библиография его работ: K. Goedeke, VII, 460—461.

³⁶ См. G. M<erke>l, Flüchtige Uebersicht der literarischen Zeitschriften in Lief- und Kurland, «Literarische Beilage zum Zuschauer», 25. I 1810, Nr. 2, S. 6.

rath Müller zu Moskau. Geschrieben vor 1780» («Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. Anton Friedrich Büsching», Th. XVIII, Halle, 1784, S. 71—82).

Эта работа известного русского историка академика Г. Ф. Миллера, из которой извлечена ее центральная часть «Von der Leibeigenschaft in Rußland», была вызвана сочинениями Ленгэ, доказывавшим, что положение современного поденщика хуже положения раба, и, как средство для улучшения участи работников, парадоксально предлагавшим введение рабства. Г. Ф. Миллер в своей статье наоборот утверждает, что уничтожение крепостного права полезно и для крестьян, и для помещиков, и для государства.

В статье вначале дается довольно подробный исторический очерк крепостного права в России, при этом отмечается, что вообще-то крепостное право в России легче и сноснее, чем в Польше и других странах, в особенности же не так обременительно, как в Остзейских губерниях. «Сравнение здесь было бы очень поучительно, но оно завело бы меня слишком далеко», — добавляет Г. Ф. Миллер. Этот сохранный без изменений в статье отрывок звучал особенно актуально и должен был показаться прямо оскорбительным для прибалтийских помещиков, всегда подчеркивавших, что в России система крепостного права более жестока, чем в «культурных» остзейских провинциях.

Далее Г. Ф. Миллер как на образец желательных преобразований указывает на графа Замоиского и князя Чарторыйского в Польше, которые предоставили крестьянам землю «в собственность», т. е. в постоянное пользование за известный оброк, и таким образом не только улучшили их положение, но и увеличили свои собственные доходы. Если ранее крестьяне были бесчувственны и ленивы, то после этого они стали трудолюбивыми «настоящими людьми». Рабство угнетает и унижает человека, не дает ему развиваться. Только свободный человек может в полной мере проявить себя³⁷.

Другая статья — «Bemerkungen über den Rekrutenhandel» (1805, B. 1, Japaag, S. 35—40)³⁸ — посвящена более частному вопросу, «злоупотреблениям», и не затрагивает основ крепостного права в России, но интересна довольно яркими примерами помещичьего произвола. В ней идет речь о различных способах продажи рекрутов помещиками, о хитроумных махинациях, к которым прибегают владельцы имений, стремясь обойти закон о запрещении продажи крепостных в солдаты.

Выше мы уже отмечали, что материалы о России, помещаемые на страницах «Nordisches Archiv», были очень разнообразны как по содержанию, так и по форме.

Систематически печатались заметки и корреспонденции о русской жизни, которые носят хроникальный характер, иногда мелкие рассказы и анекдоты. Особенно регулярно освещалась жизнь Петербурга и Москвы, где у «Nordisches Archiv» были и свои корреспонденты (И. Рихтер и Фр. Шмидт в Москве, Рейнбек в Петербурге и другие). Эти заметки и корреспонденции, иногда перераставшие в очерки московской или петербургской жизни, обычно печатались в разделах «Vermischte Nachrichten», «Correspondenz-Nachrichten», «Verschiedene Neuigkeiten aus Moskwa», «Schreiben aus St. Petersburg» и т. д. В них нередко сведения и из области культуры и искусства — например, о лекциях издателя «Северного вестника» И. И. Мартынова по эстетике в Петербурге, которые пользовались большим успехом и привлекали много публики³⁹, о патриотическом подъеме в Москве в связи с наполеоновскими вой-

³⁷ Об этой работе Г. Ф. Миллера см.: В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, СПб, 1888, стр. 211—212.

³⁸ Это перевод «Письма к издателям «Санктпетербургского журнала» из Москвы от 10 сентября 1804», «Санктпетербургский журнал», 1804, октябрь, стр. 119—124.

³⁹ «Nordisches Archiv», 1804, B. 4, Oktober, S. 85.

нами и, как о проявлении этого, всеобщем энтузиазме, охватившем зрителей в театре во время представления «Натальи — боярской дочери» при словах: «Умрем или победим!»⁴⁰ и т. д.

Типичным образцом такого рода материалов может служить корреспонденция из Петербурга от 9 августа 1804 г.⁴¹, превращающаяся в своего рода очерк или хронику петербургской жизни, — в ней идет речь о балах, маскарадах, празднествах, парадах; об ученых путешествиях петербургских мужей науки; о торжественном заседании Российской Академии и темах сочинений на соискание награды Академии; о книжных новинках и успехах типографского искусства в Петербурге; о новом цензурном уставе и т. д. Вслед за этим идет аналогичная корреспонденция из Москвы.

Многие сведения в такого рода заметках и статьях позаимствованы из русских журналов, некоторые прямо представляют собой переводы с русского.

Иногда перепечатывались даже внешнеполитические комментарии русских публицистов. Здесь особый интерес представляет статья «Freimüthige Bemerkungen eines aufgeklärten und unpartheiischen Politikers, des bekannten und geschätzten Karamsin, über die letzten Vorfälle in der Schweiz <Откровенные замечания просвещенного и беспартийного политика, известного и уважаемого Карамзина о последних событиях в Швейцарии> (Aus dessen Journal: Westnik Jewropii (der Bote Europens), welches in vierundzwanzig Heften jährlich in Moskwa erscheint)».⁴² Это точный перевод статьи «Швейцария» из «Вестника Европы» (1802, ч. 6, № 24, стр. 330—335), в которой говорится об аресте французским генералом Неем президента швейцарского сейма Алоиса Рединга и других граждан. Этот факт рассматривается как проявление тирании и деспотизма французов и Бонапарта, как насилие над свободой. Вся статья пронизана прославлением вольности и ненавистью ко всякому угнетению. Швейцария и ее народ рассматриваются как извечные борцы за свободу, прославившиеся в веках мужественной борьбой с иноземцами. Любопытно при этом, что Карамзин не оправдывает целей арестованных, которые хотели восстановить бернскую олигархию в Швейцарии, но он выступает против всякого ущемления чужеземцами прав другого народа.

Эта статья представляет собой одну из вершин того умеренного карамзинского либерализма, который он допускал в первые годы после свержения Павла I. Перевод именно этой статьи лишний раз свидетельствует о либеральной свободомыслящей позиции «Nordisches Archiv» в те дни.

Любопытно, что одно место в статье Карамзина, где он говорит о недостатках старой бернской олигархической формы правления, которую хотел восстановить Рединг, показалось переводчику неверным. В большом подстрочном примечании переводчик выражает сомнение в том, хотел ли Рединг сохранить недостатки правления бернской и цюрихской аристократии, и тут же добавляет, что привилегии небольшой группы состоятельных граждан, власть в их руках, он не считает недостатком. Это обосновывается тем, что в маленьких государствах расходы на содержание правительственных учреждений всегда ложатся тяжким бременем на народ, а при олигархическом правлении находящиеся у власти состоятельные граждане не нуждаются в особых даяниях, ибо могут прожить за свой счет.

За этим замечанием явно проследывается точка зрения рижского бюргера. Как известно, рижское бюргерство пользовалось целым рядом привилегий, в частности правом на городское самоуправление, в общем-то отдававшим власть в руки местных богачей, своего рода олигархии. Рижане ревниво оберегали свои права и сквозь их призму склонны были рассматривать аналогичные ситуации и в других краях. «Nordisches Archiv», как отмечал и Г. Меркель в своих вышецитированных замечаниях о журнале, имел покро-

⁴⁰ Ibid., 1807, B. 1, Januar, S. 66—68.

⁴¹ Ibid., 1804, B. 3, September, S. 214—226.

⁴² Ibid., 1803, B. 2, April, S. 22—28.

вителей как раз среди рижских горожан и, естественно, должен был отражать их взгляд на права и привилегии бюргерства.

Связь журнала с рижским — шире, и вообще прибалтийским — бюргерством видна и в том пристальном внимании, которое «Nordisches Archiv» уделял торговле и экономике России. Мы насчитали на страницах журнала примерно 25 статей и заметок, как оригинальных, так и переводных, посвященных вопросам торговли и экономики. С 1806 г. в журнале даже появился особый раздел «Merkantilische Nachrichten».

Характер этих статей разнообразен — здесь и общие обзоры русской торговли⁴³, и статистические ее таблицы⁴⁴, и материалы о торговле на Черном море⁴⁵ и Востоке⁴⁶, о коммуникационных путях сообщения по каналам⁴⁷ и т. д., и т. д.

К этим материалам непосредственно примыкают также довольно многочисленные (свыше двадцати) географические описания отдельных местностей и городов России и описания путешествий.

Нельзя не подивиться разнообразию и этих материалов — здесь иногда сухо-фактографичные, а иногда и живые, подробные описания Петербурга⁴⁸, Москвы⁴⁹, Троице-Сергиевой Лавры⁵⁰, Твери⁵¹, Таганрога⁵², Оренбурга⁵³,

⁴³ Darstellung des russischen Handels, von dem Staats- und Commerz-Minister, Grafen Nicolaus von Romanzoff, «Nordisches Archiv», 1809, B. 1, Januar, S. 1—26.

⁴⁴ Freigang, Ueber Rußlands gegenwärtigen Handel, ibid., 1804, B. 2, April, S. 42—45; Freigang, Ueber den gegenwärtigen Zustand des russischen Handels, ibid., 1805, B. 3, August, S. 151—152.

⁴⁵ C. H. Schröder, Bemerkungen über Rußlands Handel auf dem Schwarzen Meere, ibid., 1805, B. 4, November, S. 69—108; Neueste Nachrichten von dem gegenwärtigen Zustande der vornehmsten Handelsplätze am Schwarzen Meere, ibid., 1806, B. 1, Januar, S. 4—14, Februar, S. 77—99.

⁴⁶ Freigang, Etwas von dem Handel in Kiachta, ibid., 1804, B. 3, August, S. 133—135.

⁴⁷ Kommunikation von der Wolga und andern Flüssen nach dem St. Petersburgschen und Archangelschen Hafen (Aus dem Russischen übersetzt vom Herrn Major v. Russau), ibid., 1803, B. 2, Juni, S. 177—189.

⁴⁸ Müller, Sanct Petersburg (Bruchstück aus einem noch unvollendeten Werke), ibid., 1803, B. 1, Februar, S. 73—78; Bruchstücke aus Sophiens Reisejournal, ibid., 1803, B. 3, September, S. 183—190.

⁴⁹ Beiträge zur Schilderung von Moskwa, ibid., 1803, B. 4, Oktober, S. 1—22, November, S. 78—106; Fr. S. ... <Schmidt?> Meine Promenade in Moskwa, in den ersten Tagen des Jahres 1806, ibid., 1806, B. 1, März, S. 178—188.

⁵⁰ Friedrich Schmidt, Ausführliche Beschreibung des berühmten Troitzkischen Klosters unweit Moskau, ibid., 1803, B. 3, September, S. 157—167, B. 4, November, S. 65—78.

⁵¹ N. N. Gemälde von der Gouvernements-Stadt Twer, ibid., 1804, B. 1, Februar, S. 146—154 (данные позаимствованы из книги: И. Глушков, Ручной дорожник для употребления на пути между Российскими столицами, СПб, 1802).

⁵² Ueber Taganrog (Aus dem Russischen), ibid., 1805, B. 1, Januar, S. 3—22 (отрывки из путешествия Палласа и из статьи «Письмо из Таганрога», «Вестник Европы», 1804, ч. XVIII, № 21, стр. 73—76).

⁵³ Три корреспонденции из Оренбурга в Korrespondenz-Nachrichten, ibid., 1804, B. 4, Dezember, S. 254—260. Первая из них — перепечатка из «Вестника Европы» (1804, ч. XVII, № 20, стр. 322—324). Впрочем, это не столько описание Оренбурга, сколько занимательные эпизоды из местной жизни.

кавказских минеральных вод⁵⁴, и более обширные по охвату материала описания Новороссии⁵⁵, Молдавии⁵⁶, киргизских (точнее, казахских и центрально-азиатских) степей⁵⁷, сибирской линии⁵⁸, и обобщающие заметки по географии России вообще.⁵⁹

Лучшим из оригинальных описаний, помещенных в «Nordisches Archiv», следует признать «путешествие» К. Х. Шрёдера «Rückblicke auf Taganrog und Tscherkask».⁶⁰ Обычно в подобного рода сочинениях преобладала все же фактографичная описательность научного склада, зачастую при обилии статистических данных: У Шрёдера же, в особенности в начале произведения, мы видим чисто художественное описание, свидетельствующее к тому же о явном писательском таланте автора. Лирично и прочувствованно рассказывает Шрёдер о Таганроге зимой, о наступлении весны в здешних краях, рисует весеннюю степь в сиянии солнца и цветов, поездку из Таганрога через Ростов и Нахичевань в Черкасск. Многочисленные экскурсы в историю в произведении также не сухо-документальны, а художественны, лиричны, отражают личные авторские размышления. Кстати, Шрёдер вспоминает и о «Слове о полку Игореве»: «Здесь когда-то владычествовали половцы, этот ужасный народ, который терзал бедную Русь непрерывными распрями. Здесь громко звучали жалобные напевы незабываемого барда, который в трогательной печальной песне оплакал для будущих поколений тяжелую судьбу Игоря»⁶¹.

Вторая часть произведения посвящена описанию Черкасска и жизни донских казаков. Она, пожалуй, менее беллетристична.

Автор этого «путешествия» Карл Хейнрих Шрёдер (1784—1808) был уроженцем Лифляндии, изучал в Гёттингене право, затем путешествовал, проживал некоторое время в Париже. После возвращения на родину был удостоен в 1805 г. в Дерпте степени магистра философии за диссертацию, посвященную русской торговле на Черном море (отрывки из нее были напечатаны на страницах «Nordisches Archiv»), после чего отправился на службу в Петербург. Он сопровождал тогдашнего государственного казначея Б. Кампенгаузена в Таганрог. Умер Шрёдер совсем молодым⁶².

⁵⁴ Greiser, Mineral-Bäder in der Kaukasischen Statthalterschaft, *ibid.*, 1803, B. 4, November, S. 125—132.

⁵⁵ Guckenberger, Beschreibung einiger Gegenden des Gouvernements Neu-Rußland, *ibid.*, 1805, B. 1, März, S. 137—160.

⁵⁶ Briefe über die Moldau (Aus dem russischen Journal: «Wjestnick Jewropii», der Bothe Europens, übersetzt von C. H. von Schröder), *ibid.*, 1807, B. 2, April, S. 1—19, Mai, S. 123—143, B. 3, August, S. 81—96. Источник: Письма из Молдавии, «Вестник Европы», 1807, ч. XXXI, № 1, стр. 59—72, № 2, стр. 137—150, № 3, стр. 225—235. Но самое пикантное заключается в том, что в конце русской публикации есть указание — «с немецкого». Впрочем, это не единственный случай, когда в «Nordisches Archiv» был опубликован перевод с русского, который в свою очередь оказывался переложением с немецкого.

⁵⁷ Beyträge zur Kenntniß des Kirgisienlandes und einiger angrenzenden Länder (Aus russischen Berichten), *ibid.*, 1808, B. 1, Februar, S. 81—105, März, S. 165—178.

⁵⁸ Reinhold Berens, Bemerkungen über die letzte Haupt-Gränzvestung der Sibirischen Linie gegen die chinesisch-siungorische Wüste, welche Buchturma genannt wird, *ibid.*, 1804, B. 1, Januar, S. 3—26.

⁵⁹ P. B. Freiherr von Campenhausen, Einige geographische Bemerkungen, Rußland überhaupt betreffend, *ibid.*, 1805, B. 3, Juli, S. 1—57.

⁶⁰ *Ibid.*, 1807, B. 1, März, S. 188—199; B. 2, April, S. 36—55, Juni, S. 161—187.

⁶¹ *Ibid.*, 1807, B. 2, April, S. 43. «Слову о полку Игореве» посвящено и специальное подстрочное примечание на стр. 53.

⁶² О нём см.: Recke. Napier sky, IV, 125—126.

Большой похвалы заслуживает «Nordisches Archiv» и за то, что на его страницах было напечатано много материалов о населяющих Российскую империю народах и их культуре. Правда, чаще всего эти публикации представляют собой этнографические очерки жизни отдельных народов⁶³, но вместе с тем некоторые статьи были специально посвящены их литературе и искусству. При этом почти все такого рода материалы исполнены искреннего уважения к чужому народу, к его нравам и обычаям.

Из этих материалов, в первую очередь, надо отметить отрывки из уже знакомого нам труда Б. Бергмана о калмыках, публиковавшиеся на страницах «Nordisches Archiv» еще до выхода книги в свет отдельным изданием. Особый интерес представляют две первые публикации — «Kalmükische Barden», (1803, В. 4, Oktober, S. 23—31) и «Kalmükische Anekdoten» (ibid., November, S. 107—115). Первая статья посвящена калмыцкому фольклору и калмыцким народным певцам-сказителям — джангарчи, причем основное внимание в ней уделено прославленному эпосу «Джангар»: дан пересказ отдельных сюжетных линий эпоса с переводом некоторых отрывков. Напомним, что это было едва ли не первое знакомство европейцев с калмыцким эпосом. Во второй статье приведено в переводе 9 фольклорных рассказов. Третья публикация — «Die Steppe der Kalmüken» (1803, В. 4, Dezember, S. 149—169) — подробное физико-географическое описание Калмыкии, ее природы, растительного и животного мира.

В прибалтийской журналистике первого десятилетия XIX в. уделялось довольно много внимания грузинам, что связано с присоединением в это время Грузии к России и с кавказскими войнами, вызвавшими интерес у читателей к этому в ту пору далекому и экзотичному краю. В 1803 г. в «Nordisches Archiv» появилась статья «Von dem Zustande der Gelehrsamkeit in Grusien, von ihren Schulen und klassischen Büchern» (В. 4, November, S. 132—142), окончание ее в следующем номере было дано под несколько измененным названием — «Von der Grusinischen Dichtkunst und Musik» (Dezember, S. 169—172). В подстрочном примечании в начале публикации указывается, что это фрагмент из произведения, которое в ближайшее время выйдет в свет в Риге отдельным изданием.

Это перевод отрывков из вышедшей анонимно книги Евгения Болховитинова «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и ученом состоянии» (СПб, 1802), написанной им при участии грузин, проживавших в России. Хотя этот труд и не претендует на строго научное и полное изложение предмета, а местами и просто поверхностен, но вместе с тем для своего времени он был полезен и в нем приводились новые для читателей данные о Грузии. Не случайно книга была положительно встречена в критике и переведена, по некоторым сведениям, на несколько иностранных языков⁶⁴. Полный немецкий перевод книги — «Georgien oder Historisches Gemälde von Grusien. In politischer, kirchlicher und gelehrter Hinsicht. Aus dem Russischen übersetzt von Friedrich Schmidt» — вышел в следующем, 1804, году в Риге и Лейпциге. Переводчик Ф. Шмидт в предисловии отмечает, что его перевод отнюдь невольный, а вполне точный, «почти дословный», что соответствует действительности.

В опубликованных в «Nordisches Archiv» отрывках вначале дается краткий обзор истории грузинского просвещения и культуры.

Во второй части публикации дается общая характеристика грузинской поэзии. Она оценивается очень высоко и все время сопоставляется с античной — греческий и римский, — и автор порою склонен отдать предпочтение грузинской поэзии.

В 1805 г. Ф. Шмидт опубликовал новую статью «Grusien unter Alexander

⁶³ Типичный образец: Die Koräcken [Коряки], «Nordisches Archiv», 1809, В. 1, März, S. 214—224.

⁶⁴ См. о ней: Е. Шмурло, Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы его жизни. 1767—1804, СПб, 1888, стр. 340—348.

dem Ersten» (В. 3, September, S. 172—181), где основное внимание уделено географическому описанию Грузии и этнографии грузин; здесь приводятся подробные сведения об их характере, внешнем облике, особенностях жизни, языке.

По-видимому, тому же Ф. Шмидту принадлежит и подписанная криптонимом Fr. S. . . статья «Von den ältesten Beherrschern Armeniens. Aus dem Armenischen» (1805, В. 4, Dezember, S. 184—187). Как явствует из текста статьи, источником ее является описание Армении Якова Шамирова⁶⁵. Правда, сомнительно, чтобы перевод Ф. Шмидта мог быть сделан непосредственно с армянского; вероятнее все же, он сделан с указанного выше русского издания.

Эта небольшая по объему статья чрезвычайно интересна. Она знакомит читателей с подробно изложенными легендами о родоначальнике армян Хайке и его борьбе с Белом, а также об Араме, Ара Прекрасном и Шамирам. Эти мифы относятся к числу древнейших образцов армянского фольклора и известны, главным образом, из прославленной «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V век). Они до сих пор составляют предмет особой гордости армян, ими ныне обычно открываются истории армянской словесности⁶⁶.

Несколько позже появилась другая статья об армянах — анонимная «Die Armenier in Rußland» (1808, В. 3, Juli, S. 14—35). В этой большой и основательной работе, источник которой нам неизвестен, рассказывается о всех сторонах жизни армян в России. В первую очередь приводятся данные этнографического порядка, но есть и кое-какие, правда, довольно отрывочные и скудные, данные и о культуре армян: о типографиях в Венеции и Триесте, о народных танцах и т. д.

Описанию жизни татар, впрочем, главным образом их религиозных обрядов и обычаев, посвящена статья Фр. Шмидта «Kasanische Tataren» (1804, В. 2, April, S. 55—61). В качестве образца художественного творчества татар в статье приводится отрывок из проповеди одного татарского муллы в Казани.

С автором вышерассмотренных статей Фр. Шмидтом, одним из наиболее активных сотрудников «Nordisches Archiv», нам еще неоднократно придется встречаться и в дальнейшем. Он был, пожалуй, основным информатором журнала в области русской культуры, просвещения, литературы и искусства. Перу Фр. Шмидта, как мы увидим ниже, принадлежит наиболее основательный обзор истории русской словесности. Вообще после И. Рихтера он едва ли не самая интересная фигура «трансмёттера» в области российско-немецких культурных связей начала XIX в., причем фигура совершенно незаслуженно забытая.

Фридрих Андреевич Шмидт (1766—1845) родился в Эйленбурге, в Саксонии, в семье пастора, учился в высшей гимназии св. Фомы в Лейпциге, затем поступил в Лейпцигский университет, где слушал лекции по философии, филологии, древним языкам, теологии, математике, физике, естественной истории, и в 1789 г. получил степень доктора философии и магистра свободных наук. Приехав в конце 1792 г. в Россию, Шмидт стал ревностно заниматься изучением своего нового отечества, много путешествовал по разным губерниям Российской империи. В 1798 г. вышла в свет его книга, переведенная на русский язык, «Начертание о начале и успехах регулярного войска в России». За эту книгу, как и за немецкий перевод «Исторического обозрения Грузии», Шмидт был удостоен «монаршей милости». С 1804 г. он стал профессором Демидовского высших наук училища в Ярославле, где и проработал более

⁶⁵ Имеется русский перевод этой книги: <Яков Шамиров>, Историческое и географическое описание Армянского царства, из древних писателей сего народа, яко верных источников, собранное и на Армянском языке в Индии изданное. Переведено с Армянского Варлаамом Вагановым, СПб, 1786.

⁶⁶ См о них: Манук Абебян, История древнеармянской литературы. Том I, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1948, стр. 18—31.

25 лет, выйдя в отставку «за старостью и слабостью здоровья» в 1830 г. Сверх обязанностей профессора Шмидт до 1815 г. пять раз был избираем проректором училища, а с 1825 по 1830 г. был в нем инспектором классов. Демидовскому училищу он завещал из своих скромных сбережений небольшой капитал с тем, чтобы проценты с него шли на приобретение золотой медали для лучшего выпускника училища. Шмидт — автор книги «Краткое описание города Ярославля», изданной на немецком и русском языках. Время от времени в русских журналах появлялись его ученые статьи. Еще в 1814 г. Шмидт был избран членом Харьковского общества наук. Умер он в Ярославле⁶⁷.

Из других статей, посвященных описанию народов России, на страницах «Nordisches Archiv» можно ещё отметить «Bemerkungen über die Bewohner der Krimm. Von dem Russisch-Kaiserlichen Kollegienrath Guckenberger» (1805, В. 3, August, S. 110—138), где дан большой и очень основательный этнографический очерк населения Крыма, в первую очередь крымских (как и ногайских) татар, а также греков, армян и караимов. Материал статьи почерпнут не только из книжных источников, но и из личных наблюдений ее автора, на что есть указание в тексте.

Нередки были в «Nordisches Archiv» и публикации по русской истории⁶⁸, а также небольшие рассказы и анекдоты из прошлого Руси, героями которых чаще всего выступали наиболее популярные деятели российской истории Петр I и А. В. Суворов⁶⁹. Отдельные публикации касались и истории народов России⁷⁰.

Много материалов на страницах «Nordisches Archiv» посвящено русскому просвещению. Часто публиковались информации об открытии новых школ, гимназий, пансионов и университетов, о состоянии отдельных русских учебных заведений. Эти материалы чаще всего перепечатывались из русских журналов⁷¹.

⁶⁷ См. о нем: Известие о жизни заслуженного профессора Демидовского высших наук училища статского советника Ф. А. Шмидта [Некролог], «Прибавления к ЖМНП», 1845, Отделение официально-учебное, стр. 107—108; К. Головшиков, Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803—1886 гг.), Ярославль, 1887, стр. 58—60.

⁶⁸ Geschichte der russischen Armee, «Nordisches Archiv», 1803, В. 1, S. 170—174; G. H., Fragment aus einer noch ungedruckten Skizze einer Geschichte Peters des Großen, *ibid.*, 1805, В. 1, Februar, S. 73—84; P. B. Campenhausen, Kurze Geschichte der Raskolniken, *ibid.*, 1805, В. 4, Dezember, S. 141—154 (извлечения из уже знакомой нам книги Андрея Иванова); Die merkwürdigsten russischen Gesandtschaften nach China, von Zar Alexei Michailowitsch an bis auf Kaiser Alexander, *ibid.*, 1806, В. 2, Mai, S. 134—142 (кстати, на страницах журнала часто публиковались материалы о Китае, обычно позаимствованные из русских источников); v. H., Bruchstücke aus der Regierungsgeschichte Peters des Großen, *ibid.*, 1806, В. 3, September, S. 137—151, В. 4, November, S. 81—93; Fragmente aus der Korrespondenz der russischen Kaiserin Katharina II. mit Voltaire, *ibid.*, 1808, В. 1, Februar, S. 127—142; Memoirabilien aus dem alten Rußland, *ibid.*, 1808, В. 4, November, S. 169—171.

⁶⁹ См., например: Anekdoten aus Suworows Leben, *ibid.*, 1806, В. 3, August, S. 114—122; Eine noch ungedruckte Anekdote von Peter dem Großen, *ibid.*, 1806, В. 4, Dezember, S. 241—242; J. Richter, Die Helden des Vaterlandes, *ibid.*, 1807, В. 1, Januar, S. 38—49, Februar, S. 85—94 (Румянцев, Суворов, Потемкин, Репнин); v. H., Der kleine Großvater großer Enkel. Peters des Ersten Boot, *ibid.*, 1807, В. 1, März, S. 240—247, и другие.

⁷⁰ Kurzgefaßte Geschichte der Saporoger Kosaken, *ibid.*, 1808, В. 3, September, S. 194—207 (Это отрывок из книги П. Б. Кампенгаузена «Bemerkungen über Rußland...», Leipzig, 1807).

⁷¹ См., например: М. К-у, Ein Blick auf die adliche Pension bei der kaiserlichen Universität zu Moskwa, *ibid.*, 1804, В. 4, Dezember, S. 195—209. Это точный перевод статьи: М. К<аченовский>, Взгляд на Благородный Пан-

Иногда публиковались статьи и более обобщающего характера. В журнале была напечатана речь Фр. Шмидта «*Ausbreitung der Wissenschaften in Rußland*» (1806, В. 1, März, S. 159—177; «О развитии наук в России»), произнесенная им в Ярославле на торжественном акте в честь годовщины открытия Демидовского высших наук училища в 1805 г. Это — краткий очерк истории русского просвещения и науки от Владимира I и Ярослава Мудрого до современности с ссылками на многие исторические источники, которыми пользовался автор — упомянута и «История Российская» В. Н. Татищева, и «История Российского государства» И. Стриттера, и «Правда Русская», и «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и многие другие. Особо отмечены заслуги П. Г. Демидова⁷².

Очень типична для начала XIX в. по изложенной в ней концепции анонимная статья «*Etwas über die Kultur der russischen Nation*» (1806, В. 3, Juli, S. 1—8; «Нечто о культуре русской нации»). Культура России развивается по иному пути, нежели культура других народов Европы, — утверждает автор. В других странах культура начиналась, так сказать, в средних слоях нации и уже оттуда распространялась вверх и к низам. В России же она начиналась в высших слоях нации и уже оттуда опускалась в низшие. Петр Великий первым распространил свет цивилизации среди дворянства; при Екатерине II, благодаря организации школ и ряду других мероприятий правительства, культура дошла и до народа. Дело этих государей по распространению образования (ибо в общем-то к этому сводится, по мысли автора, распространение культуры) продолжил Александр I, который много сделал для расширения просвещения и либерального образа мыслей. Далее в статье идут восторженные дифирамбы в адрес русского народа, исключительно восприимчивого к культуре, и в особенности в адрес русского дворянства за его заботы о распространении просвещения. Русское дворянство в этом отношении даже противопоставляется дворянству других стран.

Стремление связать воедино «просвещение» и «абсолютизм», объяснить успехи русской культуры и литературы «заботами» о них монархов и правительства — вообще характерная особенность почти всех обзоров русской словесности на иностранных языках в XVIII — начале XIX вв.⁷³ Что же касается дифирамбов в адрес русского дворянства, то они, пожалуй, не столь уж характерны для них, тем более, что авторами большинства обзоров были представители третьего сословия.

Материалы о русском искусстве были редкостью на страницах «*Nordisches Archiv*»,⁷⁴ если не считать статей и заметок о русском театре. Зато последних было довольно много, они регулярно печатались в журнале. Информация о театре, по-видимому, благодаря усилиям издателя И. Х. Кафки, тесно связанного с театральным миром, вообще была поставлена в «*Nordisches*

сион при Императорском Московском Университете, «Вестник Европы», 1804, ч. XVII, № 19, стр. 223—239, где дано очень подробное и восторженное описание пансиона, системы обучения в нем, преподаваемых дисциплин, учителей и т. д.

⁷² В журнале был опубликован и специальный биографический очерк о Павле Григорьевиче Демидове, основателе высших наук училища в Ярославле (Paul von Demidov, «*Nordisches Archiv*», 1806, В. 3, September, S. 151—160), видимо, также принадлежащий Фр. Шмидту. Ему же принадлежало несколько корреспонденций о Демидовском училище на страницах журнала (см. *ibid.*, 1806, В. 3, Juli, S. 67—68, и др.).

⁷³ О концепциях такого рода в обзорах XVIII в. см.: П. Берков, цит. соч., стр. 90.

⁷⁴ См. лишь: *Ausstellung in der Akademie der Künste zu St. Petersburg*, «*Nordisches Archiv*», 1804, В. 3, August, S. 112—117 (о традиционной годовой выставке в Академии Художеств 1804 г. с подробным описанием макета Казанского собора А. Н. Вороникина и некоторых других произведений, выставленных на ней).

Archiv» хорошо. Из номера в номер печатались театральные известия из Москвы и Петербурга, правда, основное место в них занимали сообщения о спектаклях немецких трупп. Это особенно относится к сообщениям петербургских корреспондентов журнала (в первые годы Рейнбека⁷⁵): они почти полностью посвящены немецкому театру, иногда в них приводятся сведения о французских и итальянских спектаклях и уж совсем редко о русских. Московские корреспонденты, в особенности И. Рихтер, более полно и со знанием дела освещали деятельность русского театра.

Рецензенты обычно останавливаются на наиболее значительных спектаклях русского театра той поры — на «Лизе или торжестве благодарности» и «Великодушии или рекрутском наборе» Н. И. Ильина⁷⁶ — и вместе с тем на ходкой, кассовой «Днепровской русалке» (русская переработка «Das Donauweibchen») Н. С. Краснопольского⁷⁷; есть сведения и о постановке «Ермака, покорителя Сибири» П. А. Плавильщикова, а также «Эдипа в Афинах» В. А. Озерова⁷⁸. Рецензенты обычно дают общую характеристику драмы и затем уже оценивают постановку, игру актеров и т. д. Жаль, что эти материалы до сих пор совершенно не привлекались историками русского театра. Они могли бы кое-что дать для воссоздания общей картины русской театральной жизни начала XIX в. и, в частности, игры П. А. Плавильщикова, В. П. Померанцева, А. А. Померанцевой, Е. С. Сандуновой, в какой-то мере и Я. Е. Шушерина, А. С. Яковлева, Е. С. Семеновой и других. Особенно примечателен тот большой интерес, который вызвали у рецензентов «Nordisches Archiv» постановки пьес Н. И. Ильина, едва ли не лучших образцов русской драматургии самого начала XIX в.⁷⁹ Есть сведения о постановке «Рекрутского набора» в переводе И. Делаacroa на рижской немецкой сцене⁸⁰.

Из театральных обзоров особенно надо выделить две статьи И. Рихтера «Das Theater in Moskwa» (1803, B. 1, Februar, S. 119—129) и «Theater und andre öffentliche Lustbarkeiten zu Moskwa während des vergangenen Winters» (1804, B. 3, Juli, S. 31—40). В первой статье дан подробный обзор московского русского театра с характеристикой его основных артистических сил. Детально анализируется постановка «Лизы» Н. И. Ильина — пересказывается содержание пьесы, дается краткая оценка игры актеров (Лизы — Е. С. Сандуновой, полковника — П. А. Плавильщикова и др.).

Во второй статье мы опять встречаемся с довольно основательным обзором театральной и музыкальной жизни Москвы. Особо отмечается драма Н. И. Ильина «Рекрутский набор» как произведение истинно национальное. «Действующие лица ее большей частью крестьяне, разговаривающие на старинном русском народном языке, который имеет что-то трогательное и достойное уважения и, как следует употребленный, оставляет незабываемое впечатление. Вообще это произведение имеет и другие достоинства и вновь указывает на талант автора и его призвание к драматическому искусству»⁸¹. Далее И. Рихтер вкратце останавливается на постановках «Ермака» Плавиль-

⁷⁵ См. об этом: «Nordisches Archiv», 1805, B. 1, März, S. 220.

⁷⁶ О «Лизе»: Theater-Neuigkeiten von St. Petersburg, *ibid.*, 1803, B. 1, Februar, S. 116—117; Korrespondenznachrichten. Moskau, *ibid.*, 1804, B. 2, April, S. 68—71. О «Рекрутском наборе»: Korrespondenznachrichten. Moskau, *ibid.*, 1804, B. 2, Mai, S. 149 (есть намеки на критику крепостного права в пьесе Н. И. Ильина).

⁷⁷ См. Theater. St. Petersburg, den 30. Oktbr. 1803, *ibid.*, 1803, B. 4, Dezember, S. 194—196; Neuigkeiten aus St. Petersburg, *ibid.*, 1805, B. 1, März, S. 226—227; Neuigkeiten aus St. Petersburg und Moskwa, *ibid.*, 1805, B. 2, April, S. 61—63.

⁷⁸ См. «Nordisches Archiv», 1805, B. 1, Januar, S. 61—62.

⁷⁹ См. о них: Т. Родина, Русское театральное искусство в начале XIX века, М., Изд. АН СССР, 1961, стр. 40—53.

⁸⁰ См. «Nordisches Archiv», 1805, B. 4, Oktober, S. 65.

⁸¹ *Ibid.*, 1804, B. 3, Juli, S. 36.

щикова, «Душою прав — на деле виноват» Н. Ф. Эмина (в бенефис Сандунова), которая, как он считает, могла появиться на сцене лишь благодаря «либерализму» царствования Александра I, и на «Лизе» В. М. Федорова.

На страницах «Nordisches Archiv» появилась и краткая, к сожалению, несколько бессистемная история русского театра и драматургии И. Х. Кафки «Chronologie des russischen Theaters» (1803, В. 1, Februar, S. 78—85). В ней названы все основные имена, определившие развитие русского театра и драматургии XVIII в. (Ф. Г. Волков, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Я. Б. Княжнин, Д. И. Фонвизин, И. А. Дмитревский и др.), с краткими — обычно в одну фразу — характеристиками. Более подробно рассказано об А. О. Аблесимове, которому приписывается введение русского национального начала в театр, и об его комической опере «Мельник, колдун, обманщик и сват». Работа, по-видимому, компилятивна, хотя ее источники не совсем ясны.

3.

Для нас на страницах «Nordisches Archiv» наибольший интерес представляют, естественно, материалы, посвященные русской литературе. Количество их не очень много: 12 переводов, обширный обзор истории русской словесности Фр. Шмидта, несколько статей и заметок о русской литературе. Но все же это больше, чем на страницах любого другого прибалтийского периодического издания. К тому же помещенный на страницах журнала материал весьма любопытен.

Особо заслуживает быть отмеченным первый, правда, неполный перевод «Слова о полку Игореве» на немецкий язык И. Рихтера с предисловием и примечаниями переводчика (Trauersang der Krieger Igors, 1803, В. 1, März, S. 160—166). И. Рихтер перевел начало произведения⁸² плюс еще два небольших отрывка⁸³.

В небольшом предисловии переводчик вкратце повествует об открытии памятника, об его первопубликации и о первых сообщениях о нем в западной печати. И. Рихтер глубоко убежден, что «Слово о полку Игореве» — величайшее произведение древнерусской литературы. Вторая часть предисловия раскрывает историческую основу и фон «Слова»: здесь рассказывается о князе Игоре и его походе на половцев.

В заключение публикации следует замечание И. Рихтера, что полный и достоверный перевод «Слова» появится в третьей тетради «Russische Miszellen».

Сопоставление полного перевода «Слова о полку Игореве» в «Russische Miszellen» (1803, В. 1, № 3, S. 1—56) с отрывками в «Nordisches Archiv» показывает, что здесь мы имеем дело с двумя, в сущности, разными переложениями или, быть может точнее, с двумя разными вариантами перевода одного и того же переводчика, причем перевод в «Nordisches Archiv», по-видимому, более ранний. Ср. в «Nord. Archiv»: «Vom Morgen bis zum Abend, und wieder vom Abend bis zum Morgen durchfliegen zischende Pfeile die Luft. Es donnern die Schwerder; es rasseln die Helme; Wurfspieße schwirren, und krachend brechen sich die Lanzen. So raset die Schlacht in der Fremde, im Lande der Polowzer»⁸⁴. В «Russ. Misz.»: «... vom Morgen bis zum Abend,

⁸² От «Тогда вступи Игорь Князь въ златъ стремянь...» до «...своя милая хоти красныя Гльбовны свычая и обычая». Ср. «Героическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие», М., 1800, стр. 8—14.

⁸³ От «а сие и рати не слышано...» до «...тугоу въздоша по Русской земли» (там же, стр. 17—18) и отрывок «Ничить трава жалощами... Встала обида въ силахъ Дажь-Божа внука» (стр. 18—19).

⁸⁴ «Nordisches Archiv», 1803, В. 1, März, S. 165—166.

und vom Abend bis wieder zum Morgen die gehärteten Pfeile flogen, die Schwerdter an den Helmen donnerten, und die scharfen Wurfspieße schwirrten, wie hier in der Fremde, mitten im Lande der Polowzer»⁸⁵.

Оба перевода снабжены не совпадающими полностью друг с другом подстрочными примечаниями. При этом, как ни странно, примечания в «Nordisches Archiv» в отдельных случаях оказываются, с нашей современной точки зрения, даже более близкими к истине, нежели комментарии в «Russische Miszellen»⁸⁶.

Оба переложения И. Рихтера, конечно, сделаны на основе русского перевода, помещенного в первом издании «Слова о полку Игореве», и повторяют все его ошибки и промахи⁸⁷.

Из переводов авторов XVIII в. заслуживает внимания принадлежащее тому же И. Рихтеру переложение листа второго из второй части «Живописца» Н. И. Новикова за 1772 г.⁸⁸ [Die Waaren der Musen (Aus Nowikows «Mahler», einer satyrischen Zeitschrift). 1803, B. 2, April, S. 12—22]. Хотя этот отрывок и не принадлежит к числу наиболее ярких в «Живописце», но он все же в известной мере характеризует сатирическую направленность новиковского журнала. В нем язвительно осмеиваются пороки современного общества, причем огонь критики направлен, в первую очередь, против дворянства, господствующего сословия.

Перевод И. Рихтера — вольный, но все основное в новиковском рассказе переводчик сохраняет. Правда, о воссоздании своеобразия новиковского стиля в переводе не может идти и речи, но такого рода задачи редко ставили перед собой в ту пору и лучшие переводчики. Шлегелевские принципы точного перевода восторжествовали в немецкой литературе несколько позднее.

На страницах «Nordisches Archiv» появилось также несколько стихотворений Г. Р. Державина, правда, не принадлежащих к числу лучших в его творческом наследии, в переводе вице-президента юстиц-коллегии в Петербурге статского советника П. Фриквиуса⁸⁹.

В 1804 г. появился перевод стихотворения «Утро и Гимн Клеантов» (Der Morgen und die Hymne Kleanthos. Aus dem Russischen des Herrn von Dereschavin übersetzt, 1804, B. 4, Dezember, S. 185—195),⁹⁰ русский оригинал которого был опубликован незадолго перед этим, в 1802 г., и состоял фактически из двух независимых друг от друга частей. По мысли Державина, картина утра, подобная описанной в стихотворении, должна была внушить греческому философу и поэту Клеанту «Гимн Зевсу». Державин перевел этот гимн с немецкого и дал ему название «Гимн богу». Собственно, стихотворение «Утро» является как бы вступлением к нему. П. Фриквиус перевел обе части произведения.

Перевод предваряет любопытное предисловие от переводчика, в котором он обосновывает принципы своего труда. «Все давно согласны с тем, что Державин как лирический поэт не имеет себе равного в России. С полным правом его называют русским Горацием, — писал П. Фриквиус. — Имеются

⁸⁵ «Russische Miszellen», 1803, B. 1, Nr. 3, S. 25.

⁸⁶ Ср. «Nordisches Archiv», S. 164 (примеч. 5) и «Russische Miszellen», S. 22.

⁸⁷ Поэтому вряд ли верно столь сурово относиться к этим переводам, как это делает П. Н. Берков в статье «Переводы «Слова о полку Игореве» на западноевропейские языки», «Ученые записки ЛГУ, № 76. Серия филологических наук. Вып. 11», 1941, стр. 326.

⁸⁸ См. Сатирические журналы Н. И. Новикова. Редакция, вступит. статья и комментарии П. Н. Беркова, М.—Л., Изд. АН СССР, 1951, стр. 381—386.

⁸⁹ Р. von Frickius. Мы передаем эту фамилию в русской транскрипции — «Фриквиус», как это было принято в начале XIX в. — см.: А. Шторх и Ф. Аделунг, цит. соч., ч. II, № 477.

⁹⁰ Есть сведения, что этот перевод еще в 1803 г. вышел в Петербурге отдельным изданием, см. А. Шторх и Ф. Аделунг, цит. соч., № 477.

переводы его ранних стихов на немецкий язык, которые ничуть не верны и обнаруживают недостаток знания языка оригинала⁹¹ <...> Помещенный здесь перевод сделан с возможной точностью и с тщательной передачей отдельных мыслей и образов поэта. Знатоки обеих языков обнаружат это при сличении с оригиналом и засвидетельствуют, что переводчик не искажил своего прототипа, если ему даже и не всегда удавалось его воссоздать. Возможно, некоторые выражения в немецком переложении могут дословно и не соответствовать оригиналу; однако там, где на переложателя накладываются оковы метрики, он не должен себя рабски привязывать к отдельным словам, когда разгадывает мысли; и то, что может показаться недостатком, тогда выступает как закон искусства придавать целому полноту и поэтическую отделку.⁹²

Далее П. Фриквиус отмечает, что «в эстетическом отношении критика может найти в этом стихотворении кое-какие недостатки, в числе прочих, то, что оно несколько многословно»,⁹³ но переводчик убежден, что в стихотворении и множество достоинств.

Теоретические установки П. Фриквиуса находятся на уровне только что устанавливавшихся в ту пору в Германии принципов точного перевода, но, к сожалению, на практике переводчик довольно далеко отходит от своих установок. Этому способствовала, по-видимому, и просто недостаточная даровитость переводчика, невысокий уровень его переводческого мастерства.

Это же нужно сказать о двух следующих переводах П. Фриквиуса из Державина — «Послании индийского брамина»⁹⁴ и «Гимне Солнцу» (*Epistel eines Braminen an den Zarewitsch Chlör, und Hymne an die Sonne*, 1805, B. 2, Juni, S. 149—157), оригинал которых был опубликован в 1803 г. Перевод первого стихотворения вообще-то довольно точен. Фриквиус стремится передать на немецком языке каждый державинский образ, что не так легко: выдержанные в высоком стиле образы стихотворения с трудом поддаются точному и краткому переводу. Фриквиус вынужден их пересказывать более пространно. Вряд ли этот перевод мог способствовать созданию правильных представлений о Державине у немецких читателей.

Перевод «Гимна к солнцу», пожалуй, более вольный, в числе прочего он характеризуется отказом от воссоздания формальных особенностей оригинала — строфики, рифмы.

В целом эти переводы, даже сравнительно с малоудачными переложениями А. Коцебу, не были шагом вперед.

Два перевода И. Делаacroa (I. de la Croix) из И. М. Карамзина на страницах журнала «Nordisches Archiv», собственно, предназначались для готовившегося в это время к печати сборника «Pantheon der Russischen Literatur», о котором у нас речь будет идти ниже. Это очень точные, хотя и не обладающие высокими художественными достоинствами переводы статей «О счастливейшем времени жизни» (*Ueber die glücklichste Lebens-Periode*, 1805, B. 1, März, S. 180—186) и «Мысли об единении» (*Gedanken über die Einsamkeit*, 1805, B. 2, April, S. 38—44). Из них лишь последний вошел в «Pantheon...». Возможно, первый перевод предназначался для второго выпуска «Pantheon'a», который в свет не вышел.

⁹¹ Имеются в виду довольно многочисленные и даже получившие некоторую известность на Западе переводы А. Коцебу: *Der Traum des Murza*, St. Petersburg, 1792; *Felizens Bild*, Reval, 1792; *Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschawin*, Leipzig, 1793 (в этот сборник вошли переводы 11 стихотворений Г. Р. Державина). См.: Е. Boehme и А. Luther, *op. cit.*, S. 280—281; Я. Грот, *Указатель переводов из Державина на иностранные языки*, в книге: *Сочинения Державина с объяснит. примечаниями Я. Грота*, т. 9, СПб, 1883, стр. 512—513.

⁹² «Nordisches Archiv», 1804, B. 4, Dezember, S. 186.

⁹³ *Ibid.*, S. 186—187.

⁹⁴ В собраниях сочинений Г. Р. Державина обычно печатается под названием «К царевичу Хлору».

В «Nordisches Archiv» было напечатано также три больших отрывка из весьма популярного в ту пору «Путешествия в полуденную Россию» Влад. Измайлова. Вначале появились несколько отрывков в переводе И. Рихтера (полный перевод книги вышел отдельным изданием несколько позже в Лейпциге) — «Ueber Cherson und den Handel des schwarzen Meeres (aus Ismailows «Reise durch das südliche Rußland»)» (1803, B. 2, April, S. 1—11; перевод двух писем, посвященных Херсону и Одессе, из второй части «Путешествия») и «Briefe über Sarepta, oder die Kolonie der evangelischen Brüder an der Sagra» (1803, B. 3, Juli, S. 1—14).

Наиболее интересен первый отрывок, снабженный подстрочным примечанием переводчика: «Это интересное описание путешествия появилось в прошлом году в Москве в двух частях <...> Автор — молодой дворянин, который заслуживает быть отнесенным к числу лучших русских писателей»⁹⁵. Любопытно, что для публикации в «Nordisches Archiv» И. Рихтер выбрал не сенсационные отрывки из «Путешествия» В. Измайлова, а как раз места, наполненные статистико-экономическими описаниями, в центре которых торговля и экономика Новороссии. Интерес именно к этим проблемам, как мы видели, вообще характерен для журнала. В этом плане показательны и большое подстрочное примечание переводчика в конце первой публикации, целиком посвященное рассуждениям о роли Черного моря для развития русской торговли, о перспективах этого развития.

Позже на страницах «Nordisches Archiv» был опубликован другой отрывок из «Путешествия в полуденную Россию» В. Измайлова уже в переводе И. Делаacroa [Brief aus Poltawa (Fragment aus dem noch ungedruckten Werke «Pantheon der Russischen Literatur» I. de la Croix), 1805, B. 2, Mai, S. 104—114]. Он позже вошел в отдельное издание «Pantheon'a».

Наконец, на страницах «Nordisches Archiv» было опубликовано два отрывка из книг третьего разряда литератора Г. Геракова⁹⁶.

Не совсем понятна история с публикацией «Die Krönungsmedaille (Aus dem Russischen)» (1804, B. 4, Oktober, S. 66—71) в переводе К. <?> Рихтера. Этот сатирико-нравоучительный рассказ был напечатан под названием «Русская медаль» и в «Вестнике Европы» (1804, т. XVIII, № 22, стр. 105—112), но в конце публикации есть указание — «Из иностр. журн.». Поскольку в «Вестнике Европы» рассказ появился в ноябрьском номере, а в «Nordisches Archiv» — в октябрьском, то логично предположить, что русская публикация была переводом из прибалтийского журнала. Тема рассказа — история похождений коронационной медали, переходящей из рук в руки, пока она наконец не попала к крестьянам, которые только и отнеслись к ней с уважением и вниманием, — его сатирическая направленность, намеки, в нем содержащиеся, — все это заставляет предполагать русского автора. По-видимому, Рихтер (возможно это был все же Иоганн Рихтер, а инициалы перед фамилией в журнале лишь опечатка) перевел этот рассказ прямо с какой-то рукописи, а русским читателям он стал известен посредством перевода с немецкого.

⁹⁵ И. Рихтер вообще склонен был очень высоко оценивать книгу В. Измайлова. Подробнейшую характеристику «Путешествия» как одного из интереснейших произведений современной русской литературы он дал в своей статье «Neueste und merkwürdigste Erscheinungen der russischen Litteratur» («Russische Miszellen», 1803, Nr. 1, S. 136—139). На страницах этого журнала И. Рихтер также опубликовал несколько отрывков из «Путешествия» В. Измайлова.

⁹⁶ В статью «Züge der Gerechtigkeitsliebe Alexanders» (1805, B. 3, Juli, S. 85—93) включен отрывок из книги Г. Геракова «Счастливый случай в 30-й год жизни» (СПб, 1805). В переводе Хейнриха Беренса были напечатаны две главы из книги Г. Геракова «Твердость духа некоторых Россиян» (СПб, 1803), посвященные Пожарскому, Минину, Гермогену и князю Долгорукому, см.: Bruchstücke aus des Herrn Gabriel Gerakows Werk: Heldenmuth und Charakterzüge einiger Russen, 1805, B. 4, Oktober, S. 36—49.

Это, кстати, не единственный возможный случай, когда перевод с русского в «*Nordisches Archiv*» мог быть сделан непосредственно с рукописи. В 1803 г. (В. 2, April, S. 35—38) в журнале была опубликована статья «*Freiheit und Gleichheit*» («Свобода и равенство») с подстрочным примечанием переводчика Иоханна Флиге: «... я позаимствовал ее из сочинения тайного советника и рыцаря Алексея Васильевича Нарышкина под заглавием «Занятия <Упражнения?> моей музы» («*Beschäftigungen meiner Muse*») в надежде познакомить отдельных читателей, которые не имеют этого труда, с хотя и кратким, но основательным объяснением звучных фраз современных философов...»⁹⁷

А. В. Нарышкин (1742—1800), известный вельможа⁹⁸, в юности пописывал стихи, позже участвовал в издании «Переводов из Энциклопедии» 1767 г. В Комиссии по составлению уложения он высказал несколько любопытных соображений о дворянском сословии. Однако указанной переводчиком работы А. В. Нарышкина мы нигде не могли найти: ее нет ни у В. С. Сопикова в «Опыте российской библиографии», ни у А. Н. Неустроева в его «Исторических розысканиях о русских повременных изданиях и сборниках». Остается предположить, что И. Флиге перевел статью с какой-то рукописи⁹⁹.

Статья сама по себе к этому времени не представляла ничего нового. Излагавшиеся в ней положения о том, что равенства в обществе быть не может, что уже сам факт вступления человека в общество означает его подчинение, т. е. несвободу и неравенство, и что люди равны лишь перед лицом бога, к моменту публикации уже неоднократно встречались в русской печати. Комплекс такого рода утверждений после событий Французской революции и якобинской диктатуры имел отчетливо реакционный смысл. При этом система доказательств в статье строится на рационалистической основе, указывая тем самым на связь с философией XVIII в.

Из статей о русской литературе на страницах «*Nordisches Archiv*» в первую очередь надо назвать печатавшийся в нескольких номерах основательный обзор Фр. Шмидта «*Literarische Bemerkungen über Rußland*» (1804, В. 1, Januar, S. 34—43, Februar, S. 115—125; В. 2, April, S. 31—42, Juni, S. 198—208). «Каждый, кто читал беспристрастные известия о России, мог убедиться в том, что Россия уже с давних пор стала приобщаться к культуре и что высшие сословия и первые классы стоят там на очень высокой ступени цивилизации и гуманности. Но наглядное представление о культуре России можно получить лишь тогда, когда проведешь некоторое время в этом колоссальном государстве. Тогда будешь удивляться не только мужеству и героизму русских воинов, но и поражаться талантом и способностями русских в области духовной деятельности, их отличными учебными заведениями, их начитанностью в произведениях других народов, их бесчисленными библиотеками и в особенности успехами этой нации в области искусств и наук, о чем не все вдали от России имеют правильное представление»¹⁰⁰. Автор хочет ближе познакомить иностранных читателей со словесностью русских. Понятие «литература» Фр. Шмидт рассматривает в широком плане, как это было принято в то время. Под «литературой» он понимает всю словесность.

Вначале Фр. Шмидт останавливается на переводах, поскольку число переводных книг в России превышает число оригинальных и ни одна нация в мире не занималась столь много ими, как русские. В статье дается очень подробный с приведением большого числа имен переводчиков (причем не только таких, как В. К. Тредьяковский, И. С. Барков, Ф. А. Эмин, Е. И. Косг-

⁹⁷ «*Nordisches Archiv*», 1803, В. 2, April, S. 35.

⁹⁸ См. о нем: Русский биографический словарь, том «Нааке-Накенский — Николай Николаевич Старший», СПб, 1914, стр. 83—84.

⁹⁹ Конечно, допустимо и другое предположение, что в статье просто неверно названа фамилия ее автора и что на самом деле она принадлежит какому-нибудь другому писателю.

¹⁰⁰ «*Nordisches Archiv*», 1804, В. 1, Januar, S. 34—35.

ров, но и множества малозначительных), названий переведенных книг и их авторов обзор русской переводной литературы, начиная с Петра I. Сделана даже попытка периодизации истории русского перевода XVIII в. и дана характеристика каждого отдельного периода. Автор отмечает связь переводов с потребностями и нуждами России и русского общества, стремление русских обогатить и развить с помощью переводов свою родную культуру.

Прежде чем обратиться к оригинальным русским произведениям, Ф. Шмидт дает общую характеристику «Вестника Европы», как лучшего русского периодического издания, и высоко оценивает журналистскую деятельность Карамзина.

При анализе оригинальных произведений русской словесности Ф. Шмидт в первую очередь останавливается на трудах историков и дает довольно подробный обзор русской историографии, начиная от древних летописцев и кончая Н. М. Карамзиным. Более подробно рассматриваются труды В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и Ф. А. Эмина. При всех успехах русской историографии, Ф. Шмидт вынужден все же в конце признать, что хорошей истории России, которая сочетала бы в себе основательность, достоверность, беспристрастие, вкус, стиль и дух философии и критики, еще нет. В этой связи он возлагает большие надежды на Карамзина, который только что приступил к своим занятиям историографом.

Но нигде талант русских не проявился столь ярко, как в поэзии, доказательством чего может служить весь путь ее развития от Бояна до Климовского (как сказано в подстрочном примечании, автора малороссийской песни «Не хочу я никого, только тебя одного») и от Климовского до Ломоносова и Дмитриева^{100а}. Живописный, выразительный и гармоничный язык русских спешествует их поэтическому таланту.

Из старой русской поэзии особенно выделяются народные песни, среди которых есть и действительно древние, относящиеся в первобытной оригинальной поэзии народа, и более новые, в ином вкусе, не всегда оригинальные. К числу особо древних относятся песни о Дидо и Ладо, исполняемые крестьянами при хороводах. Впрочем, при общей характеристике народной поэзии Ф. Шмидт не избегает обычного недостатка тогдашних воззрений на фольклор: в нем акцентируются идиллически-сентиментальные черты.

К древней русской словесности относятся и духовные произведения, из авторов которых Ф. Шмидт выделяет Симеона Полоцкого и, в особенности, Дмитрия Ростовского.

Переходя затем к новой словесности русских, Ф. Шмидт в первую очередь останавливается на Ломоносове, подчеркивая его талант лирического поэта, его усилия по «обработке» русского красноречия и стиля и вообще его заслуги по развитию отечественной культуры. Далее идет перечисление тех авторов, которых Ф. Шмидт считает важнейшими: Державин, Херасков, Петров, Белосельский, (т. е. А. М. Белосельский-Белозерский, 1752—1809), Богданович, Костров, Карамзин, М. М. Вышеславцев, Нелединский и Дмитриев

^{100а} Мы не знаем, откуда автор статьи позаимствовал эту странную периодизацию, в центре которой оказался третьеразрядный да к тому же украинский, а не русский поэт С. Климовский. Но вместе с тем надо отметить, что он в этом не одинок. Людвиг Вахлер в своей известной книге «Handbuch der allgemeinen Geschichte der literarischen Cultur» (Zweyte Hälfte, Marburg, 1805, S. 804) также начинает историю новой российской словесности с Климовского. В обзорах конца XVIII — начала XIX вв. древняя русская словесность обычно объединялась с фольклором и Климовский, как последний прославленный народный певец (Volksdichter), завершал этот период. В начале XIX в. С. Климовский признавался и русскими авторами значительным, достойным внимания писателем. Ему посвятил специальную заметку Н. М. Карамзин в своем «Пантеоне российских авторов» (напомним, что в «Пантеоне» включено всего лишь 25 литераторов), о нем позже писал Н. И. Греч в своем «Опыте краткой истории русской литературы».

в поэзии, Сумароков, Майков, Фонвизин, Левшин и Княжнин в драматургии и прозе. К «молодым» авторам Ф. Шмидт, не всегда с достаточным основанием, относит И. Долгорукого, В. Измайлова, П. Сумарокова, Невзорова, Кутузова, Шаликова, Ильина, Глинку, Муравьева, Ник. Эмина.

Любопытны рассуждения Ф. Шмидта об особом таланте и склонности русских к сочинительству сатирических и шуточных стихов. В рукописном виде среди публики все время «прогуливается» большое число хлестких эпиграмм и небольших сатирических стихотворений.

Выводы автора заключаются вкратце в следующем. Русские в сфере поэзии, истории, географии, красноречия и некоторых других областей словесности уже создали много замечательных творений. Некоторые предметы, как-то: отдельные ответвления философии и юриспруденции, естественного и народного права, истории литературы, филологии и критики, — оставляют еще пока желать лучшего. Но нет сомнения, что русские, показавшие столь блистательные успехи во многих отраслях знания, и здесь догонят немцев и англичан. Усердие и трудолюбие, которые оживляют эту нацию уже сейчас в области литературных занятий, дают основание для прекрасных надежд. Новейшие произведения русских авторов уже показывают это.

Обширная статья Ф. Шмидта была одной из наиболее обстоятельных в прибалтийской периодике.

Последующие обзоры уже современной русской словесности, которые мы находим на страницах «Nordisches Archiv» и которые должны служить как бы продолжением статьи Ф. Шмидта (возможно, они вышли из-под его же пера, хотя и напечатаны без упоминания имени автора), менее удачны. Они посят информационный характер и чаще всего ограничиваются простым перечислением новых книг и журналов. Таков, например, обзор «Vermischte Neuigkeiten. Moskwa d. 10. April 1805» (1805, B. 2, Mai, S. 133—144). Обзор начинается с утверждения, что в последней четверти прошлого и в начале нового года поле русской словесности было бесплодным, новых оригинальных произведений почти не появилось; Карамзин и В. Измайлов молчат; «Вестник Европы» выходит, но без участия Карамзина, а «Патриот» Измайлова закрылся. Перечисляются новые переводы и выходящие журналы, а также дается обзор ученой жизни Московского университета¹⁰¹.

Из литературных материалов, помещенных в «Nordisches Archiv», интерес представляет еще полемика, разгоревшаяся в связи со сравнительно невинной заметкой о Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств.

В январском номере журнала за 1804 г. в разделе «Vermischte Nachrichten» (S. 65—67) появилась информационная заметка без заглавия, в которой шла речь об основании и деятельности Вольного общества: «Под названием Вольное общество любителей литературы, искусств и наук основано ныне новое русское объединение, которое своим началом обязано склонностью к наукам, каковую проявили шесть студентов здешней императорской Академии. 15 июля 1801 г. они объединились прежде всего для того, чтобы совокупно продолжать свои занятия и со временем представить отдельные произведения и переводы полезных иностранных сочинений на русский язык. С тех пор число членов Общества выросло до 30, и в их числе насчитываются корреспонденты в Казани, Тобольске, Черкасске, Тифлисе и Дерпте. Присоединились <к нему> и отдельные художники, воспитанники здешней императорской Академии Художеств, так что и сей предмет изящных искусств будет, вероятно, счастливо разрабатываться <в обществе>».

До сих пор вышли томик стихов («Свиток муз») — Summa paulatim petemus — Беккария «О преступлении и наказаниях». Последнее сочинение было напечатано на императорский счет и все издание было подарено переводчику. Среди многочисленных прозаических и поэтических опытов в руко-

¹⁰¹ Ср. аналогичный обзор: Anzeige der neuesten russischen Originalschriften und Uebersetzungen, «Nordisches Archiv», 1806, B. 1, Januar, S. 57—60.

писях находятся и <работы> Филанджieri, Монтеस्कьё, Лаперуза и т. д., частью уже полностью переведенные, частью еще переводимые <...>

Данное известие, которое мы получили от одного заслуженного члена этого достойного всякого уважения общества, несомненно, будет приятно для каждого, кому дороги духовная культура и развитие русской литературы»¹⁰².

Как явствует из другой заметки, этим «заслуженным членом» Общества, который сообщил сведения о нем петербургскому корреспонденту журнала, был старший учитель русского языка и словесности в известном немецком училище св. Петра в Петербурге¹⁰³. Совершенно ясно, что этим лицом был И. М. Борн, который в 1803 г. заменил В. В. Попугаева в должности учителя русского языка в этом училище. И. М. Борн, прибалтийский немец по происхождению¹⁰⁴, вообще был связан с остзейскими литературными кругами.

Эта заметка была пересказана в письме «Aus Riga» («Из Риги»), помещенном в петербургском издании «St. Petersburgische deutsche Zeitschrift zur Unterhaltung gebildeter Stände» (19. II 1804, Nr. 8, S. 125—126), где давался краткий обзор нового номера «Nordisches Archiv». Здесь верно была отмечена ошибка в заметке «Nordisches Archiv»: создателями Общества были не студенты Академии, а учащиеся академической гимназии.

Но корреспонденту «Nordisches Archiv» и, видимо, И. М. Борну показалось, что в сообщении петербургского журнала содержится скрытая ирония, насмешка над Обществом, якобы созданным зелеными юнцами. В обстановке, когда Общество живо чувствовало настороженное отношение к себе реакционных кругов и когда внутри Общества разгорелась борьба, направленная против его основателей,¹⁰⁵ старые члены объединения, в их числе и И. М. Борн, естественно, были склонны особенно чутко воспринимать все, что казалось им направленным против Общества и его основоположников. И вот в «Nordisches Archiv» появилось обширное «Возражение» («Erwiderng», 1804, B. 2, April, S. 72—77) на сообщение в «St. Petersburgische deutsche Zeitschrift...», написанное тем же корреспондентом, по-видимому, при участии И. М. Борна.

В «Возражении» выражается сомнение в том, что «Письмо из Риги» действительно написано в Риге. Автору кажется, что это письмо вышло из среды недоброжелателей Общества в Петербурге. Признав свою ошибку в отношении того, что основатели Общества были не студентами Академии, а учащимися академической гимназии, автор «Возражения» тут же добавляет, что они уже в ту пору были людьми образованными, занимали определенное положение в обществе и жаждали поделиться с публикой своими познаниями. В заметке всячески подчеркивается, что в Обществе нет ничего незрелого и плохого — не случайно оно утверждено при содействии просвещенного покровителя наук и искусств Новосильцева. В «Возражении» также подчеркивается, что член Общества, сообщивший сведения о нем для «Nordisches Archiv», в высшей степени заслуживает уважения и почтения, его заслуги неоднократно отмечались начальством и только скромность его запрещает автору корреспонденции описать подробнее этого человека.

В «Возражении» мы встречаем резкую филиппику против «недоброжелателей» Общества: только тупоумному и совершенно бесчувственному человеку может показаться неинтересным сообщение об открытии Общества в России, которая еще испытывает недостаток в хороших оригинальных писателях. Не может быть подлинного просвещения у нации, если оно не вытекает из ее собственной среды. Каждый шаг в этом направлении, будь он даже и не-

¹⁰² «Nordisches Archiv», 1804, B. 1, Januar, S. 65—66.

¹⁰³ Ibid., 1804, B. 2, April, S. 76.

¹⁰⁴ Он был родом из Паквере (Везенберга), см.: <E. Friesendorf und J. Iversen>, Zur Geschichte der St. Petri-Schule in St. Petersburg. Th. 2, St. Petersburg, 1887, S. 21.

¹⁰⁵ См. об этом: Вл. Орлов, Русские просветители 1790—1800-х годов, М., Гослитиздат, 1953, стр. 255—267.

значительным, должен вызывать искреннее восхищение у всякого русского патриота. Но этого, конечно, не могут понять иноземцы, которым Россия столь часто дарит счастье, какового они лишены у себя на родине.

Все это показывает, что разгоревшаяся полемика отражала борьбу вокруг Общества любителей словесности, наук и художеств в столице. Издатель «St. Petersburgische deutsche Zeitschrift...» вынужден был выступить с «Необходимым разъяснением» (Nöthige Erklärung, 25. III 1804, Nr. 13, S. 208), в котором он утверждал, что в «Письме из Риги» не было никакой насмешки над Обществом, и все, что там нашел корреспондент «Nordisches Archiv», — это плод его фантазии.

* *

Значение журнала «Nordisches Archiv» для развития русско-немецких литературных связей определяется не только тем, что на его страницах публиковалось много материалов о России и русской культуре. Одновременно «Nordisches Archiv» был немаловажным источником информации и для русской журналистики. Выше мы уже неоднократно отмечали, что журнал заимствовал много материалов из «Вестника Европы», но в то же время «Вестник Европы» нередко перепечатывал в переводе статьи из «Nordisches Archiv», при этом иногда точно обозначался источник, а иногда в конце публикации имелось лишь краткое указание: «С немецкого», «Из иностр. журн.» Особенно много материалов из «Nordisches Archiv» было перепечатано в «Вестнике Европы» в 1804—1805 гг. Например, статья «Первые годы царствования Александра I (С немецкого)» (1804, ч. XVIII, № 21, стр. 64—72) это несколько сокращенный перевод «Die ersten Regierungsjahre Alexanders I. Kaisers und Selbstherrschers aller Russen. Eine Didaskalie von J. C. Kaiffka» из «Nordisches Archiv» (1804, B. 4, Oktober, S. 1—12)¹⁰⁶. Кстати, именно в этой статье Александр I восхваляется за уничтожение барщины и облегчение положения крестьян в Лифляндии и Эстляндии — «Теперь корыстолюбивый деспот уже не вытеснит земледельца из собственного его жилища для удовлетворения своей жадности и семейство его не превратит в праздную домашнюю челядь»¹⁰⁷.

Однако положение самого журнала довольно рано стало неустойчивым. В ноябре 1805 г. в журнале появилось объявление¹⁰⁸, что со следующего, 1806, года «Nordisches Archiv» прекратит свое существование. Но поскольку журнал выходил в течение трех лет и имел своих читателей, то издатель, в надежде на них, вместо «Nordisches Archiv» решил начать издавать вместе с известным писателем и профессором Шмидтом новый журнал в Ярославле под названием «Miscellen aus Rußland». Этот журнал должен был быть полностью посвящен России. В нем предполагались следующие основные разделы: 1) интересные отрывки из новых русских сочинений, как и из русской периодической печати; 2) географические и статистические известия о России, взятые из новейших русских работ; 3) исторические известия и портреты достопримечательных особ России; 4) объявления о новейших русских сочинениях и важнейших литературных происшествиях, об университетах и школах; 5) хроника событий в России, 6) всевозможные краткие информации и новости, театральные известия, торговые происшествия и анекдоты. Первые пять номеров должен был подготовить проф. Ф. Шмидт, два — Кафка.

¹⁰⁶ Ср. также: анекдот о папе Иннокентии XI в разделе «Смесь» («Вестник Европы», 1805, ч. XIX, № 4, стр. 302) — анекдот из «Papierschnitzel von P-K» («Nordisches Archiv», 1805, B. 1, Januar, S. 55—56); Жители области Монтенегро или Черногорцы («В. Е.», 1805, ч. XX, № 7, стр. 240—249) — Die Montenegriner («N. A.», 1805, B. 1, Februar, S. 112—123) и т. д.

¹⁰⁷ «Вестник Европы», 1804, ч. XVIII, № 21, стр. 69.

¹⁰⁸ «Nordisches Archiv», 1805, B. 4, November, S. 139—140.

Издание нового журнала не осуществилось. «Nordisches Archiv» просуществовал еще три с небольшим года. Но это объявление показывает, что едва ли не основной круг читателей «Nordisches Archiv» составляли лица, интересовавшиеся именно Россией и русской культурой. На них рассчитывал Kafka при попытке издания нового журнала.

Как мы уже отмечали, с 1806 г. местом издания «Nordisches Archiv» стала только Рига; связь с Лейпцигом и Германией ввиду военных событий теряется. И с этого времени журнал начинает постепенно хиреть. Это особенно заметно по материалам о русской литературе: исчезают переводы произведений русских авторов, статьи о русской словесности и театре. Поначалу еще сохраняются общие материалы о России, но со временем и их число сокращается. Журнал приобретает несравненно более «остзейский» характер, что было совсем незаметно в первые годы его существования. Резко возрастает количество местных материалов. В 1808 г. замечен уже просто недостаток в материалах вообще. Отсюда и случайный характер статей и заметок, публикуемых на страницах журнала. Чтобы как-то заполнить место, Kafka печатает огромные по размеру проекты церковного устава для Остзейского края и т. д. В 1809 г. журнал закрылся.

4.

В 1806 г. в Риге появился первый сборник избранных произведений русской прозы «Pantheon der Russischen Literatur. Herausgegeben von I. de la Croix. Erster Theil».

Издатель этого сборника Иван Иванович Делакроа (или Делакруа; Johann Anton Friedrich de la Croix, 26. VIII 1781—19. IV 1852) был безымянной фигурой¹⁰⁹. Он родился в селе Малиновка Саратовской губернии в семье бельгийского дворянина, поручика австрийской службы, переехавшего в Россию. Получив хорошее домашнее образование, И. Делакроа в 1793 г. поступил в Воронежский гусарский полк, а в 1797 г. перешел отсюда на службу в юстиц-коллегию Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел в Петербурге. Однако уже в 1799 г. мы видим его в должности офицера и преподавателя французского языка в Казанской гимназии. С 1801 г. И. Делакроа — переводчик вначале Курляндского губернского правления, а затем в канцелярии остзейского генерал-губернатора Голицына в Риге, где одновременно он некоторое время преподавал русский язык в гимназии. Отсюда вскоре И. Делакроа был переведен на службу в Петербург в Комиссию по составлению законов. В 1808 г. он сопровождал в Париж герцога Александра Вюртембергского и остался там частным секретарем при русском после А. Б. Куракине до 1810 г. Вернувшись в Петербург, И. Делакроа служил в особой канцелярии министерства полиции. В 1812 г. мы видим его вновь в Митаве (Елгаве) в должности секретаря курляндского губернатора. Вскоре И. Делакроа занял пост директора канцелярии курляндского губернатора и в этой должности прослужил беспрерывно 36 лет. В 1851 г. был назначен отдельным цензором в Дерпте, где и умер.

Литературная деятельность И. Делакроа была очень обширна и разнообразна. Он в совершенстве владел русским, французским и немецким языками и свободно писал на них. Начал И. Делакроа как переводчик. В 1805 г. в Митаве отдельным изданием вышла его книжечка «Welch ein Tag! oder die sie-

¹⁰⁹ См. о нём: Recke. Napiersky, I, 376—377. Nachträge, I, 137—138; «Das Inland», 7. II 1849, Nr. 6, S. 99—101, 21. IV 1852, Nr. 16, S. 316, 5. V 1852, Nr. 18, S. 350, 12. V 1852, Nr. 19, S. 376; «Северная пчела», 30. IV 1852, № 96, стр. 381 (Некролог; перепечатан в ЖМНП, 1852, ч. LXXIV, отд. VII, стр. 61—62); В. Рудаков, Делакроа, Русский биографический словарь, том «Дабелов-Дядьковский», СПб, 1905, стр. 180—181 (в статье ряд ошибок).

ben Weiber, eine allegorische Erzählung. Aus dem russischen übersetzt von I. de la Croix». Источник этого перевода нам выявить не удалось. В этом аллегорическом рассказе речь идет о 19-летнем сыне одного сельского дворянина Фабрицие (Fabrizius), который учился всему, что значит ничему. Собравшись жениться на некой девице Софии, он отправляется к ней. К Софье ведут две дороги. Фабриций избирает ошибочную, на которой встречается с семью аллегорическими существами — Модой, Сладострастьем, Крючкотворством (под видов Законности), Клеветой, Подагрой (?), Славолюбием и Паркой. Первых шесть Фабриций подкупил, расплатившись определенным числом лет своей жизни. Парка же обрезает нить его существования. Как отмечалось в критике¹¹⁰, выбор произведения для перевода неудачен, как и сам перевод, в котором много ошибок против правил немецкого языка.

Для рижского театра И. Делакроа перевел драму Н. И. Ильина «Великодушные или рекрутский набор». К переводам с русского он обращался и позже. Еще в 1850 г. в Риге вышла в его переводе «История Суворова» Н. А. Полевого.

Кроме того И. Делакроа перевел с немецкого и французского на русский много пьес для императорской сцены и «Новые повести госпожи Жанлис, изданные Иваном де ла Кроа», ч. I, Митава, 1805¹¹¹.

В 1807 г. И. Делакроа вместе с Ф. Э. Шрёдером издавал в Петербурге журнал на русском языке «Гений времен», в котором в числе прочего печатались обозрения политических событий с их критической оценкой. Характер издания был весьма либеральный, и политический отдел в нем был вскоре закрыт.

И. Делакроа был и хорошим музыкантом и композитором. В 1808 или 1809 г. в Париже вышло в свет собрание сочиненных им французских романсов; некоторые из них, как утверждали современники, сделались даже очень популярными во Франции.

Кроме большого количества мелких статей в различных органах прибалтийской периодической печати, И. Делакроа написал и ряд оригинальных или полуоригинальных художественных произведений на немецком языке — стихотворений, патристическую драму «Die Hütte bei Moskwa» («Хижина под Москвой»), три комедии в стихах (переделки с французского), объединенных в книге «Dramatische Versuche» (Dorpat, 1852). Впрочем, сколько-нибудь большого литературного значения его произведения не имеют.

В 1830—1840-е гг. И. Делакроа развил и активную издательскую деятельность, под его редакцией в Риге вышел целый ряд иллюстрированных обзоров разных стран и исторических достопримечательностей. В 1844 г. И. Делакроа внес предложение издавать в Германии журнал под названием «Россия» на немецком языке, где предполагалось помещать выписки из русских периодических изданий и опровержения статей в иностранных газетах о России, но С. С. Уваров скептически отнесся к этому предложению и не дал ему хода¹¹².

В общем, И. Делакроа был заметной фигурой в прибалтийской литературной жизни первой половины XIX в.

В плане нашей работы особую ценность приобретает основной труд И. Делакроа, его «Pantheon der Russischen Literatur» — первый сборник избранной русской прозы на иностранных языках вообще.

Издание открывает список подписчиков (120 лиц, подписавшихся на 139 экземпляров книги), посвящение Александру I и предисловие переводчика.

¹¹⁰ «Wöchentliche Unterhaltungen für Liebhaber deutscher Lektüre in Rußland», 23. I 1805, Nr. 4, S. 49—54.

¹¹¹ Перевод положительно был встречен в критике, см. «Wöchentliche Unterhaltungen...», 15. V 1805, Nr. 20, S. 340—342.

¹¹² Цензура в царствование императора Николая I, «Русская старина», 1903, т. 114, апрель, стр. 182.

«Мне, как истинному патриоту, как почитателю моей любимой родины, России, и изящных наук, больно, что *русская литература* до сих пор еще так мало известна за границей, — писал И. Делакроа в предисловии к сборнику. — Хотя досточтимый И. Ф. Рихтер в Москве изданием своих интересных «*Russischen Miscellen*» и мастерским переводом «Писем русского путешественника» доставил немалое удовольствие немецкой публике, все же множество прекрасных творений русской литературы, в особенности достойного любви автора упомянутых «Писем», до сих пор остается непереуладенным <буквально: без употребления, неиспользованным>. Творений, которые, без сомнения, во всех отношениях достойны быть повсеместно известными! Я осмеливаюсь предложить публике плоды моего досуга и буду чувствовать себя очень счастливым, если не совсем неудачный прием этого первого тома «Пантеона» придаст мне мужества его продолжить. Я говорю *счастлива* — ибо я, как *русский*, чувствовал бы себя действительно счастливым, если мне удалось хотя бы частично опровергнуть мнение великого ученого о том, что «моя родина не имеет литературы».

Не ожидая увидеть в «Пантеоне» пространных рассуждений о предмете какой-либо серьезной науки или целых переводов русских книг. Мой план: доставить немецкой публике приятный материал для чтения, отобрав красивые цветки русской литературы, чтобы убедить читателей в том, что и Россия имеет писателей, которые оригинальностью, чувством и красноречием могут пленить каждое чувствительное сердце. Во всех тех случаях, когда я не смог достичь своей цели, я торжественно объявляю: в этом виноват не оригинал, а мой перевод».

В сборник включено 8 произведений, из них шесть карамзинских. Это «*Etwas über die Wissenschaften, Künste und Aufklärung*» («Нечто о науках, искусствах и просвещении»), «*Sierra-Morena*» («Сиерра-Морена»), «*Die Insel Bornholm*» («Остров Борнгольм»), «*Gedanken über die Einsamkeit*» («Мысли об уединении»), «*Das Leben in Athen*» («Афинская жизнь») и «*Meine Beichte*» («Моя исповедь»). Кроме того в сборник вошли большие отрывки из 2-й и 3-й частей «Путешествия в полуденную Россию» В. Измайлова и анонимный рассказ «*Der Kaminp*» («Камин»; в подстрочном примечании указывается, что имя автора неизвестно переводчику).

Этот отбор произведений для перевода в высшей степени показателен и в то же время характерен вообще для начала XIX в. В центре внимания иностранцев, как это можно видеть и на примере «*Russische Miscellen*» И. Рихтера, стало творчество Н. М. Карамзина и представителей его направления. Карамзинская школа рассматривается не только как высший этап в развитии русской словесности, как наиболее современное и перспективное её направление, одержавшее победу над прочими, но и вообще чуть ли не как единственное явление в литературе, заслуживающее внимания иностранцев. Если в области поэзии еще признавался авторитет классиков XVIII в., в особенности Державина, то в области прозы, в развитии которой заслуги карамзинской школы к этому времени действительно были велики, интерес к Карамзину и его последователям фактически становится безраздельным. Если возможным проявлениям интереса к А. Н. Радищеву препятствовали внешние условия цензура, то все же полное игнорирование творчества писателей демократического лагеря, противостоящих Н. М. Карамзину, по-видимому, объясняется более глубокими причинами. Все-таки творчество этих писателей объективно находилось на периферии литературного процесса, не определяло в ту пору кардинальной линии развития русской словесности и поэтому закономерно не привлекало внимания и переводчиков.

Переводы И. Делакроа очень точны. Если не считать отдельных мелких пропусков, чаще всего случайных, то видно, что переводчик все время стремился следовать за оригиналом, не позволяя себе никаких «вольностей», столь распространенных в переложениях начала XIX в. Он полон уважения к подлиннику и не считает себя вправе определять, что в нем важно, а что неважно и может быть опущено, между тем как большинство переводчиков той поры

полагали возможным сокращать или изменять произведение в переводе соответственно своим субъективным воззрениям. Чувствуется также, что И. Делакроа в совершенстве владеет русским языком, поэтому понимание произведений Н. М. Карамзина и других русских авторов не доставляет ему трудностей; он в состоянии передать смысл любой фразы оригинала на немецком языке (опять же заметим, что многие тогдашние немецкие переводчики с русского просто плохо понимали подлинник и уже поэтому бывали не в силах воссоздать его средствами немецкого языка). Но, вместе с тем, по-видимому, и И. Делакроа не ставит перед собой задачи воссоздать в переводе стиль оригинала, точно также как эта задача не осознавалась большинством переводчиков той поры. В результате, при всей точности переводов И. Делакроа из Карамзина, произведения последнего, особенно повести «Сиерра-Морена» и «Остров Борнгольм», многое утрачивают в переводе: они теряют свою неповторимую тональность, музыкальность и гармоничность слога, и, как следствие этого, оказывается в полной мере не воссозданным и особое «настроение» повестей, которое для Карамзина, быть может, даже более важно, нежели сюжет, внешний абрис повествования.

К тому же, видимо, образованный немецкий читатель все-таки ощущал, что для переводчика немецкий язык не был родным. Рецензент книги нашел ряд стилистических погрешностей и даже несколько грамматических ошибок в переводе и настоятельно рекомендовал Делакроа заняться тщательным изучением немецкого языка путем чтения «образцовых» авторов¹¹³. Кстати, впоследствии, вращаясь несколько десятков лет в чисто немецких кругах, И. Делакроа стал писать на безупречном немецком языке.

5.

В 1805 г. была предпринята еще одна попытка создать журнал, который информировал бы читателей о всех сторонах жизни России. Это был издававшийся в Риге «Russischer Merkur» Б. Хейдеке. Он просуществовал менее года и прекратился в том же 1805 г. В свет успело выйти шесть номеров (два тома) журнала. Тем не менее, на его страницах было опубликовано большое количество материалов, посвященных России, в том числе и русской культуре. Но, самое главное, несмотря на верноподданнические декларации издателя в плане-предисловии к журналу, это было, пожалуй, наиболее «левое», радикальное издание в Прибалтике из числа тех, которые свою основную цель видели в ознакомлении читателей с Россией.

Издатель журнала Бенямин Хейдеке¹¹⁴ (Benjamin Christoph Gotthilf Heideke, urspr. Hedicke; 1765—1811) был уроженцем города Мерзебурга в Саксонии, учился в университете и был удостоен в 1783 г. в Лейпциге степени магистра. Затем он работал домашним учителем в Лифляндии и Таллине; с 1801 г. стал пастором в Новом лютеранском приходе в Москве, позже же пробстом. Умер Б. Хейдеке в Москве. Он был издателем ряда журналов: «Konstantinopel und St. Petersburg, der Orient und der Norden» (St. Petersburg u. Penig, 1806; совместно с Фр. Мурхард'ом), «Janus oder Russische Papiere» (Riga, 1808), «Monatliche Zeitung des Gräfllich-Sieverschen Schul-Instituts bey lutherischen Neukirche in Moskwa» (1808—1809). Б. Хейдеке принадлежит и ряд работ по теологии, а также учебников, специально изданных им для немецкой школы при лютеранской Новой церкви в Москве, где он некоторое время работал. Есть сведения, что он был автором и ряда перево-

¹¹³ См. «Wöchentliche Unterhaltungen für Liebhaber deutscher Lektüre in Rußland», 28. V 1806, Nr. 22, S. 337—341.

¹¹⁴ См. о нем: Recke. Napiersky, II, 208—210; Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste. Hrsg. von J. S. Ersch und J. G. Gruber. Sect. 2, Th. 4, Leipzig, 1828, S. 109; A. W. Fechner, Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau. Bd. 2, Moskau, 1876, S. 51—54, 60—61, 505—506.

дов с русского, вышедших из печати в Москве, однако проверить эти сведения нам не удалось.

План журнала «Russischer Merkur» включал материалы по народоведению, краеведению, градостроительству, философии и даже политике. Особое же внимание издатель обещал уделить всему тому, что «принадлежит к области литературы, искусства и просвещения России и к их успехам на русской почве»¹¹⁵. И, действительно, большая часть материалов, помещенных на страницах журнала, посвящена описанию России. В большом количестве в журнале перепечатывались в переводе статьи и заметки из русских периодических изданий, в особенности же из «Вестника Европы», «Северного вестника» и «Друга просвещения». Некоторые номера «Russischer Merkur» полностью состоят из такого рода материалов.

Однако нужно учесть, что уже в плане-программе журнала издатель оговаривался: поэтические опыты, театральные известия, моды и свидетельства литературной вражды не найдут места на его страницах, т. е. журнал будет не литературно-художественным, а научным, что и соответствует действительности. Материалов, непосредственно посвященных русской литературе, на страницах журнала мало, преобладают статьи по географии, истории и экономике России, описания «путешествий», хроникально-информационные заметки о России и, в особенности, о русском просвещении, наконец, рецензии на иностранные и, реже, русские научные издания. Но зато этот материал, как мы увидим ниже, очень разнообразен.

Современники были высокого мнения о «Russischer Merkur». Нюрнбергский профессор И. В. Пфафф в своей книге о России называет журнал «огненно-игристым», «зажигаящим», связывает его появление вообще с общественным подъемом в России в начале XIX в. и даже сопоставляет с трудами Г. Меркеля против крепостного права¹¹⁶. Однако вскоре, замечает И. В. Пфафф, начали собираться грозовые тучи, стали заметны следы поворота в правительственной политике в сторону реакции, ограничения гласности. «Russischer Merkur» в этих условиях пал жертвой цензуры, и его издатель, лютеранский пробст, избег наказания только благодаря заступничеству духовенства¹¹⁷.

Насколько верны эти сведения, исходящие от человека, хорошо знакомого с местными условиями и проводшего 5 лет в России, мы не знаем. Но, действительно, в журнале имеется немало остро-критических материалов, которые могли вызвать неудовольствие цензуры.

В этом плане особенно примечателен опубликованный в журнале перевод «Россиянина в Лондоне или писем к друзьям моим» П. И. Макарова, возможно, принадлежащий самому издателю журнала¹¹⁸. Перевод этот сделал

¹¹⁵ «Russischer Merkur», 1805, Nr. 1, S. 111.

¹¹⁶ I. W. Pfaff, Rußland. Bemerkungen eines Deutschen der fünf Jahre dort lebte, Nürnberg, 1813, S. 116—118. Cp. рецензию в «Wöchentliche Unterhaltungen für Liebhaber deutscher Lektüre in Rußland» (17. VII 1805, Nr. 29, S. 33—38): «Издатель в своем журнале всячески избегает духа продажной лести. И это похвально. Несомненно, в полном согласии со всеми друзьями истины и с каждым беспартийным он говорит: тот, кто похищает у правительства судей; дает ему взамен панегиристов <...> К радости каждого патриота достойный издатель остался верен своему намерению до конца в рассматриваемых тетрадях. Он вообще выражается в нем с откровенностью, в некоторых местах совершенно превосходною, которую мы до сих пор ценили только в иностранных писателях, у отечественных же, к сожалению, почти всегда привыкли не замечать».

¹¹⁷ I. W. Pfaff, op. cit., S. 119.

¹¹⁸ Почти все переводы в журнале анонимны — имена переводчиков не указываются.

с пропусками и не вполне совпадает с первопубликацией произведения в оригинале¹¹⁹.

Однако, самое главное, перевод снабжен обширнейшими подстрочными примечаниями переводчика. Их всего 41, некоторые из них занимают целые страницы журнального текста. Цель этих примечаний — дать параллели в Лондону в московской и петербургской жизни. Эти параллели чрезвычайно интересны, в первую очередь, благодаря их критической направленности: сравнивая отдельные стороны лондонской обстановки с аналогичными явлениями в московской и петербургской жизни, переводчик обычно приходит к малоутешительным для Российской империи выводам. Он зло и порой ядовито издевается над недостатками и пороками русской жизни; причем это не отрицание всего русского, как правило, не пренебрежительно-высокомерный взгляд немца на грязную и дикую Россию. В примечаниях нередко отмечаются положительные черты русских даже в сравнении с англичанами. Но это именно резкая и смелая критика отрицательных сторон русской жизни, в том числе и социальной. Впрочем, отдельные замечания носят и вполне невинный характер и касаются, так сказать, бытовой стороны московской жизни — плохого состояния московских улиц (темнота, грязь) и гостиниц и т. д.

Особенно любопытно примечание 6 (стр. 78—79), резко обличающее московскую цензуру. В московской почтовой конторе рассматривают подписку на иностранные газеты как страшный грех. Цензор газетной экспедиции, полагаясь на свою мудрость, решает, запрещать ли то или иное издание или нет, не обращаясь к духу времени и правительства. Нужно обладать исключительно рабской душой, чтобы везде, при каждом свободолобивом слове бояться бича деспотизма, даже там, где никакого бича нет. Откровенная речь, которую ведет Карамзин в своем «Вестнике», постоянно не нравится цензору, и он, пользуясь своим могуществом, кастрирует каждый номер. (Между прочим, это одно из очень немногих дошедших до нас свидетельств цензурных преследований «Вестника Европы» Н. М. Карамзина и единственное из проникших в ту пору в печать).

Петербургская немецкая газета сама по себе еще менее содержит чего-либо запрещенного. Но поскольку московский цензор не хочет вдаваться в суть дела и поскольку он не считает с тем, что статьи проходят и через петербургскую цензуру, то он тем выходит из затруднения, что по едва понятой строке одну страницу газеты запрещает, а другую велит напечатать с исправлениями (буквально: с дефектами). Это не раз имело место и с «Гамбургской газетой». Итак, с иронией констатирует переводчик, мы платим 20 рублей в год за эти газеты и отдаем себя великодушию цензора, который дает или запрещает то, за что мы заплатили, и определяет, способны ли мы читать газетные известия без вреда для самих себя или нет.

Примечание 18 (стр. 87) направлено против православного русского духовенства¹²⁰. Автор отмечает необразованность попов. «Да разве можно и стать образованным, если перед тобой не открывается ничего другого, кроме колокольного звона и чтения псалмов <...> Если даже будущий священник и учится, то может ли он остаться образованным, когда ему все время приходится искать пропитания для детей и жены, когда он оторван от литературы и своего общества и должен остерегаться как народных предрассудков, так и того, что благочинный заподозрит его в просвещении».

Примечание 21 (стр. 88—89) посвящено дворовым людям, которых переводчик называет наиболее развращенным слоем населения в России из-за их близкого знакомства со слабостями, прихотями и причудами своих господ. Особенно беспокоит автора судьба дядек при барских детях, которые сами

¹¹⁹ Ср. «Московский Меркурий», 1803, ч. I, № 1, стр. 19—40; «Вестник Европы», 1804, ч. XV, № 9, стр. 3—22.

¹²⁰ О религиозной нетерпимости православного духовенства, в особенности его иерархов, шла речь в заметке «Toleranz» (St. 6, S. 485—486; «Веротерпимость»).

становятся объектом несправедливости со стороны детей и в то же время отрицательно влияют на них.

В примечании 23 (стр. 93) содержится критика действий московской полиции. Здесь отмечается, что некоторые московские полицейские офицеры оказались даже фальшивомонетчиками и т. д. Критика в адрес русских полицейских чинов содержится и в примечании 35 (стр. 104).

Любопытен также цикл статей, посвященный ужасам сибирской каторги и ссылки. Особенно примечательна первая из этих статей «Ueber das Schicksal der nach den Nertschinskischen Bergwerken in Sibirien Exilirten, wie es vor Alexanders I Regierung war, nebst andern Nachrichten über das Irkutskische Gouvernement und über die daselbst gemachten wolthätigen Verbesserungen der jetzigen Zeit» (St. 3, S. 77—105; «О судьбе сосланных на Нерчинских горных заводах в Сибири до начала правления Александра I, вместе с прочими известиями об Иркутской губернии и о произведенных там же в последнее время благодетельных улучшениях»). Это очень смелое и по-своему яркое описание сибирской каторги, жизни каторжан и горнорабочих в Нерчинске и на других горных заводах. Подробно, со слов очевидцев, описывается трудный путь колодников в Сибирь, в холод и пургу, в кандалах, их наказания — палки, шпицрутен — вплоть до того, что подробно повествуется о том, как их забивают насмерть, их голодное существование — ничтожный паек, присвоение положенных им денег чиновниками и т. д. Не лучше и доля горнорабочих, набираемых из рекрутов. В статье отмечается сочувствие простого народа к каторжникам, помощи им, которой они зачастую обязаны своим спасением от верной смерти. В связи с этим следует рассуждение об исключительной доброте и гуманности русских вообще. В подстрочных примечаниях иногда, правда, указывается, что при Александре I положение каторжников и поселенцев улучшилось, но конкретно об этих улучшениях почти не говорится. Общая картина чрезвычайно мрачная.

Продолжением первой статьи служат «Des Husaren-Rittmeisters Sergei Lawrentjewitsch Lakonin und seiner Gefährten Verweisung nach Sibirien» (St. 4, S. 58—91; «Ссылка гусарского ротмистра Сергея Лаврентьевича Лаконина и его товарищей в Сибирь») и «Andreew's Exil (Fortsetzung der Sibirischen Papiere)» [St. 5, S. 285—288; «Ссылка Андреева (Продолжение сибирских записок)»]. Если в первой статье давалось, так сказать, общее описание сибирской ссылки, то здесь приводятся конкретные примеры ее. Относительно второго рассказа специально отмечено, что его перевод сделан с рукописи. Публикация такого рода материалов, действительно, вряд ли была возможна в русской печати.

Известная критика социальных порядков России содержится и в заметке «Lomonossow's Nachkommen» (St. 1, S. 86—87; «Потомки Ломоносова»), где повествуется о горестной судьбе потомков великого поэта и ученого, оставшихся в крестьянском состоянии. Эта заметка, правда, перепечатка из «Вестника Европы» (Николай Исаевич Ахвердов или Нечто о потомстве Ломоносова, 1804, ч. XIV, № 8, стр. 312—317), но переводчик в своем переложении слегка усиливает ее критическую направленность.

В «Flüchtige Bemerkungen in Finnland von —ch—» (St. 2; «Беглые замечания в Финляндии») включена критика известной брошюры барона В. Унгерн-Штернберга, в которой тот резко выступил против уничтожения крепостного права и призывал философов-врагов крепостничества «вздернуть на виселице»¹²¹.

Нельзя не отметить, что даже те немногие материалы о русской литературе, которые встречаются на страницах журнала, нередко также исполнены определенным духом критики общественных порядков России.

Единственный перевод русского стихотворного текста в журнале — это

¹²¹ Об этой брошюре см.: В. И. Семеновский, цит. соч., т. I, стр. 287—290; Ю. М. Лотман, Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени, Тарту, 1958, стр. 109—110.

«Die Wunder (Ein Probestück russischer Dichtkunst aus den Europäischen Verkündiger v. J. 1804)» (St. 4, S. 108—113), вольное переложение неким Лёхнер'ом шуточного стихотворения «Чудеса» («Вестник Европы», 1804, ч. XVII, № 20, стр. 314—317), подписанного в оригинале У. Ф. Х. Ц. Ч. (под этим, кстати, нерасшифрованным псевдонимом — он не отмечен и в словаре И. Ф. Масанова — скрывается поэт Панкратий Сумароков). В поэтическом отношении это стихотворение слабо и почти никакого интереса не представляет, но, по-видимому, издателя привлекла известная критическая направленность его, ещё более усиленная в переводе:

Во-первых, видел я таких богатырей,
Которы годовой доход пяти семей
Изволили втроем за ужином прокушать.

.....
Видел таких господ, которые кормили
Подвластных им людей
Не хуже лошадей
И их, не походя, бранили или били ¹²².

В стихотворении содержится также издевка над пьянством подъячих, над необразованностью богачей, над слепым подражанием всему иностранному ¹²³, над тем, что учителями у дворян нередко служат кучера из иноземцев, и т. д.

Больше художественных произведений русских авторов в журнале нет, но зато есть иные материалы о русской словесности.

Начиная со второго номера, в журнале был особый раздел «Litterarische Anzeigen», состоявший из мелких сообщений и информации на литературные и культурные темы: о выходе в свет новых русских книг, краткие рецензии-аннотации на научные издания, известия о русской журналистике, книжной торговле, краткие обзоры преподавания и научной деятельности в университетах и т. д. Кое-какие такого рода информационные материалы печатались в журнале и отдельно ¹²⁴, а также на страницах разделов «Neue Bücher» ¹²⁵ и «Vermischte Nachrichten».

¹²² «Вестник Европы», 1804, ч. XVII, № 20, стр. 314—315.

¹²³ В журнале и ранее осмеивался этот дух низкопоклонства перед всем заграничным, бывший одним из основных объектов русской сатиры начала XIX в., — см. «Nothgedrungene Vertheidigung eines Moskowschen öffentlichen Pensionshalters gegen bössliche Angriffe» (St. 1, S. 121—129). По словам рецензента, эта статья позаимствована из русского журнала и представляет собой меткую сатиру на всё еще бытующую в России галломанию и германоанию.

¹²⁴ См. Nachricht von dem Zustande der Moskowschen Universität in der ersten Hälfte des Monats September 1804, «Russischer Merkur», St. 1, S. 115—121; Ein Blick auf die adeliche Pension bey der Universität zu Moskwa, *ibid.*, St. 3, S. 106—121 (Перевод знакомой нам уже по «Nordisches Archiv» статьи М. Каченовского о Благородном пансионе при Московском университете из «Вестника Европы», 1804, ч. XVII, № 19. Переводчик отмечает, что излишне помпезный и восхвалительный тон статьи в «Вестнике Европы» может вызвать недоверие у читателей к приводимым там сведениям. Посему переводчик решил предварить перевод статьи точными данными о предметах, изучаемых в пансионе, о цели обучения и системе его и т. д. Этот материал дан в форме вопросов переводчика и ответов двух почтенных людей, связанных с пансионом); Das Museum des Herrn Dubrowsky, *ibid.*, St. 6, S. 474—478 (в качестве дополнения к последней — перевод из «Северного вестника» — Kurze Uebersicht der ältesten und merkwürdigsten Manuskrifte im Museo des Herrn Dubrowsky, *ibid.*, S. 479—484).

¹²⁵ См., например, сообщение с кратким похвальным отзывом о выходе в свет «Анакреонтических песен» Державина, *ibid.*, St. 1, S. 149—150.

Из отдельных оригинальных статей заслуживает внимания анонимная «Kagamsin» (St. 2, S. 49—64). Хорошо известный в Германии благодаря переводам Рихтера, Карамзин стоит в России как бы между двумя партиями. Одни желают ему блага, другие — зла. Несколько лет тому назад большая часть читателей жадно расхватывала все, что носило его имя, в то время как «известные надсмотрщики» прилежно выискивали в его сочинениях то, что давало основание заподозрить его в якобинизме. К счастью, добрый гений — Провидение — спас его от ударов злобы и благополучно провел через суровые годы, когда цензура охотно любовалась книжным аутодафе. Любовь к правде и искренность Карамзина оставались неизменными при всех обстоятельствах. В истинном духе римлян старого времени он, как свободолюбивый человек и патриот, не переставал говорить то, что трусливый раб слушает не столь охотно, как звон своих цепей. Когда обнаружилась неудача нападков на Карамзина с этой стороны, то враги решили достигнуть своей цели иным образом: унижить его в глазах нации, взяв под сомнение эстетическую ценность его произведений. Ему бросали обвинение в том, что он обезобразил русский язык, ослабил его природную мощь введением новых слов, оторвал от «материнского» древнеславянского наречия. На все эти далеко не всегда чистые обвинения Карамзин не отвечал. Но застарелая злоба не так легко утихомиривается. Многие, считавшие себя ветеранами русской литературы, не могли простить Карамзину, что он приобрел столь большой авторитет у молодых писателей, и стал любимым автором у современников. Голоса тех, кого относили к партии Карамзина, не всегда были слышны, потому что они не всегда подкреплялись металлом. Итак, и сегодня существует две партии — антикарамзинская и прокарамзинская.

Автор по ряду причин чувствует себя не в состоянии быть объективным критиком Карамзина, поэтому он решил привести из опытов русской литературы два образца — один, направленный против писателя, другой — в его защиту. В качестве образца антикарамзинского выступления приводятся обширные извлечения из статьи «Рассмотрение всех рецензий, помещенных в ежемесячном издании под названием «Московский журнал», изданном на 1797 и 1799 год Н. М. Карамзиным» («Северный вестник», 1804, ч. 3, № 8). Собственно, эта статья наполнена не столько критикой Карамзина, сколько общими соображениями о критике. В примечаниях к переводу автор доказывает ограниченность и претенциозность рецензии «Северного вестника». В качестве образца «положительной» критики приводится рецензия на «Сочинения» Карамзина в 8 частях, опубликованная в журнале В. Измайлова «Патриот» (1804, т. III, кн. 3, стр. 407—413), где творчество Карамзина и его заслуги перед русской литературой оцениваются очень высоко.

Вся статья написана с сугубо карамзинистских позиций и исполнена искреннего уважения к Карамзину.

В «Russischer Merkur» (St. 6, S. 446—469) под названием «Das gelehrte Rußland (Aus dem Drug Proschwestschenija, Januar 1805)» был опубликован отрывок из известного «Нового опыта исторического словаря о российских писателях» Евгения Болховитина. Помещенный отрывок включает самое начало словаря (от А. Аблесимова до Амвросия Серебрянникова), напечатанное незадолго перед тем в январском номере журнала «Друг просвещения». В конце обещано продолжение публикации, но так как шестой номер журнала оказался последним, то его, естественно, не последовало.

Из других переводных статей, непосредственно относящихся к области русского искусства, необходимо ещё отметить «Gegenstände für Künstler aus der russischen Geschichte» (St. 5, S. 235—284; St. 6, S. 431—445) и «Der Theater-Freund oder Schreiben eines alten Kriegsmannes aus der Provinz an seine Freunde in der Hauptstadt» (St. 2, S. 134—139). Первая статья представляет собой перевод обширного «Письма к издателям. Предметы для художников из Российской истории и прочих сочинений» А. А. Писарева («Се-

верный вестник», 1804, ч. IV, №№ 10—12; 1805, ч. V, № 1)¹²⁶. В статье рассматриваются наиболее героические эпизоды и примечательные деятели из двух эпох русской истории (первая эпоха — от начала Руси до великого князя Изяслава I, 1055 г., вторая — от Изяслава до Ивана IV), которые могли бы быть предметом изображения для художников. Вторая статья — перевод «Окружного письма от провинциального жителя к его приятелям», подписанного в оригинале криптонимом З. З. («Вестник Европы», 1804, ч. XVII, № 17, стр. 34—41). Письмо посвящено московскому театру. Провинциал, влюбленный в искусство, восхищается им, игрой артистов, и возмущен равнодушием московской публики к своему театру. Он обращается с призывом к читателям поддерживать национальный театр. Немецкий журнал привлекло ещё в этом письме утверждение, что немецкие пьесы более подходят русским, нежели французские.

В журнале были также опубликованы разнообразные материалы о различных местностях России¹²⁷, описания путешествий¹²⁸, критика иностранных работ о России¹²⁹ и, реже, русских книг¹³⁰. Встречались также отдельные публикации из истории России¹³¹ и из области русской экономики¹³². Довольно

¹²⁶ В основу работы А. А. Писарева положен ряд источников, в том числе «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств» Н. М. Карамзина и «Критические примечания, касающиеся до древней Славяно-русской истории» Александра Тургенева.

¹²⁷ Наиболее примечательна здесь статья «Etwas von Grusien (Aus einem Briefe d. d. Tiflis d. 20. Aug. 1804. Siehe «Drug Proschwetschennaja» <!> Jan. 1805)», «Russischer Merkur», St. 4, S. 126—130. Статья представляет собой краткий очерк природы, географии, экономики, этнографии и культуры Грузии. Любопытно в ней указание на готовящийся русский перевод из «грузинского Оссиана» Руставели. См. также: Iwan-Osoro oder der Johannis-See (Aus d. «Westnik Jewropu» Nr. 10, d. J. 1804), ibid., St. 1, S. 79—85; Taganrog (Brief. Aus dem «Westnick Jewropu», Nr. 21, 1804), ibid., St. 3, S. 161—163; Erklärung des Plans von Odessa, ibid., St. 4, S. 162—165; K<a>yse>, Bruchstücke über die Oszakowsche Steppe und Odessa, ibid., St. 6, S. 345—360.

¹²⁸ Sarütschew's Reise durch den nordöstlichen Theil Sibiriens, das Eismeer und den östlichen Ocean, in den Jahren 1785 bis 1793, ibid., St. 1, S. 1—57, St. 2, S. 1—34, St. 3, S. 3—59; Beschreibung der Insel Unalaschka von Hrn. Sarütschew, St. 3, S. 60—76; Reise des Lord Harris von Moskwa nach Odessa (von seinem Gefährten dem Herrn Walch), ibid., St. 2, S. 140—158.

¹²⁹ Ueber die neue Russische Geschichte, ibid., St. 1, S. 58—78 (перевод «разгромной» рецензии М. Т. Каченовского на «Российскую историю» аббата Переня из «Вестника Европы», 1804, ч. XVI, № 16); Die Gaisel, ibid., St. 2, S. 64—70 (критика неверных сведений о России в иностранных журналах. Из русских источников) и др.

¹³⁰ См., например: Plagiat des hochwürdigen Herrn Constantin, Archimandriten des Griechischen Kiew-Katharinen-Klosters vom Berge Sinai, ibid., St. 1, S. 99—114 (книга вышла на русском и греческом языках).

¹³¹ Iwan Susanin Stammvater der Belopaschzischen Familie (a. d. «Drug Proschwetschenja» Jan. 1805), ibid., St. 4, S. 102—103; Briefwechsel zwischen Catharinen II. und dem Grafen Peter Rumänzow Sadunaïsky, verdeutsch von Elisabeth Bunge in Kiew, ibid., St. 6, S. 305—344; Berlinsky's Geschichte von Kleinrußland (Aus dem Westnik Ewropu 1805), ibid., S. 470—473 (на самом деле сообщение из «Северного вестника», 1805, ч. V, о книге Берлинского «Историческое обозрение Малороссии и города Киева», так и не вышедшей в свет).

¹³² Rehman, Liskowo und die berühmte Messe in Makarjew. Nischnij-Nowgorod im Sept. 1804, ibid., St. 3, S. 143—160; Ch. Schölzer, Ueber die Ursachen der im russischen Reiche immer höher steigenden Theuerung der Landesprodukte und die Mittel solche wiederum zu vermindern, ibid., St. 5, S. 169—234, и др.

разнообразный информационный материал печатался в разделах «Korrespondenz-Nachrichten» и «Vermischte Nachrichten».

Неудача с «Russischer Merkur» не остановила Б. Хейдеке. В 1808 г. он предпринял новую попытку издавать журнал, полностью посвященный России. Журнал носил название «Janus oder Russische Papiere», выходил в Риге и прекратился на первой же тетради.

Тем не менее, в единственном томе журнала (150 страниц текста) был помещен довольно разнообразный материал, по-видимому, почти целиком принадлежащий перу самого издателя. Открывался журнал любопытным обзором архитектуры Москвы — «Wanderungen in Moskwa. № 1. Architektur» (S. 1—12), где в центре внимания творчество отдельных зодчих. Статья завершается подробной биографией В. И. Баженова с описанием его неосуществленного проекта Кремлевского дворца. Как бы приложением к этой работе служит следующая статья — «Beilage. Der Kreml» (S. 13—19), представляющая собой историческое описание Кремля (вернее, описание великих князей и царей, чье правление было связано с Кремлем) в полубеллетристической форме. Статья позаимствована из журнала Ф.-Х. Е. Рейнгарда и Я. И. де Санглена «Аврора».

За этим следует очень подробный и содержательный обзор истории печатного дела в России с XVI по конец XVIII в. — «Ueber die Einführung und den Fortgang der Buchdruckerkunst in Rußland» (S. 20—40; «О введении и развитии книжного печатного искусства в России»). При этом в большом — почти две страницы — подстрочном примечании автор останавливается и на русском рукописном наследстве, на спорах вокруг него. Сравнительно подробно описаны деятельность Ивана Федорова, реформа печати при Петре I и т. д. Отмечены, правда, в одной фразе, огромные заслуги Н. И. Новикова в развитии русского книжного дела. В статье приведены также данные о грузинских типографиях в России.

В следующей работе — «Kirchengesang der Russen in sechs Epochen» (S. 41—42) — намечено 6 эпох в истории церковного пения в России. При общей характеристике последней — шестой — эпохи (царствование Екатерины II) отмечаются композиторы Д. С. Бортнянский и М. С. Березовский. В основе статьи лежит русский источник: книга «Историческое рассуждение вообще о древнем христианском богослужбном пении, и особливо о пении Российской церкви, с нужными примечаниями на оное...» (первое издание — Воронеж, 1799; второе — СПб, 1804).

Наибольший интерес для нас представляет следующая работа — «Geschichte des Russischen Theaters von seinem Ursprünge an bis auf Wolkow» (S. 43—54; «История русского театра от начала до Волкова»). Это сравнительно подробная и основательная история русского театра, скомпонованная (а может быть, просто переведенная) на основе какого-то русского источника. В статье приводится предположение Елагина о том, что театральные представления у русских могли иметь место уже в X в., при Владимире, после принятия христианства. В статье ценно стремление связать историю русского театра с европейским. К собственно русскому театру, который автор ведет от театральных представлений в Киевской академии в XVII в., он обращается после краткого обзора средневекового европейского театра вообще. Остановившись затем на театре в Москве при Алексее Михайловиче, на постановке «Олоферна» (т. е. «Юдифи»), драмах Симеона Полоцкого, автор несколько подробнее повествует о гастрольях иноземных трупп в России. Но более всего внимания в статье уделено Ф. Г. Волкову и истории его театра. Этот обзор истории русского театра несравненно полнее прочих, помещенных на страницах прибавительной прессы.

Кроме того в первом томе журнала помещено еще четыре публикации по истории России¹³³, два маленьких занимательных рассказа из русской жиз-

¹³³ Nachricht über den Bau des ersten Schiffs in Rußland <...> von Hrn. Brückmann (Ausgezogen aus Joh. Struys «Reisen durch Moskovien, Persien u.»),

ни, вероятно, позаимствованных из русских журналов¹³⁴, корреспонденция из Иркутска о ценах на продукты и, наконец, «Etto Schemäkin sud (Ein Russisches Sprichwort)» (S. 147—151). Последняя публикация представляет собой объяснение известной русской поговорки о Шемякином суде в форме описания двенадцати, картинок лубка, изображающего всю процедуру Шемякина суда¹³⁵. Этот рассказ, вероятно, списан с надписей под картинками и воссоздает весь сюжет известной «Повести о Шемякином суде».

Всего на страницах журнала было опубликовано 11 материалов, посвященных России, и 10 из них подписаны астрономом 8, вероятно, принадлежавшем издателю Б. Хейдке.

6.

На страницах других прибалтийских изданий материалы по русской литературе встречаются реже.

В выходившем в 1805—1808 г. в Митаве под редакцией И. Ф. Рекке журнале «Wöchentliche Unterhaltungen für Liebhaber deutscher Lektüre in Rußland», скорее научном, нежели литературном, помещено лишь несколько материалов по русской истории и просвещению¹³⁶ плюс один перевод из русской литературы. Это стихотворение Г. Р. Державина «Бог»¹³⁷ (Gott. Ode, dem Russischen des Herrn v. Derschawin frey nachgebildet; mit Beybehaltung des Sylbenmasses im Original; 20. VIII 1806, Nr. 34, S. 126—128). Перевод сделан вполне удовлетворительно. Хотя в подзаголовке он и назван «вольным», но это не совсем верно: перевод в общем-то точный, хотя и не «буквалистский». Переводчик не стремится слово в слово передать каждый стих Державина, не изменяя ни одного образа и ни одного из них не пропуская. Наоборот, кое-что он изменяет и кое-что опускает, но ход державинских размышлений переводчик все время стремится сохранить. Перевод неплохо звучит по-немецки. Особенно важно, что переводчик сохранил размер, ритмику, строфику оригинала.

«Janus», S. 55—61; Ursprung der Preobraschenschen und Semenowschen Garde-Regimenter, ibid., S. 62—85; Auszug aus dem offiziellen Journal der ersten Gesandtschaft des Stolniks und Statthalters von Borowsk Peter Iwanowitsch Potemkin nach Spanien im Jahr 7175 (1667), ibid., S. 86—112; Auszug aus der Fortsetzung des offiziellen Journals <...> Potemkin, geführt auf seiner Reise aus Spanien zur Gesandtschaft nach Frankreich 7115 <1> (1667), ibid., S. 113—130.

¹³⁴ Russische Anekdoten, ibid., S. 136—142.

¹³⁵ О лубке «Шемякин суд» см.: Д. Ровинский, Русские народные картинки, СПб, 1900, стлб. 242—247.

¹³⁶ См., например: Hauptzüge von den Fortschritten, welche die Naturforscher Rußlands in der Kenntniß vaterländischer Naturerzeugnisse gethan haben, und von denen, welche noch zu thun übrig sind, 2. XII 1807, Nr. 48 (речь одного харьковского профессора); J. G. Buhle, Literarische Sammlungen und Institute der kaiserlichen Universität zu Moskwa, 1808, Nr. 1, 2, 13 u. 21; J. G. Buhle, Von der ältesten russischen Malerey..., 1808, Nr. Nr. 14, 15; G. Evers, Über die Quellen der Jaroslavischen Pravda, 24. II 1808, Nr. 8.

¹³⁷ Этот перевод не отмечен в наиболее полной библиографии переводов произведений Г. Р. Державина на иностранные языки Я. Грота — см.: Сочинения Державина. Издание Ак. Наук, т. IX, СПб, 1883, стр. 512—539.

Кстати, не совсем ясно, почему некоторые наши исследователи считают, что было 8 переводов оды «Бог» на немецкий язык (см., например, комментарий В. А. Запорова к книге: Г. Р. Державин, Стихотворения, Л., «Сов. писатель», 1957 [Большая серия «Библиотеки поэта»], стр. 381). Даже если брать только данные библиографии Я. Грота, то получается 9 переводов, вместе же с переложением в «Wöchentliche Unterhaltungen» — 10.

Переводчик — Б. Г. Беккер (Bernhard Gottlieb Becker, 1751—1821) — уроженец Курляндии, учился в Брауншвейге и Гёттингене, позже был пастором и пробстом в Прибалтике. В остзейских и берлинских изданиях печатались его стихи¹³⁸.

На страницах журнала «Fama für Deutsch-Rußland» (hrsg. von Anton Truhart, Riga, 1806—1807) печаталось довольно много материалов о России, причем порою очень интересных, но они почти не касались русской литературы и искусства. Это были чаще всего материалы этнографического, географического, исторического или, реже, очеркового типа¹³⁹. В журнале имелся специальный раздел «Vaterländische Notizen», в котором приводились многочисленные мелкие сообщения и корреспонденции о русской торговле, промышленности, статистике, сельском хозяйстве, мореплавании, просвещении, благотворительности, иногда просто описания замечательных происшествий или анекдотические случаи из русской жизни. Многие из этих материалов представляют собой переводы с русского, чаще всего, из русских журналов.

Наиболее сильной стороной «Fama» следует признать помещаемые на его страницах описания народов и местностей России, а также путешествия. Некоторые из этих материалов заслуживают быть особо отмеченными. В обширнейшей работе «Etwas über Sibirien und seine Einwohner (Aus dem Russischen übersetzt)» (1806, B. 2, April, S. 36—45, Mai, S. 131—135, Juni, S. 161—170; B. 3, Juli, S. 19—37; 1807, B. 1, Januar, S. 23—42; B. 2, April, S. 49—60, Mai, S. 104—114) приводились подробные сведения о Сибири и населяющих ее народах^{139a}. В «Kurze Uebersicht von Imeretien, Mingrelieu und Letschgum» (1806, B. 2, Juni, S. 171—177; B. 3, August, S. 95—102) давалось описание Грузии, выполненное в строго документированном научном стиле¹⁴⁰. Любопытны сведения в этой статье о жестоком феодальном деспотизме и страшном угнетении народа в Грузии, доведенном до предела.

В журнале была анонимно почти полностью опубликована вышедшая в 1807 г. в Лейпциге отдельным изданием интересная книга П. Б. Кампенгаузена¹⁴¹ «Bemerkungen über Rußland...» — см. «Blicke auf einige südliche Gegenden unsers Reichs» (1806, B. 2, Mai, S. 91—118, Juni, S. 186—211; B. 3, Juli, S. 38—51, August, S. 81—95; B. 4, Oktober, S. 13—20) и «Fragmente aus der Brieftasche eines Husarenofficiers, gesammelt in letzten Türkenkriege» (1806, B. 4, November, S. 71—100; Dezember, S. 166—198; 1807, B. 3, Juli, S. 31—58, August, S. 93—130, September, S. 170—198; B. 4, Oktober, S. 1—26). Это очень подробное и добротное, выполненное в художественной манере тогдашних «путешествий» описание поездки автора из Петербурга в южные губернии России и далее по Молдавии, с обширными историческими экскурсами, с массой всякого рода сведений, почерпнутых из печатных или устных источников. Подробно описываются не только достопримечательности и природа тех местностей, которые проезжает автор, но и быт, нравы, обычаи, род жизни и занятий народа, его культура в широком смысле слова. В общем,

¹³⁸ О Беккере см.: Recke. Napiersky, I, 84; Nachträge, I, 39.

¹³⁹ Из последних заслуживают быть отмеченными: Edles Betragen einer Kaufmannsfrau Sworykina in Murom (Aus dem Russischen übersetzt), 1806, B. 1, März, S. 216—220; Die russischen Helden auf dem Kaukasus unter Alexanders I. Regierung (Aus dem Russischen übersetzt), 1806, B. 2, April, S. 46—51.

^{139a} Это перевод работы «Нечто о Сибири и народах в ней обитающих», «С.-Петербургский журнал», 1806, №№ 2—8.

¹⁴⁰ Это неполный перевод статьи «Краткое обозрение Имеретии, Мингрии и Летгума», «С.-Петербургский журнал», 1806, № 1.

¹⁴¹ Об интересной личности автора, человека с экзотической судьбой, хорошего знакомого Вольтера, см.: Recke. Napiersky, I, 329—330; Nachträge, I, 127; H. Campenhausen, Freiherr Pierce Balthasar von Campenhausen. Als Manuskript für die Familienglieder gedruckt, Riga, 1910.

по богатству приводимых фактов и по форме произведение П. Б. Кампена-гауэна напоминает «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина.

Особенно любопытно в этом «путешествии» описание жизни белоруссов, их нищеты, отсталости, нравов, языка, даже социальных прослоек среди крестьянства. Приводится также много сведений об украинцах и молдаванах.

Русской словесности и искусству посвящена в журнале лишь одна статья — «Etwas über die Sprache, Musik, Tänze und einige Gewohnheiten der Russen» (1807, B. 2, Juni, S. 201—216; B. 3, Juli, S. 1—17; «Нечто о языке, музыке, танцах и некоторых обычаях русских»). Эта большая и интересная статья анонимна; насколько она оригинальна, сказать трудно; в значительной мере это, видимо, компиляция из русских источников.

Статья начинается с рассуждений о русском языке, который находится в небрежении в Остзейском крае, хотя, по мысли автора, должен был бы быть здесь основным языком населения. Рассмотрев связи русского языка со славянским (отношения между ними можно выразить схемой «дочь — мать») и вопрос о влиянии на последний греческого (посредством перевода церковных книг), автор переходит к отличительным свойствам собственно русского языка. Из них он выделяет лаконичность и богатство лексики. Посредством русского языка можно выразить тончайшие оттенки мысли. Он превосходит все окружающие языки многочисленностью идиом, благодаря чему на нем в переводе может быть воссоздано любое выражение из другого языка. Богатство русского языка особенно выделяется на фоне бедности французского. После итальянского вряд ли можно найти другой язык, столь музыкальный и мелодичный, как русский. Вкратце говорится о иноязычных, в частности татарских и французских, заимствованиях в русском языке.

Вслед за этим автор обращается к характеристике украинцев и белоруссов, их отличия от русских. Различия в характере белорусса сравнительно с великоруссом или украинцем столь разительны, что можно подумать, будто они различного происхождения. Жизнерадостный дух, нравы, мягкий язык, танцы и музыка украинцев в свою очередь очень рознятся от серьезности и все выдерживающего прилежания русских. Автор отмечает далее угнетенное, приниженное положение белоруссов, в которых польские паны истребили национальный дух и силы, низвели их до положения равнодушных ко всему рабов. Даже веселье белоруссов грустное, а их немногочисленные песни напоминают невыносимый вой. Совсем иное — украинцы. У них нежный характер, они неизменные весельчаки, склонные к любви и вину. Их песни — а их они напевают при всякой работе — жизнерадостны, веселы и полны пленительных картин.

Возникновение искусств в России автор связывает с княжением Ивана Васильевича, любившего науки и искусства. Далее в статье идет характеристика русской музыки, при этом отмечается, что русские обладают отличным музыкальным слухом. В глубин Великороссии среди крестьян еще держатся старинные русские напевы, и имена Дидо и Ладо, славянских Венеры и Купидона, слышатся каждый вечер, когда крестьяне возвращаются с работы. Любимейшая песня этого рода: «А мы просо сеяли, сеяли/ О Дид-Ладо сеяли, сеяли!» Русские любят музыку и сопровождают песней работу. Крестьянин в песне описывает красоты родной природы, сравнивает свою любовь с огнем. В качестве образца дается в оригинале и в переводе песня «Куда ветер не повеет/ Туда лист не клонет».

К княжению Ивана Васильевича относятся и первые следы исторических песен. Продолжением этой традиции являются и ныне очень распространенные солдатские песни. Известнейшие песни этого рода посвящены завоеванию Казани; Петру I и Полтавской битве.

Новейшие русские музыкальные сочинения уже выполнены согласно высшим законам искусства, среди них автор выделяет «Разлад» Хандошкина.

Автор статьи останавливается и на стилистике русской песни, отмечая широкое применение в них сравнений и эпитетов, без которых никогда не

обходится даже главный предмет песни, нередко обозначаемый к тому же через особые имена, вроде «голубь», «лебедь», «соколёнок» и т. д.

Вслед за тем автор устанавливает связь песен с русскими народными обрядами и обычаями и в этом плане подробно рассматривает подблюдные, рождественские и новогодние песни, игры и гаданья. Они сопоставляются с обрядами и обычаями других славян и даже древних римлян — автор находит в них много общего. Опять же автор не ограничивается общими рассуждениями, а приводит и конкретные образцы песен «Пал, пал персты/ В калину, в малину...», «Гори, гори ясно...».

Далее в статье очень подробно рассказывается о танцах русских и украинцев (хоровод, голубец, козачок, камаринский и др.) опять же в связи с народными обрядами (в частности, со свадебным) и в сопоставлении с танцами других славянских народов и римлян. Дается общая характеристика русских музыкальных инструментов. О разносторонности обзора говорит тот факт, что автор затрагивает и вопрос о церковном пении, и об оркестрах рожковых инструментов (Потемкина, Нарышкина и др.), и т. д.

Если автор с интересом и даже со знанием дела описывает всевозможные народные обряды и обычаи русских (Коляды, обычай пускать белых кур поклевать зерно в комнате под новый год и др.), их игры и развлечения, то к фольклору у автора отношение в духе просветительских представлений XVIII в., по-видимому, отрицательное. Из всех разновидностей словесного фольклора он останавливается только на сказках, но тут же добавляет, что они хотя и забавны, но большей частью скучны, неправдоподобны и только усыпляют.

Заключительный раздел статьи посвящен русской литературе. Обзор ее развития начинается с эпохи царя Алексея Михайловича, с имен любительницы и покровительницы изящных искусств царевны Софии, а также Симеона Полоцкого (Pelezky), Медведева и Дмитрия Ростовского. Остановившись затем на церковном красноречии в лице Стефана Яворского, архиепископа Платона и Феофана Прокоповича, автор статьи далее замечает, что имена Ломоносова и Сумарокова слишком известны, чтобы о них стоило бы говорить здесь подробнее, на их произведениях отчетливо лежит отпечаток гениальности. Далее в статье просто перечисляются отдельные писатели XVIII в., в их числе Херасков, Майков. Но более подробно автор почему-то останавливается на творчестве генерала П. С. Потемкина, воспевшего битву при Чесме, и поэта Несвицкого, не отличающегося особой целомудренностью. В заключение отмечаются заслуги Карамзина и его «Письма русского путешественника». Автор, впрочем, тут же оговаривается, что краткость статьи не позволяет ему назвать многих, чье перо обогатило русскую литературу.

Если статья в целом производит отрадное впечатление полнотой и, в значительной мере, верностью приводимых данных, то обзор русской литературы, конечно, весьма странен: много говорится о таком незначительном поэте, как Несвицкий, очень мало о Карамзине и Хераскове и ничего о Фонвизине, Державине и др. Но с такого рода странностями в освещении прошлого русской литературы вообще нередко приходится встречаться на страницах иноязычных изданий, что связано со многими чаще объективными, а иногда и субъективными причинами. Одна из них — отсутствие в ту пору сколько-нибудь полноценных обзоров истории русской литературы и на русском языке.

В отношении русских материалов к «Fama» близок и журнал «Ruthenia»,¹⁴² выходивший в 1807—1811 г. в Петербурге и Митаве под редакцией Ф. Э. Шрёдера и Ф. Б. Альберса (в 1811 г. в Риге с несколько измененным подзаголовком под редакцией Ф. Б. Альберса и Ф. Х. Броссе). На страни-

¹⁴² Журнал был продолжением издания «St. Petersburgische Monats-schrift zur Unterhaltung und Belehrung», выходившего в 1805—1806 гг. в Петербурге, отсюда и его полное название: «Ruthenia, oder: Dritter (в дальнейшем: Vierter, Fünfter, Sechster) Jahrgang der St. Petersburgischen Monats-schrifts».

цах «Ruthenia» публиковались и художественные произведения, но профиль журнала был все же, скорее, научным. Облик журнала был типично прибалтийский, среди авторов преобладали остзейцы.

Материалов о России в журнале было немного. За неполных 5 лет его существования мы насчитали всего лишь с десяток публикаций по русской истории¹⁴³ и примерно столько же прочих материалов о России.¹⁴⁴ Хотя один из редакторов журнала, Ф. Э. Шрёдер, жил в Петербурге и регулярно информировал читателей о событиях столичной театральной жизни, но в его обзорных статьях обычно речь шла о немецком театре. Лишь в четырех его обзорах можно найти краткие сведения и о русской сцене¹⁴⁵. Впрочем, справедливости ради, надо отметить, что Шрёдер в них неизменно выступал против французского влияния в русском театре за национальный самобытный репертуар. Ф. Э. Шрёдер был автором и единственного весьма критичного обзора академической художественной выставки 1806 г. («Kunstaussstellung in St. Petersburg, im Sommer 1806», 1807, B. 1, Januar, S. 70—74), содержащего и краткий очерк истории Академии Художеств.

На страницах «Ruthenia» было опубликовано три перевода из «Московского журнала» Н. М. Карамзина, незадолго перед тем вышедшего вторым изданием. Это идиллия «Палемон и Дафнис» (Palämon und Daphis. Idyll. Nach dem Russischen des Herrn von Karamsin, 1807, B. 3, Oktober, S. 151—157), старинная сказка «Прекрасная царевна и счастливой карла» (Die schöne Königstochter und der Zwerg. Eine altfränkische Erzählung oder neumodige Karrikatur. Nach dem Russischen des Herrn von Karamsin, 1807, B. 3, November, S. 172—192) и «Райская птичка» (Der Paradiesvogel. Nach dem Russischen des Herrn von Karamsin, 1807, B. 3, Dezember, S. 319—320). Все эти довольно

¹⁴³ Из этих публикаций наиболее интересны: Fr. E. Schröder, Die Befreyung Moskwes und ganz Rußlands von der polnischen Herrschaft. Im Jahre 1612, «Ruthenia», 1807, B. 1, März, S. 202—215; <Schröder> Einige Briefe der Kaiserin Katharina der Zweyten, ibid., 1808, B. 2, Juli, S. 203—213 (перевод с русского); — i, Die Entstehung Groß-Novgorods. Aus dem Russischen, ibid., 1808, B. 3, September, S. 67—70; Friedrich Schmidt, Auszüge aus dem russischen Museum, ibid., 1809, B. 2, Mai, S. 70—74, B. 3, Oktober, S. 115—121; 1811, B. 1, April, S. 309—314 (пересказ книги «Историческое описание древнего Российского музея под названием мастерской и Оружейной Палаты в Москве обретающегося», ч. I, М., 1807, где параллельно с описанием музейных экспонатов дается и краткий очерк истории России); <Bergmann>, Iwan Maseppa. Frey nach Golikow bearbeitet, ibid., 1808, B. 3, Oktober, S. 117—136; 1809, B. 1, Januar, S. 22—48, Februar, S. 169—182; несколько «анекдотов» из жизни Петра I и т. д.

На страницах журнала были напечатаны и две оригинальных драмы в стихах А. Тиме (A. Thieme) из русской истории — «Рюрик» и «Петр I при Полтаве».

¹⁴⁴ Среди них описание путешествия Реймерса из Петербурга в Архангельск и архангелогородцев (1807, B. 2, Juni, S. 121—138; 1808, B. 3, November, S. 259—279), небольшой очерк жизни казахов (Auszug eines Schreibens aus Tobolsk, 1808, B. 1, Januar, S. 80—83).

¹⁴⁵ См. <Schröder>, St. Petersburgische Bühnen im Januar 1807, «Ruthenia», 1807, B. 1, März, S. 228—231 (о постановке «Ильи-богатыря» И. А. Крылова); Vorstellungen der russischen Bühne zu St. Petersburg, ibid., 1808, B. 3, September, S. 73—77 (о постановках «Двух гренадеров» и «Принца-трубача», переделок с французского); St. Petersburger Bühnen, ibid., 1810, B. 3, Oktober, S. 144—145 (постановки «Мельника» А. О. Аблесимова и «Сбитенщика» Я. Б. Княжнина; далее следует краткий обзор репертуара русского театра вообще, где перечисляются и пьесы Н. И. Ильина, В. А. Озерова, В. М. Федорова и П. А. Плавильщикова); M. U., St. Petersburger Bühnen, ibid., 1811, B. 2, Mai, S. 73—75.

точные переводы принадлежат некоему доктору Видебургу (Dr. Wiedeburg) из Вильно¹⁴⁶.

Но самой важной публикацией в журнале в интересующем нас плане была огромная анонимная статья «Das russische Theater» (1808, B. 1, April, S. 329—334; B. 2, Mai, S. 61—79, Juni, S. 152—160, August, S. 311—317; последняя под несколько измененным названием «Russisches Theater in St. Petersburg»). Это очень основательный обзор современного состояния русского театра и, в первую очередь, его репертуара, написанный на основе личных наблюдений автора за русской петербургской сценой.

Россию за ее пределами знают очень мало и плохо, — начинает автор свой обзор. Сведения о ней в иностранной печати поверхностны или даже дают искаженную картину действительности. Это относится и к театру. Русский театр, быть может, к его счастью, относится к числу наименее известных за рубежом русских достопримечательностей. Иностранцы обычно не знают русского языка и поэтому не могут оценить русский театр. К тому же они, как правило, заражены предрассудками своей нации и смотрят на русскую сцену сквозь призму своих представлений. Русские же пишут о своем театре очень мало и, если и пишут, то слишком пристрастно. Между тем русский театр в высшей мере заслуживает того, чтобы с ним познакомиться. Он имеет и объективную ценность, и национальное своеобразие, которое должно быть интересно для каждого. У русских, относимых автором статьи к «греческо-азиатско-европейскому славянизму» (противоположность «римско-европейскому кельтизму»), своя особая форма цивилизации, не сливающаяся с прочими, свое особое развитие культуры. Правда, исконно-славянские формы ныне лучше проявляются в низших классах, но они все же видны и во внутреннем облике высших сословий, хотя внешний вид последних и европеизирован. Автор обещает рассмотреть в своей работе проявления этого национально-специфического начала в русском театре.

Вначале он останавливается на «статистике» русского театра. В России две постоянные театральные труппы — в Петербурге и Москве. Кроме того имеется много крепостных театров в провинции и имениях отдельных помещиков. Автор видел многие из них, и они оправдали его надежды. Это еще раз говорит о том, что русским, даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, свойственен талант к искусству, устремленность к вершинам культуры. Разница между столичными и провинциальными театрами при этом даже не настолько велика, как между стационарными и странствующими труппами в других европейских странах. Жаль только, что крепостные труппы не всегда удается видеть.

Далее в статье подробно рассматривается положение в казенных театрах, в котором автор находит свои плюсы и минусы: конкуренция талантов здесь затруднена, но зато выигрывает ансамбль, порядок, техническая сторона спектакля. Все же русскому театру приходится бороться со многими трудностями: плохая школа, отсутствие хорошей критики, недостаточно высокий уровень публики и ее требований, подражание всему французскому, господствующее в обществе. Между тем, если русский драматический театр и уступает французскому, то, например, балет может смело с ним соревноваться. Вообще русские балерины исключительно талантливы и могут дать фору любой французской. Зато в русском драматическом театре актеры выше актрис, хотя и последние очень сильны в исполнении «страстных», героических и комических национальных ролей.

Далее автор статьи переходит к подробному и очень критическому рассмотрению репертуара театра — русской драматургии по жанрам. Начинает

¹⁴⁶ Никаких сведений о нем найти не удалось. Не был ли это тот же самый Dr. J. Th. Wideburg, который перевел в 1815 г. на немецкий язык трагедию В. А. Озерова «Дмитрий Донской», поставленную и на немецкой сцене?

он с *Spektakelstücke* ¹⁴⁷. Наиболее ходкая из них в русском репертуаре — переделка «*Donauweibchen*» — «Днепровская русалка», мало удачная в плане драматургическом, которую спасает на сцене лишь высокий технический уровень ее постановок. Вторая подобная пьеса — «Илья-богатырь» <И. А. Крылова>. Ни одна нация не имеет сказаний с таким богатством содержания и со столь интересным стилем, как русская. Но пьеса «Илья-богатырь», тем не менее, неудачна — она подражание манере «*Donauweibchen*». Также плохо скроена, полна несообразностей и опера «Князь-Невидимка» <Е. Лифанова>, которую тоже спасает только прекрасный «фасад», техническая сторона постановки.

Более подробно автор останавливается на «Фингале» В. А. Озерова — трагедии, как он пишет, отделанной под «*Spektakelstück*» ¹⁴⁸, — обычное следствие отсутствия гениальности. Впрочем, отдельные хорошие стихи, как будто, доказывают обратное ¹⁴⁹. Сюжет взят из стихов Оссиана, между тем он с равным успехом мог бы быть разыгран как на родине Фингала, так и в Лабрадоре, на Камчатке или в Патагонии. Одежда, имена и некоторые обычаи все же не могут быть единственным, что определяет отнесение действия в Мексику или Париж. Хотелось бы, чтоб общечеловеческие явления и характеры были бы показаны в каком-либо конкретном национальном одеянии. Последнее преимущественно состоит в национально-модифицированном образе мыслей, мирозерцании и страсти. За этим автор следил слишком мало. Он подражает французам, у которых обычно султан говорит как французский король, дикарь как необразованный парижанин. Неожиданная развязка не заменяет недостатка жизни и действия в этом произведении. В спектакле костюмы актеров были исторически верны, но, нужно сказать, слишком верны, чтобы нравиться. Точная копия в данном случае тогда заслуживает похвалы, когда мы хотим дать вообще точный портрет прошедшего века. Но в подобных произведениях, особенно, когда их действие относится к давно прошедшим временам, надо идеализировать.

Эту оценку «Фингала» нельзя не признать довольно тонкой и прямо предваряющей позднейшие замечания А. Ф. Мерзлякова и других критиков конца 1810-х—1820-х годов. Требование исторического правдоподобия и национального колорита в отзыве высказано, правда, не с позиций реалистического, а с точки зрения романтического искусства (показателен в этой связи одновременный призыв «идеализировать»). Но все-таки не случайно, что замечания позднейших исследователей в значительной степени совпадают с высказанными критиком «*Ruthenia*». Последние стоят несравненно выше тех претензий, которые предъявлялись к пьесе с классицистической точки зрения современными ей русскими рецензентами ¹⁵⁰, и сводятся к требованиям «*couleur locale*».

Далее следуют общие замечания о русской опере. Русские певцы, как

¹⁴⁷ Мы затрудняемся перевести этот термин на русский язык. В старом немецком словаре он объяснен, как «*Bühnenwerke mit Lärm, Kampf und Mord*» — «Драматические произведения с шумом, борьбой и убийством».

¹⁴⁸ Впоследствии А. Ф. Мерзляков в своей известной критике «Фингала» («Вестник Еропы», 1817, ч. XCIII, № 9) также найдет, что это, собственно, не трагедия, ибо в ней нет ни подлинно трагических страстей, ни трагического действия.

¹⁴⁹ А. Ф. Мерзляков успех «Фингала» также был склонен в значительной мере объяснять легкостью, высоким качеством стихов Озерова (цит. соч., стр. 46). Впрочем, это еще ранее отметили наиболее прозорливые современники, как, напр., С. П. Жихарев, который писал, что в «Фингале» актеры «прекрасно читали прекрасные идиллические стихи» и только этим и обворожили публику (см. С. П. Жихарев, Записки современника, М.-Л., Изд. АН СССР, 1955, стр. 493).

¹⁵⁰ См., например: Н. И. Бутырский, Разбор трагедии «Фингала», сочиненной г. Озеровым..., «Лицей», 1806, ч. II, № 1, стр. 43—69.

считает автор, стоят на среднем уровне, при этом среди солистов есть многие выше этого уровня, а солистки, наоборот, в большинстве ниже его. В целом уровень русской оперы не так уж и низок, но русский драматический театр всё же более развит.

Особенно высоко автор оценивает русский балет. В статье перечисляются основные балетные силы петербургской сцены и балеты, на ней поставленные. Более подробно восторженная характеристика Е. И. Колосовой.

Третий рассматриваемый в статье жанр — комические национальные пьесы (*Komische Nationalstücke*), под которыми автор понимает тип представлений, ограничивающийся изображением образа жизни низшего класса или, реже, народной карикатурой на высший. Этот тип особенно свойственен русскому театру. Последнее обстоятельство автор связывает с тем, что нигде различие между высшим и низшим состояниями не столь разительно, как в России. Во всей остальной Европе светские обычаи основываются на народных, являются лишь искусственно взращенными цветами из одних и тех же корней. Не так здесь. Народные обычаи, остатки древних эпох оставили лишь слабые следы в образованных сословиях. Поэтому при изображении исконно-национальных форм неминуемо обращение к жизни низших классов, что не обязательно у других наций. В силу этого комические народные пьесы, которые не следует смешивать с фарсом, до сих пор являются неисчерпаемым источником удовольствия для всех состояний и самой совершенной разновидностью драматических произведений на русской сцене. Даже для иностранца, плохо знакомого язык и обычаи страны, они представляют большой интерес. Известнейшие произведения этого рода «Недоросль» (*Das Mottersöhnchen*), «Мельник» <А. О. Аблесимова>, «Мельник и сбтенщик» <П. А. Плавильщикова>, «Почтовая станция» (?«*Poststation*») и другие. Некоторые из них относятся к более ранней эпохе, и это единственное, что сохранилось от поры галломании. Произведения Сумарокова больше не пользуются успехом. Впрочем, золотое время русской литературы еще не наступило, оно ещё придет — и утренняя заря её уже видна.

К следующему разделу — «*Rührende Nationalstücke*» (буквально: «Трогательные национальные произведения», т. е. «слезная драма») — относятся многие из тех пьес, которые перечислены в предыдущем разделе. В них нередко можно найти примесь немецкой драмы. Лучший образец этого рода — «Рекрутский набор» Н. И. Ильина.

Далее — «*Weltstücke*» — под этим названием автор понимает те легкие творения комического рода в новом французском стиле из жизни светского общества, которые доставляют приятнейшее удовольствие своей краткостью, отделкой, простотой и «пенящейся сущностью», но которые в то же время, если они идут слишком часто, возбуждают потребность в более крепкой пище. Русский театр беден произведениями этого рода. Из них самая замечательная — «Модная лавка» <И. А. Крылова>. Автор подвергает ее подробнейшему разбору, однако в целом произведение его мало удовлетворяет. Действие, правда, богато комикой и частью оригинальными сценами, «солью» в изложении мыслей. Ход действия живой, отдельные картины очень жизненны, подлинны и даже сильно представлены. Но в сюжете пьесы автор статьи находит немало несурзностей. В ходе действия, в отдельных ситуациях, в завязке и развязке много невероятностей, много такого, что не вытекает из логики событий, не соответствует действительности. В образе Сумбурова, который вообще изображен Крыловым правдиво и метко, автор статьи замечает противоречие между живым типом и резонером.

Однако более всего автора статьи не устраивает основная идея пьесы, которую он видит в отрицании Крыловым всего иноземного. Так могут представлять дело только закосневшие в старорусицизме люди. Национальное достоинство и сила зависят не от старых обычаев и изоляции. Чтобы оставаться самостоятельной нацией, совсем не надо быть позади всей Европы. Надо брать в этом смысле пример у англичан. Автор статьи даже считает, что критика «модных лавок» иностранцев у Крылова переходит вообще в надсмехательство

над иноземными негодяями и промышленниками. А это противоречит «всем здравым понятиям народной экономики» и «необходимости роскоши в многочисленных государствах». Во всех этих рассуждениях, конечно, явно сказывается несколько пристрастный взгляд иностранца на русскую литературу.

И все же «Модная лавка» — одна из удачей русских пьес, которая вызывает постоянный интерес публики.

Жанры высокой комедии (*Große Komödie*) и оперы (*Große Oper*) еще недостаточно разработаны в русской литературе.

Переводные «*Schauspiele*», драмы в немецком вкусе, получили настолько широкое распространение, что затмили оригинальные. Но все же можно отметить две оригинальные пьесы такого рода под одним и тем же названием «Лиза» <Н. И. Ильина и В. М. Федорова>, о которых автор обещает позже поговорить особо.

Старых трагедий в завзято-французском стиле в русской литературе много, чего нельзя сказать о новых. Из последних можно отметить лишь «Дмитрия Донского» Озерова. Автор статьи приветствует замысел трагедии, то, что содержание ее взято из русской истории. Однако, как и в случае с «Фингалом», в целом пьеса совершенно не удовлетворяет его.

Произведение дано в плохой французской манере, которую порицал уже Вольтер. Его с трудом можно назвать трагедией. В нем мало действия, персонажи лишь говорят, вернее, кричат по четверти часу. Произведение это — странное соединение героиды и элегии, при чем каждая из этих частей столь растянута (ибо каждая мысль многократно повторяется в разных словесных одеяниях), что в сознании зрителей от них ничего не остается. Сюжет в целом, даже бурные страсти персонажей, от этого многословия кажутся холодными, их согревает только отличный стих. Нужно большое мужество и терпение, чтобы выдержать от начала до конца самоописание страстей героев. Зато стих, плавно льющийся, сильный, содержит в себе много нового и прекрасного.

Особенно странным представляется, что Озеров, оставив в тени великие исторические события, выдвинул на первый план любовь, сведя даже завязку пьесы к ревности князя. Да и сама по себе поставленная в центр пьесы любовь вызывает ряд возражений. Перед битвой, где решается судьба нации и государства, не может быть столь бурной и всепроникающей любви, разве только у глупцов; у каждого же разумного мужчины она отходит на второй план.

Коробят бесконечные ссоры между русскими князьями, их взаимные поношения. Дмитрий Донской в этих дрязгах предстает перед нами не как великий человек, а как грубый эгоистический князь, лишь скрывающий свой подлинный характер за длинными тирадами о патриотизме, которые к тому же оказываются не совсем к месту. Эти длинные как версты патристические тирады, прерывающие любовные излияния князя, часто превращаются в пустую декламацию. Не удивительно, что князья больше боятся Дмитрия, чем татар. Остается только удивляться, что они сражаются вместе с ним.

Много странного находит автор статьи и в поведении Ксении, тоже бросающейся от любви к патриотизму, выражающемуся в громких, страстных, полунеистовых восторгах.

Что касается хода действия пьесы, то оно в равной мере неудачно: герои появляются некстати, завязка не подготовлена и в финале слишком много разговоров и слишком мало действия.

Представление пьесы на петербургской сцене в целом было удачным. Но автора коробит напыщенная торжественность и «неистовство», которые распространены на русской сцене, как некогда (а частично и сейчас) на немецкой. Актер кричит, насколько ему позволяет рот, — иронически замечает автор. Яковлев — отличный актер, он очень сильно сыграл роль Дмитрия, но опять же слишком «неистовствовал». О Семёновой следовало бы поговорить особо — она много обещает, у ней большой, очень большой трагический талант. Но и в ее игре много мелодраматизма, все той же напыщенной неистовости,

к тому же и её дикция, манера говорить оставляют желать лучшего. Но это простиительно — актриса ещё молода. Если она избавится от этих недостатков, то станет гордостью русской сцены.

Опять же следует заметить, что на фоне всеобщих восторгов русских современников «Дмитрием Донским» критические замечания автора статьи в «Ruthenia» стоят особняком и предвосхищают будущие оценки трагедии Озерова. Критики 1810—1820-х гг. (даже очень благоволивший к Озерову П. А. Вяземский) выскажут точно такие же упреки в адрес драматурга.

Последний раздел репертуара — переводы. Их много; ни один театр мира не обогащал себя столь старательно переводами, как русский. К сожалению, русские не всегда обращались к лучшим образцам мировой драматургии, а нередко к средним или даже худшим. Из Шекспира имеются лишь отдельные переводы, очень мало переложений великих мастеров французской драматургии и вовсе ничего нет из немецких. Переводилось много пьес Коцебу и Цшюкке, но ничего из Ифлянда, Шиллера или Лессинга.¹⁵¹ Ныне переводчики большей частью ограничиваются мелкими французскими пьесками, которые они приспособляют к русским нравам, хотя те плохо подходят к русской обстановке, чужды ей.

В заключение следуют общие замечания о русском театре. Вновь автор останавливается на последствиях отсутствия театральной критики в России. Не менее неблагоприятно сказывается на развитии литературы и особый взгляд на писателей, установившийся в России. Одна часть смотрит на писателей, как на сбившихся с пути истины людей, а на их творения, как на игрушки, недостойные большого внимания, — ведь писательство не ведёт ни к деньгам, ни к чинам! Другая часть публики предпочитает родной литературе французскую, как более развитую. Третья, наоборот, в своей пристрастной любви ко всему национальному идет слишком далеко и охотно объявляет гением всякого даровитого писателя, чем только «портит» его. Против всех этих бед истинные любители литературы бессильны. К тому же государственная и прочая деятельность нередко отвлекает писателей в России от литературы. Поднявшись в обществе на высшую ступень, они уже с опаской смотрят на писательскую деятельность.

Следствием всех этих бед является малая оригинальность русской литературы. Только в произведениях из народной жизни мы видим самобытное начало, при этом отличное, так почему же его нет в остальных? Ведь можно учиться у французов и немцев без того, чтобы им подражать.

Конечно, в статье порою чувствуется несколько «немецкий» взгляд на русский театр. Автор не всегда справедлив к своей критике русской драматургии, не находя в ней почти ничего хорошего (впрочем, нужно учесть, что он нередко впадает в известное противоречие при рассмотрении явлений русской театральной жизни: его общие характеристики и выводы дают зачастую положительную оценку, в то время как в конкретном анализе он обычно очень суров и критичен). Однако в замечаниях автора статьи «Das russische Theater» всё же и много справедливого, много такого, что прямо предвещает отзывы русских критиков последующих поколений. Следует признать, что немецкий театр был к этому времени более развитым, нежели русский, и скрытое сопоставление с ним было не в пользу русского — это сказывается в оценках критика.

В высшей степени положительно следует оценить основную тенденцию статьи — выступление против подражательности за самобытность, национальное начало в русском театре и драматургии. Критика тех явлений, которые кажутся автору отрицательными, в статье ведётся не с точки зрения классицизма, старого театра, а с новых, по-видимому, романтических позиций,

¹⁵¹ Это неверно, но автор, впрочем, сам оговаривался в начале, что он не отвечает за полноту данных и основывается только на собственных наблюдениях за современной петербургской сценой.

порой сложным образом смыкающихся с требованиями просветительского реализма.

Кто же был автором обзора? По всей вероятности, один из редакторов журнала Ф. Шрёдер, который обычно выступал на его страницах с обзорами театральной жизни Петербурга. Идеиная направленность этих его обзоров в значительной мере совпадает с требованиями статьи «Das russische Theater».

Федор Андреевич Шрёдер (Friedrich Enoch Schröder, 1764—1824) родился в Шорсове (Мекленбург), получил воспитание в сиротском доме в Галле, там же учился на теологическом факультете в университете и в 1785 г. приехал в Лифляндию, где много лет работал домашним учителем. Затем он отправился в Петербург, где позже стал библиотекарем одновременно у великого князя Константина и в Первом кадетском корпусе, а также директором типографии в последнем. Умер в Петербурге. Автор книги «Политические рассуждения о происшествиях 1806 года» (СПб, 1807; перевод с немецкого Н. И. Греча) и путеводителя по Петербургу на немецком языке (1819). Совместно с И. Делакруа, а затем с Н. И. Гречем выпускал в свет в Петербурге в 1807—1809 гг. журнал «Гений времен», а позже совместно с Гречем «Журнал новейших путешествий» на 1809 и 1810 годы и «Европейский Музей или извлечения из иностранных журналов на 1810-й год». В 1812—1814 гг. Шрёдер издавал журнал «Der Patriot. Eine historisch-politische Zeitschrift» (St. Petersburg).¹⁵²

7.

В известном периодическом издании Г. Меркеля «Zuschauer», начавшем выходить с 1807 г. в Риге, в первые годы его существования материалов по русской литературе не было. Это связано не с принципиальными установками издателя, а в первую очередь, с тем, что «Zuschauer» по своему профилю был политической газетой. Поначалу даже появление в 1810 г. специального литературного приложения к изданию — «Literarische Beilage zum Zuschauer» (42 номера) — не изменило положения. На его страницах иногда встречаются информационные материалы о русской науке и просвещении, но литературных сообщений из России нет.

В 1811—1812 гг. Г. Меркель издавал новое, фактически самостоятельное приложение к своей газете под названием «Zeitung für Literatur und Kunst». Уже в первый год его существования на страницах «Zeitung für Literatur und Kunst», обычно в разделе «Vermischte Aufsätze und Nachrichten», стали время от времени появляться информации о русской литературной жизни. В частности, систематически освещалась деятельность «Беседы любителей русского слова»¹⁵³.

В 1812 же году «Zeitung für Literatur und Kunst» стала единственным в своем роде за всю историю остзейской прессы информатором в области русской литературы. Правда, переводы художественных произведений русских авторов на ее страницах отсутствовали. Но зато публиковалось очень много материалов о русской словесности, русской журналистике, русской культурной жизни — в форме корреспонденций, сообщений, обзоров, перепечаток из русской печати, переводов отдельных статей из её органов и т. д. Можно сказать, что все сколько-нибудь примечательные явления текущей русской литературной жизни нашли отражение на страницах издания.

Особенно разнообразный и хорошо преподанный материал печатался в специальных разделах «Vermischte Aufsätze und Nachrichten» и «Notizen über das Neueste in der Russischen Literatur» (или просто «Notizen über die Russische Literatur»). Здесь регулярно публиковались сообщения о деятельности русских литературных и научных обществ, в особенности «Беседы»,

¹⁵² О Ф. Шрёдере см.: Recke. Napiersky, IV, 123—124.

¹⁵³ См. «Zeitung für Literatur und Kunst», 25. III 1811, Nr. 12, S. 46; 15. IV 1811, Nr. 15, S. 58, 10. VI 1811, Nr. 23, S. 92.

«Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», Общества любителей российской словесности при Московском университете и других; информации о новых русских книгах и изданиях (в том числе о готовящейся к печати антологии русской поэзии В. А. Жуковского и сборниках русской прозы А. Ф. Воейкова), о репертуаре русского театра. Систематически печатались обзоры вновь выходящих номеров русских журналов (иногда в специальном разделе — «Aehrenlese aus russischen Journalen»¹⁵⁴). Эти обзоры не ограничивались лишь краткой аннотацией содержания отдельных журналов. Иногда в них подробно излагались наиболее интересные статьи, полностью перепечатывались отдельные мелкие рассказы и анекдоты. В подобных обзорах порою встречаются и критические замечания, которые, в свою очередь, становились известными издателям русских журналов и вызывали ответные возражения с их стороны.¹⁵⁵

Характерна в этом плане, например, рецензия Т. на первую часть «Трудов Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете» за 1812 г. («Zeitung für Literatur und Kunst», 11. V 1812, Nr. 18, S. 69—71). В ней подробно излагались 4 статьи из первого — научно-теоретического — раздела журнала: речь А. Прокоповича-Антонского при открытии Общества, обзор М. Каченовского «Взгляд на успехи российского витийства в первой половине истекшего столетия»,¹⁵⁶ «Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии» А. Ф. Мерзлякова и, наконец, статья П. Победоносцева «Заслуги Хераскова в отечественной словесности». Самой интересной и верной оказалась рецензенту программная статья А. Ф. Мерзлякова, действительно, представлявшая одно из самых интересных явлений русской критики тех лет.¹⁵⁷ В этой статье Мерзляков достаточно смело выступил против старых русских литературных авторитетов — Сумарокова и Хераскова, против подражательности. И именно эта критическая направленность статьи Мерзлякова более всего импонировала рецензенту. Он даже противопоставил работу Мерзлякова в этом плане статье П. Победоносцева — «похвальную речь без критического разбора», написанную по строгим правилам школьной риторики, где всячески восхвалялась «Россиада» Хераскова. Рецензент заметил, что ему представляется несравненно более верной критическая оценка эпопеи А. Ф. Мерзлякова.

В «Zeitung für Literatur und Kunst» было опубликовано и несколько специальных статей о русской литературе и отдельных русских писателях. Наиболее интересна из них — «Bruchstücke aus einem Briefe über die Russische Literatur (Geschrieben im Januar 1812)» (24. II 1812, Nr. 8, S. 29—30), где вначале излагался путь развития русской прозы в XVIII в. и вопрос о взаимоотношениях русского и церковнославянского языков. Однако в центре статьи другое — Карамзин и его реформа русского языка, выступление Шишкова, споры карамзинистов и шишковистов, т. е. в общем-то наиболее актуальные вопросы русского литературного процесса начала XIX в. Если обзор русской литературы XVIII в. в статье пестрит рядом странных и иногда

¹⁵⁴ Ibid., 10. II 1812, Nr. 6, S. 22—24; 17. II 1812, Nr. 7, S. 25.

¹⁵⁵ Так, например, краткое замечание рецензента в № 7 о второй книжке «Вестника Европы» за 1812 г., что в ней нет ничего достойного внимания, что, видимо, издатель в последнее время недостаточно прилежно трудится над журналом и число оригинальных статей из номера в номер уменьшается, вызвало возражение М. Каченовского («Вестник Европы», 1812, ч. LXII, № 6, стр. 139—140).

¹⁵⁶ В «Zeitung für Literatur und Kunst» эта работа начала позже печататься полностью в переводе — см. «Ein Blick auf die Fortschritte der Russischen Beredsamkeit in der ersten Hälfte des verflorenen Jahrhunderts. Von Hrn. M. Katschenowskii» (6. VII 1812, Nr. 25, S. 97—99), но перевод не был закончен в связи с прекращением издания.

¹⁵⁷ О ней см.: Н. И. Мордовченко, Русская критика первой четверти XIX века, М.-Л., Изд. АН СССР, 1959, стр. 265—269.

попросту неверных, хотя исторически и объяснимых заключений, то спор карамзинистов и шишковистов изложен в статье очень подробно и квалифицированно. Автор задает резонный вопрос — кто же прав в этом споре? — и довольно аргументированно показывает, что истина находится где-то посредине, между спорящими, ибо он находит слабости в позиции как карамзинистов, так и шишковистов. Но всё же, судя по всему, его симпатии более склоняются к первым.

Последнее, по-видимому, было основной причиной возражений против статьи со стороны М. Т. Каченовского в «Вестнике Европы» (1812, ч. LXII, № 6, стр. 139—140), который к тому же был задет критическим отзывом «*Zeitung für Literatur und Kunst*» о второй тетради журнала. Найдя, в известной мере, справедливо странности в утверждениях автора статьи в немецком издании о русской литературе XVIII в. (вроде того, что Ломоносов не умел писать слогом, приличным для разговоров и писем, или что слог Фонвизина не может быть образцом хорошей прозы), Каченовский основное острое своих возражений всё-таки направляет против того признания заслуг Карамзина, которое содержалось в статье.

Рецензент «*Zeitung für Literatur und Kunst*» не остался в долгу и ответил Каченовскому статьей «*Rechtfertigung gegen das 6-te Heft des Wästnik Ewropy*» (4. V 1812, № 17, S. 66—67), в которой он последовательно отверг все замечания московского критика и ещё более прояснил свою позицию, теперь уже прямо выступив в защиту Карамзина и приведя большое число фактов, говорящих о разделении русской литературы на два лагеря — карамзинистов и шишковистов. При этом анонимный рецензент показал хорошее знакомство с русской литературой, в особенности, с её сегодняшним днём.

В «*Zeitung für Literatur und Kunst*» была предпринята попытка дать портреты крупнейших русских писателей. Обзор жизни и творчества Н. М. Карамзина был дан в статье Т. «*Biographische Nachrichten über einige Russische Schriftsteller*» (9. III 1812, Nr. 10, S. 38), представляющей собой в своей основной части перевод из ещё ненапечатанного в те дни учебного пособия Н. И. Греча «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе, с прибавлением известий о жизни и творениях писателей, коих труды помещены при сем собрании» (СПб, 1812; издание должно было выйти в свет через несколько недель). К статье имелось дополнение «*Zusatz*» (S. 39) — перепечатка сообщения из «Северной почты» о работе Карамзина над «Историей государства Российского». В самой статье главное внимание было уделено биографии Карамзина, перечислялись его основные произведения и в заключении давалась самая общая краткая оценка его творчества.

Любопытно, что статья вызвала возражения Н. И. Греча в форме письма к редактору (N. v. Gretschn. An den Herausgeber, 13. IV 1812, Nr. 14, S. 55). Н. И. Греч отмечает, что в статье ему принадлежит только собственно биографическая часть, а всё, что касается творчества Карамзина, его значения для русской литературы, написано не им. Н. И. Греч даже не возражал бы против этих строк, он в принципе согласен с высокой оценкой творчества и заслуг Карамзина, но они искажают облик его учебника, поскольку у читателей создается представление, что в последнем содержится критика творений ныне здравствующих писателей, между тем как это совершенно недопустимо в учебных книгах.

Позже в издании появилась статья о Г. Р. Державине (Т. «*Biographische Notizen über einige Russische Schriftsteller*», 15. VI 1812, Nr. 22, S. 86—87; «*Biographie Derzhawin's*», 22. VI 1812, Nr. 23, S. 89—90). Как указывалось в подстрочном примечании, её биографическая часть взята из «Нового опыта исторического словаря о российских писателях» Евгения Болховитинова («Друг просвещения», 1806, № 3), критическое же рассмотрение произведений Державина будет дано по уже знакомой нам статье А. Ф. Мерзлякова «Рассуждение о российской словесности». Но, к сожалению, публикация ограничилась лишь очень подробной биографией Державина и перечислением всех

его основных произведений, к критическому же обзору творчество поэта Т. не успел приступить.

Кстати, этот же Т. (кто скрывается под этим криптонимом, мы, к сожалению, не знаем; известно лишь, что он жил в Петербурге) был автором почти всех статей и корреспонденций о русской литературе на страницах «*Zeitung für Literatur und Kunst*». Судя по всему, это был человек, хорошо знакомый с русской словесностью и, видимо, вращавшийся в петербургских русских литературных кругах. Ему же принадлежит сокращенный перевод исторического обозрения искусств в России А. А. Писарева (*Zur Geschichte der Künste in Rußland*, 6. IV 1812, Nr. 13, S. 50—51; 13. IV 1812, Nr. 14, S. 53—55), опубликованного незадолго перед тем в «С.-Петербургском вестнике».

К сожалению, в связи с событиями Отечественной войны 1812 г., «*Zeitung für Literatur und Kunst*» прекратила свое существование, и информация о русской культуре в «*Zuschauer*» вновь стала очень неполной. Не подлежит сомнению, что тот живой интерес к русской литературе, какой мы видим в «*Zeitung für Literatur und Kunst*», был вызван новым подъемом антинаполеоновских настроений в немецкой среде в тот момент, когда всеми осознавалось приближение войны, в которой Россия была единственной реальной силой в борьбе с французами. Интерес к русской культуре в этих условиях смыкался с надеждами немцев на Россию, как освободительницу Германии от французского ига.

На страницах журнала для дам «*Iris, ein Wochenblatt für Damen*», выходившем в 1808 г. в Риге под редакцией А. Вейрауха, был опубликован лишь один перевод с русского (точнее, с украинского) — «*Der Kosak und sein Mädchen*» (*Nach der bekannten russischen National-Melodie: Ехал козак за Дунай*)» (24. X 1808, № 43, S. 146—147)). Но зато на долю этого перевода, принадлежавшего известному немецкому поэту религиозно-сентиментального направления Х. А. Тидге (Christoph August Tiedge, 1752—1841)¹⁵⁸, выпала необычная судьба.

Х. А. Тидге сделал свое вольное переложение известной украинской народной песни «*Іхав козак за Дунай*» в Баден-Бадене с подстрочника, побужденный к этому пением своего русского слуги. В переводе он значительно изменил характер песни, приспособив ее ко вкусу городской мелкобуржуазной публики, любившей чувствительную, сентиментальную любовную лирику¹⁵⁹. Эта песня под названием «*Schöne Minka, ich muß scheiden*» вызвала небывалый резонанс в Германии и получила широчайшее распространение. Ее знали буквально все, да и до сих пор она не забыта. Немецкие критики с иронией выделяли даже особую разновидность «*Minkalieder*», написанных в подражание переводу Тидге. Современный немецкий исследователь, пытаясь разобраться в причинах, вызвавших такую невиданную популярность песни, справедливо указывает не только на ее «созвучность» господствовавшему в городской среде песенному репертуару, но и на особый интерес ко всему, что связано с русскими, с казаками, в период освободительных войн в Германии. Когда русские войска вступили в Берлин, то, как вспоминают очевидцы, мелодия песни неслась со всех окон. Немецкий текст ее вскоре стал в Германии популярной солдатской песней. Обработка Тидге вызвала к жизни две музыкальных вариации песни, созданные К. М. Вебером и Людвиг ван Бетховеном. Со временем обработка Тидге перестала восприниматься как иноземная и была включена в немецкие народные песенники.

В вышецитированной работе Э. Хексельшнейдера, основывающемся на

¹⁵⁸ О нем см.: К. Goedeke, V, 454—456.

¹⁵⁹ См. об этом: E. Hexelschneider, Die deutschen Befreiungskriege und ihr Einfluß auf die Verbreitung russischer Volksdichtung in Deutschland, «*Zeitschrift für Slawistik*», 1963, B. VIII, H. 5, S. 681—682. Приводимые ниже сведения позаимствованы из этой же статьи.

данных К. Гёдеке¹⁶⁰, первопубликацией переложения Тидге указан альманах В. Г. Беккера «*Taschenbuch zum geselligen Vergnügen*» (Leipzig, 1809). На самом деле, по-видимому, первопубликацией перевода нужно считать текст, напечатанный в рижском журнале «*Iris*» в октябре 1808 г. Можно даже предположить, каким образом стихотворение попало на страницы «*Iris*». Тидге, как известно, с 1801 г. был неразлучен с Элизой фон дер Рекке (Charlotte Elisabeth Konstantia von der Recke, geb. von Medem, 1756—1833), ставшей спутницей всей его жизни. Элиза фон дер Рекке была уроженкой Курляндии, владела там именем, всю жизнь была тесно связана с Прибалтикой и местными литературными кругами. Видная писательница, она в начале XIX в. довольно активно сотрудничала в прибалтийских периодических изданиях. Через нее и Х. А. Тидге мог установить связи с местными журналами. Кстати, некоторые его произведения посвящены Прибалтике и в силу этого он даже вошел в словарь прибалтийских писателей Рекке и Напиерского¹⁶¹.

На страницах других прибалтийских периодических изданий материалов о русской литературе почти не было¹⁶².

Изредка переводы из русской литературы появлялись на страницах весьма многочисленных в Прибалтике альманахов (в первое десятилетие XIX в. их вышло примерно два десятка). В плане нашего исследования из них интересен, пожалуй, лишь один: «*Nordischer Almanach für das Jahr 1809. Herausgegeben von F. G. Albers*» (Riga, 1808). В нем было помещено 3 перевода из Н. М. Карамзина, принадлежащих уже знакомому нам Видебургу. Это, во-первых, довольно точный перевод «Бедной Лизы» под несколько странным названием «*Die arme Marie*» (S. 73—100), вызванным тем, что имя «Лиза» почему-то не понравилось переводчику и он превратил его в «Marie». Перевод снабжен даже гравюрой, иллюстрирующей кульминационный момент повести — гибель героини. Кроме того Видебург перевел еще два стихотворения Н. М. Карамзина «Кладбище» (*Das Grab*, S. 142—143) и «Песнь мира» (*Friedenslied*, S. 177—180). Первый перевод точен, но не передает формы оригинала. Это, скорее, пересказ стихотворения в прозе, поскольку белый стих Карамзина переводчик воссоздает плохо. Второй же перевод, наоборот, сохраняет форму оригинала, но зато его «содержание» передает более или менее вольно. Возможно, что и анонимная повесть «*Die Liebeserklärung durchs Schlüsselloch. Eine Begebenheit aus dem letzten Russisch-Französischen Kriege*» (S. 109—126), действие которой разворачивается в России и персонажи большей частью русские, тоже представляет собой перевод с русского.

Подведем некоторые итоги.

Как видим, органы прибалтийской немецкой печати много сделали для ознакомления своих читателей с русской литературой. На страницах остзейских журналов появилось около 50 переводов художественных произведений русских авторов (в это число мы не включаем бытовые рассказы и очень

¹⁶⁰ См. К. Goedeke, V, 456; E. Hexelschneider, op. cit., S. 682.

¹⁶¹ Recke. Napiersky, IV, 368.

¹⁶² В литературе (Recke, Napiersky, II, 289; A. Keußler, op. cit., S. 274) встречается еще указание на то, что в 1807 г. профессор Дерптского университета И. В. Ф. Хельц издавал в Тарту журнал «*Der Russische Volksfreund, ein Blatt zur Beförderung des Gewerbfleißes, des Wohlstandes und der häuslichen Glückseligkeit der Völker des Russischen Reichs*» и что в свет вышло даже 8 его тетрадей. К сожалению, не совсем ясно, насколько верны эти сведения. В библиотеках Прибалтики и Ленинграда, как и ГДР (если судить по последнему изданию К. Гёдеке), этот журнал отсутствует. Если он действительно выходил в свет, то есть основание предполагать, что на его страницах могли быть материалы о России.

многочисленные анекдоты из русской истории, которые, собственно, рассматривались в ту пору тоже как художественные произведения), довольно много статей и заметок о русской литературе, русском театре и, реже, русском искусстве.

Особенно же велика заслуга остзейских органов печати в деле ознакомления немецких читателей с Россией вообще, с ее историей, географией, экономикой, с жизнью населяющих ее народов.

В деле пропаганды русской культуры важны также заслуги петербургских немецких органов печати, как и отдельных изданий в германской прессе. Но все-таки, если судить по тем сведениям, которые в настоящее время имеются у нас, роль прибалтийских немецких журналов более значительна. Если исключить журнал И. Рихтера «Russische Miscellen», то уже одни количественные показатели числа переводов и статей о русской литературе явно склоняют весы в пользу остзейской прессы. Напомним, что круг распространения прибалтийских журналов не ограничивался лишь Остзейским краем. Они были известны и в Германии.

Но, вместе с тем, нужно учесть, что это была заслуга отнюдь не всех органов прибалтийской печати. Нетрудно заметить, что большая часть переводов и статей о русской литературе и культуре появилось в сравнительно небольшом числе изданий, в первую очередь, в «Nordisches Archiv». В то же время в остальных остзейских журналах, газетах и альманахах материалов о России или мало или почти вовсе нет.

Пропаганда русской культуры в Прибалтике была связана с рядом трудностей, на которых мы уже останавливались выше. Здесь и не очень широкий круг местных читателей вообще (напомним, что образованные немецкие прослойки в Прибалтике составляли ничтожное меньшинство, сравнительно с большинством коренного населения), и высокомерно-пренебрежительное отношение верхушки остзейского рыцарства да частично и бюргерства ко всему русскому¹⁶³, и трудности распространения местных органов печати за пределами края. До сих пор мы преимущественно подчеркивали тот факт, что остзейские журналы были известны и в Германии. Это, конечно, верно. Но, вместе с тем, надо учесть, что эта известность не могла быть особенно широкой. Круг распространения прибалтийских журналов за пределами Остзейских губерний все-таки был довольно узок. Особые трудности здесь возникли в связи с захватом Германии Наполеоном именно в интересующий нас период. Последнее обстоятельство еще более затруднило распространение прибалтийской печати в Германии.

Среди статей о русской литературе и русском театре на страницах прибалтийской немецкой прессы есть и более, есть и менее удачные. Однако сколько-нибудь полного представления о русской литературе немецкий читатель по ним, как и по переводам, все же получить не мог. Неполнота и нередко случайность приводимых в них данных явно не давали такой возможности. Вообще следует сказать, что освещение русской литературы на страницах остзейской журналистики было несколько односторонним.

Русская литература представляла перед немецким читателем, уже знакомым с творениями Гете, Лессинга, Шиллера, с философскими спорами вокруг Канта, Фихте и Шеллинга, с эстетическими поисками братьев Шлегелей и других, в слухком «мелкотравчатом» виде. Она могла показаться ему на этом фоне даже неинтересной, не очень развитой. И дело здесь не только в реальном отставании русской литературы от немецкой: никто сейчас не будет отрицать, что Карамзин, Херасков и Державин явно проигрывают на фоне Гёте и Шиллера. В какой-то мере здесь виноват и другой фактор: неполнота сведений о русской литературе на страницах немецких остзейских журналов

¹⁶³ Впрочем, по вполне понятным причинам, оно сравнительно редко находит прямое выражение в печати, ограничиваясь сферой почти общепринятых в определенных кругах представлений, о которых все знают, но писать не принято.

и сборников, то обстоятельство, что многие интересные явления русской словесности оказались вне поля зрения немецких критиков и переводчиков. Если бы в поле зрения последних попало бы «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, комедии и прочие работы Фонвизина, если бы знакомство с Державиным не ограничивалось отдельными, при этом явно неудачно подобранными или плохо переведенными произведениями, а знакомство с Крыловым — откровенно тенденциозным отзывом о «Модной лавке», то, конечно, круг представлений немецких читателей о русской литературе был бы шире и глубже.

Однако трудно порою и упрекать за это немецких авторов. Русских обзоров истории отечественной словесности было еще мало, и они зачастую также страдали неполнотой данных.

В тех источниках, которые были ближе и доступнее немецким журналистам начала XIX в., — мы имеем в виду материалы карамзинистской прессы — также установился несколько односторонний взгляд на историю и современное состояние русской словесности. Представители карамзинской школы, всячески подчеркивая действительно огромные заслуги Карамзина, явно недооценивали роль «инакомыслящих» писателей, тех, кого нельзя было отнести к сторонникам или предшественникам нового литературного направления. Это, в свою очередь, влияло и на отбор произведений для перевода, и на отзывы немецких критиков о русской литературе. О Радищеве мы не нашли даже ни одного упоминания в прибалтийской печати. Вообще демократический лагерь русской литературы, впрочем, еще достаточно слабый, совершенно не привлек к себе внимания прибалтийских критиков и переводчиков. Напомним, в этой связи, что в известном «Пантеоне российских авторов» Н. М. Карамзина тоже отсутствовали имена Радищева и Фонвизина.

Авторы статей в прибалтийской печати нередко вынуждены были обращаться к устным источникам сведений о русской литературе, что опять же могло приводить к разным результатам. Отсюда иногда в их статьях появляются явно неверные данные или странные, с нашей точки зрения, суждения. Иногда же — к сожалению, не столь уж часто — это приводило к появлению таких сведений, которые представляют интерес даже для нас, поскольку в печатных источниках того времени мы их не найдем. Здесь еще раз можно было бы указать на любопытные сведения в «*Russischer Merkur*» о преследованиях карамзинского «Вестника Европы» московской цензурой или о слежке над Карамзиным и о доносах на него с обвинениями в якобинизме.

Вопрос об устных или рукописных источниках сведений по русской литературе остзейских критиков и публицистов чрезвычайно интересен и в то же время сложен. В рамках данного обзора ответить на него не представляется возможным. Но все же связи Фр. Шмидта и Б. Хейдеке с московскими русскими литературными кругами, при этом, по-видимому, с кругами, близкими к Карамзину, сомнению не подлежат. Точно также с этими кругами был связан и И. Рихтер, если судить по письмам Карамзина к Вольцогену. В тесном общении с петербургским литературным миром находился Ф. Шрёдер (хотя бы через Н. И. Греча, кстати, в свою очередь связанного с прибалтийской немецкой журналистикой, в частности, с меркелевской «*Zeitung für Literatur und Kunst*»), анонимный рецензент «*Zeitung für Literatur und Kunst*» T., а еще ранее в какой-то мере И. Делаacroa.

Порою при чтении статей о русской литературе на страницах прибалтийских изданий вообще создается впечатление, что они были инспирированы в карамзинских кругах. Воздействие этих кругов чувствуется и на отборе произведений для перевода, несколько одностороннем. В центре внимания остзейской журналистики оказалась карамзинская школа, о чем свидетельствует и почти два десятка переводов на немецкий язык творений Карамзина на страницах прибалтийских журналов, сборников и альманахов.

Впрочем, в этом была и своя закономерность: в тот период карамзинское направление было реально кардинальной линией развития русской литературы.

ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ К СОЧИНЕНИЯМ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Б. Ф. ЕГОРОВ

Каждый комментатор знает, насколько трудно бывает иногда отыскать источник цитаты, расшифровать намек и т. д. Чаще всего сложные разыскания завершаются успехом неожиданно, много позднее нужного срока. Есть еще другая комментаторская трудность — объемный лимит, не позволяющий иногда включать в книгу ценный материал. И в первом, и во втором случае примечания оказываются «за бортом». В настоящем сообщении предлагается четыре комментария к различным текстам Н. А. Добролюбова. Ссылки даются по «Полному собранию сочинений» Добролюбова в 9 томах, М.-Л., 1961—1964, сокращенно, с указанием тома и страницы.

1. Иронические объявления в газетах

Биографам Добролюбова хорошо известны первые деяния, предпринятые в 1856 г. для компрометации И. И. Давыдова, реакционного ученого и администратора. Вначале Добролюбов разослал редакциям некоторых газет текст объявления с просьбой его напечатать:

«В ночь с 24-го на 25-е июня сего года студенты Главного Педагогического института высекли розгами своего директора Ивана Давыдова за подлость, казнокрадство и другие наглые поступки».

Разумеется, такое объявление ни в одной газете не появилось. Тогда Добролюбов послал более завуалированный текст, и редакция «Московских ведомостей», не разгадав смысла, напечатала его в Прибавлении к № 111 от 15 сентября 1856 г.:

«Объявляется сим, что московский купец Иван Давыдов Сеченый с большою пользою на выгодных условиях принимает подряды, спросить возле 1-го Кадетского корпуса, в квартире Федора Ильина, в С.-Петербурге» (Федор Ильин — эконоинститута).

Оказывается, в московской печати были предшественники у Добролюбова, причем в тяжелые годы «мрачного семилетия». Были объявления просто озорные: «некто, занимавшийся уже приготовлением детей, желает иметь в хорошем доме уроки»¹. Но были случаи серьезные, вызвавшие переполох в правительственных кругах.

В «Московских ведомостях» от 9 мая 1850 года (№ 55) появилось объявление об обучении охотничьих собак, заканчивающееся следующими фразами: «я обучаю людей подвывать волков и так верно, что по отзыву этого зверя могу утвердить, определить число их стаи; а как в Мензелин. уезде в настоящ. время показал. много прибыл. волков с белыми лапами, похищ. prey-

¹ «Ведомости московской городской полиции», 1849, № 42, стр. 332.

муществ. достояние государств. крестьян, которые хотя и сами воют также волком, но не могут еще с точност. определить числа кочующих стай, для чего нужно время; а потому я и предлагаю желающим мое знание и услуги и покорнейше их прошу адресоваться ко мне Оренбург. губ. в г. Мензелинск, где я имею мою корреспонденцию. Корнет Я. Атуев».

Уже на следующий день III отделение разослало всюду запросы с целью обнаружения автора и расшифровки намеков: они слишком бросались в глаза, чтобы не заметить тайного смысла. Оказалось, что в Мензелинском уезде у крестьян выросли большие недоимки и туда была послана специальная комиссия для взыскания; что письмо в редакцию было отправлено не из Мензелинска, а из Елабуги, Вятской губернии; что никакой Атуев не проживал ни в Оренбургской, ни в Вятской губерниях.

Спустя два месяца напали и на след автора. Оренбургский военный губернатор В. А. Обручев сообщал шефу жандармов графу А. Ф. Орлову 20 июля, что подозрение падает на мензелинского помещика Сергея Александровича Пальчикова, который во время прошедших дворянских выборов сказал остро, сходящую с текстом; кроме того, он находится в ссоре с окружающим мензелинским начальником Товарищевым; объявление, подобное напечатанному, было послано также в «Оренбургские губернские ведомости», но губернатор не разрешил печатать.

24 октября вятский губернатор А. Серeda сообщил Л. В. Дубельту, что он окончательно установил авторство Пальчикова: он прилагал показания письмоводителя И. А. Озернова, который признался, что переписал по просьбе Пальчикова текст объявления для посылки в редакцию.

В. А. Обручев предлагал установить над Пальчиковым надзор, но III отделение почему-то не согласилось. Л. В. Дубельт 7 декабря сообщил губернатору, что не считает нужным устанавливать наблюдение.

Зато сотрудники «Московских ведомостей» за свою оплошность поплатились дорогой ценой. Начальник университетской типографии получил выговор, редактор Дмитриев арестован на три дня, корректор — на шесть. В мае редактор был уволен от должности.²

2. Чернышевский и «Северная пчела» 1862 года

Подготавливая к изданию посмертное собрание сочинений Добролюбова, Н. Г. Чернышевский не только восстанавливал не пропущенные в свое время цензурой отрывки, но иногда и исключал некоторые места. Так, например, в тексте «Современника» в ответе Добролюбова на критику А. Д. Галахова по поводу статьи «Собеседник любителей русского слова» содержалась следующая полемика:

«Г. Галахов прежде всего выбрал из статьи г. Лайбова по несколько строк, с шести страниц, оставивши в стороне связь мыслей и все, чем они доказываются (метод, за употребление которого всегда хвалили «Отечественные записки» добросовестных своих оппонентов «Северной пчелы»)»³.

Чернышевский перепечатал текст, изъяв фразу, заключенную в скобки⁴. У нас нет никаких данных, свидетельствующих о подобном волеизъявлении Добролюбова. Напрашивается вывод, что Чернышевский в начале 1862 года считал иронический выпад против «Северной пчелы» устаревшим или даже несправедливым (разумеется, по отношению к современной газете, а не к

² Все сведения о данном деле заимствованы из архивов: ЦГИАМ, ф. 109 (III отделения), 1 экспедиция, 1836 г., № 315; ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, № 2421.

³ «Современник», 1856, № 11, о. V, с. 170. Ср. — 1, 280.

⁴ Сочинения Н. А. Добролюбова, т. 1, СПб., 1862, с. 97. Цензурное разрешение тома — 1 марта, следовательно, Чернышевский готовил том к печати в декабре 1861 — феврале 1862 гг.

1856 году, когда писал Добролюбов: «реабилитировать» реакционнейший орган Булгарина-Греча у Чернышевского не было никаких оснований!). Имеются факты, подтверждающие такое предположение.

С 1860 года владельцем «Северной пчелы» становится П. С. Усов, попытавшийся в корне сменить состав редакции и сотрудников. Как писал Н. С. Лесков в очерке «Загадочный человек» (1870), зимой 1861/62 года редакционный актив газеты состоял из «П. С. Усова, П. И. Мельникова (Печерского), П. И. Небольсина, Н. П. Перозно, С. Н. Палаузова, В. В. Толбина, И. Н. Шила, К. П. Веселовского и меня»⁵. К этому же кружку примкнул Артур Бенни⁶. Это все — деятели либерального лагеря, причем левого крыла, а некоторые даже с заметными демократическими тенденциями (Лескова и Бенни никак нельзя отнести к либералам!). И общественно-литературная позиция «Северной пчелы» была противоречивой, но весьма далекой от былой «славы» реакционной газеты.

П. С. Усов явился коллегой Чернышевского по Шахматному клубу. 15 января 1862 года на заседании клуба предложили председательствовать Чернышевскому, он отказался, и это место занял Усов⁷.

Вполне естественно поэтому, что Чернышевский, стремившийся к консолидации с силами, способными хотя бы в ряде вопросов быть соратниками по общественной борьбе, мог вычеркнуть из статьи Добролюбова оскорбительное для нынешней «Северной пчелы» напоминание.

О том, что Чернышевский внимательно и бережно относился к противоречивым идеологам тогдашней «Северной пчелы», свидетельствует следующий факт. В апрельском номере «Современника» Г. З. Елисеев, несомненно, с согласия Чернышевского, упрекал Лескова за «желчные и грязные статьи», направленные против революционной демократии, но при этом тон упрека был вежливо-стыдящий, с приятными комплиментами и с советами «переменить климат, уехать за границу, особенно в Лондон»⁸.

И лишь несколько недель спустя, когда в «Северной пчеле» появилась печально знаменитая статья Лескова о петербургских пожарах (30 мая), редакция «Современника» убедилась в невозможности найти общий язык с сотрудниками газеты.

Возможно и другое объяснение изъятия фразы из статьи Добролюбова: допустимо предположить, что в журнальном тексте она была вписана Чернышевским, поэтому последний имел все основания вычеркнуть ее при издании сочинений Добролюбова. Именно такая точка зрения была изложена в статье М. Я. Блинчевской⁹; автор идеи опирается на следующую заключительную фразу из черновика того же обзора, где был и ответ Галахову, но фразу самого Чернышевского, вычеркнутую им еще до журнальной публикации: «Вообще, мы думаем, что «Отечественные записки» берут на себя в отношении к «Современнику» ту роль, какую играла относительно «Отеч. записок» в блестящую эпоху их существования «Северная пчела», и что эта роль может принести «Отеч. запискам» столько же чести, сколько приносила «Северной пчеле»¹⁰.

Действительно, эта фраза очень похожа по смыслу на текст, вычеркнутый из ответа Галахову. Но дополняет ли такой факт аргументацию принадлежности фразы в скобках — Чернышевскому? А может быть, Чернышевский

⁵ Н. С. Лесков, Собр. соч. в 11 тт., т. 3, М., 1957, с. 340.

⁶ См. там же и в специальном исследовании: С. Рейсер, Артур Бенни, М., 1933.

⁷ А. Шилов, Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения (1861—1862 гг.), «Красный архив», 1926, т. XIV, с. 108.

⁸ «Современник», 1862, № 4, о. II, с. 305. Ср. А. Лесков, Жизнь Николая Лескова, М., 1954, с. 143—145.

⁹ М. Блинчевская, Текстологические принципы нового издания Добролюбова, «Вопросы литературы», 1963, № 12, с. 755. Ср. 9, 686.

¹⁰ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. III, М., 1947, с. 860.

под влиянием соответствующей мысли Добролюбова как бы повторил иронический выпад против «Отечественных записок», но, перечитав весь текст обзора в целом, увидел это повторение и изъясил свою концовку? Во всяком случае, при отсутствии рукописи той части обзора, где имеется фраза в скобках,любое предположение, в том числе и наше, об авторстве и о причинах изъятия остается гипотезой.

3. Добролюбов о «Москвитянине»

Месяца за три до смерти Добролюбов набрасывал публицистическую заметку против либерального С. С. Громеки, которая осталась незаконченной. Текст начинался так:

«Однажды, кажется, в «Москвитянине», напечатано было письмо какого-то провинциала, который хотел оправдаться от обвинения его в сочинении пасквилы на его земляков <...>

И вообразите себе: письмо было анонимное. Провинциал, оправдываясь против клеветы, не счел удобным подписать под письмом свое имя. Даже буквы никакой не было, значка никакого, по которому можно бы узнать, кто же это он, невинно оклеветанный...

Само собою разумеется, что письмо было всеми принято за мистификацию, порожденную претензиями тогдашнего «Москвитянина» на остроумие» (7, 276).

Действительно, подобное письмо было напечатано:

«Письмо от неизвестного к редактору «Москвитянина»

М. Г.! Узнал я от Михаила Васильевича, что у вас в «Москвитянине» напечатана статья под названием «Сон по случаю одной комедии». Я прочел эту гнусную статью, и мне сейчас же пришло в голову, что верно все подумают, что эту статью написал я. И действительно: все теперь думают, что эту статью написал я. Но ей-богу эту статью не я написал, а написал ее, должно быть, кто-нибудь другой, который мне даже совсем и не родня.

Сделайте милость, возьмите на себя труд объявить всем, что эту статью написал не я. Кто бы у вас ни спросил о том, кто написал эту статью, — говорите, что не я — так-таки и скажите: это, мол, не он — это другой.

До свиданья. Остаюсь готовый к вашим услугам.

Москва,

1851 года 1-го апреля».¹¹

Это, в самом деле, мистификация, приуроченная к 1 апреля. Очевидно, письмо было сочинено самим Б. Н. Алмазовым, автором фельетона «Сон по случаю одной комедии», напечатанного под псевдонимом «Эраст Благодоров» в предыдущем номере «Москвитянина». Алмазов льстил шум, поднятый вокруг его сатиры, и он его еще сам усиливал. Перед приведенным «Письмом от неизвестного...» было напечатано «Письмо Эраста Благодорова к редактору «Москвитянина», посвященное «Сну...» и заканчивающееся такой шуткой: «Пишите, пожалуйста, ко мне почаще. Не затрудняйтесь тем, что не знаете моего адреса: это ничего — я и сам его не знаю. Потому утешьтесь!»¹² А вслед за этими строками следует «Письмо от неизвестного...»

¹¹ «Москвитянин», 1851, № 8, о. II, с. 395.

¹² Там же, с. 394.

4. Параллель к протесту Катерины («Гроза»)

Широко известно истолкование Добролюбовым самоубийства Катерины как протеста против «темного царства». Важной параллелью к этой идее является ответ Добролюбова на следующее сообщение С. Т. Славутинского из Москвы от 19 февраля 1860 года: «ученик здешней 1-й гимназии, бывший в 4-м классе, болгар родом, Константинов (18-ти лет), в ночь со вторника на среду на широкой маслянице, — удавился, сердечный, удавился в больнице гимназии <...> Теперь говорят, что он умер от тоски по родине — и этим все хотят оправдать, даже отсутствие надзора в больнице, по причине которого и мог несчастный удавиться»¹³.

Добролюбов тотчас же ответил (письмо от 22 февраля из Петербурга): «Вы совершенно напрасно расстраиваетесь тем, что следует считать «отрадным явлением». Что мальчик удавился — это, по-моему, очень хорошо; скверно то, что другие не давятся: значит, эта болотная ядовитая атмосфера пришла как раз по их легким и они в ней благоденствуют, как рыба в воде. Вот что скверно. А то — удавился! Велика важность! Неужели Вас это изумило и озадачило? Неужели Вы предполагали, что наши гимназии неспособны привести к удушению человека, мало-мальски привыкшего к другой атмосфере, нежели в какой мы все возросли и воспитались? И неужели Вы жалеете этого болгара, предполагая, что он мог ждать себе какого-нибудь добра в земле русской? Нужно было пожалеть его, нужно было волноваться и возмущаться в то время, когда он ступил на русскую почву, когда он поступал в гимназию. А теперь надо радоваться! И я искренно радуюсь за него и проклинаю свое малодушие, что не могу последовать его примеру» (9, 401).

В этом же письме Добролюбов сообщил, что пишет статью о «Грозе».

¹³ «Огни», кн. 1, Пг., 1916, с. 60.

ЗАМЕТКИ Н. Н. СТРАХОВА О Л. Н. ТОЛСТОМ

Е. Н. ДРЫЖАКОВА

Публикуемые здесь небольшие заметки Н. Н. Страхова о его пребывании в Ясной Поляне летом 1889 и 1890 гг. в сопоставлении с Дневником Л. Н. Толстого этого периода, дают некоторый новый материал о быте и творчестве великого писателя.

Как известно, Н. Н. Страхов познакомился с Толстым в 1871 г. и почти ежегодно проводил в Ясной Поляне несколько недель. Еще до личного знакомства между ними завязалась переписка, продолжавшаяся до 1896 г. и содержащая ценный материал для изучающих жизнь и творчество Толстого.* Кроме того, в письмах Страхова к Н. Я. Данилевскому и В. В. Розанову имеется много интересных подробностей о его беседах с Толстым.**

Публикуемые заметки, написанные карандашом на отдельных листках, вырванных из календарной записной книжки, хранятся в архиве Н. Н. Страхова в отделе рукописей Киевской Государственной публичной Библиотеки УССР.

<Май. 1889 год>

30. втор<ник>

На Козловке меня встретили Ильюша, Татьяна Л., Марья Л., Марья А., Вера А.¹

Л. Н. Толстой не совсем здоров. Вечерний чай. Выговор Татьяны Анд. Гости: Александр А. Берс и его жена Софья.²

<июнь' 1889 год>

2. пятница.

После обеда разговор о том, как противна всякая враждебность к Европе.³

* Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, СПб., 1914.

** 30 писем Страхова к Данилевскому за 1873—1885 гг. опубликованы в «Русском Вестнике» 1901 г., № 1, 2, 3; письма к Розанову напечатаны в книге Розанова «Литературные изгнаники», СПб., 1913, т. I.

¹ Ильюша — Илья Львович Толстой; Татьяна Л. — Татьяна Львовна Толстая; Марья Л. — Марья Львовна Толстая — дети Л. Н. Толстого; Марья А. — Мария Александровна Кузминская; Вера А. — Вера Александровна Кузминская — дети Т. А. Кузминской.

² Татьяна Андреевна <Кузминская> — сестра С. А. Толстой. Александр А <лександрович> Берс — двоюродный брат С. А. Толстой, сын ее дяди, А. Е. Берса; «жена его Софья» — Страхов, очевидно, путает имена: А. А. Берс был женат на Елизавете Андреевне Берс, сестре С. А. Толстой.

³ В Дневнике Л. Толстого в этот день зафиксирован разговор о православии и католичестве (см. т. 50, стр. 90. Все ссылки сочинений Л. Толстого даются по Полному собранию сочинений. Юбилейное издание 1828—1928, М.-Л., ГИЗ — Гослитиздат 1928—1959). Страхов в этих вопросах, как известно,

5. понедельник.

Все утро Л. Н. работал.

После обеда большая прогулка по шоссе.

Вечером — письмо от Черткова⁴ и спор за печатание сочинений⁵

Перед сном Л. Н. зашел ко мне и сказал свои мысли о женитьбе.

6. втор<ник>

? Не в этот ли день приезжал Перелыгин.⁶

Скромный человек просил Л. Н. быть крестным отцом сына, которого недавно родила молоденькая жена. Л. Н. отказался — по противоречию его убеждений.

7. среда.

В 7-м часу вечера приезжал Лев Львович. Голова обрита и борода. Получил аттестат зрелости и заявил желание поступить на медицинский факультет.

Перед обедом большая прогулка с Л. Н. Жаркий, прежаркий день.

8. четв<ерг>

Утро — Л. Н. работает над своею Сонатою. «Топлю свою фабрику в рассуждениях».⁷

10. субб<ота>

Перед обедом Л. Н. рубит поленья. Говорили о том, что нужно пользоваться вдохновением, не прерывая писания, и не писать при неполном вдохновении.⁸

11. воскр<есенье>

Прогулка с С<офьей> Андр<еевной> в тот дом и по саду — разговор о биографии Л. Н. и о всей его жизни и свойствах. Я очень радуюсь этому разговору.

Л. Н. немного болен — понос. Принялся писать и за завтраком сказал, что не хватит десяти лет для того, чтобы написать половину всего задуманного. Нужно торопиться и писать при полном вдохновении.

был близок к славянофильству, т. е. считал православие «истинным христианством». Толстой занимал иную позицию и осуждал, как видно из переданного разговора, не только религиозные взгляды славянофилов, но и самую суть их общественно-идеологической доктрины.

⁴ В письме от 30 мая 1889 г., о котором идет речь в этой записи Страхова, Чертков благодарит Толстого за согласие передать «Крейцерову сонату» в издание «Посредник».

⁵ Упоминаемый Страховым спор, очевидно, произошел между Львом Николаевичем и Софьей Андреевной, которая хотела напечатать «Крейцерову сонату» в подготовляемом ею 13 томе собрания сочинений. Надо думать, что спор этот был зафиксирован Толстым в Дневнике, где за этот день имеется запись размером в 51 строку, очевидно, им самим вымаранная и вырезанная. Запись Страхова дает возможность предположить, что в вычеркнутых строках Дневника Толстого как раз и описан спор его с женою по поводу печатанья сочинений.

⁶ Перелыгин Николай Иванович — автор романа «Свет и тьма» М., 1886 г. и др. повестей и мемуаров.

⁷ Публикуемые записи Страхова 30 мая — 14 июня 1889 г. относятся к периоду возобновления Толстым работы над «Крейцеровой сонатой» после почти годичного перерыва. Страхов передает подлинные слова Толстого о характере его работы над повестью в этот период.

⁸ В Дневнике Толстого от 5, 8 и 15 июня читаем: «Дома начал только К. С., но почти ничего не сделал, заснул...»; «Переправлял К. С., но почти что ничего не сделал...»; «Хочу писать... Ничего не писал...» (Дневник, т. 50, стр. 91, 93, 95). Во всех этих случаях Страхов свидетельствует, что Толстой работал над повестью.

Кроме Сонаты есть еще сюжет, слышанный от А. Ф. Кони (Л. Н. советовал ему написать, а потом просил уступить себе)⁹.

14. среда.

Утром Л. Н. писал Сонату; Вечером он говорил мне, как <1 нрзб.> половые отношения. Он описывает эти отношения у своего героя с самого их начала ... Жаловался, что вышло грубо, гадко. Вечером меня проводили из Ясной М. Л. Т., М. А. К., две петербургские бабышны, Л. Л. Т. и Гаврила Титыч Меньшов.¹⁰

<1890 год>

8. июня.

Приезд на Козловку Сергея Львовича и Марии Николаевны Толстой.

11. понедельник.

Приезд на Козловку.

В час дня приезжал В. С. Соловьев и провожал меня на Курскую дорогу.

12 июня.

Картина Н. Н. Ге.¹¹

16. суббота.

Поездка в Тулу с Татьяной Львовной.

17 июня.

Приезд Дмитрия Алексеевича Дьякова и Ив. Ив. Раевского.¹² Письмо от Скайлера¹³ (как понимать «Крейцерову Сонату») и от дамы из Берлина: что она три года замужем и всегда разделяла взгляды, высказанные в Крейц. Сонате.

Татьяна Андреевна пела «Страданье».

18 июня.

У Софии Андреевны страсть к духам. Гроза. Рождение Саши,

22 июня.

Утром оживленный разговор на тему, что наука не занимается главным делом — совестью, которая в нас есть присутствие Бога.¹⁴ Удивительная лунная ночь.

26 июня.

Утром разговор о дарвинизме с Л. Н. он выписал «Ring des Nibelungs» ...¹⁵

27 июня.

Утром разговор о дарвинизме.¹⁶

⁹ Речь идет о будущем романе «Воскресение». См. примечание 14.

¹⁰ М. Л. Т. — Мария Львовна Толстая; М. А. К. — Мария Александровна Кузминская; Л. Л. Г. — Лев Львович Толстой. Гаврила Титыч Меньшов — учитель младших детей Л. Н. Толстого.

¹¹ Речь идет о картине Ге «Что есть истина?» 8 июня Н. Н. Ге приезжал в Ясную поляну.

¹² Дьяков Дмитрий Алексеевич — друг Л. Н. Толстого с 40-х годов, яросланский помещик; Ив<ан> Ив<анович> Раевский в то время студент Московского университета, сын друга Л. Н. Толстого И. И. Раевского, владельца имения Бегичевка.

¹³ Скайлер Евгений — американский консул, посещавший Толстого в Ясной Поляне. (см. о нем «Русская старина» 1890 г. кн. 9 и 10).

¹⁴ Запись Страхова передает отношение Толстого, очевидно, прежде всего к современным ему судебным наукам, которые, по его мнению, пренебрегают человеческой совестью во имя внешних обстоятельств. В этот день, как свидетельствует Дневник, Толстой уяснил себе «внешнюю форму Коневского рассказа» (см. т. 51, стр. 52). Мысль Толстого, переданная Страховым, стала впоследствии одной из главных мыслей «Воскресения».

¹⁵ «Ring des Nibelungs» — «Кольцо Нибелунга» цикл. опер Р. Вагнера.

¹⁶ Разговоры о дарвинизме явились, очевидно, отголоском полемики Страхова в защиту Н. Я. Данилевского с К. А. Тимирязевым, отстаивавшим дарвинизм в естествознании (Н. Я. Данилевский, «Дарвинизм. Критическое ис-

2 июля.

Перед обедом к Л. Н. приходят муж с женой поговорить о жизни.

3 июля.

Письмо к Фету.

Вечером увертюра Парсифаль.¹⁷

Поздно ночью в зале разговор о Марье Льв. <овне> с большим раздражением.

6 июля.

Утром разговор о том, можно ли любить, не изменяя образа жизни и всего строя.¹⁸

Вечером разговор о молитве.

9 июля.

Вечером Н. Д.¹⁹ исполняет концерт Бетховена.

10 июля.

К обеду приехали Афросимова и Фигнер с Медеей.²⁰ Утром письмо от Розанова.²¹ «Место».²²

11 июля.

Утром разговор о мерзости музыки²³ и о ненужности Розанова.²⁴ Вечером разговор о славянофильстве.

12 июля.

Утром продолжали разговор о славянофильстве. Я доказывал, что главное зло в учении революции и анархии.²⁵

следование», т. 1, СПб., 1885 г.; Страхова «Всегдашняя ошибка дарвинистов» напечатана в «Русском Вестнике» за 1887 г., кн. 11 и 12. Ответом на нее явилась статья Тимирязева «Бессильная злоба антидарвиниста» в 5, 6, 7 книгах «Русской мысли» за 1889 г. Страхов отвечал статьей «Спор из-за книг Данилевского», «Русский Вестник», 1899 г. кн. 10). Толстой относился к этой полемике скептически, считая ее «праздным времяпрепровождением».

¹⁷ Парсифаль — опера Р. Вагнера, очевидно, в переложении для клавира исполненная Н. Д. Гельбиг, известной пианисткой, гостившей в Ясной Поляне.

¹⁸ Упомянутый Страховым разговор происходил между ним и Н. Д. Гельбиг. Толстой, по его собственным словам, в Дневнике, «вступился и горячо говорил, тем более, что пришла молодежь», но «ничего не убедил» (т. 51, стр. 58).

¹⁹ Н. Д. — Надежда Дмитриевна Гельбиг.

²⁰ Афросимова — Анна Михайловна Афросимова, тульская помещица. Фигнер Николай Николаевич, оперный певец, Медеея — жена Фигнера, Мария Ивановна, певица.

²¹ В. В. Розанов в этом письме (см. «Литературные изгнанники», т. 1, стр. 230) обратился к Страхову с просьбой достать для него рукописный или литографированный экземпляр «Крейцеровой сонаты» с автографом и портрет Л. Н. Толстого. Как видно из ответа Страхова Розанову от 24 и 30 июня, лишнего экземпляра «Сонаты» в Ясной Поляне не оказалось, а портрет, очевидно, через Софию Андреевну Страхов достал и послал.

²² «Место» — статья В. В. Розанова «Место христианства в истории», напечатанная в «Русском Вестнике».

²³ Резко отрицательное отношение Толстого к классической музыке вытекало из его отношения к искусству вообще в этот период. См. в записях Толстого от 2, 10 июля (т. 51, стр. 57, 61).

²⁴ Резко враждебное отношение Толстого к Розанову связано со статьей «Место христианства в истории», которую Страхов считал «самой лучшей рекомендацией».

²⁵ Запись Страхова, содержащая его собственное и притом неизменное политическое кредо, дает возможность предположить, что именно споры о славянофильстве, об их религиозных и политических воззрениях, которые в

Вечером долгое рассуждение об «изяществе» и «замужестве». Праздная жизнь еще может найти оправдание в «изяществе».

27 июля.

Встал в 4 часа и вечером в 6 часов приехал в Воробьевку.²⁶

этот период далеко не разделялись Толстым, привели к тому, что в Дневнике Толстого за эти дни имеется целый ряд очень нелестных записей по адресу Страхова. («Сдерживался с Страховым. Зла меньше». — 24 июня; «Страхов раздражает меня своей тщетой». — 10 июля; «... не переставая спорил с Страховым. Безнадежно.» — 12 июля).

²⁶ «Воробьевка» — имение А. А. Фета.

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Н. Н. СТРАХОВА

А. Л. БУДИЛОВСКАЯ, Б. Ф. ЕГОРОВ

Известный литератор Н. Н. Страхов (1828—1896) оставил большое наследие в различных областях и жанрах: философия, публицистика, литературная критика, воспоминания, повести, стихотворения. Сложное и противоречивое творчество Страхова требует особого рассмотрения; в настоящем же томе публикуем библиографию его произведений.

Наиболее полный библиографический труд о Страхове — Я. Колубовский, *Материалы для истории философии в России 1855—1888*. IX. Н. Н. Страхов («Вопросы философии и психологии», 1891, № 7, Приложения, с. 89—121). Он включает 88 номеров текстов Страхова и 40 — литературы о нем. Библиография имеет тем большую ценность, что она содержит анонимные статьи Страхова. Очевидно, составитель пользовался собственноручным списком трудов Страхова, который он запросил письмом от 12 января 1890 г.¹ Остальные библиографии (в энциклопедиях и справочниках) значительно беднее, хотя они и более поздние. Лишь в новом труде — «История русской литературы XIX века. Библиографический указатель», под ред. К. Д. Муратовой, М.-Л., 1962 — имеются ценные дополнения к статье Я. Колубовского: перечень опубликованных писем Страхова и 18 новых названий литературы о нем.

Наша библиография содержит в три с половиной раза больше номеров, чем список у Я. Колубовского. Это удалось сделать благодаря просмотру периодики и благодаря рукописным материалам Страхова. При этом обнаружены интересные работы, не известные в научной литературе, например, перевод Страховым первых двух лекций из «Введения в философию мифологии» Шеллинга. До сих пор не были найдены переводы этого классического труда немецкого философа на русский язык; перевод Страхова остался неизвестен даже автору обстоятельнейшей русской библиографии шеллингианы И. Я. Колубовскому (см. Ф. В. И. Шеллинг, Система трансцендентального идеализма, Л., 1936, с. 421—441).

Библиография составлена по рубрикам: «Книги», «Статьи и рецензии», «Стихотворения», «Переводы». Внутри рубрик принят хронологический принцип, с некоторыми нарушениями в пределах года ради группировки вместе статей одного журнала (или газеты). Многие статьи Страхова одновременно изданы отдельно в виде брошюр; как правило, они не включаются в отдел «Книги», исключение сделано для магистерской диссертации. Перепечатки статей Страхова в популярных хрестоматиях не включены в нашу библиографию.

Если статья подписана псевдонимом, раскрываемым с помощью «Словаря псевдонимов» И. Ф. Масанова, то объяснение отсутствует. Полная подпись под статьей в библиографии не воспроизводится.

¹ Архив Н. Н. Страхова в рукописном отделе Публичной библиотеки АН УССР (Киев), III. 17321.

Анонимные статьи атрибутируются в примечаниях. Источником атрибуции служат, как правило, сборники статей Н. Н. Страхова:

ЗоП (см. № 12 росписи),
КС 1 (см. № 9),
КС 2 (см. № 16),
Ниг (см. № 13).

Большинство этих сборников — прижизненные, один (КС 2) посмертно издан киевским педагогом И. П. Матченко, мужем племянницы Страхова, единственной наследницы и хранительницы архива дяди. Матченко, очевидно, пользовался рукописными материалами при составлении этого тома.

Обращается внимание читателей на существование трудов полного тезки нашего автора, Николая Николаевича Страхова (1852—1928), преподавателя философии Харьковской духовной семинарии. Его книги и статьи по вопросам религии, философии, педагогики могут быть легко приняты за сочинения «старшего» Страхова. Библиографию основных трудов харьковского Страхова см. в «Энциклопедическом словаре» Брокгауз-Эфрон, т. XXXIа (62), СПб., 1901, с. 787. Чтобы отмежеваться от этого тезки, Страхов опубликовал рецензию на две его книги (см. № 276). Отличительным признаком трудов «младшего» Страхова является их преимущественное издание в Харькове.

І. Книги.

1. О костях запыстья млекопитающих. Рассуждение, написанное для получения степени магистра зоологии. СПб., 1857. 60 с.

2. О методе естественных наук и значении их в общем образовании, СПб., 1865. XII, 185 с.

То же, изд. 2-е. Киев, 1900. XVI, 186 с.

3. Бедность нашей литературы. Критический и исторический очерк. СПб., 1868. 73 с.

4. Критический разбор «Войны и мира». СПб., 1871. 124 с.

5. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб., 1872. XXVI, 506 с.

То же, изд. 2-е. СПб., 1892. XXX, 582 с.

6. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Книга 1. СПб., 1882. XII, 362 с.

То же, изд. 2-е. СПб., 1887. XII, 473 с.

То же, изд. 3-е. Киев, 1897. XIII, 386 с.

7. Борьба с Западом <...> Книга 2. СПб., 1883. XVI, 272 с.

То же, изд. 2-е. СПб., 1890. XXX, 567 с.

То же, изд. 3-е. Киев, 1897. XXVI, 465 с.

8. Борьба с Западом <...> Книга 3. СПб., 1896. VIII, 384 с.

То же, изд. 2-е. Киев, 1897. VI, 296 с.

9. Критические статьи. Том 1. Об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862—1885). СПб., 1885. X, 484 с.

То же, изд. 2-е. СПб., 1887. XX, 484 с.

То же, изд. 3-е. СПб., 1895. XX, 484 с.

То же, изд. 4-е. Киев, 1901. XVI, 337 с.

То же, изд. 5-е. Киев, 1908. XV, 387 с.

10. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб., 1886. XIV, 317 с.

То же, изд. 2-е. СПб., 1894. XIX, 318 с.

То же, изд. 3-е. Киев, 1904. XVI, 238 с.

11. О вечных истинах. Мой спор о спиритизме. СПб., 1887. XXXVIII, 130 с.

12. Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888. XX, 247 с.

То же, изд. 2-е. Киев, 1897. XVIII, 281 с.

То же, изд. 3-е. Киев, 1913. XII, 225 с.

13. Из истории литературного нигилизма. 1861—1865. СПб., 1890. XII, 596 с.
14. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. II, 313 с.
15. Философские очерки. СПб., 1895. XVI, 530 с.
То же, изд. 2-е. Киев, 1906. XII, 488 с.
16. Критические статьи. Том. 2. Киев, 1902. 436 с.

П. Статьи и рецензии

«Журнал Министерства Народного Просвещения»

1857

17. Новости естественных наук (№ 5, о. VII, с. 47—64).
18. То же (№ 6, о. VII, с. 89—103).
19. То же (№ 7, о. VII, с. 1—18).
20. То же (№ 8, о. VII, с. 51—63).
21. О костях запястья млекопитающих (№ 9, о. II, с. 274—332).
22. Новости естественных наук (№ 9, о. VII, с. 103—118).
23. То же (№ 10, о. VII, с. 1—17).
24. То же (№ 11, о. VII, с. 59—74).
25. То же (№ 12, о. VII, с. 115—149).

1858

26. О методе наук наблюдательных (№ 1, о. II, с. 36—90).
27. Новости естественных наук (№ 1, о. VII, с. 1—18).
28. То же (№ 2, о. VII, с. 65—76).
29. То же (№ 3, о. VII, с. 117—128).
30. То же (№ 4, о. VII, с. 1—16).
31. То же (№ 5, о. VII, с. 67—81).
32. То же (№ 6, о. VII, с. 135—151).
33. То же (№ 7, о. VII, с. 1—18).
34. То же (№ 8, о. VII, с. 59—74).
35. То же (№ 9, о. VII, с. 119—135).
36. То же (№ 10, о. VII, с. 1—18).
37. То же (№ 11, о. VII, с. 65—75).
38. То же (№ 12, о. VII, с. 115—122).

1859

39. Новости естественных наук (№ 1, о. VII, с. 1—9).
40. То же (№ 2, о. VII, с. 51—65).
41. То же (№ 3, о. VII, с. 111—124).
42. То же (№ 4, о. VII, с. 1—14).
43. То же (№ 5, о. VII, с. 61—75).
44. То же (№ 8, о. VII, с. 85—102).
45. То же (№ 9, о. VII, с. 149—162).
46. То же (№ 10, о. VII, с. 1—16).
47. То же (№ 11, о. VII, с. 51—67).
48. То же (№ 12, о. VII, с. 113—128).

«Русский мир» 1859

49. Физиологические письма. Письмо 1 (№ 2, с. 40—44).
50. То же. Письмо 2 (№ 22, с. 523—526).
51. То же. Письмо 3 (№ 59, с. 1005—1009).

«ЖМНП» 1860

52. Новости естественных наук (№ 1, о. VII, с. 1—12).
53. То же (№ 2, о. VII, с. 53—70).
54. То же (№ 3, о. VII, с. 121—129).
55. То же (№ 4, о. VII, с. 1—17).
56. То же (№ 5, о. VII, с. 55—69).

«Русский вестник» 1860

57. Об атомистической теории вещества (май, кн. 2, с. 143—194).

«Светоч» 1860

58. Значение гегелевой философии в настоящее время (№ 1, о. II, с. 3—51).
59. Письма о жизни. Письмо I. Письмо II (№ 3, о. II, с. 1—40).
60. Письма о жизни. Письмо III (№ 5, о. II, с. 1—23).
61. Очерки вопросов практической философии, П. Л. Лаврова. СПб., 1860 (№ 7, о. III, с. 1—13).
62. Значение смерти. Письма о жизни (Письмо IV) (№ 8, о. II, с. 1—22).

«Светоч» 1861

63. Содержание жизни (№ 1, о. II, с. 37—58).
64. То же (№ 2, о. II, с. 111—128).

«Отечественные записки» 1861

65. Естественные науки как предмет общего образования (№ 2, с. 301—324).

«ЖМНП» 1861

66. Органические категории (По поводу статьи г. Эдельсона «Идея организма», «Библиотека для чтения», 1860 г. № 3) (март, часть неофиц., о. II, с. 49—63).

«Время» 1861

67. Жители планет (№ 1, о. III, с. 1—56).
68. Нечто о Шиллере (№ 2, о. III, с. 113—114)¹.
69. Отчет о четвертом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1860 (№ 2, о. III, с. 132—138).

¹ Статьи №№ 68, 69, 71, 73, 75 — анонимны. Все они включены в сб. КС 2.

70. Замечание на «Ответ» г. Лаврова (№ 2, о. III, с. 159—164).
71. Один поступок и несколько мнений г. Камня Виногорова в № 8 газеты «Век» (№ 3, о. III, с. 109—118).
72. Н. К. Нечто о петербургской литературе (Письмо к редактору «Времени») (№ 4, о. III, с. 119—127).
73. <Письмо о «Египетских ночах» А. С. Пушкина и о «Русском вестнике»> (№ 5, о. V, с. 36—39).
74. Н. Ко. Еще о петербургской литературе. Письмо к редактору «Времени» по поводу двух современных статей (№ 6, о. II, с. 137—154).
75. Несколько слов о г. Писемском по поводу его сочинений. Т. I. Изд. Стелловского. СПб., 1861 (№ 7, о. II, с. 13—19).
76. Н. К. Нечто о полемике (Письмо в редакцию «Времени») (№ 8, о. II, с. 131—148).
77. Н. Кос. Об индюшках и о Гегеле (Письмо в редакцию «Времени») (№ 9, о. II, с. 69—78).
78. Н. Коси... Литературные законодатели. Письмо в редакцию «Времени» по поводу статьи «Литературные рабочие» («Современник» № 10) (№ 11, о. II, с. 105—118).

«Время» 1862

79. Н. Косиц. Пример апатии (Письмо в редакцию «Времени» по поводу статьи г. Антоновича «О почве». «Современник». 1861, декабрь) (№ 1, о. II, с. 58—75).
80. К. Н. Микроскопические наблюдения (№ 2, о. II, с. 134—142).
81. Н. А. Добролюбов. По поводу первого тома его сочинений (№ 3, о. II, с. 30—54)¹.
82. «Отцы и дети». И. Тургенева. «Русский вестник». 1862 г. № 2 (№ 4, о. II, с. 50—84)².
83. Н. Косица. Нечто об «опальном журнале» (Письмо к редактору) (№ 5, о. II, с. 79—90).
84. Н. Косица. Тяжелое время (Письмо в редакцию «Времени») (№ 10, о. II, с. 194—216).
85. Дурные признаки. On the Origin of Species, by Ch. Darwin, 1859. Ch. Darwin, Über die Entstehung der Arten... Stutt., 1860. De l'origine des espèces... par Ch. Darwin... Paris, 1862 (№ 11, о. II, с. 158—172).
86. Н. Косица. Нечто об авторитетах (Письмо в редакцию «Времени») (№ 12, о. II, с. 35—45).

«Время» 1863

87. Новая школа. Статья первая. «Ясная Поляна. Школа», журнал педагогический, издаваемый гр. Л. Н. Толстым. 1862. Январь — сентябрь. Девять номеров (№ 1, о. II, с. 150—168).
88. Н. Косица. «Слово и дело», комедия в пяти действиях, Ф. Н. Устрялова (Письмо в редакцию «Времени») (№ 1, о. II, с. 169—174).
89. Новое художественное произведение и наша критика (Письмо в редакцию «Времени») (№ 2, о. II, с. 194—212)³.
90. Вещество по учению материалистов (№ 3, с. 191—234).
91. Русский. Роковой вопрос (№ 4, о. II, с. 152—163).

¹ Статья анонимна, вошла в КС 2.

² Статья анонимна, вошла в КС 1.

³ Статья анонимна. В оглавлении номера указан автор: «Н. Косица».

«Библиотека для чтения» 1863

92. Нечто о «Русском вестнике» (№ 7, с. 96—109) ².
93. *Н. Нелишко*. Новый поборник нравственности (№ 9, с. 98—107).
94. *Н. Нелишко*. Спор об общем образовании (№ 10, с. 62—77).

«Оса» 1863

95. *Н. Косица*. Литературные благоволия. Об открытиях, совершаемых российской словесностью (№ 23, 5. X, без пагинации).

«Эпоха» 1864

96. Письмо в редакцию «Эпохи» (№ 2, с. 576—586) ³.
97. *Летописец*. Заметки летописца (№ 3, с. 325—347).
98. То же (№ 4, с. 368—387).
99. То же (№ 5, с. 247—254).
100. Опыты изучения Фейербаха (№ 6, с. 125—156).
101. *Летописец*. Заметки летописца (№ 6, с. 222—243).
102. Естественные науки и общее образование (№ 7, с. 1—32).
103. *Летописец*. Заметки летописца (№ 7, с. 1—14) ⁴.
104. Заметки летописца (№ 8, с. 1—24) ⁵.
105. Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве (№ 9, с. 1—50).
106. Заметки летописца (№ 10, с. 1—19) ⁶.
107. Заметки летописца (№ 11, с. 1—16).
108. *Летописец*. Заметки летописца (№ 12, с. 15—25).

«Натуралист» 1864

109. Чем отличается человек от животных? (без №№, с. 53—57).

«Эпоха» 1865

110. *Летописец*. Заметки летописца (№ 1, с. 1—14).
111. То же (№ 2, с. 1—6).
112. Новые письма Аполлона Григорьева (№ 2, с. 152—182).

«Библиотека для чтения» 1865

113. *Н. Косица*. Счастливые люди. Статья первая. Один из наших типов (№ 7—8, с. 142—166).

«Натуралист» 1865

114. Чем отличается человек от животных? (№ 11, с. 207—211).

² Статья анонимна, вошла в сб. Ниг.

³ То же.

⁴ Начиная с № 7, в «Эпохе» почти каждая статья имеет свою отдельную пагинацию.

⁵ Автор — «Летописец» — указан в оглавлении номера.

⁶ №№ 106, 107 не подписаны обычным псевдонимом «Летописец»; вошли в сб. Ниг.

«Отечественные записки» 1865

115. О простых телах. Статья первая (август, кн. 2, с. 605—625).
116. То же. Статья вторая и последняя (декабрь, кн. 2, с. 666—678).

«Отечественные записки» 1866

117. Несколько запоздалых слов о Пушкине (январь, кн. 1, с. 117—127).
118. Главная черта мышления («Разум по учению Платона и опыт по учению Канта». Статья г. Юркевича. — «Москов. университет. известия»). (апрель, кн. 2, с. 768—782).
119. Птицы. Несколько слов об их теле и душе. По поводу книги А. Брема «Жизнь птиц». СПб., 1865 г. (июнь, кн. 2, с. 765—786).
120. Последний из идеалистов. Отрывок из ненаписанной повести (июль, кн. 1, с. 105—124).
121. Клод Бернар о методе опытов. Статья I (сентябрь, кн. 2, с. 217—234).
122. Наша изящная словесность. «1805 год». Ч. I и II. Соч. гр. Л. Н. Толстого (декабрь, кн. 1, с. 519—530).
123. То же (декабрь, кн. 2, с. 796—814).

«Отечественные записки» 1867

124. Наша изящная словесность. Статья третья. Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского <...> Том I. СПб. 1865. Том II. СПб. 1866 (январь, кн. 2, с. 544—556)¹.
125. Клод Бернар о методе опытов. Статья вторая. Приложение к организациям (март, кн. 1, с. 148—163).
126. Наша изящная словесность. «Преступление и наказание». Роман в шести частях с эпилогом, Ф. М. Достоевского. Издание исправленное. Два тома. СПб. 1867 (март, кн. 2, с. 325—340)².
127. «Франциск Бакон Веруламский. Реальная философия и ее век». Соч. Куно Фишера. Пер. Н. Страхова. СПб. 1867. «Бакон Веруламский». Сочинение Куно Фишера, изд. <...> Ф. Терновским. Киев, 1866 (март, кн. 2, о. II, с. 92—101)³.
128. Наша изящная словесность. «Преступление и наказание» <...> Статья вторая и последняя (апрель, кн. 1, с. 514—527).
129. Новая повесть г. Тургенева. «Дым» <...> «Русск. вестник». 1867. Март (май, кн. 1, с. 157—180).
130. Критические заметки (май, кн. 2, с. 75—83)⁴.
131. Критические заметки, Стихи графа А. К. Толстого (июнь, кн. 1, с. 125—131)⁵.

¹ Автор указан в оглавлении тома.

² Статьи №№ 126, 128 анонимны. Атрибутируются на основании обещания в № 124 дать подробную рецензию на роман «Преступление и наказание».

³ В № 130 есть фраза: «Мы говорили недавно по случаю куно-фишерского Бакона» (с. 82). Кроме того, в рецензии резко критикуется перевод (изложение) Ф. Терновского (с. 99—101), но ни слова не говорится о первой книге.

⁴ Статья открывает новый отдел; почти все статьи этой рубрики бесспорно принадлежат Страхову, некоторые приписываются ему по связи идей, стиля, лексики. В конце настоящей статьи обещан «подробный отчет» о книге Троицкого (см. №№ 134, 136 — эта рецензия подписана Страховым).

⁵ Статья анонимна, вошла в ЗоП.

132. Критические заметки (июнь, кн. 2, с. 230—249)¹.
133. То же (июль, кн. 2, с. 47—56).
- 133а. То же (август, кн. 1, с. 93—97).
- 133б. То же (август, кн. 2, с. 143—150).
- 133в. То же (сентябрь, кн. 1, с. 23—35).
134. Английская психология. «Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование, с предварительным очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка». М. Троицкого. М. 1867. Статья первая (сентябрь, кн. 1, с. 35—53).
135. Критические заметки (сентябрь, кн. 2, с. 86—92).
- 135а. То же (октябрь, кн. 1, с. 149—159).
- 135б. То же (ноябрь, кн. 2, с. 113—125).
- 135в. То же (декабрь, кн. 1, с. 177—187).
136. Английская психология <...> Статья вторая и последняя (декабрь, кн. 2, с. 709—733).
137. Критические заметки (декабрь, кн. 2, с. 207—210).

«Заря» 1869

138. «Война и мир». Сочинение графа Л. Н. Толстого. Томы I, II, III и IV. Издание второе. М. 1868 г. Статья первая (№ 1, о. II, с. 117—152).
139. То же. Статья вторая и последняя (№ 2, о. II, с. 207—252).
140. Литературная новость (№ 3, о. II, с. 199)².
141. «Подводный камень», роман М. В. Авдеева. СПб. 1863 г. «Меж двух огней», роман в трех частях М. В. Авдеева. СПб. 1869 г. «Магдалина», повесть М. В. Авдеева, «Дело», 1869 г., № 1 (№ 4, о. II, с. 104—119).
142. Материалы для характеристики современной русской литературы. I. Литературное объяснение с Н. А. Некрасовым. М. А. Антоновича. II. Postscriptum <...> Ю. Г. Жуковского. СПб. 1869 г. (№ 5, о. II, с. 151—174).
143. Критические заметки о текущей литературе (№ 7, о. II, с. 141—152)³.
144. То же (№ 9, о. II, с. 207—231)⁴.
145. То же (№ 11, о. II, с. 168—178)⁵.
146. *Н. Косица*. Еще за Тургенева (Письмо в редакцию «Зари» по поводу выхода первого тома его сочинений) (№ 12, о. II, с. 117—133).
147. Критические заметки о текущей литературе (№ 12, о. II, с. 134—154).

«Заря» 1870

148. «Война и мир». Сочинение гр. Л. Н. Толстого. Томы V и VI. М. 1869 (№ 1, о. II, с. 108—142).
149. Женский вопрос. «Подчиненность женщины», сочинение Джона Стюарта Милля. <...> СПб <...> 1869 <...> (№ 2, о. II, с. 107—149).
150. Литературная деятельность Герцена. Статья первая (№ 3, о. II, с. 92—127).
151. Критические заметки о текущей литературе (№ 3, о. II, с. 138—160).
152. Литературная деятельность Герцена. Статья вторая (№ 4, о. II, с. 72—106).

¹ №№ 132—133в, 135—135в, 137 — анонимны. №№ 133б, 133в, 135—135в, 137 вошли в КС 2 полностью или частично; №№ 132—133а атрибутируются по связи с ними и с №№ 130, 131. Раздел № 133 в «Герцен в Париже» (с. 30—35) вошел в книгу «Борьба с Западом», т. 2.

² Заметка анонимна, вошла в КС 1.

³ Статья вошла в КС 2.

⁴ Статья включает письмо: «*Н. Косица*, За Тургенева».

⁵ Статья вошла в КС 2.

153. Критические заметки о текущей литературе (№ 4, о. II, с. 137—153).
 154. Самостоятельное начало душевных явлений. Психо-физиологическое исследование, написанное <...> Генрихом Струве. М. 1870 <...> (№ 5, о. II, с. 132—172).
 155. Иностранная словесность в отношении к русской (№ 7, о. II, с. 107—141).
 156. Н. С. Заметка. Предсказание нынешней войны, сделанное Герценом (№ 8, о. II, с. 176—180).
 157. Сочинения Я. П. Полонского. СПб. Т. I и II, 1869; т. III, 1870. Стихотворения Н. Некрасова. Издание пятое. Четыре части. СПб. 1869. «Мороз Красный нос», поэма Н. Некрасова <...> СПб. 1870 (№ 9, о. II, с. 127—164).
 158. Н. Косица. Вздох на гробе Карамзина (Письмо в редакцию «Зари») (№ 10, о. II, с. 207—232).
 159. Н. Н-шко. Песни и поэмы Д. Д. Минаева. СПб. 1870 (№ 11, о. II, с. 168—174)¹.
 160. Литературная деятельность Герцена, Статья третья. Герцен как свободомыслящий человек (№ 12, о. II, с. 232—269).

«Заря» 1871

161. Взгляд на нынешнюю литературу (№ 1, о. II, с. 1—32).
 162. Последнее произведение Тургенева (№ 2, о. II, с. 1—31).
 163. «Лес», комедия в 5 действиях А. Н. Островского (№ 2, о. II, с. 58—72)².
 164. «Россия и Европа» <...> Н. Я. Данилевского <...> СПб. 1871 (№ 3, о. II, с. 7—13).
 165. Снопы. Стихи и проза. Я. П. Полонского. Книга 1. СПб. 1871 (№ 3, о. II, с. 13—14).
 166. Основания психологии и логики по Бенеке. Руководство <...> составлено И. Г. Дресслером <...> СПб. 1871 (№ 8, о. II, с. 1—8).
 167. Библиография. Парижская коммуна <...> (№ 10—11, о. II, с. 1—37).

«Заря» 1872

168. Переворот в науке. «Происхождение человека и подбор по отношению к полу». Чарльза Дарвина. В двух томах <...> СПб. 1871 (№ 1, о. II, с. 1—18).

«Гражданин» 1872

169. Литературные письма. «История русской литературы в очерках и биографиях». Соч. П. Полевого <...> СПб. 1872. Сочинения Н. А. Добролюбова. 4 тома <...> СПб. 1871 (№ 1, с. 16—18).
 170. То же (№ 2, с. 58—61).
 171. То же (№ 5, с. 163—165).
 172. То же (№ 11, с. 379—381).

«Гражданин». Сборник, ч. 1, СПб., 1872

173. Ренан и его последняя книга (с. 87—138).

¹ Псевдоним легко раскрывается как «Н. Нелишко».

² Рецензия приписана Страхову в кн.: Л. М. Добровольский, Библиография литературы о М. Е. Салтыкове-Щедрине. 1848—1917, М.—Л., 1961, с. 33.

174. Предисловие переводчика (О чисто эмпирическом методе) (с. I—XXVII).

«Гражданин» 1873

175. Заметки о текущей литературе (№ 15—16, с. 470—474).
176. То же (№ 18, с. 546—548).
177. То же (№ 19, с. 572—574).
178. То же (№ 20, с. 594—597).
179. То же (№ 21, с. 620—623).
180. То же (№ 22, с. 642—644).
181. Ответ на рецензию (№ 26, с. 740—744).
182. «О происхождении видов», сочинение Чарльса Дарвина <...> Изд. 3, испр. М. 1873. «Zum Streit über den Darwinismus». Von K. E. von Baer <...> Dorpat. 1873 <...> (№ 29, с. 809—812).
183. «Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit». Bd. XIII. «Geschichte der deutschen Philosophie», v. Dr E. Zeller. München. 1873 <...> (№ 32, с. 884—886).
184. То же (№ 33, с. 904—906).
185. Нечто о характере нашего времени (Несколько слов по поводу одной журнальной статьи) (№ 36, с. 979—981).
186. «Der alte und der neue Glaube». Ein Bekenntniss von David Friedrich Strauss. Dritte Auflage. Leipzig. 1872 <...> (№ 39, с. 1054—1056).
187. То же (№ 40, с. 1080—1083).
188. То же (№ 41, с. 1103—1105).
189. «Простая вещь о мудреных вещах». Сочинение Михаила Погодина. М. 1873. 4° (№ 43, с. 1153—1155).
190. «Психологические этюды». И. М. Сеченова. СПб. 1873 г. (№ 47, с. 1260—1262).
191. То же (№ 48, с. 1286—1289).
192. «Франц фон Зикинген». Историческая трагедия в пяти действиях. Сочинение Фердинанда Лассалья. Перевод А. и С. Криль (№ 50, с. 1347—1348).

«Гражданин» 1874

193. Текущая минута (№ 1, с. 22—23).
194. Автобиография Джона Стюарта Милля. <...> СПб. 1874 (№ 6, с. 180—182).
195. Письма к редактору о нашем современном искусстве. Письмо I (По поводу новой оперы «Борис Годунов») (№ 8, с. 240—242).
196. То же. Письмо II (№ 9, с. 266—268).
197. То же. Письмо III (№ 11, с. 327—329).
198. Философский диспут 24 ноября (№ 48, с. 1211—1212).
199. Обучение народа (По поводу статьи «О народном образовании» гр. Л. Н. Толстого в «Отеч. зап.». Сентябрь 1874) (№ 48, с. 1213—1216).
200. То же (№ 50, с. 1273—1275).

«Природа». Сборник, кн. 1, М., 1874

- 200а. О развитии организмов. Попытка точно поставить вопрос (с. 1—58).

«Всемирная иллюстрация» 1874

201. Проекты памятника Пушкину (№ 275, с. 235, 238).

«Складчина. Литературный сборник». СПб., 1874

202. Заметки о Пушкине (с. 561—587).

«Русский вестник» 1875.

203. «Наследники». Повесть <...> Д. И. Стахеева. 2 тома. СПб. 1875 (№ 6, с. 799—817).

«Славянский сборник», т. 1. СПб., 1875

204. Предисловие (с. III—IX).

«Сочинения Аполлона Григорьева», т. 1. СПб., 1876

205. Предисловие (с. I—X).

«Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины». СПб., 1876

206. Из поездки в Италию (с. 75—92).

«Гражданин» 1876

207. Три письма о спиритизме. Письмо первое. Идолы (№ 41—42, с. 981—983).

208. То же. Письмо II. За непосвященных (№ 43, с. 1015—1018).

209. То же. Письмо III. Границы возможного (№ 44, с. 1056—1059).

«Кругозор» 1876

210. Аполлон Александрович Григорьев (№ 12, с. 192—193).

«Нива» 1877

211. К портрету Пушкина (№ 18, с. 282—286).

«ЖМНП» 1878

212. Об основных понятиях психологии. Глава 1. Различие между душой и телом (май, о. II, с. 29—51).

213. То же. Глава вторая и последняя. Изучение души (июнь, о. II, с. 133—164).

«Семейные вечера» 1880

214. Открытие памятника Пушкину (№ 6, с. 261—272).

«В память Ф. М. Достоевского». Торжественное общее собрание С. Петербургского славянского благотворительного общества. СПб., 1881

215. <Речь Н. Н. Страхова> (с. 15—34).

«Русь» 1881

- 216. Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском (№ 16, с. 15—18).
- 217. Письма о нигилизме (№ 23, с. 5—8).
- 218. Письма об нигилизме (№ 24, с. 14—17).
- 219. То же (№ 25, с. 8—10).
- 220. То же (№ 27, с. 20—21).

«ЖМНП» 1881

221. История и критика философии. Владимир Соловьев. «Кризис западной философии. Против позитивистов». М. 1874. Его же. «Критика отвлеченных начал». М. 1880. Статья первая (январь, о. II, с. 79—115).

«Семейные вечера» 1881

- 222. Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском (№ 2, с. 235—248).

Артур Шопенгауэр. «Мир как воля и представление». Перевод А. А. Фета. СПб., 1881

- 223. Предисловие к переводу (с. V—VIII).
То же (изд. 2-е, СПб., 1888).

«Гражданин» 1882

- 224. Новый рассказ гр. Л. Н. Толстого. «Чем люди живы» <...> (№ 10—11, с. 24—25).

«Отчет о первом присуждении пушкинских премий». СПб., 1882

- 225. «Два мира». Трагедия А. Майкова (с. 23—40).

«Русская мысль» 1883

- 226. Об основных понятиях физиологии (№ 5, с. 1—32).

«Русь» 1883

- 227. Взгляд на текущую литературу (№ 1, с. 52—60).
- 228. То же (№ 2, с. 33—42).
- 229. Поминки по Тургеневе (№ 23, с. 14—20).
- 230. «Вечерние огни». Собрание неизданных стихотворений А. Фета. М. 1883 (№ 24, с. 57—58).

Ф. М. Достоевский. «Полное собрание сочинений». Т. 1, СПб., 1883.

- 231. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском (с. 179—329).

«Новое время» 1884

232. Еще письмо о спиритизме (В редакцию «Нового времени») (№ 2848, 1. II).

«Русь» 1884

233. По поводу стихотворений графа А. А. Голенищева-Кутузова (№ 9, с. 60—64).

«ЖМНП» 1885

234. Некролог. Н. Я. Данилевский (декабрь, о. IV, с. 206—207).

«Новое время» 1885

235. Физическая теория спиритизма (Письмо в редакцию) (№ 3232, 26. II).
236. Закономерность стихий и понятий. Открытое письмо к А. М. Бутлерову (№ 3487, 11. XI).
237. То же (№ 3502, 26. XI).

«Русь» 1885

238. Французская статья об Л. Н. Толстом (№ 2, с. 13—18).
239. Историки без принципов. Заметки об Ренане и Тэне (№ 8, с. 7—8).
240. То же (№ 9, с. 4—7).

«Новое время» 1886

241. Поминки по И. С. Аксакове (№ 3599, 7. III).
242. И. С. Аксаков. «Биография Ф. И. Тютчева» (№ 3777, 4. IX).

«Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И. С. Аксакова (27 января 1886 года).» М., 1886

Поминки по И. С. Аксакове (с. 91—101) ¹.

«Гражданин» 1886

243. «Дарвинизм». Критическое исследование Н. Я. Данилевского. СПб. 1885 (№ 25, с. 4—6).

«ЖМНП» 1886

244. Главная задача физиологии (август, о. II, с. 311—338).
245. То же (сентябрь, о. II, с. 1—28).

«Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества» 1886

246. О книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (№ 12, с. 566—570).

¹ Перепечатка № 241.

«Русский вестник» 1887

247. Полное опровержение дарвинизма. «Дарвинизм». Критическое исследование Н. Я. Данилевского. <...> СПб. 1885 (№ 1, с. 1—62).
248. Всегдашняя ошибка дарвинистов (№ 11, с. 66—114).
249. То же (№ 12, с. 98—129).

«Русский вестник» 1888

250. Наша культура и всемирное единство (Замечания на статью г. Влад. Соловьева «Россия и Европа», «Вестник Европы», 1888, февр. и апрель) (№ 6, с. 200—256).

«Знакомые. Альбом М. И. Семеvского», СПб., 1888

251. <Автобиография. 1879> (с. 80).

Н. Я. Данилевский. «Россия и Европа». Изд. 3-е. СПб., 1888

252. Предисловие (с. V—XXXII).
Жизнь и труды Н. Я. Данилевского (изд. 4-е, СПб., 1889, с. IX—XXXIV).
То же (изд. 5-е, СПб., 1895, с. IX—XXXI).

«ЖМНП» 1889

253. «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания». В. Розанова, М. 1886 (сентябрь, о. II, с. 124—131).

«Русский вестник» 1889

254. Последний ответ Вл. С. Соловьеву (№ 2, с. 200—212).
255. А. С. Фамицын о «Дарвинизме» Н. Я. Данилевского (№ 4, с. 225—243).
256. Воспоминания о поездке на Афон (№ 10, с. 120—144).
257. Спор из-за книг Н. Я. Данилевского (№ 12, с. 186—203).

«Новое время» 1889

258. Юбилей поэзии Фета (№ 4640, 28. I).
259. Поминки по Аполлоне Александровиче Григорьеве (№ 4876, 25. IX).

«Новое время» 1890

260. Новая выходка против книги Н. Я. Данилевского (№ 5231, 21. IX).
261. То же (№ 5242, 2. X).

«Русский вестник» 1890

262. Д. Щеглов. «История социальных систем от древности до настоящих дней». Т. I <...> СПб., 1870. Т. II <...> СПб., 1889 (№ 5, с. 265—276).

«Вопросы философии и психологии» 1891

263. О законе сохранения энергии (№ 6, с. 97—131).

264. Толки об Л. Н. Толстом (Психологический этюд) (№ 9, с. 98—132).

«ЖМНП» 1891

265. «Введение в философию». Сочинение Генриха Струве. Варшава, 1890 (февраль, о. II, с. 389—397).

266. Заметка о предыдущем «Ответе» (апрель, о. II, с. 460—462).

«Записки императорской Академии наук» 1892

267. «Повести и рассказы» И. Н. Потапенко. Том второй (кн. 2, приложение 7, с. 64—67).

«Русский вестник» 1892

268. Итоги современного знания (По поводу книги Ренана «L'avenir de la science») (№ 1, с. 65—94).

269. Ход и характер современного естествознания (№ 3, с. 230—249).

270. Несколько слов об Ренане (№ 11, с. 242—263).

«Вопросы философии и психологии» 1892

271. Ответ на письмо неизвестного (кн. 11, с. 94—100).

«Русский вестник» 1893

272. Заметки об Тэне (№ 4, с. 238—258).

«ЖМНП» 1894

273. «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», Константина Ушинского <...> СПб. 1894 (март, о. II, с. 184—185).

«Русский вестник» 1894

274. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского (№ 10, с. 154—183).

«Десятое присуждение пушкинских премий». СПб., 1894

275. <Отзыв о стихотворениях гр. А. Голенищева-Кутузова> (с. 2—14).

«Вопросы философии и психологии» 1894

276. О задачах истории философии. «Очерк истории философии <...>» Н. Страхова. Харьков, 1893. «Чтение о божестве по началам разума <...>» Н. Страхова. М., 1893 (кн. 1, о. II, с. 1—34).

«Русское обозрение» 1894

277. Злодейства особого рода (№ 10, с. 604—611).

«Русский вестник» 1897

278. О времени, числе и пространстве (№ 1, с. 69—81).
279. То же (№ 2, с. 264—278).

«Исторический вестник» 1897

280. Воспоминания о ходе философской литературы (№ 5, с. 423—434).

«Естествознание и география» 1899

281. Значение естественных наук в общем образовании (№ 9, с. 10—38).

А. А. Фет. «Полное собрание стихотворений». Т. 1, СПб., 1901

282. А. А. Фет. Биографический очерк (с. XXVII—XXXVII).
283. Заметки о Фете (с. XXXIX—LV).
То же (изд. 2-е, СПб., 1910, с. XXVII—LIV).

«Исторический вестник» 1901

284. Главная задача истории (№ 3, с. 1012—1020).

«Вопросы философии и психологии» 1902

285. Письма о философии (кн. 1, с. 783—793).

«Исторический вестник» 1902

286. Описание Днепра у Гоголя (№ 2, с. 581—582).

«Известия отделения русского языка и словесности ИАН» 1912

287. <Автограф в альбоме О. А. Милоковой, 1860> (кн. 4, с. 81).

III. Стихотворения

288. Н. С. Ночная заметка («Современник», 1854, № 6, «Литературный ералаш», тетрадь 4, с. 60—62).
288а. Комета («Русский вестник», 1860, июль, кн. 1, с. 191—192).
288б. «В тиши моей жизни ничтожной...» (там же, август, кн. 1, с. 516).
289. Старые стихотворения («Отечественные записки», 1866, апрель, кн. 1, с. 403—407).
290. Стихотворения (Н. Н. Страхов, «Воспоминания и отрывки», СПб., 1892, с. 297—313).
291. Стихотворения («Русское обозрение», 1892, № 9, с. 5—12).
292. Из неизданных стихотворений Н. Н. Страхова («Нива. Ежемесячные литературные приложения», 1897, № 10, стлб. 279—294).
293. Из посмертных стихотворений Н. Н. Страхова (там же, 1898, № 8, стлб. 621—622).

IV. Переводы

294. Главные черты истории философии. (Из «Истории философии» Куно Фишера) («Время», 1861, № 7, с. 173—200).
295. Учение Спинозы о божестве (Из «Истории философии» Куно Фишера) (там же, № 9, с. 117—140).
296. Значение и жизнь Спинозы. Из «Истории новой философии» Куно Фишера («Светоч», 1861, № 9, о. II, с. 99—128).
297. Куно Фишер. История новой философии. СПб., т. 1, 1862. XV, 509 с., т. 2, 1863. XX, 560 с., т. 3, 1864. XXI, 556 с., т. 4, 1865. XX, 624 с.
298. Ф. В. И. Шеллинг. Историко-критическое введение в философию мифологии. Лекция первая («Якорь», 1863, № 1, с. 9—13; № 2, с. 29—33). Лекция вторая (там же, № 4, с. 71—73; № 7, с. 124—128).
299. Т. Шванн. Анатомия человеческого тела. СПб., 1865. 148 с.¹
300. А. Брем. Жизнь птиц. СПб., 1866. XXVI, 695 с.
301. Клод Бернар. Введение к изучению опытной медицины. СПб. — М., 1866. 302, III с.
302. Д. Г. Вуд. Гнезда, норы и логовища. СПб. — М., 1867. II, XII, 626 с.
303. Куно Фишер. Франциск Бакон Веруламский. Реальная философия и ее век. СПб., 1867. 360 с.
304. А. Брем, Е. Россмесслер. Лесные животные. Звери, птицы и пресмыкающиеся. СПб., 1867. 790 с.
То же. СПб., 1893. 647 с.
305. Д. и Ч. Ливингстон. Путешествие по Замбези <...> СПб. — М., 1867. Т. 1, 332, VII с. Т. 2, VIII, 320 с.
306. И. Гонергер. История культуры девятнадцатого века. Т. 1. СПб. 1869, 324 с.²
307. Л. Фигье. Светила науки от древности до наших дней. Т. 1. СПб. — М., 1869. IV, 427 с.
308. К. Франц. Физиология государства как основание политических наук. СПб., 1870. 315 с.³
309. И. Тэн. Об уме и познании. СПб., 1872. Т. 1, 273, XII с. Т. 2, XI, 329 с.
То же, изд. 2-е, СПб., 1894. XXI, 542 с.
310. С. Смайльс. Характер. СПб., 1872. 340, III с.⁴
311. Ф. А. Ланге. История материализма и критика его значения в настоящее время. СПб., т. 1, 1881. 386 с.; т. 2, 1883, 487 с.
То же, изд. 2-е, СПб., 1899. 748 с.
312. А. Брем, Е. Россмесслер. Лесные животные. Охранители и истребители леса. СПб., 1890. 105 с.
313. Те же. Лесные животные. Музыканты и хористы леса. СПб., 1890. 129 с.
314. Трепальщик льна (Из «Воспоминаний детства и молодости» Ренана) («Русское обозрение», 1893, № 5, с. 102—127).
315. Образчики былых людей (Из «Souvenirs d'enfance» Ренана) (там же, 1894, № 1, с. 193—208; № 2, с. 649—667).
316. Д. Ф. Штраус. Вольтер, его жизнь и сочинения. СПб., 1871. 436 с.⁵

¹ Переводчик не указан. Источник атрибуции: Б. В. Никольский, Н. Н. Страхов, «Исторический вестник», 1896, № 4, с. 251.

² То же.

³ То же.

⁴ То же.

⁵ Книга запрещена и уничтожена цензурой. Экземпляр имеется в ГПБ. См. Л. М. Добровольский, Запрещенная книга в России, М., 1962, с. 76.

Д. К. ЗЕЛЕНИН И ЕГО СВЯЗЬ С ЭСТОНСКОЙ НАУКОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВНОГО ФОНДА УЧЕНОГО)¹

Н. И. ГАГЕН-ТОРН, А. П. ВАСИНА

Член-корреспондент Академии Наук СССР Дмитрий Константинович Зеленин был воспитанником Тартуского (быв. Юрьевского) университета и на всю жизнь сохранил связи и интерес к эстонской науке.

Родился Д. К. Зеленин 21 октября (стар. стиля) 1878 года в селе Мок Вятской губернии Сарапульского уезда. Он был десятым ребенком в семье сельского дьячка, детство его прошло в большой бедности. Учился сначала в духовном училище, а потом в Вятской духовной семинарии. В 1898 г., окончив семинарию, как один из лучших учеников, был направлен в Казанскую духовную академию. Но «духовная» карьера не привлекала юношу. Он писал в дневнике: «Для меня теперь сделалось необходимою получить высшее образование, соответствующее моим наклонностям. Я теперь задыхаюсь в душной атмосфере семинарии, чувствую настоятельную потребность изменить эту рутинную жизнь»².

Сразу по окончании семинарии он не мог продолжать образование, т. к. не имел средств. Пришлось год проработать преподавателем в подготовительном классе Сарапульского духовного училища, одновременно готовясь в университет.

Летом 1899 г., с двумя рублями в кармане, Зеленин приехал в г. Юрьев поступать в университет.

7-ого августа он записал в дневнике: «Снял комнату. Осталось 30 копеек. Пробавляюсь одним пеклеванным хлебом, черного нигде не нашел. Но скоро выйдут и эти 30 коп. — тогда не знаю что будет, хоть умирай с голоду»³.

Трудности не испугали юношу. Он блестяще выдержал экзамены и поступил на историко-филологический факультет Юрьевского университета, горячковойдя в университетскую жизнь, которая для него связывалась с наблюдением окружающего.

Для Д. К. Зеленина наука не была оторванной от жизни, он рано заинтересовался изучением народного быта и языка. В родном селе Мок, куда он приезжал на каникулы из семинарии, он записывал народные обычаи, предания, песни. В 1898 г. в семинарию попала этнографическая программа кн. В. Н. Тенишева, который приглашал всех желающих сообщать сведения по этнографии великоруссов. Зеленин начал собирать этнографические материалы по этой программе и послал ряд рукописей в Бюро кн. Тенишева.

¹ Архивный фонд Д. К. Зеленина (№ 849) хранится в Ленинградском отделении Академии наук СССР.

² Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (ЛО ААН СССР), ф. 849, оп. 2, № 2, л. 65.

³ ЛО ААН СССР, ф. 849, оп. № 2, л. 114 об.

Приезд в Юрьев поставил его в совершенно новую обстановку, ввел в иную культуру. Он с интересом наблюдает незнакомую жизнь, делает заметки в дневнике в первые дни приезда: «Улицы в городе, с которыми я уже имел возможность познакомиться — чистые, мощеные, но узкие и не прямые, вроде московских: легко заплутаться, выручают надписи»⁴.

Пишет о жизни города, так сильно отличавшегося от глухой русской провинции, что поразило юношу:

«Кажется нигде не умеют и не любят так праздновать, как в Юрьеве. Если в будничные дни здесь на улице масса гуляющих, то в праздники улицы, а особенно набережная и сады запружены. Многие магазины закрыты даже и во время с 1—4 ч. У киров толпы входящих и не входящих. У пристани какие-то флаги и опять-таки толпы. У пароходиков также трется народ. Делом никто не занят, даже извозчики и городовые и те как-то в праздничном, заметном настроении. Впрочем, для тех и других, особенно же для последних, здесь нет никакого дела: порядок замечательный, от немцев заражаются корректностью. И только не знающие город расспрашивают городских об улицах. Извозчиков также спасает от скуки замечательная кривизна и безалаберщина здешних улиц, иначе бы ими, кажется, никто не пользовался: грязи здесь нет и в помине, все улицы мощеные; тротуары хотя и узкие (потому что улицы узкие), но также отменные. Мосты прекрасные, сады также устроены прелестно, только маленькие»⁵.

С первых дней он не только делает записи в дневник, но собирается писать корреспонденции о Юрьеве в журналы. Все студенческие годы Д. К. Зеленин существовал на литературный заработок: рецензии, заметки, корреспонденции в газетах и журналах Риги, Москвы, Петербурга. Среди этих заметок нашли место и юрьевские впечатления и отображения университетской жизни. О Юрьеве в течение студенческих лет им написаны статьи: 1) «Студенчество старого Дерпта» («Вестник всемирной истории», 1901 г., № 3); 2) «Столетие Юрьевского университета (1802—1902 гг.)» («Исторический вестник», 1903 г., № 1); 3) «Столетие Юрьевского университета» (журнал «Нива», 1902 г., № 44).

Для статей к столетию университета Д. К. Зеленин собрал большой иллюстративный материал, который не был напечатан, но сохранился в его архиве⁶. Это 50 фотографий, изображающих различные здания университета, актовый зал во время празднования юбилея, здания студенческих корпораций, студенческие празднества и места прогулок. Фотографии представляют несомненный интерес для истории университета и г. Тарту. Специально о городе написана им статья — 4) «Старый Дерпт» (журнал «Природа и люди», 1903 г., № 8—9).

Помещены в «Историческом вестнике» рецензии на книги: 1) проф. Е. В. Петухов, «Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете. К столетию существования университета», Юрьев, 1900 г.; 2) A. von Gernet, *Die im Jahre 1802 eröffnete Universität Dorpat und die Wandlungen in ihrer Urfassung. Ein Gedenkblatt zum 21 April 1902*, Reval, 1902 (1902, № 6);

3) Сборник учено-литературного Общества при Юрьевском университете, т. V, Юрьев, 1902 (1902, № 12);

4) Сборник учено-литературного Общества при Юрьевском Университете, т. VI, Юрьев, 1903 (1903, № 8);

5) Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского (быв. Дерптского) университета за сто лет его существования (1802—1902), т. II, под ред. Г. В. Левицкого, Юрьев, 1903 (1903, № 9).

В эти же годы студенчества Д. К. Зеленин написал книгу «Путеводитель и справочная книжка по г. Юрьеву и Юрьевскому университету», Юрьев,

⁴ Там же, ф. 849, оп. 2, № 2, л. 113.

⁵ Там же, ф. 849, оп. 2, № 2, л. 116.

⁶ Там же, ф. 849, оп. 4, № 11, лл. 1—50.

1904, 189 стр. с иллюстр., картой и планом. «Дополнения к Путеводителю по г. Юрьеву и Юрьевскому университету», Юрьев, 1905. Книга получила широкое распространение и вышла вторым изданием в 1909 г.

Приехав в чужой город, Д. К. Зеленин полон новых впечатлений и наблюдений, но приходится ему нелегко. Поражает, сколько потребовалось смелости, упорства и работоспособности молодому Зеленину, чтобы преодолеть нужду, голодному, без денег, сдать экзамены и поступить в университет. Дневник первого месяца пребывания в Юрьеве пестрит упоминаниями о нужде и борьбе с голодом. Он пишет 8 августа:

«Наконец-то я купил чернил и могу теперь записать впечатления и чувства на бумаге. А впечатлений слишком много и мои чувства слишком мрачны»; идет перечисление, что надо купить лампу, керосин, матрац и т. д., а денег нет.

Далее запись от 10 августа: «8 ч. утра. Встал так рано отчасти и для того, чтобы приучить себя не опаздывать на лекции, а отчасти — и даже главным обр. потому, что нет керосину: лампа, благодаря любезности хозяев, еще есть, но керосину нет и купить не на что. Чувствую головную боль и слабость — скорее следствие недоедания, точнее плохого питания: сегодня утром купил 3½ фунта хлеба пшеничного за 14 коп. и в кармане осталось 5 коп. Что с ними делать?»⁷.

Он бегаёт на почту узнать, не пришел ли гонорар за написанные еще дома, в Сарапуле, заметки в журналы, сдает экзамены, жадно всматривается в жизнь города и университета — начинает слушать лекции, едва успев сдать все экзамены.

23 августа записывает: «Почти весь день провел не дома, а именно: с 10—12 в университете за лекцией статистики, которую думаю слушать весь курс, с 12—1 часу в читальне, с 1—2 обедал, с 3—7 опять в университете, лекцию франц. яз. и «ист. римск. пр.» Дьяконова. Этот — дельно, хорошо знает, любит науку, следит, увлекается сам и умеет увлекать, в восхищении. Он говорил о методе истории и о ее значении. Во всё прочее время переписываю рукопись Тенишеву «Личные отношения», 107. Опять подробно, с литературной обработкой, рубл. на 10 будет и ладно»⁸.

Записи о необходимости найти литературный заработок все время перемежаются с впечатлениями первого знакомства с жизнью университета, его кружками, лекциями, студенческими встречами. Это калейдоскоп отрывочных мыслей, торопливо набросанных. 24 августа Зеленин пишет: «Через единственного своего, более менее дельного знакомого студента, новичка-филолога Десницкого, узнал что здесь есть «Общество русских студентов», законом установленное, в кот. 20—30 студентов, лучших, самых сильных, и лучшие профессора, по выбору студентов. Читаются рефераты, имеется биб-ка, проходят дебаты. Советуют выйти с рефератом; не мешало бы потолковать об «самоанализе», тогда легко в члены; жаль, что психологию у нас не читают. Восхищаюсь Дьяконовым, серьезным ученым, его увлечением, способностью увлекать других, крайней осторожностью. Он толковал сегодня м. пр., о новой сравнительной методе учения и о марксизме. В последнем отношении я неуч по сравнению с Десницким; марксизмом, очевидно увлекаются и здесь...»⁹.

Во всем стиле записей, даже построения фразы, знаках препинания (которые мы сохраняем в его транскрипции) чувствуется торопливость, захлебывающаяся новыми интересами молодость.

Он записывает: «Живу ли я? Нет, я вечно тороплюсь — на лекции, в читальню, обедать, домой чай пить. Слушаю много и с удовольствием. «Целый мир порывался я мыслью объять». Да, жадность, хочется сразу схватить всю эту науку. Слушаю часов 20 необязательных. И вместе начинаю опять зубрить по языкам: хочется получить 5 на экзаменах и заполучить после рождества

⁷ Там же, ф. 849, оп. 2, № 2, л. 117—117 об.

⁸ Там же, л. 124 об.

⁹ Там же, л. 125.

освобождение от платы лекций, а после ваканта — стипендию. Мечтаю о медали за сочинение. Зубрю немецкий и слушаю лекции франц.»¹⁰.

С первого курса Д. К. Зеленин имел уже вполне определившееся стремление заниматься этнографией. Этнография тогда не преподавалась в университетах, не рассматривалась как самостоятельная научная дисциплина, и студент Зеленин пишет: «Специальностью моею будет, вероятно, русская история. Дьяконов, Шмурло и Петухов сделали свое дело. История привлекает, как столь близкая к этнографии и этой «живой старине». Читаю Пыпина «История этнографии».

С первых же курсов Дмитрий Константинович начинает вести исследовательскую работу. Летом 1901 г. филологический факультет университета командировал его в Яранский уезд Вятской губ. для изучения местных говоров. В результате этой поездки в «Записках Юрьевского университета» появился его серьезный научный отчет по диалектологии Яранского уезда; в журнале «Живая старина» статья: «Особенности в говоре крестьян юго-восточной части Вятской губернии» (1901 г., № 1), удостоенная серебряной медали Русского географического общества, в журнале «Вестник воспитания» (1901, № 8) статья — «Новые веяния в народной поэзии». В ней автор высказывает новую, оригинальную точку зрения на частушки и их изучение, важное для современного перелома в жизни деревни. Так началась настоящая самостоятельная научная работа Д. К. Зеленина. В студенческие годы, одна за другой, выходят его лингвистические, этнографические и фольклорные статьи. Очень рано Д. К. Зеленин выработал свою методику научных исследований, выраставших из наблюдений окружающей жизни. Наука для Зеленина не была отвлеченной — она служила для объяснения окружающего, для анализа исторических процессов, изученных «ретроспективным методом», как он назвал это позднее, т. е. — исходя из современности, идти в глубь истории, записав и установив этнографические факты, найти им объяснение, привлекая для этого исторические и лингвистические источники, как вспомогательные. Этот научный прием, характерный для всей дальнейшей научной работы Д. К. Зеленина, выработался еще в годы студенчества. Юрьевский университет был для него прекрасной школой.

В архиве Д. К. Зеленина сохранились тщательно составленные записки следующих курсов лекций, читанных профессорами в годы его студенчества¹¹:

Ардашев П. Н. «Ист. зап. европ. литер.» (ед. хр. 29).

Будилович А. С. «Славянская история и филология» (ед. хр. 92).

Дьяконов М. А. «История русского права» и «История государств. устройства» (ед. хр. 236 и 237).

Крашенинников М. Н. «История древней литературы» (ед. хр. 368).

Кудрявский Д. Н. «Введение в языкознание» и «Сравнительная грамматика» (ед. хр. 379).

Мазинг Л. К. «Церковно-славянск. грамматика» (ед. хр. 436).

Миклашевский А. Н. «Статистика (история науки)» (ед. хр. 470).

Никитский А. В. «История Римской империи» (ед. хр. 487).

Озе Я. Ф. «Психология и логика», «История древней философии», «История новой философии» (ед. хр. 507—509).

Пассек Е. В. «История римского права» (ед. хр. 527).

Петухов Е. В. «История древней литературы» (ед. хр. 557).

Филиппов, А. Н. «История учреждений XVIII в.» (ед. хр. 736).

Шмурло, Е. Ф. «Русская история» (ед. хр. 812).

В 1905 году Дмитрий Константинович Зеленин окончил курс Юрьевского университета, по кафедре славяно-русской филологии, со степенью кандидата. За кандидатскую работу «Германские, романские и латинские элементы, вошедшие в русский язык до XV века» Академия наук присудила ему

¹⁰ Там же, л. 126.

¹¹ Там же, ф. 849, оп. 5. №№ 29, 92, 236, 237, 368, 379, 436, 470, 487, 507—509, 527, 557, 558, 736, 812, 823.

премию им. М. И. Михельсона. Затем он был оставлен при кафедре языкознания, руководимой проф. Д. Н. Кудрявским, для подготовки к профессорскому званию.

В 1906 г. Дмитрий Константинович был прикомандирован к Академии наук и переехал в Петербург. Здесь его захватила работа по «словарию русского языка» и участие в деятельности Географического Общества. Расширялись и углублялись исследования по восточно-славянскому фольклору и этнографии. Д. К. Зеленин продолжает также интересоваться этнографией Эстонии. В 1906 г. в журнале «Живая старина» (т. XV, № 4) появилась его статья «Эстонские толкования снов».

В архиве Д. К. Зеленина сохранился ряд иллюстраций по эстонской этнографии¹².

С 1906 по 1916 гг. ученый занят подготовкой и защитой сначала магистерской, а потом докторской диссертации. Он отошел в эти годы от связи со своей alma mater. Но, видимо, у него не исчезла мысль вернуться в Юрьев. В его архиве имеются два письма преподавателя Юрьевского университета Г. Ильинского от 8 ноября 1916 г. и 9 января 1917 г., где идет речь о возможности Зеленину занять кафедру этнографии в Юрьевском университете. Видимо, отвечая на запрос Д. К. Зеленина, Ильинский сообщает, что существование такой кафедры поставлено под сомнение и, вероятно, она будет ликвидирована. Зеленин посылал Ильинскому свои работы. Ильинский благодарит за полученные книги и пишет: «Удивляюсь тому, что Ваша продуктивность, несмотря на тяжелые времена, все увеличивается и не в ущерб высокому научному качеству Ваших работ»¹³.

Дмитрий Константинович Зеленин, ученый огромной эрудиции, постоянно следил за всей мировой литературой по этнографии и смежным специальностям, считая чрезвычайно важными для науки международные научные связи. После Октябрьской революции в 20-ые и 30-ые годы он многое сделал для ознакомления Западной Европы с достижениями советской науки, принимая участие в ряде международных этнографических изданий. Он печатал свои статьи в журналах: «Slavia», «International Archiv für Ethnografie», «Slavische Rundschau» и др. о состоянии и достижениях советской этнографической науки.

Когда директор Эстонского Национального музея, известный ученый, этнограф И. Маннинен (I. Manninen) был в Ленинграде, Д. К. Зеленин снабдил его целым рядом советских этнографических работ. В архиве имеется письмо И. Маннинена, написанное 5 июля 1928 г. по возвращении в Тарту. Маннинен благодарит за любезный прием и сообщает, что отправил три экземпляра, изданные музеем в Тарту, альбом эстонских национальных костюмов, брошюру Г. Рянка об эстонском народном музее и другие книги в адрес Ленинградского Этнографического института Академии наук¹⁴.

Обмен книгами и научными сообщениями был постоянной заботой Дмитрия Константиновича. Даже в 1930-ые годы, когда связь с заграницей была особенно затруднена, Дмитрий Константинович не прекращал научной переписки с зарубежными учеными. К нему обращались за справками и консультациями, и он чрезвычайно охотно всем откликался.

В 1934 году (1 октября) ему прислал письмом директор Эстонского фольклорного архива, известный эстонский ученый Оскар Лооритс (Oskar Loorits), прося прислать работу об имущественных запретах и другие работы, которые Лооритс не может достать. Он интересовался сказками об огне, помещенными в «Балаганском сборнике».

Дмитрий Константинович немедленно ответил ему, прислал книги и выписку из «Балаганского сборника» — разговор двух огней; — в архиве име-

¹² Там же, ф. 849, оп. 4, № 26.

¹³ Там же, ф. 849, оп. 3, ед. хр. 188, л. 1.

¹⁴ Там же, ф. 849, оп. 3, ед. хр. 268.

ется письмо О. Лооритса от 15 октября, где он благодарит за доставленные Зелениным материалы к его работам¹⁵.

Завязалась сохранившаяся в архиве длительная научная переписка, продолжавшаяся с 1934 по 1941 год и заключающая 17 писем на 18 листах.

О. А. Лооритс сообщает о своих работах, просит русскую библиографию легенд о св. Касьяне Римлянине, над которым он работает, благодарит за указания по разным вопросам, сообщенные Д. К. Зелениным. «Меня крайне удивляет Ваша блестящая библиография, которая делает возможной Вашу беспримерную продуктивность», — писал проф. Лооритс (письмо от 12 февраля 1937 г.). В следующем письме он предлагает Д. К. Зеленину принять участие в юбилейном сборнике Эстонского научного общества и в журнале «Acta Ethnologica» по вопросам Балто-скандинавии и Востока. Секретарь общества д-р П. Арумаа присоединяется к предложению Оскара Лооритса и сообщает, что они были бы рады получить статью Д. К. Зеленина в юбилейный сборник¹⁶. Дмитрий Константинович послал туда статью на немецком языке «Der alte estnische Brauch den Vogelbetrug essen», которая и была напечатана в 1938 году в сборнике «Literaturum societatis Estonica 1838—1938, Liber saecularis» № 1 (машинопись имеется в архиве).

С Тарту налаживается постоянный книжный обмен и письменная информация. Оскар Лооритс восторженно отзывается о журнале «Советская этнография», где помещены обзор Д. К. Зеленина о культурной революции у народов Сибири и его мордовские материалы (1938, № 1); пишет о желательности контакта европейских этнологов с русскими коллегами; спрашивает, можно ли надеяться, что русские примут участие в конгрессе, который состоится в Стокгольме в 1940 г. (письмо от 28 ноября 1938 г.).

С присоединением Эстонии к Советскому Союзу в 1940 г. связь Д. К. Зеленина с Оскаром Лооритсом и с другими эстонскими учеными становится еще более активной. Дмитрий Константинович старается привлечь эстонцев к участию в советских изданиях. В письмах Оскара Лооритса от 6, 29 и 31 января 1941 г. речь идет о подготовке и отправке работ по материалам Эстонского фольклорного архива для публикации в журнале «Советская этнография».

В письме от 26 марта 1941 г., кроме сообщения о сказках из Эстонского фольклорного архива и переводе их на русский язык, видимо, отвечая на вопрос Д. К. Зеленина, проф. Лооритс сообщает о количестве ливов и советует обратиться за обзором их фольклора к д-ру Линнусу, директору Этнографического музея Эстонской ССР, который занимался ливами.

Видимо, Д. К. Зеленин последовал его совету, т. к. имеется письмо д-ра Линнуса от 5 апреля 1941 г., где он сообщает, что высылает Зеленину рукопись «Обзор этнографической работы в Эстонии» (для журнала «Советская этнография») и благодарит Д. К. Зеленина за присылку книг¹⁷.

Книжный обмен налаживается и с другими учеными Эстонии: ассистент кафедры археологии Тартуского университета М. Шмидельгельм благодарит Д. К. Зеленина за присланные книги, в свою очередь посылает издания Тартуского университета и спрашивает, какие еще из работ университета интересуют Институт этнографии Академии наук СССР, библиотекой которого ведал Д. К. Зеленин.

Д. К. Зеленин привлек проф. Тартуского университета Густава Рянка (Gustav Ränk) к участию в сборнике «Народы СССР», прося написать статью об эстах.

В Архиве имеется статья Г. Рянка на русском языке с правкой Д. К. Зе-

¹⁵ Фонд 849, оп. 3, ед. хр. 252.

¹⁶ Там же, оп. 3, ед. хр. 69.

¹⁷ Там же, оп. 3, ед. хр. 248.

ленина¹⁸ и два его письма от 2 января и 9 декабря 1940 г. по поводу этой статьи и о ходе этнографической работы в университете в Тарту¹⁹.

Дмитрий Константинович в 1940-ом году вошел в контакт с коллективом эстонских ученых, которые согласились написать для сборника «Народы СССР» работу «Эстонцы».

Из-за начавшейся войны предполагаемый сборник не вышел. В архиве сохранились отдельные очерки эстонских ученых, составленные по разделам работы, и сопроводительное письмо проф. Г. Рянка от 20 декабря 1940 г.²⁰

Имеется также написанная Д. К. Зелениным статья «Современная эстонская этнография», которая отсутствует в списке его печатных трудов. Сохранилась ее рукопись и машинопись (26 стр.). Эта работа представляет большой интерес, т. к. в ней автор дает историю эстонской фольклористики и этнографии, оценку деятельности эстонских ученых, указывая, что «в Европе очень мало народов, которые столь много сделали и продолжают делать для этнографического изучения своей страны, как эсты». Наиболее выдающимся он считает Архив эстонского фольклора.

Д. К. Зеленин считал, что хотя за последнее время фольклористика тесно смыкалась с литературоведением, основные проблемы изучения фольклора неотделимы от этнографии. В статье дается оценка фольклористики и этнографии Эстонии.

Характерной чертой Д. К. Зеленина как ученого было стремление выявить и включить в научное обращение возможно большее количество разностороннего материала. Он постоянно организовывал обмен книгами, втягивал местных собирателей в научное общение, публиковал труды других ученых и предоставлял к пользованию свои труды.

После войны научные связи Д. К. Зеленина с Эстонией возобновились. Ему пишет профессор Тартуского университета П. Аристэ 8 декабря 1947 г., благодарит за обзор рукописных материалов Географического Общества СССР, составленный Зелениным, спрашивает о возможности получить материалы по лифляндским ливам²¹.

Пишут ученицы Д. К. Зеленина по Ленинградскому университету, работающие в Таллине по этнографии Эстонии — Э. Эпик (E. Orik) и Е. В. Рихтер, советуясь о своих работах. Переписка с ними относится к 1953 году. Дмитрий Константинович скончался 30 августа 1954 г. в Ленинграде.

Глубокое убеждение ученого в том, что задачи науки требуют разностороннего рассмотрения и обмена работ, способствовало тому, что он, славист широкого профиля, не переставал интересоваться научной жизнью других народов.

¹⁸ Там же, оп. 5, ед. хр. 609.

¹⁹ Там же, оп. 3, ед. хр. 371.

²⁰ Там же, оп. 1, ед. хр. 177.

²¹ Там же, сп. 3, ед. хр. 65.

УТОПИЯ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

В. Т. АДАМС

Публикуемая нами поэма Игоря Северянина «Солнечный дикарь» обращает на себя внимание историка русской литературы, прежде всего, необычным для этого автора замыслом. Мы знаем Северянина, как самовлюбленного лирика, не разбирающегося в общественных проблемах, как ловкого версификатора, сумевшего вложить в свои субъективистские «поэзы» большую напевность и легкость. Даже его стихотворные романы, созданные в 20-ые и 30-ые годы, носят автобиографический и, так сказать, амурный характер, не затрагивая общественных проблем. Поэтому всем знающим Северянина покажется странной и неожиданной сделанная им попытка обратиться к объективному повествованию, к эпичности, к жанру утопии (сам он назвал свою поэму «утопической эпопеей»). В десяти главах этой поэмы можно проследить постановку (хотя и в весьма незрелой, наивной форме) некоторых социальных проблем, элементы критики буржуазного мира и попытку нарисовать идеальный общественный строй. Уровень «философии» Северянина таков, что с ней серьезно полемизировать не приходится, но антивоенный пафос поэмы, при всей наивности, имел все же прогрессивную направленность, а попытка усвоения демократической терминологии и круга представлений, которые условно можно назвать рецепцией руссоизма, — оправдывает интерес историка литературы к этому необычайному детичу северянинской музыки.

Демократические идеи в поэме проявляются, прежде всего, в теме Человека. Само слово «человек», по традиции, восходящей в XX веке к М. Горькому, пишется с заглавной буквы. Этот — настоящий — человек воспевается, ставится на пьедестал как существо мудрое (у него «мысль и речь сильна») и доброе (его «сердце откликается на вздохи»). Именно такому человеку должна соответствовать та прекрасная жизнь, о которой Северянин мечтает в своей «утопической эпопее».

Но прежде чем перейти к рассмотрению «утопии», необходимо оговориться, что Северянин далеко не всех людей считает добрыми. Он склоняется к мысли, что «людей» есть две породы», а в поэме говорит, главным образом, о «человеке-звере». Тут мы имеем дело, вероятно, с традицией, идущей от натуралистических романов Эмиля Золя¹ и воспринятой Северяниным (говоря в биографическом плане) через творчество Ги де Мопассана. В библиотеке Северянина имелся и экземпляр путевых записок Мопассана с предисловием Л. Н. Толстого². Этой любимой им книге он посвятил сонет «Мопассан 2» (в сборнике сонетов о писателях и композиторах «Медальоны»), в котором говорится:

¹ E. Zola. La bête humaine. Русский перевод: «Человек-зверь», изда-ние Б. К. Фукса, Киев, 1903, — имелся в библиотеке Северянина.

² Г. де Мопассан. На воде, М., 1894, изд-во «Посредник».

Все, что на паруснике «Bel — ami»
Продумал он о людях — непременно:
Людьми не возмущаться невозможно,
Кто знал зверей, зовущихся людьми³.

Впрочем, если бы мы не имели конкретных сведений о библиотеке и круге чтения поэта, мы могли бы и а priori сослаться на рецепцию дарвинизма и натурализма в России, как на источник получившей хождение в кругах буржуазной интеллигенции концепции о звериной природе человека. Социальный дарвинизм и натурализм, рассматривающие человеческое общество по аналогии с жизнью животных («зверей») уже в конце XIX века хлынули в западно-европейские литературы, а после революции 1905 — и в русскую, приобретая порою аксиоматический характер. В результате их смешения с демократическими идеями в литературу проникает своеобразный «биологический демократизм». Под воздействием последнего явно находится и разбита утопия Северянина.

Положительная же часть утопии является результатом рецепции позднего руссоизма, тоже воспринятого через литературные каналы. Черты утопического общества в поэме Северянина — типичный руссоизм, но руссоизм, воспринятый не из первоисточника, а из литературы первой четверти XX века. Эта поздняя рецепция идей Руссо отличалась малопродуктивным, а у Северянина — и эпигонским характером. Она не только не внесла ничего нового в развитие идей великого женеваца, но и, теряя свойства философской системы, раздробилась на отдельные, несвязуемые в целое элементы. Подобный эпигонский «руссоизм» характеризует, в первую очередь, концепцию северянинской утопии. Идеальное общество должно быть обществом миролюбивых людей, близких к природе:

...люди прекратят вражду и ссоры,
И будут над рекою строить дом
С окном на безмятежные просторы.

В идеальном обществе Северянина не будет ненужной механической культуры (даже города, эти «гниючки ненужной им культуры», «люди поразрушат!»). Не будет вообще ничего усложненного. Идеальный мир — мир простоты, мир ремесленника и крестьянина:

Да здравствует кузнец и рыболов,
Столяр и ты, кормилец-хлебопашец!
Да здравствует словарь простейших слов.

Последний стих может, на первый взгляд, удивить читателей, знающих о Северянине только по вдоволь обыгранной критикой «ананасам в шампанском» и тому подобным «грехам молодости». Но только на первый взгляд. Ненависть ко всему сложному, трудному, требующему умственных усилий характерна для Северянина, могущего эпатировать своими неологизмами только школяров-начетчиков. «Футирист» Северянин примитивен и любит примитив во всем, даже в своем версификаторском искусстве. Он неодобрительно отзывался о новаторах в поэзии (см., например, отрицательные оценки, данные им творчеству Б. Пастернака и Марины Цветаевой)⁴, выдавая свой консерватизм за какой-то высший культ простоты. Так, в предисловии к роману «Колокола собора чувств» он провозглашает:

³ Игорь Северянин. Медальоны. Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах. Издание автора. Югославия. Белград, 1934, стр. 57. Этот сборник является ценнейшим источником для изучения эрудиции Северянина и его литературных симпатий и антипатий.

⁴ «Медальоны», стр. 77 и 96.

И после Белого и Блока,
Когда стал стих сложнее, чем танк,
Влюбленный в простоту глубоко,
Я простотой иду *va banque!*⁵

Вспомним также, что уже в «Эпилоге» к «Громокопящему кубку» (1913) сказано

Душа влечется в примитив

(стр. 126)

Эпигонская рецепция позднего руссоизма в его характерной для русской литературы после 1905 года форме характерна для всей рассматриваемой поэмы. Но для самого Северянина (учитывая его наивно-выпаченный эгоцентризм⁶) движение даже к такому «биологическому демократизму» было шагом вперед по сравнению с ярким индивидуализмом и соллипсизмом его раннего творчества («Кроме звезд и Миррэлии /Ничего в мире нет»⁷).

С позиций идеала простого, отождествляемого с «природным» («предпочтенье отдаю простому — природному»), обличаются такие черты «культуры», как, например, наука. Нападки на науку в рамках оппозиции «Природа — Культура» повторяют ход мыслей самого Руссо и в особенности поход его последователей романтиков против разума и науки, начатый еще Бернардемом де Сен-Пьером. Как известно, подражатели провозгласителя учения о «человеке природы» встали в более враждебное отношение к науке, чем их вдохновитель. До Северянина вся эта проблематика дошла уже через поздние перемены этого «руссоизма» в русской литературе начала XX века. Но и сквозь вульгаризацию учения чувствуется импульс инициатора, но уже варьированный учением позднего Льва Толстого, Толстого-проповедника.

Если от науки (техники, промышленности, городской культуры и т. д.) больше вреда, чем пользы, то она должна быть уничтожена, уверяет Северянин.

Итак, на сломку университет,

Который больше вреден, чем полезен (гл. 5)

Нет надобности проследживать генезис таких мыслей от самого Руссо через западных романтиков вплоть до их тысячекратных повторений в русской публицистике конца XIX — начала XX века и в статьях позднего Толстого.

Северянину, который «очень много читал»⁸, эти концепции были знакомы, конечно, не из первоисточника, а по творениям любимых им писателей (Мопассана, Куприна, Блока, Золя), а впоследствии и по белоэмигрантской прессе, на страницах которой зачастую можно было встретить последышей такого руссоизма, вздыхавших по утекшей «простоте». Отсюда идет стремление к «раю — земле с ее сиренью», к простой, непроблематичной жизни на лоне природы. Этот идеал вполне соответствовал и личным вкусам Северянина — дачника *par excellence*⁹, страстного любителя рыбалки и прогулок в эстетически воспринимаемую природу.

⁵ Игорь Северянин. Колокола собора чувств. Автобиографический роман в 3-х частях, Юрьев-Тарту, изд-во Вадим Бергман, 1925, стр. 6.

⁶ В. Шершеневич называл его «Эго Лотаревым».

⁷ Игорь Северянин. «Crème des Violettes», [Tartu], MCMXIX, стр. 55, и: «Миррэлия», 1922.

⁸ См. «Автобиографическая справка» в кн.: Критика о творчестве Игоря Северянина, М., изд. В. В. Пашуканиса, 1916, стр. 5.

⁹ Недаром Северянин ответил на вопрос Ф. Раскольникова, является ли он эмигрантом или беженцем, что он «просто дачник». Игорь Северянин, Визит полпреда. В таллинской газете «Вести дня», № 198, 1 сентября 1939.

Но антитеза «Природа — культура» имеет и другую сторону. Если все «естественное» и нормальное — прекрасно, то современная жизнь, как ушедшая от «естества», — ужасна. Все потенциально прекрасное превращено в свою противоположность: простота сменилась ненужной сложностью органов культуры, например, университетов «с их универсальной скукой»; доброта сменилась всемирным ожесточением, человек превратился в «зверя», самоуверждающегося путем постоянной грызни и войн.

Главным объектом обличения в поэме и является война, которую автор искренне и глубоко ненавидит. Именно война — наиболее яркое выражение звериного начала в людях. Разоблачению войны посвящены лучшие строфы поэмы (глава восьмая); эта тема мелькает и в других его поздних произведениях (напр., в посвященном Ленину стихотворении 1918 года: «Его бесспорная заслуга /Есть окончание войны»)¹⁰. При этом Северянин (как это свойственно и всему послетолстовскому «руссоизму» в русской дореволюционной литературе) не дифференцирует людей современного мира на более и менее «естественных» (например — как у Толстого — на крестьян и помещиков). Для Северянина все члены современного общества повинны в возникновении войн, если они не выступают против них активно. На вопрос:

Кто хочет войн — «верхи» или «народ»,
Правители или граждане державы?

автор отвечает:

Ах, все хотят: ведь раз солдат идет
Кровь проливать и ищет в боине славы;

значит: он хочет идти воевать, не хочет — «не идти».

Такая постановка вопроса не лишена смысла и актуальности в наше время, после печального опыта, показавшего, что при возникновении мировых войн даже выдающиеся «властители дум» безотчетно поддавались угару шовинизма и внушению «верхов», которые умели

Патриотизмом, как кровавым мясом,
В них раззадорить бешенство страстей
И в массах вызвать гнев к соседним массам.

Конечно рецепт, даваемый автором на такой случай, наивен, но в принципе правилен:

Правительство, посмеявшее войну
Другому объявить, достойно казни,
И граждане, слиянные в волну,
Могли б его не слушать без боязни,
Немедленно его арестовав,
Как явно сумасшедшее правленье...

И уж вполне осмысленно и актуально звучит четверостишие-лозунг:

Все споры разрешает не война,
Как пережиток варварской эпохи,
А Человек, чья мысль и речь сильна,
Чье сердце откликается на вздохи.

Углубляясь в антивоенную тему, Северянин выступает и против идеализации

¹⁰ Игорь Северянин. Вербана. Поэзы 1918—19 гг., Тарту, изд «Одамес», 1920, стр. 60.

понятия «герой». Героика в его понимании — форма оправдания все того же звериного начала в человеке. К слову «герой» подбирается характерный синоним — сверх-человек.

Прославляя Человека, Северянин, вместе с тем, выступает против апологии сверх-человека:

«Сверх-человеком» значишься теперь
И шлешь «врагу» ультимативно ноты
И в глупом чванстве строишь ты, сверх-зверь,
Сверх-зверские, как сам ты, сверх-дредноты (гл. 8)

Такое употребление ницшеанского термина «сверх-человек» придает северянинским инвективам характер обличения предфашистских империалистических форм сознания.

Обличая ставшую «неестественной» жизнь современности, Северянин осуждает и свое собственное прошлое с позиций той же «руссоистски-толстовской» линии русской литературы. Поэма начинается со своеобразной «исповеди» и отказа от прошлой «греховной» жизни.

Я новью замолить мечтаю старь
Своих грехов, забыть ошибок годы (гл. 1)

В «исповеди» Северянин, в частности, отрекается и от своего раннего творчества, от «грехов», состоящих в том, что он

..... пел порок
Десятки лет, и славословил тело (гл. 3).

Теперь, когда поэт «заклучил себя в монастыре», он «Сжег Любви испытанный корабль/ И флаг Успеха разорвал на части», «порокам цепь сковал» и «смял романа начатые главы». Такой поворот мотивируется не очень вразумительно в духе раннего Блока; все это сделано «во имя Той, Кто восприяла плоть». В другом месте поэмы кающийся в «чужой лесной озерной деревушке» герой солидаризируется с теми писателями «руссоистской» тональности, которые считают нормальной этикой этику аскетизма, отказ от «земных» наслаждений (поздний Толстой и др.), от «любви земной». Все это Северянин завершает — как бы продолжая идеи «Крейцеровой сонаты» — странной тирадой о гуманности отказа от деторождения.

Законодатели! Пасть, как дракон,
Раскрывшие в среде своей звериной!
О, если б учредили вы закон,
Рождаемость с судима гильотиной.

Впрочем, борьбу против «зверской» любви следует вести, считает он, не путем монашеского воздержания, а путем аборта:

Плод вытравить — закон, который стал
Необходим при общем беззаконьи!...

Несмотря на столь натуралистическое завершение идеалистических размышлений о «земной» любви, нам представляется весьма вероятным, что идеал аскетического преодоления любви идет здесь от стихов раннего Блока, которые Северянин любил читать (впрочем, воспринимая их вне всякого мистического подтекста, а чаще всего как простую игру звуков и образов):

Отрекись от любимых творений
От людей и общений в миру.

Отрекись от мирских вожделений,
Думай день и молись ввечеру¹¹.

В этой строфе из «Ante lucem» мы видим все элементы «исповедной» части северянинской поэмы. Ход мыслей у Северянина носит всегда элигонский характер, и если он восклицает

И лавой мысли весь мой кабинет
Клокочет, как дымящаяся Этна, —

то это у него не более, чем фраза.

Но, несмотря на свой элигонский характер, северянинская инвектива против «земной» любви не лишена порой поэтических блесков:

Любовь земная! ты — любовь зверей!
Ты зверская любовь, любовь земная!
Что розоватости твоей серей?

Странное для философски мыслящего человека противопоставление «земли» и «природы» идет из церковных традиций, которые Северянин принимал бездумно. В этой традиции «земле», «земному» противопоставляется «небесное», понимаемое Северяниным не в плане философско-поэтического обобщения, как у Блока, а в самом обыкновенном духе церковного догматизма. Это понимание было обычным в дореволюционной России¹². Только так следует понимать противопоставление «земли» и «природы» в строфе:

И мысль моя надземна с этих пор:
Земля с ее — такой насущной — ложью,
Ее детей непреходящий спор
Чужды ушедшему в Природу Божью
(с большой буквы!)

Но если отвести это смешение терминов (*quaternio terminorum*) «природы» и обратить внимание на главный ход мыслей в северянинской поэме, то нетрудно увидеть в ней один из вариантов руссоизма. Тут, как у самого Руссо, и антитеза «природа — культура», и мечта об идеальном обществе, вернушемся ко всему естественному, и представление о человеческом «гении», не нуждающемся в науке, и пафос борьбы против «ложной» культуры. С этого начинал Руссо свою полемику в «Discours sur les sciences et les arts». Культура, по мнению молодого Руссо, является понятием, прямо противоположным понятию «природа», она отвела человека от путей природы — поэтому с ней нужно бороться, отсюда лозунг «Вернемся к природе», тысячекратно повторенный литераторами всего мира.

Северянинским идеи руссоизма усвоены не только эклектически, но и поверхностно. Он явно неспособен на самостоятельное обобщение и дальнейшее развитие философских идей, воспринимая их не как систему, а частично и в плане индивидуальной психологии. Так, уже Руссо требовал возвышения человеческой личности, в частности своего «я», но он старался возвысить не одного себя, а человеческую личность вообще, и даже самовозвеличение у

¹¹ А. Блок, Собрание сочинений в 8 томах, т. I, М.-Л., ГИХЛ, 1960, стр. 64.

¹² Сравни в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля (1, 678): «Земная жизнь — плотская, противополож. — духовная, небесная. Земное дело — житейское или мирское, суетное. Не сули царства земного вместо небесного. Как небо от земли и др. поговорки.

него никогда не принимало таких смехотворно-декларативных форм, как у нашего «Эгофутуриста». Поверхностность рецепции «руссоизма» у Северянина проявляется, прежде всего, уже в том, что он отказывается от поэтической трансформации эклектически нахватавшихся им идей в образы, он просто строчит рифмованные декларации безыскусственными пятистопными ямбами. И это не только «после Белого и Блока», но и после Маяковского и Пастернака, создавших новый уровень поэтической образности в русской поэзии. Во-вторых, поверхностный эклектизм концепций северянинской поэмы характеризуется тем, что идеи позднего руссоизма усвоены Северяниным непродуманно. Автор, явно не отдавая себе отчета в последствиях и без какой-либо логической мотивации, сочетает идеи руссоизма с идеями совершенно иной тональности. Поэтому основные понятия концепции начинают у него двоиться: таково уже упомянутое выше противопоставление «земли» и «надземной» «природы Божьей». Осуждая «сверх-человека-воина» Северянин сам претендует на звание «сверхчеловека-поэта»:

А если он, живой, к тому ж поэт,
Он человек порой сверхчеловечий.
И потому, что он сверхчеловек,
Он видит недостатки человека (гл. 3)

Идеал аскетизма противоречит образу лирического героя, как «Солнечного (т. е. исполненного жизни, гедонизма) дикаря» и т. д., и т. под:

Наконец, пафос обличения пороков неожиданно сменяется в «Финале» всепрощением и благословением всему живущему:

Искусство и Наука и Любовь —
Все, все, что я клеймил в своей поэме,
Благословенны на века веков, —
Да будет оправдание над всеми.

Поэма заканчивается самоцитатой имевшего большой успех северянинского стихотворения «Весенний день»:

Весенний день и золот и горяч, —
Винových нет: все люди в мире правы.

Неспособность последовательно придерживаться какой бы то ни было концепции превращает всю поэму в какое-то необязательное версификационное упражнение, которое, в конечном итоге, должно привести читателя к саморекламе «великого» Северянина. Такая «шизофреничность» в ходе мыслей не только неприятно поражает мыслящего читателя, но и сводит на нет или, по крайней мере, ставит под сомнение все возможные выводы и «рекомендации» автора. Поэма сохраняет какой-то целостный смысл только в том случае, если мы откинем искусственно к ней приклеенный «Финал» и будем рассматривать ее как неоконченный фрагмент, к которому автор почему-то впопыхах приделал нелогический конец («Финал»).

В таком случае десять глав «Эпопеи» войдут в творческое наследие Игоря Северянина, как своеобразное проявление позднего руссоизма, в котором есть отдельные удачные строфы, (особенно в развитии антивоенной темы). А в современной ситуации, когда развитие техники так явно угрожает миру во всем мире, стоит более четким умам, чем был Северянин, призадуматься над выраженной и в этих стихах мыслью: рост техники — угроза миру:

К чему твоих познаний мишура,
Все изобретенья и все открытья,
Когда и завтра будут, как вчера,
Происходить кровавые события?

СОЛНЕЧНЫЙ ДИКАРЬ

(утопическая эпопея).

Игорь Северянин

1.

Я заключил себя в монастыре
Над озером, в монастыре зеленом
Душистых хвой в смолистом янтаре
И бледно-желтых грошиков под кленом...

Свершенная Мечта — святой алтарь
Монастыря бесстенного Природы.
Я новую замолить мечтаю старь
Своих грехов, забыть ошибок годы.

Не говори, потомок: «Он был слаб», —
Исполненный энергии и страсти,
Я сжег Любви испытанный корабль
И флаг Успеха разорвал на части...

Я расплескал столетнее вино,
Мне данное рукой державной Славы,
Порокам цепь сковал к звену звено,
И смял романа начатые главы...

Во имя Той, Кто восприняла плоть,
Я сделал невозможное возможным...
За прошлое прости меня, Господь,
Устрой остаток жизни бестревожным.

Среди глуши, бумаги и чернил,
Без книг, без языка, без лживой кружки
Я заживо себя похоронил
В чужой лесной озёрной деревушке.

2.

Нет, не себя, — в себе я схоронил
Пороки, заблуждения и ошибки.
В награду дух обрел взнесенные крыл,
Уста — святую чистоту улыбки.

И мысль моя надземна с этих пор:
Земля с ее — такой насущной — ложью,
Ее детей непреходящий спор
Чужды ушедшему в Природу Божью.

Ложь истины и эта правда лжи,
Неумертвимые вражда и войны...
О, неужели люди все, скажи,
Быть Человеком вовсе не достойны?

И вот, во имя Сбывшейся Мечты,
В себе похоронив следы порока,
Я возродился в мире Красоты,
Для подвига Поэта и Пророка!

Среди глуши, бумаги и чернил,
Без человеческой мудрости печатной,
Нет, не себя, — в себе я схоронил
Порок Земли, душе моей отвратный.

3.

Отвратный ли? — не я ли пел порок
Десятки лет, и славословил тело?
Что ж из того! всему положен срок:
Впредь петь порок душа не захотела.

Лишь в мертвце противоречий нет, —
В живом — калейдоскоп противоречий.
А если он, живой, к тому ж поэт,
Он человек порой сверхчеловечий.

И потому, что он сверхчеловек,
Он видит недостатки человека,
И думает вместить мечтанный век
В пределы существующего века.

Удастся ли когда-нибудь? О, нет!
Не думаю. Не верится. Не знаю.
А все-таки!... поэт ведь я, поэт,
И, как поэт, я иногда мечтаю...

Я мыслю о немислимом — о том,
Что люди прекратят вражду и ссоры,
И будут над рекою строить дом
С окном на безмятежные просторы.

Что люди поразрушат города,
Как гнойники ненужной им культуры,
Откажутся от праздного труда —
Работы механической фигуры...

Да здравствует кузнец и рыболов,
Столяр и ты, кормилец-хлебопашец!
Да здравствует словарь простейших слов,
Которые сердца приемлют наши!

Идиллика поверхностно скотом
Не называйте, каменные люди!
Я мыслю о немислимом — о том,
Чего, быть может, никогда не будет...

А если б было, не было того,
Что есть теперь — повсюдного содома,
Природа — Бог, и больше нет Его,
Не строй себе нигде, как в Боге, дома.

В Природе жить — быть вечно в Божестве.
Не с Божеством, не у Него, а в Боге.
Во всем своем вмещающем существе
Природу, ей причастен ты в итоге.

Природа — все естественное. Все ж
Культурное — искусственно, и, значит,
Ваш город — лишь кощунственная ложь,
Которая от вас святыню прячет.

Ненужному вас учат города, —
Вы, неучи ученые, умрете.
Не стоит жить для ложного труда
В бессмысленном своем людвороте.

Труд всякий ложен, как и жизнь ложна,
Но предпочтенье отдаю простому —
Природному. Работа, что сложна,
Принадлежит, по существу, содому.

4.

Маститый кафедральный муж, чья дверь
Влечет, как светоч, сбившихся с дороги,
Ты — уважаемый глубоко зверь,
Ученый зверь! ты только зверь двуногий!

Ты выдрессирован наукой. Ты —
Величественная земная немочь,
Исполнен весь пустейшей полноты:
Пузырь из мыла и ученый неуч!

Что стоит все величие твое,
Весь твой расчет, который строг и точен,
Когда ничтожное хулиганье
Тебе способно надавать пощечин? ...

Ты, зверь, среди таблиц и диаграмм
Мечтающий свой мозг увековечить,
Ты даже от простых семейных драм
Себя не в состоянии обеспечить ...

К чему твоих познаний мишура,
Все изобретенья и все открытья,
Когда и завтра будут, как вчера,
Происходить кровавые события?

Зверь зверя будет грызть наедине,
И звери станут грызть зверей открыто
В так называемой «людской» войне
Из-за гнилого старого корыта ...

Ты можешь ли не умереть, старик,
И заменить октябрь цветущим маем?
Так чем же ты, убогий зверь, велик,
И почему зверями уважаем?

Маститое ничтожество! Фигляр
Сильнейший из бессильных! Вся культура,
Вмещаемая в твой надплечный шар,
Когда в ней разобраться, на смех курам!

И если б этой кафедры шута
И города, трактирного зверинца,
Не знал профессор вовсе, у куста
Провел бы жизнь за соскою мизинца...

А то стругал бы с пользою бревно,
Как ныне мозг бессмысленно стругает...
Я думаю, для зверя все равно,
Как он живет и как он умирает...

5.

Ученому ученый рознь: один
Старается на пользу брата-зверя,
Другой, прохвост, доживший до седин,
Изобретает пушки, лицемера

Патриотизмом, свойственным зверям,
На самом деле думая о «куше»...
В честь Марса звери воздвигают храм,
Жестокие ожесточая души.

Итак, на сломку университет,
Который больше вреден, чем полезен!
Я докажу: раз в мире мира нет,
Наука — вздор! Попробуй, на железе

Взросший, опровергнуть мысль мою!
Наука — вздор, раз кровь по миру льется!
Рушь университетскую скамью, —
Уст не мочи своих в крови колодца...

Непопусту мой пламенный задор, —
Продуманы слова, перестраданы,
Когда я говорю: «Наука — вздор!»
Ты вспомни разрывные «чемоданы»,

Ты вспомни газ удушливый, весь вред,
Весь ужас, созидаемый наукой.
Я отвергаю университет
Со всей его ... универсальной скукой!

6.

Я слышу, зверь, я слышу твой вопрос:
— А разве пользы от науки мало?
Ах, нет лекарств целебней лдяных рос
И средств простейших лучше! Понимала

Толк в травах Солнечного Дикаря
Душа, леча природой дух и тело.
А воздух-то? а солнце? а заря?
Смола лесов без грани, без предела?

А ты, животворящая вода
Студеного ключа, там, из-под дерна,
Врачующая боли без следа?
Чудная! чудная! ты чудотворна!

Лекарства городов, все чудеса
Хирурга — ноль, ничто перед Природой.
Да исцелит тебя ее роса!
Души своей Наукой не уродуй!

Есть случаи, когда тебя ланцет
От смерти сбережет: что за отрада
Жизнь удлинять? Живешь — прекрасно. Нет —
Так, значит, вовсе жить тебе не надо...

А если надо, что ж, и без ножа
Профессора останешься на свете...
Живи, живой, собой не дорожа,
Как мудрецы и маленькие дети!

И головы себе не забывай
Научною сухою дребеденью,
И помни, что тебе доступен рай,
И этот рай — земля с ее сиренью!

Сирень — простое дерево. Сирень
Бесхитростна, как ты, душа поэта.
Она в обыкновенный вешний день,
Все-ж ароматней университета!...

— Он полн идей, — мне скажут. Полн идей?!...
Тщеславия? убийства? славы блуду?
Зверей я не считаю за людей
И никогда людьми считать не буду,

Пока не изничтожится война —
Рычаг и главный двигатель культуры.
Двуногие! поймите, что гнойна
Вся ваша гнусь кровавой авантюры...

7.

Я говорил про высшую из школ
Лишь потому, что лекторская школа,
Мне кажется, могла бы на «престол»
Сажать людей, пригодных для «престола».

Которые развитием своим
Высоко вознеслись бы над толпою,
Воздвигнув стяг: «Земной не умертвим
Здесь на земле ничьей рукой земною.

Все споры разрешает не война,
Как пережиток варварской эпохи,
А Человек, чья мысль и речь сильна,
Чье сердце откликается на вздохи.

Я говорю прозрачно. Слушай, верь
Моей тоске и нестерпимой боли.
А если ты смеешься — смейся, зверь,
И прозябай в своей звериной доле...

Кто хочет войн — «верхи» или народ?
Правители иль граждане державы?
Ах, все хотят: ведь, раз солдат идет
Кровь проливать и ищет в бойне «славы»,

Идет по принуждению, — он, солдат,
Не хочет: не идти — идти он хочет.
А если хочет, кровью он обьят
И званье человека он порочит...

И вот он — зверь такой же, как король,
Как президент, как все другие «люди»...
Отраднa человеку зверя роль,
Погибшему в жестокости и блуде.

Правительство, посмевавшее войну
Другому объявить, достойно казни,
И граждане, слинные в волну,
Могли-б его не слушать без боязни,

Немедленно его арестовав,
Как явно сумасшедшее правление...
Нет этого, — и, значит, мир не прав,
Горя от жажды самоистребления.

Позорнейшее прозвище «герой»
Прославлено бесславными зверями.
Вокруг убийц гудит восторга вой,
Об их здоровья молятся во храме.

И груди их венчают ордена,
И, если «враг», в пылу самозащиты,
Изранит зверя, зверева жена
С детенышем одеты, греты, сыты, —

На счет казны, — за «подвиги» самца,
Убившего других самцов не мало...
О, морда под названием лица!
Когда-б ты эти строки понимала,

О, ты бы не рядила в галуны
И в дорогие сукна строй военный,
Дав помощь тем, кто жить принуждены
Средь нищеты и скорби неизменной!

«Сверх-человеком» значишься теперь
И шлешь «врагу» ультимативно ноты
И в глупом чванстве строишь ты, сверх-зверь,
Сверх-зверские, как сам ты, сверх-дредноты!

Небось, ты не построишь сверх-приют
Детенышам своим и инвалидам,
Которые по улицам ползут,
Прохожего своим пугая видом,

Моля о подаяньи, костылем
Стуча по нервам, иль на четвереньках
Змеятся, потому что королем
Был дан приказ — повибрат в деревеньках

Всех мирно прозябающих зверей,
Патриотизмом, как кровавым мясом.
В них раззадорить бешенство страстей
И в массах вызвать гнев к соседним массам!...

9.

На то война! А разве без войны
Не убивает зверь другого зверя,
Его лишая жизни без вины?
И что ему ничтожная потеря —

Другого зверя жизнь? Ах, что ему
Какие-то там «честность», «честь» и «право»?
Его, как в клетку, заключат в тюрьму,
Где уж сидит орущая орава...

Кто может бить стекло и зеркала
И мазать лица кельнеров горчицей,
В том никогда ужиться не могла
Душа людская, с белой голубицей

Которую равняют. «Ты тростник,
Но мыслящий», сказал про зверя Тютчев.
Я думаю, однако, что старик —
Поэт название мог бы выбрать лучше:

Ведь, в тростнике нет зверского, меж тем,
Как в людях зверство сплошь. О, «царь природы»,
Подвластный недостаткам зверским всем!
Но, может быть, людей есть две породы?

Как знать! возможно... Отчего б и нет?
За эту мысль цепляюсь. Грежу тщетно.
И лавой мысли весь мой кабинет
Клокочет, как дымящаяся Этна...

10.

Любовь земная! ты — любовь зверей!
Ты — зверская любовь, любовь земная!
Что розоватости твоей серей?
Ты — похотная, плотская, мясная!...

Ты зиждешься единственно на лжи.
Кому — хитон, с тебя довольно кофты...
Уродина! ты омрачаешь жизнь,
И оттого-то вовсе не любовь ты!

Детеныши, законные плоды
Твои, любовь звериная, всосали
С твоим проклятым молоком беды
Всю низость чувств, зачатых в грязном сале...

Измена и коварство, и обман,
Корысть, бездушие, бессердечье, похоть —
Вот облик твой, и, кто тобою пьян,
Удел того — метаться, выть и охать...

Законодатели! Пасть, как дракон,
Раскрывшие в среде своей звериной!
О, если-б учредили вы закон:
Рождаемость судима гильотиной.

О, смилуйтесь: зверь зверствовать устал...
Слетайтесь, стаи пададьи вороньи!
Плод вытравить — закон, который стал
Необходим при общем беззаконьи!...

Ф и н а л.

Но мне-ль в моем лесном монастыре
Проклятья миру слать и осужденья?
Над озером прозрачным, на горе,
Мой братский дом, и в доме Вдохновенье.

Божественность свободного труда,
Дар творчества дарованы мне Небом.
Меня живит озерная вода,
Я сыт ржаным — художническим! — хлебом.

Благодаря Науке, я гремлю
Среди людей, молящихся Искусству.
Благословенье каждому стеблю
И слава человеческому чувству!

Я образцовой женщиной любим,
В моей душе будящей вдохновенье,
Живущей мной и творчеством моим, —
Да будет с ней мое благословенье!

Благословенна грешная земля,
В своих мечтах живущая священно!
Благословенны хлебные поля
И Человечество благословенно!

Искусства и Наука, и Любовь —
Все, все, что я клеймил в своей поэме,
Благословенны на века веков, —
Да будет оправдание над всеми!

Раз могут драгоценный жемчуг слез
Выбрасывать взволнованные груди,
Раз облик человеческий Христос
Приял, спасая мир, не звери — люди.

Живи, обожествленный Человек,
К величественной участи готовься!
О, будет век — я знаю, будет век! —
Когда твоих грехов не будет вовсе...

Алмазно хохочи, жемчужно плачь, —
Ведь, жемчуг слез ценней жемчужин Явы...
Весенний день и золот, и горяч, —
Виновных нет: все люди в мире правы!

Озеро Uljaste
Январь 1924 г.

Примечания

Поэма «Солнечный дикарь» известна нам в двух списках. Один находится в ЦГАЛИ (фонд 1152, оп. 1, ед. хр. 10) и снабжен пометкою И. Северянина: «Издание автора. Румыния-Бухарест. Тысяча девятьсот тридцать пятый год», другой был передан нам в 1958 году в пос. Тойла женой Северянина, Фелис-сой Михайловной Лотаревой, из личного архива Игоря Васильевича. Оба текста идентичны (если не считать незначительных отклонений в интерпунктации). Сам автор обозначал в рукописи место и время написания поэмы: «Озеро Uljaste. Январь 1924 г.» Поэма напечатана не была, но, очевидно, распространялась автором в немногих машинописных экземплярах.

Я заключил себя в монастыре — поэма написана в монастыре Пюхтица (Kuremäe), где создан и ряд стихотворений («Соловьи монастырского сада» из кн. «Классические розы»). Северянин зачастую ходил в Пюхтицу и гостил в монастыре, а оттуда уходил на рыбалку к берегам озера Ульясте. В этом монастыре Северянин ходил и на исповедь.

Смял романа начатые главы. В 1923 году Северянин работал над автобиографическим стихотворным романом «Колокола собора чувств». Во второй главе описано совершенное им совместно с В. Маяковским турне по Крыму. В турне «Олимпиаде футуризма» участвовали еще Д. Д. Бурлюк, Вадим Баян (В. И. Сидоров), Г. Б. Якулов и лектор Игнатьев. Всё описано в полном соответствии с появившейся позже в «Литературном Наследстве», (т. 65) документальной публикацией об этом же событии.

Понимала / Толк в травах солнечного дикаря / душа — только здесь упомянут герой поэмы, «солнечный дикарь». Можно предположить, что публикуемый нами текст является фрагментом, что он имел или должен был иметь продолжение. Это допускала и Ф. М. Лотарева. Однако, несмотря на поиски, нам не удалось обнаружить продолжения поэмы.

Сирень / бесхитростна, как ты — Северянин в своих стихах часто воспевал сирень, этот культ сирени перешел в поэзию эстонского поэта Х. Виснапуу. Недалеко от дома Северянина в Тойле был парк, в котором росли все виды сирени.

Война <....> главный двигатель культуры — изречение Гераклита из Эфеса: «Война — отец всех дел», — любили цитировать фашисты.

Правительство, посмеявшее войну... и т. д. — мысль об ответственности военного агрессора перед человечеством, положенная в основу учреждения Нюрнбергского трибунала, все более проникает во всеобщее сознание.

И мазать лица кельнеров горчицей — излюбленное «расейским» купечеством проявление самодурства.

Ты тростник / Но мыслящий — сравнение человека с мыслящим тростником имеется в стихотворении Тютчева 1865 года «Певучесть есть в морских волнах». Стих процитирован Северяниным неточно.

Весенний день <...> виновных нет — Цитата из стихотворения Северянина 1911 года «Весенний день», в котором описание весеннего дня кончается стихами «Виновных нет: все люди правы / В такой благословенный день». Это, в свою очередь, перефразировка заглавия повести Л. Н. Толстого «Нет в мире виноватых», которая была опубликована А. Л. Толстой в издании «Посмертные художественные произведения» [1911], имевшемся в библиотеке Игоря Северянина.

В. Адамс.

ОТКЛИК НА ПОЭМУ АЛ. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ» В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЕ

Л. МАКАРЕНКОВА, А. МАТВЕЕВА, З. МИНЦ

Об огромной популярности поэмы Ал. Блока писалось не раз. Известно и то, что «в доме Блоков <...> никогда не ослабевал интерес к отзывам и высказываниям о «Двенадцати». И мать поэта — Александра Андреевна, и жена — Любовь Дмитриевна, и — в особенности — сам поэт ловили каждое мнение, каждое слово о поэме».¹ Ниже приводится еще одно свидетельство широкой известности, которой пользовались «Двенадцать» у массового советского читателя, в том числе — и у провинциального.

В 1920 г., в годовщине Октябрьской революции, Псковская областная газета «Псковский набат» дала на третьей полосе подборку «Под грохот боев на фронтах Советская Россия не упускала ни одной возможности хозяйственного и культурного строительства». В этой подборке, среди статей типа «Вступление советских войск во Псков», «Продовольственное дело в Псковской губернии», «За три года в профсоюзах» и т. п., помещено стихотворение местного поэта, писавшего под псевдонимом (?) Н. Короткий, — «Три года».²

Н. Короткий³ — поэт весьма ограниченного таланта и чисто «местного масштаба» — в 1920—21 гг. активно печатается в псковской прессе. Стихотворения его всегда посвящены актуальным темам и носят сатирический, абстрактно-героический или агитационный характер⁴. Произведения Н. Короткого, вместе с тем, отразили и типичные черты массовой революционной агитки тех лет. Вполне «типовым» является и интересующее нас стихотворение «Три года». Приводим его текст.

Н. Короткий.

Три года.

Стоит буржуй, как пес дородный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
Стоит с усмешкой превосходной,
В бобры уткнув багровый нос.

¹ См.: Алянский, Об иллюстрациях к поэме Ал. Блока «Двенадцать», «Блоковский сборник», Тарту, изд. ТГУ, 1964, стр. 442.

² См.: «Псковский набат», 1920, 7 ноября, № 353.

³ Никаких биографических сведений о нем нам, к сожалению, собрать не удалось.

⁴ См., например, стихотворные фельетоны («От ворот — на поворот», «Псковский набат», 27 ноября 1920), «От слов к делу» (Там же, 1 декабря 1920), патетические стихотворения (типа «Предсказания на 1921 год» — Там же, 1 января 1921), агитки («Ты хочешь мира, а что ты сделал для Красной Армии?» — Там же, 24 октября 1920).

Стоит буржуй и ждет погоды:
— «Она придет наверняка,
Вернет мне фабрики, заводы
По дуновенью ветерка!
Сами собой падут советы,
Падут, ой-ой, в недельный срок,
Как поднялись — и канут в Лету,
Как легкий утренний дымок!...»
Стоит буржуй, как пес дородный,
Стоит, крепится, ждет и ждет
С одною мыслью греховодной:
Он к власти выплывает, вот-вот!

2.

Горит Восток зарею новой,
И по равнинам, по холмам
Грохочут пушки, дым багровый
Кругами всходит к небесам.
Оставив зыбкие надежды
На дуновенье ветерка,
Буржуй нарядные одежды
Спускает с круглого брюшка.
Ведет на русские просторы
За эшалонном эшалон,
И море крови, трупов горы,
И смерть, и ад со всех сторон!....

3.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос,
Расставшись с мыслию бесплодной,
Уткнув плотнее красный нос.
Он не пленен пустой мечтою,
Не верит в счастье ветерка,
Стоит с разбитою мечтою
На адмирала Колчака.
И что грядущий день готовит,
Судьба несет наперекор,
Так жадно ловит, жадно ловит
Его пытливо хитрый взор.

Там, в Черном море, на просторе,
На беспредельной глубине
Буржуй! Найдешь ты счастье вскоре —
С морскими рыбами на дне!

Разумеется, само это стихотворение не имеет отношения к истории советской художественной литературы. Но оно, тем не менее, весьма любопытно в некоторых иных отношениях.

Как известно, советская агитка периода Гражданской войны и 1920-х гг. — и в своих лучших образцах, и массовая — очень часто строилась на перефразировках или переосмысленных цитатах из произведений классической литературы. Эти перефразировки и заимствования обычно расцениваются как способ пародирования классики. По отношению ко многим произведениям периода Гражданской войны это объяснение совершенно справедливо. Писатели про-

леткультовского и футуристического толка охотно «снижали» в глазах читателя «книжную» поэзию, сочетая «высокое» («классическая» лексика, фразеология, ритмический рисунок) и «низкое» (политическая и бытовая тематика и лексика). Однако целый ряд авторов использует цитаты и перефразировки классических текстов с совершенно иной целью. Это особенно присуще Д. Бедному, еще не склонному, в те годы, к пролеткультовскому «сжиганию Рафаэля» «во имя революции». Такого рода «заимствования» (не иронической или не только иронической тональности), вливая мысль в уже готовые «клетки» старого текста, облегчали одновременно и написание, и массовое читательское восприятие агиток. Одновременно здесь возникал — хотя подчас и весьма примитивный — эстетический эффект. Слова стихотворного текста оказывались нагруженными одновременно и новыми, и старыми значениями: создавалась та «игра смысла», то обогащение словарных значений слов, без которых текст не мог восприниматься как художественный. Ср., например, такие лучшие образцы агиток, как «Два гренадера и один адмирал (на мотив «Во Францию два гренадера...»)» «Раки и щуки», «Баллада об одном короле и тоже об одной блохе (он же Деникин)», «Старая басня с некоторыми разъяснениями <«По улицам слона водили...»> Вл. Маяковского,⁵ «Утробушка», построенная на ритмике и цитатах из «Ой, полным-полна коробушка...» и мн. др. стихотворения Демьяна Бедного⁶ и т. п. Почти все названные агитки не «снижают» классических образов, а так или иначе развивают их.

Но чтобы эта сторона значения текста воспринималась читателем, необходимо, чтобы ему было известно и перефразируемое произведение. Этого было не так-то просто достичь: аудиторией агитки была революционная масса с минимальным «образовательным цензом». Именно сказанным и объясняется то обстоятельство, что в агитках цитируются, как правило, только самые общеизвестные, хрестоматийно-популярные тексты.⁷

В этом-то смысле и любопытна агитка Н. Короткого. Автор ее не только исходит из аксиоматичного для него положения, что «Двенадцать» — революционная поэма⁸. Он убежден, что смысл блоковского произведения — обличение «буржуя», и в своей агитке использует и развивает именно так понятую мысль «Двенадцати».⁹ Но Н. Короткий исходит и еще из одного предпо-

⁵ Владимир Маяковский, Полное собрание сочинений в 13 тт., т. 7, М., ГИХЛ, стр. 18, 19, 26, 76.

⁶ Демьян Бедный, Собрание сочинений в 5 тт., т. 2, ГИХЛ, 1954, стр. 67.

⁷ Показательно в этом отношении, например, цитирование и перефразирование Лермонтовских текстов в поэзии Вл. Маяковского. Если дореволюционный Маяковский обращается к образам Лермонтова, как правило, в силу их созвучности собственным настроениям (таковы, в частности, реминисценции и вариации на темы «Демона» в поэме «Человек»), то после 1917 г. принцип подбора цитируемых (часто — пародируемых) текстов резко меняется. Теперь это всегда — тексты наиболее распространенных (особенно часто — через школу и через оперу) произведений М. Ю. Лермонтова. Подробнее эта мысль была нами развита в докладе «В. Маяковский и М. Ю. Лермонтов» на Лермонтовской конференции в ТГУ (Тарту, сентябрь 1964 г.).

Отсюда и обилие агиток — текстов на популярные мелодии, соотносящихся и со старыми текстами.

⁸ Напомним, что были и иные точки зрения на поэму Ал. Блока (Ср., например, Ю. Айхенвальд, Поэзия Блока, в-кн.: «Слово о культуре», М., изд. М. Гордон-Константиновой, 1918; то же — в рапповской критике, например, в предисловии С. П. к поэме «Двенадцать» — «Избранный Блок», М., 1930).

⁹ Близкое к «Трем годам» описание «буржуя» как «гражданина в бобровой шубе» находим у того же Н. Короткого в стихотворении «Штрихи» («Псковский набат», 1920, 24 октября). Оно, вероятно, тоже навеяно «Двенадцатью», хотя и не в такой очевидной форме.

ложения — о том, что поэма Ал. Блока известна и его читателям не в меньшей степени, чем ему самому. Он, не задумываясь, обрамил «кольцом» из блоковского «Стоит буржуй...» (9 глава поэмы Блока) среднюю часть своего стихотворения, перефразирующую хрестоматийно известное описание Полтавского боя, приравняв таким образом «Двенадцать» к пушкинской «Полтаве» по степени их популярности у читателя 1920-х гг.¹⁰ И вполне вероятно, что провинциальный газетчик, хорошо знавший свою аудиторию,¹¹ был прав в оценке степени популярности поэмы А. А. Блока.

¹⁰ В стихотворении «Три года» есть перефразировки и из других классических текстов (Ср.: «Канут в Лету, // Как легкий утренний дымок» и пушкинское: «Исчезли <...> // Как сон, как утренний туман» или: «Буржуй нарядные одежды // Спускает с круглого брюшка» и: «Падут ревнивые одежды» и т. д.). Возможно, что и заключительное четверостишие, предсказывающее гибель «буржуя» «с морскими рыбами на дне», представляет собой развитие темы блоковского стихотворенья «Тропами тайными, ночными...» из цикла «Ямбы». Речь идет о строках, где предвещается гибель «пузатого иерея», «сытых» и «их кораблей в пучине водной» — (Александр Блок, Собрание сочинений в 8 тт., т. 3 М.—Л., ГИХЛ, 1960, стр. 87). Однако во всех этих случаях перефразировки не столь явно выражены и их объекты не играют в тексте такой роли, как «Двенадцать» и «Полтава». Отсюда, по-видимому, и обращение автора к источникам, явно не известным читателю.

¹¹ Н. Короткий был, в частности, и собирателем красноармейского и крестьянского фольклора Псковщины (См., например, «Красные частушки» в «Псковском набате» от 6 октября 1920 г.), так что читатель областной газеты был ему, вероятно, хорошо известен.

«ВСЕ ЛУЧШИЕ ВОСПОМИНАНЬЯ...»

Р. РАЙТ

Вступительная статья З. Г. Минц

К ВОСПОМИНАНИЯМ Р. РАЙТ

1.

Имя Риты Райт (Раисы Яковлевны Райт-Ковалевой) — литератора, переводчицы, мемуариста — хорошо известно советским читателям. Оно стоит на книгах, впервые познакомивших нашего читателя с дневником Анны Франк, с романами Дж. Сэлинджера, У. Фолкнера, Фр. Кафки. Ее перу принадлежат переводы Веркора, Дж. Голсуорси, Г. Грина, Г. Бёля, Э. Триоле, Дж. Б. Пристли, М. Твена и многих других писателей. Воспоминания Р. Райт о Маяковском — ценные источники мемуарного характера.

Жизнь щедро сталкивала Р. Райт с людьми, чьи имена принадлежат истории советской культуры. Уже в ранние годы определились два основных ее увлечения: художественная литература, языки, филология и — естествознание.

Р. Райт родилась в 1898 г. в семье врача. Поступив по окончании гимназии в 1916 г. в Харьковский университет (сначала на естественно-исторический, а затем — на медицинский факультет), она позже перевелась в Москву и в 1923 г. закончила II Московский университет с дипломом врача. Далее — переезд в Петроград и 15 лет занятий проблемами физиологии под руководством акад. И. П. Павлова, проф. А. А. Лихачева, Э. А. Асратяна и др. Две работы из сделанных в эти годы были напечатаны в «Трудах лаборатории акад. Павлова»; результаты других исследований были доложены на Всесоюзном съезде физиологов (Ленинград, 1925) и на съезде токсикологов (Москва, зима 1931—1932). Занятия наукой оборвались неожиданно — в 1939 г., в разгар подготовки диссертации (в это время Р. Райт работает ст. научным сотрудником в Институте мозга), ее увольняют «за отсутствие бдительности». Правда, через три месяца Райт восстановили на работе, но за это время успели погнубить подопытные животные. Вся экспериментальная часть исследования пропала.

К концу 1930-х гг. Р. Райт была уже опытным профессиональным литератором. Юношеское увлечение поэзией, языками, переводом рано ввело ее в литературную среду. Летом 1920 г. она показала Маяковскому свои опыты переводов его стихотворений на немецкий язык, а с зимы 1920—1921 гг. начинается ее многолетняя дружба с Маяковским и Бриками. Весной 1921 г. Райт переводит на немецкий язык «Мистерию-Буфф», поставленную в июне того же года в помещении I Государственного цирка для делегатов III Конгресса Коминтерна.

Печатаемые ныне литературные воспоминания Р. Райт воссоздают об-

лик той среды, которая приобщила Р. Райт к литературному труду: встречи с Хлебниковым, Маяковским, Пастернаком, длительные беседы с ними, влияние О. Брика, участие в спорах о революционном искусстве. Атмосфера, пропитанная страстной жадной жаждой нового, стремлением переделать и поэзию, и быт, и людей, и их отношения, желанием во всем найти новые, противопоставленные старому миру формы, сочетание разрушенного войной, голодного и неустроенного уклада жизни с ожиданием близкой (завтра-послезавтра!) мировой революции и всеобщего обновления — таковы были первые впечатления Р. Райт от встреч с людьми литературы. Этим впечатлениям и посвящены публикуемые воспоминания.

Переезд в Ленинград и научная работа несколько ослабили интенсивность литературной деятельности Р. Райт. Она продолжает переводить, но публикации этих лет (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) порой носят случайный характер (иногда это переводы научной литературы: специальных статей, рефератов); часть работ Райт выходит в свет без имени переводчика (например, роман Э. Синклера «Юг и север»).

Расцвет переводческой деятельности Р. Райт падает на вторую половину 1950-х — 1960-е гг. Как переводчик, Р. Райт проявляет себя блестящим знатоком современной зарубежной литературы и мастером стиля. Созданные ею переводы Сэлинджера и некоторых других мастеров зарубежной прозы не только познакомили советских читателей с творчеством этих писателей, но и вошли в современную русскую прозу как органическое явление ее литературного стиля. Связи между некоторыми, впервые выдвинутыми Р. Райт, стилистическими решениями и проблемой сказа в современной советской молодежной повести очевидны.

II.

Публикуемые ниже воспоминания Р. Райт являются главами из задуманной ею книги мемуаров. Отдельные части этого замысла уже знакомы читателю по предыдущим публикациям¹. Новые тексты связаны с уже публиковавшимися не только единством темы (в центре их по-прежнему оказывается Маяковский), но и единством позиции мемуаристки: она принципиально стремится не привносить в текст воспоминаний позднейших размышлений и оценок. Это же, в какой-то мере, сужает кругозор мемуаристки, заставляя ее смотреть на события глазами отнюдь не беспристрастного современника. Однако выигрыш здесь превышает потерю, тем более, что сопоставление с уже известными материалами легко может устранить субъективность оценок. Зато читатель получает возможность перенестись в атмосферу непосредственного окружения Маяковского, вдохнуть воздух, которым дышали люди начала 20-х гг. Воспоминания Р. Райт — не только мемуары, написанные опытным литератором, но и литературные мемуары по существу. Вместе с тем, публикуемая часть воспоминаний имеет и характерные отличия от предшествующих — гораздо большее место в них уделено людям из ближайшего литературного и биографического окружения Маяковского: перед читателем проходят В. Хлебников, Б. Пастернак, О. М. и Л. Ю. Брик; память мемуариста доносит до нас их высказывания, литературные оценки, фиксирует сложные, порой напряженные и, вместе с тем, столь удаленные от норм мецанского благополучия отношения. И если мемуаристке — тогда 22-х летней девушке — не всегда была открыта мера трагизма наблюдаемых ею литературных и человеческих судеб, то она ничего не придумывает задним числом, не стремится представить себя прозорливее, чем она могла быть и была на самом деле. Это придает ее воспоминаниям особую свежесть.

¹ См. №№ 56—59. и 68 «Библиографии основных переводов и произведений Р. Райт».

Большой интерес представляют сведения, сообщаемые Р. Райт о Хлебникове и Пастернаке. Среди них хочется особенно выделить факты, позволяющие связать творчество Хлебникова с революционно-утопической литературой эпохи Гражданской войны. Заслуживают внимания вариант к стихотворению Пастернака «Записки завсегдатя...» и замысел рассказа «Карета герцогини».

Интерес к воссозданию «неповторимого», эмоциональность повествования делают воспоминания Р. Райт адресованными к разноликой аудитории: они дадут материал исследователю и живое ощущение жизни уже прошедшей — широкому читателю.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Библиография основных переводов и произведений Р. Райт

I. Переводы

A. Отдельные издания

1. Делл, Флорид, Эптон Синклер. Биография, М., Госиздат, 1928.
2. Дж. Голсуорси, Белая обезьяна. Роман, М.—Л., ЗИФ, 1930.
3. К. Одетс, Золотой мальчик. Пьеса в 4-х действиях, М.—Л., «Искусство», 1940.
То же, «Литературный современник», 1940, № 8—9, стр. 115—170.
4. П. Вежинов, В долине, М., Воениздат, 1951.
5. «Рассказы о новой Болгарии» (сб.) М., Воениздат, 1951.
6. И. Харджимарчев, Пастушок Калитко. Сокр. пер. с болгарского для среднего и старшего возраста, М.—Л., Детгиз, 1952 (совместно с Кабаchieвой).
То же, М.—Л., Детгиз, 1953.
7. К. Дайсон, Будущее за нас. Роман, М., Изд. иностр. лит., 1952.
8. Ст. Гейм, Голдсборо. Роман, М., Изд. иностр. лит., 1955.
9. Э. Триоле, Авиньонские любовники, М., «Правда», 1956 (Библ. «Огонька», № 50).
То же, «Знамя», 1945, № 11, стр. 30—73.
10. Она же, Авиньонские любовники: — Неизвестный, М., ГИХЛ, 1958.
11. Дж. Голсуорси, Цвет яблони. Повесть, М., ГИХЛ, 1958.
12. Льюис Синклер, Бэббит. Роман, М., ГИХЛ, 1959.
13. Марк Твен, Жизнь на Миссисипи, в кн.: Марк Твен, Собрание сочинений в 12 тт., т. 4, М., ГИХЛ, 1959.
14. «Дневник Анны Франк», М., Изд. иностр. лит., 1960.
15. Дж. Сэлинджер, Над пропастью во ржи. — Выше стропила, плотники! и др., М., «Молодая Гвардия», 1965 (с предисловием Р. Райт).
Он же, Над пропастью во ржи, «Иностранная литература», 1960, № 11.
Он же, Выше стропила, плотники. — Хорошо ловится рыбка-бананка!.. Рассказы, «Новый мир», 1965, № 9, стр. 160—150.
16. У. Фолкнер, Город. Роман (совм. с В. Хинкисом), М., ГИХЛ, 1965.
То же, «Иностранная литература», 1961, № 8, стр. 83—163; № 9, стр. 15—76; № 10, стр. 112—153; № 12, стр. 98—166.
17. Он же, Особняк. Роман, М., ГИХЛ, 1965.
18. Ф. Кафка, Процесс, в кн.: Ф. Кафка, Роман. Новеллы. Притчи, М., «Прогресс», 1965, стр. 67—310.

19. Э. Хемингуэй, Испанская земля (дикторский текст к фильму), «Иностранная литература», 1938, № 12, стр. 164—169.
20. Он же, Послесловие из лит. сценария «Испанская земля», «Комсомольская правда», 1938, 16 ноября, № 263 (4146).
21. «Батальон «Чапаев» (из книги А. Канторовича «Батальон «Чапаев», Мадрид, 1938), «Литературный современник», 1938, № 12, стр. 100—133.
22. «Люди и песни Чапаевского батальона». Фрагмент из книги «Чапаевский батальон», «Советская музыка», 1939, № 2, стр. 24—31. (Полный текст книги «Батальон «Чапаев» в Испании» был издан в 1938 г., однако, книга в продажу не поступила).
23. Колдуэлл Эрскин, Рассказы, «Литературный современник», 1939, № 7—8, стр. 111—123.
24. Дж. Б. Пристли. Корнелиус. Коммерческое дело в трех отчетах. Пьеса, «Литературный современник», 1939, № 10—11, стр. 115—169. То же, (отрывок из II акта), «Искусство и жизнь», 1939, № 1, стр. 40—42.
25. М. Блишштейн, Колыбель свободы. Сцена из музыкальной комедии, «Искусство и жизнь», 1939, № 4, стр. 38—39.
26. Э. Хемингуэй, Ожидание, «Литературный современник», 1939, № 5—6, стр. 128—130.
27. Л. Уинкотт, Выборы, «Звезда», 1940, № 1, стр. 134—136.
28. Он же, Сделка, «Звезда», 1940, № 1, стр. 136—137.
29. Дж. Стейнбек, Налет, «Звезда», 1940, № 1, стр. 136—137.
30. Он же, Пресвятая Кэти-девственница, «Звезда», 1940, № 1, стр. 114—119.
31. Он же, Гроздь гнева (глава из романа), «Звезда», 1940, № 3—4, стр. 159—186.
32. Л. Уинкотт, Возвращение Билла Бреннана. — Торреадор. 2 рассказа, «Литературный современник», 1940, № 5—6, стр. 128—132.
33. Он же, Пилюля, «Ленинград», 1940, № 19—20, стр. 19—21.
34. Дж. Стейнбек, Хризантемы, «Литературный современник», 1940, № 12, стр. 83—90.
35. Дж. Тэрбер, Ночь, когда кровать упала на папу. Юмористический рассказ, «Крокодил», 1946, № 13.
36. Он же, На верхней жердочке. Юмористический рассказ, «Огонек», 1946, № 25—26, стр. 28—29.
37. «Детство мисс Мур» (по рассказу Б. Экли), «Краснофлотец», 1946, № 14, стр. 22—24.
38. К. С. Причард, Наниня и Джени. Рассказ, «Иностранная литература», 1956, № 2, стр. 26—29.
39. Веркор, Безумец. Рассказ, «Иностранная литература», 1956, № 4, стр. 44—49.
40. Он же, Венера Соларийская. Рассказ, «Иностранная литература», 1956, № 4, стр. 31—43.
41. Грехем Грин, Тихий американец. Роман, «Иностранная литература», 1956, № 6, стр. 4—41; № 7, стр. 90—164.
42. Г. Фаст, История Лолы Грегг. Повесть, «Иностранная литература», 1956, № 11, стр. 12—86.
43. У. Фолькнер, Дым. Рассказ, «Иностранная литература», 1957, № 12, стр. 166—184.
44. К. Маккензи, Ракетная горячка, «Иностранная литература», 1958, № 6, стр. 99—157; № 7, стр. 95—169.
45. Э. Хемингуэй, Из ранних рассказов, «Новый мир», 1961, № 9, стр. 154—169.
46. Сэйерс Дороти, Гениальная идея мистера Бэдда. Рассказ, «Знамя», 1961, № 8, стр. 95—103.

47. Веркор, Опровержение. Рассказ, в сб.: Рассказы французских писателей, М., Изд. иностранная литература, 1963.
48. Г. Бель, Глазами клоуна. Роман, «Иностранная литература», 1964, № 3, стр. 19—143.
49. Дж. Б. Пристли, Сэр Майкл и сэр Джордж. Роман (совм. с В. Хинкисом), «Иностранная литература», 1965, № 8, стр. 153—204; № 9, стр. 179—221.

В. Редактура

50. Картер Дайсон, Сыновья без отцов. Роман, М., Изд. иностр. литер. 1958.
51. Шон о'Кейси, Пять одноактных пьес, М., Изд. иностр. литер., 1960.

II. Художественные, литературно-критические и др. работы

А. Отдельные издания книг Р. Райт

52. Завод «Красный треугольник», М.—Л., ГИЗ, 1931.
53. Роберт Бернс, М., «Молодая Гвардия», 1959.
То же, М., «Молодая Гвардия», 1961.
То же, (III изд.), М., «Молодая Гвардия», 1965.

Б. Статьи, рецензии, воспоминания.

54. «О мышах и людях», пьеса Джона Стейнбека, «Искусство и жизнь», 1939, № 9, стр. 44—45.
55. Пьесы Клиффорда Одетса, «Искусство и жизнь», 1940, № 3, стр. 46—47.
56. «Мистериум-Буфф», Очерк, «Советское искусство», 1940, 14 апреля, № 21.
57. «Мистериум-Буфф», «Литературный современник», 1940, № 4, стр. 107—113.
58. «... В уже классическом Пушкине», «Литературный современник», 1940, № 4, стр. 113—117.
59. Двадцать лет назад. Статья, «Звезда», 1940, № 3—4, стр. 200—207.
60. Болгария на вахте мира, «Литературная газета», 1952, 12 августа, № 97.
61. О больших обедах маленьких театров (письмо в редакцию), «Литературная газета», 1953, 26 мая, № 62 (3091) (совместно с Н. Гернет).
62. Роберт Бернс, «Советская женщина», 1954, № 7.
63. Роберт Бернс о себе. Материалы из книги шотландского художника Гендерсона с добавлением отрывков из подлинных писем поэта и стихов в переводе С. Маршака, «Новый мир», 1954, № 6, стр. 187—214.
64. Роберт Бернс (вступит. статья), в кн.: Роберт Бернс в переводах С. Маршака, изд. 4-ое, доп., М., ГИХЛ, 1957.
65. Жизнь Роберта Бернса, в кн.: Роберт Бернс (к 200-летию со дня рождения), М., «Знание», 1959.
66. <Предисловие> в кн.: С. Я. Маршак, Из Роберта Бернса. Новые переводы, «Иностранная литература», 1962, № 11, стр. 146—148.
67. <Вступительная статья>, в кн.: Роберт Бернс в переводах С. Маршака. Избранное, кн. 1—2, М., ГИХЛ, 1963.
68. «Только воспоминания», в кн.: Маяковский в воспоминаниях современников, М., ГИХЛ, 1963, стр. 236—278.
69. Нить Ариадны, в сб.: «Редактор и перевод», М., 1966.

«ВСЕ ЛУЧШИЕ ВОСПОМИНАНИЯ...»¹

(ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ).

— Это было так давно, что вам, наверно, кажется, что всё произошло не с вами?

— Вздор, — буркнул Филд, — это случилось именно со мной.

А. Беннет. (Завтра в девять.)

I.

ОТКРЫТКА МАЯКОВСКОГО

После войны, под обвалившимся от бомбы потолком нашей ленинградской квартиры, я нашла папку с рукописями, письмами и фотографиями. С этой папкой я уезжала в Комарово, в приморский Дом Творчества — писать дальше книгу воспоминаний, начатую за год до того.

Уезжала ранним воскресным утром, 22 июня, 1941 года, не зная, что уже кончилась наша мирная жизнь, не зная, что ночью мы будем увозить ребят из литфондовского пионерлагеря, и в нетемнеющем небе над нами пролетит чужой самолет-разведчик.

И вот через четыре года, в июне сорок пятого, я иду пешком по Ленинграду, от Московского вокзала, домой, на Петроградскую сторону, и на Марсовом поле — следы огородов, а на Кировском — зияющие окна знакомых домов...

«Может быть, в глаза без слез увидеть можно больше... Не в такие я смотрел глаза...»

А вечером, в комнате, где все разбито, развалено, расташено, и только в углу — лыжи, навеки оставшиеся без хозяина, я нахожу папку. Я вытираю пыль с прошлой жизни, перебираю пожелтевшие листки писем, раскладываю на столе покоробившиеся от слезной сырости улыбки друзей. И вдруг — плотный желтоватый конверт на коричневой подкладке, а в нем — открытка, завернутая в вошённую бумагу, та самая открытка от Маяковского, из Берлина, написанная перед отъездом в Париж: «Эх, Рита, Рита, учили вы меня немецкому, а мне теперь по-французски разговаривать». И подпись: Шюлер...²

Я машинально переворачиваю открытку — совсем не помнила, что там на ней. А на ней — Бранденбургские ворота, еще непривычно-целые, самодо-

¹ «Все лучшие воспоминания» — цитата (Ф. И. Тютчев, Стихотворения, М., ГИХЛ, 1935, стр. 246).

² Эх, Рита — и далее. Текст открытки см.: В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника, М., ГИХЛ, 1961, стр. 173. Автограф — ГБМ В. Маяковского.

вольные в своей нетронутости, но все же те самые ворота, которые навсегда стали символом нашей победы. И мне кажется, что Маяковский второй раз прислал мне эту открытку.

И напомнил о себе, обо всех, кто был с ним рядом...

Прошли послевоенные годы — годы заживления ран. Но человеческое сердце заживает медленнее, чем поля и дома. Открытка лежит в музее, темной будничной плесенью покрываются светлые воспоминания, и снова запылилось прошлое.

И я часто думала: напишу ли я когда-нибудь обо всем?

Давно утеряна та веселая звонкость голоса, от которой рассказ о прошлом становится живым, осязаемым, достоверным. Давно поставлена «точка пули» в конце Маяковского и много других точек в судьбах людей... Как отвлечься от того, что было впоследствии, как вернуться далеко назад, в радость, в молодость, в надежду?

А может быть, все-таки можно рассказать обо всем вот так, не напрягая голоса, полусшепотом, как в сумерках рассказываешь другу свою жизнь после долгой, насильственной и невыносимой разлуки. Может быть, надо записать все для памяти, не задумываясь, не вздрагивая от мысленных прикосновений ледяной руки воображаемого редактора, не боясь «лирических отступлений», если вдруг эта лирика ворвется в неторопливое повествование, рассказать все подряд, не отбирая «крупное» от «мелкого», заходя по пути в темные переулки, плутая по забытым тропинкам.

Но для этого надо на какое-то время притихнуть, вздохнуть, оглянуться...

Когда-то Чертков писал Толстому: «Каждого человека, в котором происходил при жизни рост духовного сознания, я отделял бы перед смертью в отдельное помещение и настолько прибавлял бы ему жизни, чтобы он, хоть в общих чертах, письменно, мог поведать людям главные, в его представлении, черты всех периодов прожитой им жизни. Составилась бы такая библиотека, в сравнении с которой побледнели бы в смысле полезности все остальные. Для меня, по крайней мере, ничто не бывает так поучительно, как подобные автобиографические воспоминания».

Главные, в моем представлении, «черты всех периодов прожитой мною жизни» неразрывно связаны с молодыми, кипящими ключом годами, когда все мы опрометью неслись к той новизне небывалых открытий в искусстве, которыми до сих пор питается весь мир.

Вся эта жизнь для меня не просто переплелась, но прочно, органически срослась с сотнями встреч, взглядов, разговоров, книг, прогулок по улицам и лесным просекам, приездов и отъездов, обедов и вечеров в Водопьяном и Гендриковом, писем, телеграмм и дневниковых записей, где присутствуют Маяковский, Лили Юрьевна и Осип Максимович Брик. Память, как известно, странная штука, и в ней иногда застревают черепки и осколки слов и событий самой разной величины, самой разной ценности. И даже опытный археолог будущего, «роясь в сегодняшнем окаменелом дерьме» и воскрешая грады и веси, не всегда сможет найти засохшие фиалки, отмыть их в семи водах времени и сказать: «Были, цвели...»

И оттого я думаю, что каждая мелочь тех дней, каждое, пусть самое пустячное слово, связанное, например, с Маяковским, будет подарком для тех, кто его любит. Хотелось бы, чтобы все поняли, как жили тогда, как дружили, как радовались и огорчались, какой чистой и настоящей была вся жизнь Маяковского и тех людей, чьи имена навсегда будут связаны с ним, с его стихами, с его последней просьбой: «Лилиа, люби меня!»... «Неоконченные стихи отдайте Брикам — они разберутся»... Так написано в предсмертном письме, так и нужно думать.

И если написать про все, что «в сердце было в моем», про все, от чего би-

лось и ширилось сердце, то в таких записях обязательно отразится, как пословичное солнце в капле воды, и все, «что было с бойцами или страной...»

Может быть, надо было бы начать с детства, укутанного в вату, стерильного до хирургической чистоты, теплого и проветренного провинциального детства, с первых еще детских разговоров «про все про это», — про Анну Каренину, про «белый брак»,³ и что же «главное и не главное» в той таинственной путанице, где Ромео и Джульетта, Онегин и Татьяна вдруг проваливаются в страшные откровения мопассановской «Жизни», тайком прочитанной по-французски.

Может быть, если бы рассказать про всю эту подоплеку, про все «табу» и «нельзя!», которыми отгораживали нас от жизни, про первую ломку всех старых понятий и «новую мораль», перехлестывавшую то — в «без черемухи»,⁴ то — в простой нигилизм, — может быть, тогда станет понятнее, какими глазами, каким слухом воспринималась неожиданная до ослепления жизнь, в которую я попала в Москве, в двадцатых годах. Может быть, легче будет объяснить, почему я правильно поняла трудные и сложные взаимоотношения трех людей, не подхोдившие ни под какие каноны.

Лиля рассказывала мне об их жизни в Пушкине, в то лето двадцать первого года, когда я приехала жить к ним на дачу, после постановки «Мистерии-Буфф».⁵ Мы гуляли по лесу, Лиля пахла, как цветы и сосны, на ней было платье из вышитых холщовых полотенец. Глаза — как смолка на сосне, золотистые, прозрачные...

Первое лето в Пушкине, лес, сосны и лилины до глубины души прозрачные глаза помогли мне понять до конца все, что случилось до того и потом, все, что было таким простым и по-настоящему человеческим в этой любви, в этой дружбе, в этой верности.

О том, что я все поняла, знал Осип Максимович. Он знал, что когда-нибудь люди, меряющие человеческие отношения жульническим аршином мешанских, клоповых и грошовых предрассудков, будут мазать дегтем память Маяковского и чистую его жизнь, в перьях и смоле вываливая его друзей и любимых. И он во многом оказался прав.

Прошло двадцать лет с тех пушкинских прогулок. Весна сорокового года — десятилетие со дня смерти Маяковского. Мы шли с Осипом Максимовичем по Кирочной, в Ленинграде. Падал неожиданный апрельский снег. Мы возвращались от знакомой художницы — смотрели портрет Лили. Портрет назывался «Муза Маяковского», на нем была огромная мрачная тень — голова Маяковского, милая рыжая красotka, цветы и птицы...

Мне портрет не понравился. Осе — тоже.

И когда мы остановились у трамвайной остановки, в живописной, поэтической и музыкальной реальности весеннего снегопада, где действительно были все стихи и все песни о снеге, О. М. вдруг сказал, неожиданно отвечая на мое упорное молчание:

— Вот вы так мало написали, а ведь вы про нас знаете очень много... Десять лет, как Володи нету, а уже неправильно все толкуют...

Он посмотрел на Надеждинскую, которую только что переименовали в улицу Маяковского. Дальше была улица Жуковского, «голова кобыльей вылеп» — вся петербургская жизнь...⁶

— В шестнадцатом году, когда Лиличка вернулась из Москвы, от Володи, я очень огорчился... Но Володя понял, что мы с Лилей никогда не рас-

³ Белый брак — фиктивный.

⁴ *Без черемухи* — крылатое выражение 1920-х гг. в знач.: утилитарный подход к любви и браку; взято из названия произведения П. Романова.

⁵ Премьера «Мистерии-Буфф» состоялась 24 июня 1921 г. Подробней о премьере и лете в Пушкино см. в воспоминаниях Р. Райт в кн.: В. Маяковский в воспоминаниях современников, М., ГИХЛ, стр. 259—273.

⁶ *Головы кобыльей вылеп* — описание фасада дома, где жила в 1910-х гг. Л. Ю. Брик, в поэме «Человек» (1, 269).

станемся, потому что наши большие человеческие отношения, наша огромная, нерушимая дружба и близость ни от чего не зависели, ни от чего не могли порваться...

Подожел трамвай, мы поехали в «Асторию», где жил Осип Максимович. Вечером мы должны были вместе идти на его доклад, в Академию Наук. После обеда Осип Максимович дал мне книгу — корректуру одного из томов Маяковского — и сказал: — А я немножко прилягу — очень устал.

Я не читала. В номере было тихо. Никогда раньше я не говорила с Осипом Максимовичем про «личное», хотя разговаривали мы часто — всегда интересно, всегда неожиданно. Я знала, как Маяковский любил Осипа Максимовича. Осип Максимович был не только другом, бессменным редактором и помощником Маяковского в работе, он был для Владимира Владимировича человеком будущего. Один раз я так и сказала, при Лиле и Маяковском: «Ося — образчик будущего!» Я хотела сказать «образец», и Маяковский сразу поднял меня на смех:

— Хорош «образчик»! Он не образчик, а целый рулон будущего!

Я даже записала в дневнике: «Сегодня В<ладимир> смеялся надо мной, когда я сказала «образчик». Ужасно глупо — так путать слова...» А перед этим меня поправила Лилия: я сказала «прошли по досточкам», а не «по дощечкам».

Я очень стеснялась своих курских «провинциализмов» и в филологической обиде пропустила истинный смысл слов Маяковского, не заметив, как убежденно он назвал Осипа Максимовича «целым рулоном будущего».

После того разговора с Осипом Максимовичем, весной сорокового года, прошел целый год. Уже напечатали в журналах отрывки из моих воспоминаний, но я все еще никак не могла взяться за продолжение.

— Когда же продолжение? — спрашивал Брик. — Потом, — отвечала я. — Сейчас уже — «потом», — говорил Осип Максимович.

Только в июне сорок первого года я собрала в папку все письма, дневники, фотографии и записки — и уехала в Комарово, где неподалеку, в пионерлагере Литфонда, уже жили наши ребята.

Приехала туда солнечным утром, а ночью, на рассвете вместе с перепуганными сонными детьми возвратилась в Ленинград.

...А через четыре года в разоренном доме я нашла папку и в ней — отрывку от Маяковского...

Шли послевоенные годы. В записных книжках есть много попыток заставить себя писать. Придя с похорон Осипа Максимовича, я писала полноты. Потом опять замолчала.

И вдруг, летом 1952 года, впервые, после многих «ббелей, бед и обид», я очутилась, как писал Чертков, «отделенной в отдельное помещение» — в той же комнате, в Комарове, откуда уехала одиннадцать лет назад, в день объявления войны.

В доме было тихо, ночи стояли белые, в окна пахло сосной.

И я стала писать, не задумываясь, — зачем пишу. Пусть лежит в столе стопка исписанных на машинке страничек. Я дам их прочесть Лиле. Я прочту их по кусочкам, вслух, людям, которые «меня не осудят, меня не облают...» Потом отдам в музей. Пусть в каком-нибудь двухтысячном году их прочитают ясными глазами умные потомки, для которых мы будем древней историей.

А пока пишу для друзей — живых и мертвых, — выдержавших испытание временем.

ХЛЕБ И БЕССМЕРТИЕ

Он говорил — я белый ворон, — я одинок.
 Но все — и черную сомнений ношу.
 И белой молнии венок —
 Я за один лишь призрак брошу:
 Взлететь в Страну из серебра,
 Стать звонким вестником Добра.

Хлебников 7.

До переезда в Москву я три года училась в Харьковском медицинском институте и на частных курсах иностранных языков, где преподавала английский начинающим и занималась в так называемой «дickенсовской группе» — для тех, кто хорошо знал английский и хотел знать его еще лучше. Уже в те годы моя жизнь как бы «раздвоилась»: медицинкой я занималась без особой охоты и все свободное время отдавала литературе, языкам, музыке и — больше всего — стихам.

Сначала это были Ахматова и Блок, Тютчев и Анненский. Но в начале двадцатого года я услышала стихи Маяковского, и вскоре Григорий Петников⁸, с которым я работала в журнале «Пути творчества»⁹, подарил мне «Все сочиненное». Через месяц я уже знала книгу наизусть и читала Маяковского, где только могла.

А вскоре мы — т. е. я и мои друзья — молодые поэты, Настя Александрова и Владимир Бессмертный¹⁰, познакомились с Хлебниковым.

Как и откуда появился Хлебников, я не помню. Он просто «материализовался» среди нас, должно быть, через посредство своего друга Петникова. Мы уже знали о нем, о манифесте Председателей Земного Шара¹¹, уже передавали друг дружке зачитанные до дыр сборники ранних футуристов. Но когда мы увидели самого «Велимира», неприкаянного, оборванного, всегда голодного, слышали его бормотанье, заглянули в эти первобытные, мудрые и светлые глаза, мы приняли его не как Предземшара, а как старшего друга — по-своему деспотично, требовательно и нежно.

Надо было его одеть и накормить. В одной из боковых улочек Настя нашла заброшенную мастерскую — не знаю, куда и с кем ушли оттуда ее владельцы. Туда подымались со двора, во второй этаж, по наружной, сломанной лесенке, с шаткими перилами. В бесприютной, нежилой, как чердак, но очень светлой мансарде на стенах мотались остатки весьма левых холстов и плакатов, а на окнах — о, чудо! — висели совершенно целые, совершенно прочные парусиновые занавески. Мы радостно сорвали их с карнизов,

⁷ Он говорил ... — цитата из стих. Вел. Хлебникова «Конь Пржевальского» (В. Хлебников, Стихотворения, Л., СП, 1940, стр. 132—133).

⁸ Петников Григорий Николаевич — поэт, близкий футуристам.

⁹ «Пути творчества» — литературно-художественный ежемесячник, издававшийся в Харькове Харьковским губотделом искусств.

¹⁰ Александрова Анастасия Владимировна (р. 1900) — поэт, редактор. Бессмертный Владимир Львович (1903—1932). См. о нем ниже.

¹¹ В. Хлебников, следуя своим утопическим идеалам, пытался организовать в 1916 г. союз писателей, ученых, политических деятелей — «Общество 317 членов», названное им впоследствии «председателями земного шара». «Манифест председателей земного шара» («Мы председатели земного шара ...»), «Воззвание Председателей Земного Шара» см.: Собрание произведений Велимира Хлебникова, т. V, Изд. Писателей в Ленинграде, 1933, стр. 162; и там же, стр. 165.

и умная умелая Настя сшила из них великолепные — как раз по сезону — брюки нашему Велимиру.

К этому времени он уже жил во флигеле, в очень большой, полутемной комнате, куда входили через разломанную, совсем без ступенек, террасу. Там стоял огромный пружинный матрас без простыней и лежала подушка в полосатом напернике: наволочка служила сейфом для рукописей и, вероятно, была единственной собственностью Хлебникова. В том же дворе жил больной Настин дед, Настя варила ему крепкие бульоны — больше он ничего есть не мог, — а мясо из наvara относил Велимиру. Мы приносили ему вареную картошку с луком, и он ел ее, сидя на краю террасы и свесив огромные ступни в чем-то мало похожем на обувь.

Ближе всех он подпускал к себе Володю и меня.

Постепенно он к нам привык, подарил Володе Бессмертному какие-то таблицы, а Володя принес ему драгоценную стопку чистой бумаги и тетрадь своих стихов.

Тогда-то Хлебников и сказал: «Мы обменялись Хлебом и Бессмертием».

Мы с Володей были неразлучны. Он писал мне стихи, переписывая их великолепным изысканным, почти готическим шрифтом в восьмиугольные маленькие тетрадки, сшитые из грубой серой бумаги. А на книжке Блока «Соловьиный сад», среди других ласковых слов, написано по-детски — «холодая». Но это не Володино слово, это — от Хлебникова: однажды тот сказал мне, отрывисто, как всегда: «Вас надо — не Р-рита Р-rait, а Л-лита Л-лайт, вы не «Эр-р», а «Эль»... не «хорошая», а — «холодая»...»

Володе было семнадцать лет, но он казался куда взрослее нас, двадцатилетних. Он был необычайно, кинематографично хорош собой — серьезный, смуглый, длинноглазый, с профилем римского мальчика и низким рокочущим голосом. Он носил свободную холщевую блузу с пестрым шарфом и посасывал английскую трубку. Стихи он писал отлично — я не боюсь этого слова. Потом, уже в Москве, он их уничтожил и стал заниматься химией.

Хлебникова он просто обожал, а Велимир любил его за то, что он, как никто, понимал все сложные вычисления, все Доски Судьбы¹². Хлебников всегда рассказывал и показывал Володе что-то, непонятное мне, и только стихи мы читали вместе.

Когда Велимир — мы его так звали и в жизни, — прочел нам «Туда, туда, где Изага читала Моногатори Перуну...»¹³ — я сказала: «Давайте переведем на немецкий». Я уже писала о смешных попытках переводить на чужой язык полюбившиеся мне стихи: так продолжалось года два, я переводила Маяковского и Асеева, а позже, уже в Москве, Пастернака: «Разрывая кусты на себе, как синок...»¹⁴ Даже отлично знавший немецкий язык Борис Леонидович был как-то обманут схожестью ритмов, густыми аллитерациями и дерзкими «словообразованиями», которые, конечно же, не выдержали первого пристального взгляда настоящих немецких читателей. Это были переводы для русского читателя, с ними я пришла в РОСТА к Маяковскому, их читала в «Доме печати» при Луначарском, которому они так понравились — особенно перевод «Солнца»,¹⁵ что он тогда же прислал мне в подарок боль-

¹² «Доски судьбы» — название 3-х выпусков книг Вел. Хлебникова. Велимир Хлебников, Отрывки из Досок судьбы (М.), типография при ф-ке «Свобода», 1922; он же, Отрывки из Досок судьбы, Лист 2-й, там же, 1922; он же, Доски судьбы, Лист 3-й, 1922. Зд. в значении: историко-утопические выкладки Хлебникова, стремившегося понять законы общественного развития.

¹³ *Туда, туда, где Изага...* строки из утопической поэмы В. Хлебникова «Ладомир». (1920). См.: В. Хлебников, Стихотворения, Л., СП, 1940, стр. 72.

¹⁴ *Разрывая кусты на себе, как синок...* — начальная строка стихотворения Б. Пастернака «Маргарита» (1919).

¹⁵ «Солнце» т. е. «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (II, 35).

шую пачку великолепно изданных немецких книг, оказавшихся добродетельнейшими романами для детей старшего возраста.

Пошли эти упражнения на пользу только весной двадцать первого года, когда надо было срочно перевести на немецкий единственную, тогда, новую, революционную пьесу — «Мистерию-Буфф» для третьего конгресса Коминтерна. Отредактированный немецким режиссером Рейхенбахом,¹⁶ этот перевод сыграл свою служебную роль, и позже немецкий поэт Гуго Гупперт, — один из переводчиков Маяковского, — написал мне на книге: «Der ersten, frühesten literarischen Mittlerin zwischen Majakowski und der deutschen Wortkunst, Rita Rait, widme ich diese bescheidene Gabe — zu freundlich-strenger Beurteilung. Verehrungsvoll Hugo Huppert, Moskau, Oktober 1954»¹⁷.

Перевести стихи Хлебникова про Иванагэ оказалось легче, чем какие-нибудь другие: тут имена собственные одинаково звучали и на чужом языке, они скрепили строки, а тщательным подбором эквивалентных слов можно было хоть отчасти повторить плавный ход стиха.

Хлебников был рад. Он радовался молча, — улыбаясь, поднимал на меня глаза, потом говорил: — Еще раз! — и я читала еще и еще: Dahin, dahin, wo Isanagi...

Все стерлось в памяти: и куда мы уходили с Хлебниковым, и где, усевшись на траву, читали стихи и ели хлеб с патокой или клейким повидлом. Осталось только ощущение: мы с Володей, уже тогда почти близнецы в неразлучности, лежа плечом к плечу в весенней траве, слушаем Хлебникова или, чаще, молчим вместе с ним, изредка перебрасываясь словами. Потом они что-то высчитывают, что-то решают, а я — только переводчик, только отражение — дело с ними, поэтами, Хлеб и Бессмертие...

Как страшно рядом с глубоким покоем и отрешенностью таких часов вспоминать тот недостойный, нехороший и нелепый вечер девятнадцатого апреля 1921 года, который устроили имажинисты в харьковском театре.

Из Москвы приехали Есенин, Мариенгоф, все какие-то показательные, расфуфыренные. В афишах широко рекламировалось участие Хлебникова, что-то вроде «коронации Председателя Земного Шара» с какими-то дополнительными «трюками».

Велимир все принял абсолютно всерьез. Не помню, видели ли мы его перед этим вечером, но там, в театре, была страшная духота — настоящая или душевная? — а на сцене, после совсем не запомнившегося мне чтения имажинистов — слишком крикливого и неестественного, вдруг появился Хлебников. Не стану описывать, как его «венчали на царство» — не помню. Осталось только невыносимое чувство стыда за всю эту комедию, жалость к нашему другу, бормочущему что-то под нос, какое-то кольцо, которое надевают ему на палец под хохот публики, — а потом, за кулисами, — растерянный, обиженный, плачущий Хлебников: у него отнимают кольцо, все это было «нарочно», а он поверил... Мы его пытались увести, — а может быть, даже и увели оттуда, но у меня с тех пор зародилась невольная и прочная неприязнь к имажинистам.

После того несчастного вечера мы еще больше привязались к Хлебникову.

Тогда он и ездил с нами на дачу, к знакомому художнику, где нас не накормили и где, зарывшись в сено чужого сеновала, мы с Володей и Настей Александровой уснули, как щенки, а Хлебников долго сидел у открытой двери, нахохлившись, словно большая птица...

Однажды, придя во флигель и заглянув в полутемную комнату, мы увидели, что Хлебников исчез. В комнате мыла пол какая-то молодая женщина. Увидев нас, она выскочила на террасу, в подоткнутой юбке, с тряпкой в руке

¹⁶ Рейхенбах, Рейнгольд — немецкий писатель и режиссер; коммунист, делегат III конгресса Коминтерна.

¹⁷ Дарственная надпись на книге: «Wladimir Majakowski, Ausgewählte Gedichte und Poeme, Deutsche Nachdichtungen von Hugo Huppert, Berlin, 1953. Экземпляр хранится у Р. Я. Райт.

и стала без умолку что-то тараторить про Хлебникова: и какой он бездельник, и какой нищий, и какой сумасбродный...

— Ночью по саду ходит чуть ли не голышом, все бормочет, потом что-то пишет, клочки какие-то собирает, вещей у него никаких нет, одежда худая, и что это за человек такой, не понимаю...

Мы ей стали объяснять, что он — поэт, математик. Пытались популярно изложить понятие «не от мира сего», но только, когда я, отчаявшись, соврала, что его «сам Луначарский знает», женщина уgomилась.

Встретила я Хлебникова уже в Москве. Он был хорошо одет, чисто выбрит, и, приходя в гости к Брикам, сидел со всеми вместе — и, все-таки, как-то отдельно. Если просили — читал стихи, обрывал, говорил «и так далее...» — но об этом уже много писали.

Тогда же Лили Юрьевна мне рассказала, как Хлебникову дали денег на шапку или на что-то еще, а он накопил ей в подарок японских бумажных-салфеток в японском магазине на Невском, истратив все деньги... Салфетки были красивые, разрисованные от руки, но таких денег не стоили, и к тому же их было невероятно много.

Я уже привыкла, что Маяковский часто, приходя к обеду в Водопьяный переулок, приносил и читал что-нибудь совсем новое, особо интересное. Так он прочел «Правонарушителей» Сейфуллиной, которые ему, как будто, дали в Госиздате, так принес напечатанный потом в «Лефе» рассказ Бабеля «Соль», так читал «Гренаду» Светлова, полученную в «Комсомольской правде».

Но стихи Хлебникова он прочел с особенным удовольствием, два раза подряд:

Эй, молодчики-купчики!
Ветерок в голове!
В Пугачевском тулупчике
Я иду по Москве...¹⁸

— Сейчас отнесу в «Известия»! — сказал Маяковский, — завтра же напечатают!

И на следующий день принес три номера «Известий», где на видном месте были напечатаны лучшие стихи о НЭП'е, какие я знаю, — стихи Велимира Хлебникова.

Маяковский любил Хлебникова. Он и Брик (в неизданной статье)¹⁹ написали о нем лучше всех. Сам Маяковский и писал и думал иначе, чем Хлебников, но неизменно говорил о нем как о гениальном поэте, великом языковорце.

В Москве Хлебников жил у кого-то во Вхутемасе. Я только мимоходом, один раз, была в этой комнате, опять увидела наволочку, набитую рукописями, рюкзак, неубранную кровать. Потом Хлебников исчез.

... Летом, в июне двадцать второго года, ко мне на чердак, в Салтыковском переулке (сейчас он называется Петровский, и дом № 5, где я жила во дворе, совсем перестроен), пришли двое. Как ни напрягаю память — не могу вспомнить, кто это был. С одним я была знакома: как будто это был Дмитрий Петровский²⁰. Другой, кажется, художник, был очень сердитый человек небольшого, по сравнению с первым, роста.

Они сказали, что так как никого: ни Маяковского, ни Брик — в городе

¹⁸ Стих. В. Хлебникова «Не шалить!» («Эй, молодчики-купчики!...» было опубликовано в газете «Известия ВЦИК», 1922, 4 марта. № 52 (См.: Собрание произведений Велимира Хлебникова, т. III, Изд. писателей в Ленинграде, 1931, стр. 301).

¹⁹ Речь идет о статье О. М. Брика «О Хлебникове», рукопись которой хранится в личном архиве Л. Ю. Брик.

²⁰ Петровский Дмитрий Васильевич (1892—1955) — поэт, примыкавший к «Лефу».

нет (все уехали тогда в Пушкино), то они решили попросить меня поговорить с Анатолием Васильевичем Луначарским: смертельно болен Хлебников, лежит в деревне Санталово, надо его вывезти, нужен санитарный вагон, врач...

Сердитый человек говорил со мной так, будто я виновата во всем. Я потерялась, сказала, что сейчас же пойду, позвоню секретарю Луначарского. Мне хотелось сказать, что я бы и сама поехала, но я побоялась...

Сердитый человек немного смягчился, видя, как я испугалась за бедного Велимира. Я и не знала, насколько ему было плохо, но в сердце больно колнуло чувство вины...

Секретарю я тогда же позвонила, он обещал договориться с Анатолием Васильевичем, и на следующий день, когда я вернулась из университета домой, совсем к вечеру, я застала там совершенно взбешенного Леню Болотина²¹ — своего товарища по студии ЛИТО, который сказал, что сейчас уже семь, а в четыре часа меня ждал Луначарский, который в тот же вечер куда-то уехал на несколько дней...

Что можно было сделать? Я снова звонила секретарю, просила, он обещал, — но прошло несколько дней — и мы узнали о смерти Хлебникова.

Да, надо было весь день дежурить дома, пойти к Луначарскому, достать разрешение на вагон, все бросить, поехать туда, помочь привезти Хлебникова...

Через много лет, вероятно, году в сороковом, уже в Ленинграде, мы, вместе с вдовой художника Матюшина, Ольгой Константиновной, разбирали ее архив — она хотела передать его в Пушкинский дом. И на листках, — нет, почти что на клочках бумаги, я увидела рисунки Хлебникова — проекты домов для «будетлян». Там был Дом-Цветок, с расходящимися лепестками этажей, Дом-Улей, пронизанный сплошной стеклянностью окон, Дом-Утюг, — должно быть, какой-нибудь комбинат, где сами собой шьются и гладятся светлые утопические штаны и рубашки, — и еще много разных домов, просвеченных солнцем, просквоженных ветром.

... И если когда-нибудь в Стране из серебра выстроят такой город — не коробочный, а лесной, пчелиный город, пусть там, среди цветов и прозрачностей, поставят портрет Хлебникова и тот рисунок Митурича, где, в темной бане, на голых досках, лежит, вытянувшись во весь рост, Поэт, Провидец, Председатель Земного Шара.

... А в тридцать втором году, после одного из процессов, Владимир Бесмертный, человек удивительной красоты и большого поэтического дара, погиб где-то на Севере, в болотах. Говорили, что он сам оборвал свою недолгую жизнь, не вынес клеветы и осуждения.

И я кладу его имя в курган славы Хлебникова, как маленький, но драгоценный камень.

III

«ИМЯ ЭТОЙ ТЕМЕ ...»

Впервые я увидела Лию и Маяковского в РОСТА. Через несколько дней Лиля позвала меня к ним, в переулочек на Остоженке, в ту самую комнату, о которой написано в «Хорошо».

Лиля посадила меня лицом к окну, со стаканом черного кофе, а сама стала мыться в раскладном резиновом тазу, и когда мне позволено было обернуться, я увидела ее в пестренькой пижаме, очень красивую и веселую, совсем не похожую на ту, что запомнилась мне по «Флейте-позвоночнику», где Маяковский просил бога: «только, слышишь, убери проклятую ту, которую ты сделал моей любимой» и называл эту кареглазую, милую, больше-

²¹ Болотин Леонтий Михайлович (1901—1956) — литератор. См. о нем стр. 282.

ротую «накрашенная, рыжая» и «ослепительная царица Сиона Евреева...» Ослепительной была только улыбка — во весь рот, всеми крупными, чистыми, ровными зубами. Я смотрела на Лию — какая тоненькая, какие узкие руки с длинными розовыми ногтями, — а глаза, глаза... И тут вошел Брик.

С того летнего дня, двадцатого года, до февраля сорок пятого, когда Осип Максимович, возвращаясь домой, замертво упал на лестнице, то есть двадцать пять лет, — четверть века! — я всегда ощущала его одинаково: это был один из самых умных, добрых, бескорыстных и щедрых людей, каких я знала. Наедине мы разговаривали с Осипом Максимовичем не так часто: он как-то был во всем, вместе со всеми, не отделялся для меня от Маяковского и Лили. Но, может быть, поэтому каждый разговор с ним отдельно запомнился особенно отчетливо. Маяковский, вообще, был немногословен, а с Лилей мы могли говорить часами. Осип Максимович всегда был чем-то занят, но, слушая его, я всегда знала, что учусь.

Когда я окончила университет, — осенью 23 года, — Лия устроила «пир горой». Я долго берегла книжечку «напутствий»: в ней Маяковский написал: «Счастливи!», Лия — «Целую. Зам...» (то есть «заместительница» моего уехавшего друга), Сергей Третьяков сострил: «Хлеб-соль ешь, а пациентов режь!», а Ося написал последним: «Непослушной ученице от профессора» — и нарисовал свой портрет: очки, усики, улыбку.

Не помню, почему Осип Максимович назвал меня «непослушной ученицей». Знаю одно: это относилось к каким-то моим огорчениям, а они, по словам Осипа Максимовича, были «преходящими», и в разговоре по этому поводу он говорил, что главное в жизни — уметь отличать «важное от неважного». А я, как видно, не умела, оттого и «непослушная ученица»...

Меня всегда поражала в Осипе Максимовиче его удивительная готовность всем что-то рассказать, растолковать, с удовольствием посмотреть и разобрать чью-то работу, подсказать, как и что сделать. К нему всегда шли за советами, за объяснениями, за помощью. И как мало, как скупое о нем вспоминают. Как-то я упрекнула В. Б. Шкловского за то, что он сухо и неверно написал об Осипе Максимовиче. Он сказал: «Ося был замечательный человек, мы все ему обязаны... Непременно напишу...»

Но, пока что, не написал. А пора бы...

Как жаль, что многое помню только урывками. Вот я советуюсь с Осипом Максимовичем, как найти языковой эквивалент для перевода Твэна, — переводила тогда роман «Жизнь на Миссисипи»: в русской литературе трудно было отыскать похожий стиль. И Осип Максимович за полчаса рассказал мне о принципах перевода, о верном прочтении оригинала куда интереснее и больше, чем я потом услышала и прочла чуть ли не за всю жизнь. А в другой раз снова советуюсь с ним: рассказываю о созданном английским профессором Огденом методе преподавания языка, так называемом «Бэйсик инглиш», которым я очень увлечена. И этот разговор, очень специальный, чисто лингвистический, помогает мне лучше разобраться в сложных построениях Огдена-философа и извлечь именно то, что мне нужно для практической цели. И я с уверенностью веду экспериментальные группы в Доме Ученых, уже твердо зная, когда, на каком этапе, надо перейти от ограниченного запаса слов, искусственно отобранных Огденом, к обычному материалу: меня уже не пугают нападки тех, кто упрекает бедного Огдена и всех его последователей чуть ли не в «империализме», в попытке создать «колониальный», ограниченный язык «для дикарей», потому что, после разговора с Осипом Максимовичем, мне стали гораздо понятнее общие принципы отбора языкового материала и практическое их применение при изучении чужого языка.

Но все эти обрывки разговоров никак не передают то ощущение спокойной мудрости, веселости, доброты и готовности помочь, которое я всегда испытывала при встречах с Осипом Максимовичем. Я уверена, что Маяковский ощущал это больше всех. Ведь ему эта помощь и поддержка были нужны, как воздух. Как ни парадоксально это звучит, но, несмотря на все-

общую любовь, на признание и успех, Маяковскому необходимо было, чтобы в нем постоянно поддерживали веру в себя те, кто понимал его до конца, кто знал, что он — гений.

Впервые я услышала это слово от Лили: уезжая за границу, она подарила мне толстую тетрадь, в крепком коричневом переплете: «Вы бы записывали за Володей, — сказала она, — ведь Володя — гений, Володя останется. Потом каждое слово будет интересно».

Признаюсь, что мне это показалось странным; да, конечно, Маяковский замечательный поэт, это верно, но... гений? Гений — Пушкин, это уже проверено, а Володя еще живой, еще неизвестно, что будет... И в тетрадке у меня записано всего полстранички:

«Уехала Лилия. Зам-лилей будет Окжемир (так звали мы жену Асеева, «Оксану, жемчужину мира»).

И дальше: «Весь вечер играли в карты. Володя ничего гениального не сказал».

Следующая запись: «Как вечер, так садятся за карты. Мне стало скучно, и я ушла домой».

«Опять играли в карты, а мы с Окжемир говорили про Бориса *. Как вечер, так играют. Лучше буду просто ставить крестики.»

И дальше идут три ряда крестиков, под тремя датами. И все. Больше я записывать не стала: все равно дома, за картами, за обедом Володя ничего гениального не говорил: все оставалось в стихах. По ним Осип Максимович и Лилия определили — безошибочно и безошибочно, — что Маяковский — гений. И он это знал.

С утра я ездила в клиники и на лекции, а часам к двум уже прибегала в РОСТА. Но лекции можно было пропускать, в клиники я ходить не любила, и часто за меня дежурили товарищи, а я им писала все истории болезней, рефераты и прочее. Все остальное время я проводила в РОСТА и у Бриков, в Водопьяном переулке.

Тогда только начинался нэп, и Москва стала странным сочетанием «блеска и нищеты». Мы с моими подругами жили на пайки, приносили из студенческой столовой мелких соленых угрей, носили валенки и подшитые кусками резиновых шин еуконные самодельные башмаки, а где-то рядом, «с рук» уже продавали «отрезы» — куски шелка и шерсти, «модельную» обувь, и неожиданно открывались всякие магазины. В помещении теперешнего Мосторга на Петровке, который мы, по старой памяти, все еще называли «Мюр и Мерилиз», открылся какой-то странный распределитель. Там выдавали «нестандартные предметы потребления». Об этом есть у Маяковского: «Я вас, товарищ, спрашиваю в упор: хотите — берите головной убор». Уборы бывали разные: однажды художникам, по каким-то их карточкам, выдали белые цилиндры, оставшиеся после ликвидации крупной похоронной фирмы. Потом в «Мюре — Мерилизе» появились широкие шерстяные шарфы, явно реквизированные или закупленные на Севере в какой-то кустарной мастерской. Шарфы были необыкновенно красивые, теплые, разноцветные, — серые с синим и розовым, красные с бледно-желтым и темно-зеленым, синие с белым и оранжевым. Кто-то сказал, что такие шарфы носили шикарные извозчики-лихачи, на «дутиках». Но нам было все равно. Лилия купила несколько штук, мой был синий, со сказочными цветами и птицами. И когда я приехала в нем на каникулы домой, в Курск, и мы с тамошними молодыми поэтами устроили «Большой разговор о поэзии», я, выйдя на сцену, взмахнула этим шарфом и сказала: «Привет от московских футуристов!» — и тут же уронила шарф, потому что в первом ряду сидел мой бывший учитель литературы, и, высоко подняв брови, смотрел на меня.

Но экзотика врывается в быт не только белыми цилиндрами и пестрыми извозничьими шарфами.

Как-то зимой, в РОСТА, Лилия сказала:

* Б. Л. Пастернак.

— Сегодня мы идем обедать в одну частную столовую и берем вас с собой, — хстите?

Тогда уже открылось много таких столовых, где, за непомерную плату, кормили «как при царизме». Одна такая столовая была в том доме, где жил Маяковский, в Лубянском проезде, та самая, про которую есть в стихах: «Богатые ловче, едят у Зунделовича». Та столовая, куда мы пошли вчетвером, помещалась на Дмитровке, в шикарной барской квартире, принадлежавшей мадам Адельгейм. В большой комнате был накрыт роскошный стол, у стен стояли горки с фарфором.

— Тут замечательная коллекция русского фарфора, — сказала Лилия. Посмотрите!

Пузатые чайники в золоте и розах, кофейные чашечки-скорлупки... Тогда я ничего не понимала ни в екатерининском золоте, ни в гарднеровской сини. У нас дома были красивые чашки в цветочках, назывались «Севр», и я, чтобы хоть что-то сказать, кивнула на схожую с ними хорошененькую чашку: — Это Севр?

— Но я же вам сказала, что это русский фарфор, — с недоумением и, как мне показалось, с неудовольствием, проговорила Лилия. Потом улыбнулась: — Все-таки красиво, правда? Конечно, я бы не стала собирать...

Тогда нам всем казалось «стыдным» любоваться стариной, восхищаться старыми картинами, стихами. Ведь это были первые годы революции, взрыв старогообразного «иконоборчества» в искусстве. Надо было во что бы то ни стало очистить «поле действия» от всякой «Столицы и Усадьбы»,²² от которой тогда шел явно контрреволюционный душок. У Маяковского и его друзей это было последовательной, идейной борьбой за новое революционное искусство. Пусть об этом расскажут будущие литературоведы, без подтасовок и лжи, те, кто по-настоящему любит и понимает Маяковского, знает, что такое стих, слово, неразрывность формы и содержания... Я же могу только рассказать, как понимали это мы — тогдашняя молодежь. Нам казалось, что обязательно надо любить «конструкции вместо стилей», ни в коем случае не «наслаждаться» и не «любоваться» — это просто считалось у нас неприличным, — и уж, конечно, презирать «эстетов» и «альбомчики», хотя бы это были репродукции с Леонардо и Микеланджело. Я долго прятала именно такой «альбомчик» от наших мальчиков из студии ЛИТО и ВХУТЕМАСА — засмеют! Ведь даже про закаты, зори и облака мы говорили: «Здорово сделано!»

.. Бифштекс в столовой с русским фарфором показался мне гораздо более «музейным», чем екатерининские чайники и табакерки. Я его не доела от «воспитанности», чему страшно удивился Маяковский. В столовую эту ходили очень редко, только когда Маяковский или Брик получали какие-то неожиданные миллиарды, и не доест все, что подавалось, было просто глупо. До сих пор не понимаю, как у меня хватило мужества отказаться от какого-то замысловатого рыбно-овощного сооружения, от которого дивно пахло сливочным маслом, только из-за того, что я не знала, чем его едят — вилкой или ложкой.

Больше мы к этому «зунделовичу» с фарфором не ходили: жить стало легче, можно было обедать дома. Но я тайком взяла в библиотеке старую книгу о фарфоре и обом, в Ленинграде, с удовольствием ходила по Эрмитажу, уже не путая «Севр» и «Гарднер».

И, вообще, многое постепенно менялось, вернее, прояснялось и для меня, и для моих сверстников. Оказалось, что Маяковский знает «Евгения Онегина» наизусть, что Осип Максимович любит Некрасова и Чехова, — позже я даже переписывала для Осипа Максимовича карандашные заметки, сделанные Некрасовым на полях тургеневской рукописи, хранящейся в рукописном отделе Ленинградской Публичной библиотеки.

²² «Столица и усадьба» (с подзаголовком «Журнал красивой жизни»), СПб, 1913—1916.

Но тогда, в самом начале двадцатых годов, когда начинался МАФ, а потом ЛЕФ, никак нельзя было заниматься «классическим наследием». Упаси бог, чтобы тебя на этом поймали!

А Лиля именно на этом и попала. И как попала! И я ее чуть не выдала!

Утром почтальон принес мне на чердачок в Салтыковском голубой конверт с заграничными марками — письмо от Лили из Лондона. Я захлебнулась от восторга: там были фотографии — Лиля с мамой и Эльзой в лондонском зоопарке, Лиля — одна, у чьей-то клетки, — это и была та самая фотография, про которую сказано в «Про это»:

Может,
может быть,
когда-нибудь

дорожкой зоологических аллей
и она — она зверей любила,
тоже ступит в сад,
улыбаясь,
вот такая,
как на карточке, в столе...

И письмо, чудесное письмо на четырех страницах! Я пробежала его наспех и бросилась к телефону, звонить Володе с Осей:

— А я получила письмо от Лилички! Принесу к обеду!

— Вы с ума сошли — к обеду! Мы сейчас приедем! — сказал Владимир Владимирович и повесил трубку.

Через пятнадцать минут — воображаю, как они гнали извозчика по мясницким ухабам ко мне на Петровку! — все восемь метров моей комнаты заполнились Маяковским и Бриком. Оба — в одинаковых розоватых рубашках, в первых тогда фетровых шляпах. Оказывается, Лили мне написала, а им еще не успела.

— Ну, читайте! — скомандовал Маяковский.

На первых трех страницах — разные веселые пустяки, и мы все просто радовались — значит, Лиличке там хорошо. Но, перевернув последнюю страницу, я похолодела: вдруг вспомнила, что там написано: «Бегаю целыми днями по картинным галереям. Опять влюбилась в Тициана, Кранаха — на наших чета! Ужасно рада, что здесь нет футуристов! Только, пожалуйста, не говорите Володе и Осе».

Что тут было делать? Я споткнулась на слове, закрыв письмо, что-то забормотала. Но первая фраза: «Бегаю по картинным галереям», — уже выскользнула у меня изо рта.

— Тут дальше — про меня, про мои дела... про всякое... Я не могу дальше... — сказала я, чуть не плача от смущения, под пристальным взглядом Маяковского. Ося, тот сразу сказал: «Не надо, Володичка, раз Рита не хочет», — а Маяковский помрачнел и буркнул: «Наверно, пишет, «хорошо, что там нет футуристов»».

«Ну, как он угадал?» — подумала я, и мне стало ужасно жаль Маяковского: он ведь огорчился не только потому, что Лили смотрит старых мастеров...

Но это было гораздо позже, по-моему, осенью двадцать второго года, а до этого я все еще старалась «отряхать» и «искоренять» — и, конечно, перегибала палку. В душе мне не все нравилось, не все было понятно. Я любила Ван-Гога, раннего «голубого» Пикассо, никак не воспринимала его разложенные скрипки и толстую музу Руссо²¹. А уж конструкции Татлина²²,

²¹ Руссо Анри (1844—1910) — французский художник-примитивист.

²² Татлин Владимир Евграфович (1885—1953) — художник-конструктивист, создатель проекта Башни III Интернационала и других популярных в 1920-х гг. конструкций.

квадраты Малевича²³, изысканность Ларионова...²⁴ Как ни странно, понять непривычное в искусстве мне помог один, казалось бы, незначительный случай.

Выставка конструктивистов: Родченко²⁵, Степанова²⁶, Попова, Лавинский, — их я знала лично, потому и помню имена, — но, вероятно, там участвовали и другие, может быть, даже сам Татлин. Народу мало, по залу ходит Маяковский. Вечер. Мы вваливаемся гурьбой, в том беспорядочном веселье, которое нас почти никогда не покидало. Я снимаю пальто, рядом — перекрещенные металлические палки, на них — вбок, — треугольник, какие-то полукруги. Мое пальто, с чьей-то помощью, повисает на вытянутой стреле этого скульптурного сооружения. Мы довольны: искусство оказалось «полезным» — кажется, так и надо. Но тут на нас надвигается Маяковский и говорит, нахмурясь, очень строго, но вполголоса, чтобы не привлечь внимание стоящего поодаль автора скульптуры: — Сейчас же снимите! Безобразия! Неужели не понимаете...

Но увидя, что мы действительно ничего не понимаем, объясняет, уже смягченный нашим смущением, как художник в своей работе хотел показать новые взаимоотношения и формы, каких еще не было, а, главное, хотел научить видеть вещи по-новому, — сейчас — непривычно, а в будущем может помочь новой конструкции вещей: мостов, зданий, машин.

Может быть, Маяковский нарочно, для нас, так упростил свои мысли о поисках новых соотношений в отвлеченных скульптурах конструктивистов. Наверно, об этом подробнее и «научнее» рассказано в каких-нибудь статьях и книгах. Но для меня в этот вечер как-то раскрылся смысл условного, беспредметного искусства, и я другими глазами посмотрела на многое. Не хочется уходить в дебри тогдашних и теперешних споров, но в гигантской стреле шагающего экскаватора я вдруг вижу ту металлическую стрелу конструктивистской скульптуры, на которой тогда повисло мое пальто: находка художника превратилась в жизнь.

А много лет спустя, уже после войны, в сорок пятом, мы с Лилей «для себя» переводили книгу Гертруды Стайн — то место, где она рассказывает о Пикассо, о его молодости, о первых его работах. Там есть такой разговор: конец первой мировой войны. Пикассо идет с кем-то по Парижу и вдруг видит: ползут камуфлированные танки — наверно, первенцы тех лет. Форма танка разбита разноцветными плоскостями — круги, квадраты.

— Чорт возьми, да ведь это мы придумали! — говорит Пикассо спутнику, а я читаю этот рассказ и вспоминаю тот вечер на выставке и зоркие глаза Маяковского...

А моя страна — подросток:
Твори, выдумывай, пробуй! —

писал потом Маяковский в «Хорошо!». И это относилось не только к стране, но и к каждому, кто умел творить, а значит — выдумывать, пробовать...

Об одной такой грандиозной «выдумке» я услышала в ту зиму в довольно необычной обстановке.

Мне с моими сокурсницами позвонил Леонид Васильевич Никольский, инженер, старый большевик, работавший в Наркомате путей сообщения. Он велел нам сейчас же идти к нему на работу — будет доклад об электрификации, и он нам достал пропуска.

²³ Малевич Казимир Северинович (1870—1935) — художник-супрематист.

²⁴ Ларионов Михаил Федорович (р. 1881) — художник.

²⁵ Родченко Александр Михайлович (1891—1956) — художник и фотограф, иллюстратор Маяковского.

²⁶ Степанова Варвара Федоровна, (1894—1958), Попова Любовь Сергеевна (1889—1924), Лавинский Антон Михайлович (р. 1893) — художники, входившие в ЛЕФ.

Он встретил нас на лестнице: «Шуб не снимайте, у нас холод лютый!» В комнате, похожей на пустой класс, с партами и доской, собралось человек двадцать. У доски ходил плотный человек в меховой дохе.

— Это Графтио! — сказал Леонид, и по уважению, с каким он произнес это имя, я поняла, что перед нами не просто лектор.

Сначала Графтио рассказывал суховато: много цифр, схем, специальных терминов, — ведь он говорил с инженерами. Но потом он увлекся, разошелся, может быть, заметил, что его слушают, широко раскрыв глаза, три не совсем обычные слушательницы: он все чаще обращался к нашей парте и пояснял чертежи и схемы простыми, понятными примерами.

А когда доклад, уже перешедший в беседу со слушателями, подходил к концу, Графтио рассказал о своих встречах с Лениным. Об этом и писали, и говорили потом, но тут я в первый раз услышала: — «Владимир Ильич сказал мне...», — и мы переглянулись, как будто через Графтио Ленин что-то сказал и нам.

Так, в пустой нетопленной комнате, сидя на облупленных старых партах, мы слушали о великом ленинском плане ГОЭЛРО.

Гораздо позднее, уже весной двадцать третьего года, я попала на открытие первой кооперативной электростанции, под Костромой, на Оке, в деревне Шуньге. У меня сохранился пригласительный билет: «*Рите Райт, переводчице тов. Картера*». Пригласил меня мой друг, председатель Центросоюза, Григорий Наумович Каминский,²⁷ «Камешек», как звал его Маяковский. Картер был старый, глухой англичанин, театральный критик, — потом он написал огромную книгу о Художественном театре. Не знаю, зачем его взяли с собой: я с ним страшно намаялась и, кроме того, раздавила его очки. Из Москвы мы поехали специальным поездом к Волге. Ночь в поезде мне запомнилась оттого, что в соседнем купе ехал Камешек с товарищами, и я им полночи читала наизусть «Про это». Потом все, кроме нас с Камешком, уснуло, а мы ушли в коридор, долго стояли у окна, а когда я пробралась в свое купе, где уже спал мой подшефный, я наступила в темноте на его пиджак, упавший на пол, и раздавила очки.

Утром мы пересели на пароход, где на палубе, важный и толстый, сидел Демьян Бедный. Мне он очень не понравился; на пароходе было жарко, и бедный Картер все время требовал «*A cup of tea*»*. Но станцию открывали замечательно, и Камешек сказал речь, которая кончалась: «... к миру, к труду!». И он так сказал эти слова, что на минуту стало очень тихо, — и вдруг захолопали, засмеялись, закричали «ура!»

Но «до всего этого была зима»²⁸ — первая московская. Уже приехали с Дальнего Востока Асеевы: быстрый, голубоглазый Коля и маленькая Оксана с огромной косой. Мы виделись почти каждый день: как-то само собой вышло, что все приходили обедать в Водопьяный переулоч, где уже стали обсуждать дела нового издательства «МАФ (Московская Ассоциация Футуристов)». Скоро Маяковский принес домой маленькую книжку «Люблю». Первые три книжки он перенумеровал и надписал: «№ 1 — любимейшей же Лиличке», «№ 2 — Осикку», и наконец «№ 3 — Рите-дритте».

Главным человеком в доме была Лилия. И для меня она тоже оставалась самым главным другом, вне всякой смены чувств, вне времени и событий. И это во все не значит, что мне с ней всегда бывало одинаково легко. Ни из-за кого я столько не огорчалась, никто так не удивлял меня какими-то непонятными дружбами с ненавистными мне людьми, ни от кого я так не отходила на недели, на месяцы... Но это было позже, а тогда я чувствовала то, главное, что было в Лиле и за что ее, до конца жизни, по-разному, но всегда — всем

²⁷ Каминский Григорий Наумович (1895—1939) — партийный и советский работник, знакомый Маяковского.

* «Чашку чаю» (англ.)

²⁸ До всего этого была зима — название стихотворения Б. Пастернака.

сердцем любил Маяковский. Знаю, что Владимир Владимирович и ко мне относился так ласково, дружелюбно, внимательно, за то, что я понимала Лилию. Его и смешило, и трогало мое беспрекословное обожание и восхищение. Он часто говорил, собираясь куда-нибудь: — Лилик, а Риту возьмем с собой? — и, довольный, улыбался, когда Лилия говорила: — Ну, конечно, возьмем! — Помню, как меня брали с собой к каким-то иностранным корреспондентам, и Лилия надела коричневое платье с коралловыми пуговицами, и как мы хором восхищались ею. Помню ресторан на Петровских линиях, — первый после начала нэпа — и Лилию, в синем костюме с кружевной блузкой. В зале были еще какие-то нарядные женщины, и я сказала: — «Все-таки Лиличка — самая красивая», а Маяковский возмущился: — как можно даже сравнивать!..

Что было в Лиле самым подкупающим, самым милым? Не поступки, не слова — поступки бывали самые разные и слова тоже: то хорошие, ласковые, то неожиданно-сердитые, обидные. Но Лилия никого не хотела обидеть нарочно. Она просто не могла заставить себя делать что-то против воли. Это-то в ней и обезоруживало. И ко всему, что с ней происходило в данную минуту, она относилась всерьез. Однажды, уже после того, как начался тот последний этап их жизни с Маяковским и когда все вместе переехали в Гендриков, где теперь музей, Лилия рассказывала мне о каком-то «новом человеке», рассказывала с восторгом, блестя глазами. — И вы думаете — это надолго? — спросила я. — Пока — навеки! — совершенно серьезно ответила Лилия.

Но в ее жизни было — и, действительно, осталось навеки, — одно чувство, одно дело — два человека. Ничто не могло изменить ее отношения к Осипу Максимовичу. Как-то на даче, все еще не понимая до конца, как соединить ее любовь к Осе со всей остальной ее жизнью, я спросила: «А если бы Ося женился, вы бы огорчились?» Лилия потемнела, как туча: — Этого не может быть... И никогда про это не говорите!

А потом появилась Евгения Гавриловна. Ося посветлел, помолодел — и Лилия за это, за то, что Осе хорошо, приняла Женю, полюбила ее, говорила про них: «Ося с Женей»: «Ося с Женей придут... Ося с Женей пишут...»

Вот тогда я поняла, как она любит Осипа Максимовича...

И другим таким человеком в ее жизни был Маяковский. Пусть на совете тех, кто, вопреки воле Маяковского, ненавидевшего сплетни, смеет чернить его любовь к Лили Юрьевне и Осипу Максимовичу (знакомство с ними он назвал «радостнейшей датой»²⁹ своей жизни) — пусть на совести этих врагов Маяковского, под какой бы личиной они ни ходили по страницам книг и мемуаров, камнем лежат все слухи, недомолвки, мешанские разговоры о «мэнаж-ан-трау», — все, что опошляет любовь трех людей, которая их связывала крепче браков и романов.

Меньше всего я хочу изображать тогдашнюю жизнь какой-то сладенькой идиллией. Все были молоды, все жадны к жизни, все заняты всякими своими делами, — личными и общественными, которые то сливались, то не сливались... И ссорились, и мирились, и обижались, и радовались — словом, «было всякое — и под окном стоянье...»

И запомнилось всякое — иное стерлось, иное осталось, потому что закреплено в стихах. Так осталось то, что связано с поэмой «Про это».

... В первом номере «Огонька» печатался мой перевод какого-то барбюсовского рассказа. Я пришла из редакции в Водопьянный. Лили была больна, — насморк, кашель, лежала в постели с грелкой, Владимир Владимирович стоял у шкафчика или столика, в глубине комнаты, справа у двери в комнату Осипа Максимовича, спиной к нам, и не обернулся, когда я вошла. У Лили были красивые глаза, но я не обратила на это внимания — при насморке всегда так, — и стала рассказывать, что видела гранки, рисунки.

— А вам заплатили? — спросила Лилия. Тогда я вообще непрестанно

²⁹ Ср. в автобиографии «Я сам» (1922, 1928): «Радостнейшая дата. Июль 15-го года. Знакомлюсь с Л. Ю. и О. М. Бриками (I, 23).

удивлялась, что мне за такое удовольствие, за такую честь — переводить Барбюса для первого номера «Огонька» или Синклера Льюиса для второго номера «Лефа» — еще платят деньги.

— Да, немножко заплатили, — сказала я.

Лиля удивилась: — Почему немножко? — и окликнула Маяковского: — Володичка, по-моему, Риту надули.

И тут он обернулся, и я увидела, что и у него совсем красные глаза. Но голос был спокойный.

— Я сейчас позвоню Кольцову, — сказал он.

— Потом, Володичка, — сказала Лиля, — ты ведь куда-то спешил...

Маяковский простился и ушел.

— Володя плакал, — сказала Лиля и заплакала.

Это и был день разлуки, перед поэмой «Про это».

Недели через две я подымалась по лестнице, и навстречу мне спускался Маяковский. Все эти дни он совсем не бывал у Лили. Я знала, что они решили не видаться, и очень обрадовалась, увидав, что Владимир Владимирович опять был там. Но он как-то странно поздоровался со мной и быстро прошел мимо. Я сказала Лиле, что встретила его на лестнице. Она побледнела и сказала: — Он не заходил...

В поэме все это есть, — и лестница, и стенка...

А еще через какое-то время я провожала Лилу на вокзал: там ее должен был ждать Маяковский. Они вместе уезжали в Ленинград: разлука кончилась.

Мы ехали на извозчике, было холодно, ветрено, но Лиля вдруг сняла шапочку, я сказала: — «Киса, вы простудитесь» — и она снова нахлобучила шапку, и видно было, как она волнуется. Мы вышли на перрон, поезд был подан, мы пошли вдоль состава и вдруг издали увидели в дверях вагона Владимира Владимировича. Лиля торопливо поцеловала меня и сказала: — Ну, бегите! Вон Володя. — Уходя, я обернулась и увидела, как Лиля идет к вагону, а Маяковский стоит на площадке, не двигаясь, будто окаменев...

В то утро, когда Лиля вернулась из Ленинграда, я прибежала к ней перед лекциями. Она встретила меня на пороге и, не успев поздороваться, сказала счастливым голосом: — Володя написал гениальную вещь! Сегодня вечером услышите... Идите скорее, я вам расскажу...

От рассказа о поездке остались только лилины сияющие глаза — и строки, которые она прочла наизусть, наспех пересказывая «Про это»:

«Мальчик шел, в закат глаза уставя. || Был закат — непревзойдимо желт, ||
Даже снег желтел к Тверской заставе. || Ничего не видя, мальчик шел. || Шел, ||
вдруг || встал. || В шелк || рук || сталь...»

И — потом:

«До чего ж

На меня похож».

Вечером слушали «Про это». Было очень мало народу: Лиля, Ося, Асеевы — больше никого не помню. Мне казалось, что Володя читает одной Лиле...

Назавтра еще раз читал дома, и уже было полным-полно, потом в Поли-⁴техническом, потом — еще и еще...

Но те, первые строки, лилиным голосом — в утро приезда и — вся поэма, в тот же вечер, голосом Маяковского, навсегда сделали именно эту вещь не только самой любимой, но и самой «моей».

«ТОГДА»

Ты в погудках дождей и бед,
 То ж, что Гомер в гекзаметре.
 Дай мне руку на весь тот свет,
 Здесь — мои обе заняты.

М. Цветаева³⁰

Стихи Пастернака я прочла впервые еще в Харькове, в каком-то сборнике. До сих пор я их не понимаю, хотя начало помню наизусть: Называются они «Болезни земли» и начинаются так:

О, еще! Раздастся ль только хохот
 Перламутром, Иматрой бацилл,
 Мокрым гулом, тьмой стафилококков
 И блеснут при молниях резы...
 Так — шабаш! Нешаткие титаны
 Захлебнутся в душных сводах дня,
 Тени стянет трепетом tetanus
 И медянок запылит столбняк.³¹

Мне очень не понравилось, что он пишет «про непонятное», да еще думает, что «столбняк» и «tetanus» (его латинское название) — не одно и то же! И почему «тьма стафилококков»? Стафилококки — гадость, от них насморк.

Все это я и выложила самому Пастернаку, при первой же встрече, у него в комнате, на Волхонке, против Храма Христа-Спасителя, еще не разрушенного в те годы.

Мне до сих пор жаль, что снесли этот храм, хотя он и «не имел архитектурной ценности», как нам объяснили тогда.

Но подъезжая к Москве, всегда — сердцу России, а после Революции — Столице Советов, ты с напряжением ждал у окна вагона, когда же тебе на встречу выплывет, сверкая даже в дождь и туман, огромный купол, «злая глава».

Позже он возник для меня в стихах Пастернака:

Жар на семи холмах.
 Голуби в тлелом сенце.
 С солнца спадает чалма,
 Время менять полотенце
 (Мокнет на днище ведра)
 И намотать на купол...³²

Сентябрь двадцатого года. Конец дня. Закат в полнеба. Большая комната на Волхонке, заставленная какими-то несовременными вещами. Я пришла к Пастернаку — показать ему переводы: у кого-то из новых московских зна-

³⁰ Из стих. М. Цветаевой «Русской ржи от меня поклон...» (1925); см.: Марина Цветаева, Избранные произведения, М.—Л., СП, 1965, стр. 274.

³¹ «Болезни земли» — стих. из сборника «Сестра моя жизнь» (см.: Борис Пастернак, Стихотворения и поэмы, стр. 127). Речь идет о первой публикации этого стихотворения в ж. «Пути творчества» (Харьков), 1919, № 5 стр. 36 (под названием «Из цикла «Свежесть вещей»).

³² Жар на семи холмах... Начальная строфа стих. «У себя дома» (1917) из сборн. «Сестра моя жизнь» (см.: Б. Пастернак, Стихотворения и поэмы, стр. 144).

комых я встретила друга Бориса Леонидовича — К. Г. Локса,³³ и он, узнав, что я пробую переводить на немецкий Маяковского, Асеева и Хлебникова, сказал, что в Москве лучше всех это поймет Пастернак: ему немецкий — почти родной язык, и, вообще, он все понимает.

Локс договорился с Пастернаком, и Борис Леонидович попросил меня прийти к нему.

Он встретил меня в дверях — весь коричневый от загара, с такими жаркими карими глазами, что казалось — именно от его взгляда золотится за окном раскаленный купол храма, на который и вправду хотелось намотать полотно.

В присутствии всего этого сияния: купола, глаз, улыбки, я рассказала все — и как люблю Маяковского, и как не понимаю и не люблю «Болезни земли».

Пастернак растерянно улыбался, говорил «ммм-да-а...» каким-то грудным, воркующим мычанием, будто голубь подражает телятке, сказал про Маяковского: — «Это уже за пределом... от его стихов трещат книжные полки». А когда на его вопрос я ответила, что никаких других его стихов не читала и никаких книг не видела, он засмеялся гортанным смехом, забормотал — и вдруг вытащил из ящика огромного письменного стола стопку листов, четко переписанную на машинке.

Это была «Сестра моя — жизнь».

— Вот это вам, совсем, а если не понравится — выбросьте, жаль, ее уже печатают, нельзя будет совсем выкинуть.

И опять — смех, с придыханием: — Да-а, ну вот... вот вы... Все это так близко, понятно — и глаза, и сестрин берет...

Я пришла домой в совершенном тумане. Всю ночь напролет читала я эту книгу. Мне было все равно, кому она посвящается. Я взяла стихи себе, я отняла их у той Mädchen, чьи черты im Sturme gemahlt waren.³⁴

Стихи были мои, Пастернак был мой. Все это называлось Любовью, — с большой буквы, — и почти не имело отношения к живому, реальному Борису Леонидовичу. Своим чередом шла жизнь, где было много веселых, еще «не-взрослых» романов и полуроманов — что-то кончалось, что-то начиналось, запутывало, волновало. Своим чередом шли интереснейшие, увлекательнейшие вечера в Водопьяном, чтения в Политехническом, занятия в университете и в студии ЛИТО, премьеры у Мейерхольда и у Таирова, — все это заполняло дни до края с утра и до вечера. Но где-то вне всего существовал Пастернак. О нем — карандашные каракули в уцелевшем дневнике. По ним восстанавливается счастливая влюбленность, которая, как я писала, «прямо-пропорциональна квадрату расстояния — чем он дальше, тем больше люблю». И дальше: «Я внушила эту любовь всем вокруг, и она окружает меня, отраженная, удесятеренная, со всех сторон».

Передо мной — тонкая книжка в бумажной обложке: альманах «Современник». Двадцать второй год. Там впервые появился божественный «Разрыв» Пастернака — книга «Сестра моя жизнь» еще печаталась в издательстве Гржебина. Там же — асеевская «Шехерезада» — одно из лучших его стихотворений, там — стихи молодых поэтов — Адалис,³⁵ Вильмонта,³⁶ Песиса.³⁷ И весь сборник — отражение Пастернака, нашей любви к нему, и все это — настоящие стихи. Не боюсь сказать, что тогда, как и в пушкинские времена, очень многие умели хорошо писать стихи, потому что стихи по-

³³ Локс Константин Григорьевич (1886—1956) — литературовед.

³⁴ *Девушка, чьи черты вписаны в бурю* (нем.) — см. эпиграф (из Ленау) к сб. «Сестра моя жизнь».

³⁵ Адалис (псевд. Аделаиды Ефимовны Ефрон) — поэтесса, переводчик.

³⁶ Вильмонт (Вильям-Вильмонт Николай Николаевич, р. 1901) — переводчик, критик, историк литературы.

³⁷ Песис Борис Аронович (р. 1901) — поэт, литературный критик.

сились в воздухе. Но, к счастью, у всех тогда требования к себе были столь суровы, а образцы, которые мы видели перед собой, столь высоки, что к своим стихам мы относились, как к «заданиям» в студии, как к гаммам, которые нужно играть для того, чтобы овладеть мастерством, научиться к любой работе над словом подходить строго, бережно и вдумчиво.

Мало кто из тогдашней студии ЛИТО вошел в большую поэзию. Но и у меня, и у моих сверстников, в той работе, которую мы делаем по мере наших сил и способностей, всегда есть и будет чувство огромной ответственности за каждое сказанное слово, за каждую строку того, что мы пишем. Должно быть, мы так придирчивы и пристрастны к себе и к другим, и так легко умеем отличать подлинную поэзию от подделки оттого, что нас учили точности, обостряли наш слух и зрение великие поэты, великие мастера слова.

Подаренную мне рукопись книги «Сестра моя, жизнь» я, конечно, показала Володе Бессмертному. Он тоже переехал из Харькова в Москву, и мы встречались в шукинском Музее западного искусства, — изумительном доме, где все сохранилось в неприкосновенности; по-моему, даже гардеробщик был из старой «челяди» — вежливый старичок, приветливо встречавший редких тогда посетителей. Мы сидели часами то в столовой, где — Гоген, то в гостиной с «голубым» Пикассо, то в палисаднике у входа под теплым сентябрьским солнцем. Володе, насквозь пропитанному Хлебниковым, Индией, древней философией, мои дела и дни казались слишком «приземленными»: — «В тебе пропадают волны, волны, самосотворение, самосожжение... А надо сжечь себя на всех кострах — от солнца до свечи...»

Володя прочел Пастернака, вернул мне рукопись, сказал какие-то слишком умные слова, отдающие для меня кощунством, — так говорить о моем божестве! А через несколько дней показал мне листок: — Вот, достал тебе новые стихи твоего Пастернака.

Стихи были чудесные, с дождем и запахами свежих мокрых стружек, достоверные до тончайших интонаций. Я восторгалась, отнимала листок, но тут Володя захохотал «демоническим» смехом: — Это же я написал. Видишь — я тоже так умею.

Да, это была копия мастера, сделанная рукой талантливого ученика. Но я обиделась в душе — и на Володю, и на себя, не разобравшую, что это — только копия.

Весь дневник тех дней — какая-то неразборчивая стенограмма чувств. Иногда, после инициалов: «Б. Л. П.» — в кавычках, его слова:

«Весной я оживу...».

«Ich zweifle, ob ich noch Mensch bin.» *

«Порыв чужого ветра — полевого, в пыли...»

Мы встречались сравнительно часто — у него дома, у Бриков. Иногда он читал что-нибудь новое, иногда бродил со мной по улицам, и всегда это было что-то совсем отдельное от остальной, реальной жизни.

В этой, нереальной жизни вдруг мог зазвонить телефон и голос, непохожий на все человеческие голоса, вдруг начинал бормотать в трубку: — Я весь в пыли, и мысли — тоже... А сейчас пришли книжки из Германии, и я подумал — с кем, как не с вами... Ну, приходите же, приходите скорее...

И в дневнике — запись:

«Бежала по улице, задыхаясь от радости... Маленький первый букетик ландышей...», —

и — в кавычках, очевидно, его слова:

«Спасибо за забытые вами цветы...»

Когда я прибежала на Волхонку — бегом, с Разгуляя! — я увидела на столе разноцветные книжки, — кажется, Малик-Ферлаг.³⁸ Во всяком случае твердо помню: стихи немецких революционных поэтов. Самая толстая книж-

* Я сомневаюсь — человек ли я ещё? (нем.)

³⁸ «Malik-Verlag» — прогрессивное издательство в Берлине 1920-х гг.

ка — Бехера. Мне она понравилась меньше всех. Жаль, что не помню остальных. Там было что-то очень хорошее, и Пастернак читал вслух, иногда говорил: — Теперь вы это прочтите, а я послушаю... со стороны.

Читали мы долго, и я никак не могла оторваться и уйти. Уже кто-то стал сердито заглядывать в комнату, потом к двери подозвали Бориса Леонидовича: оказывается, к Леониду Осиповичу³⁹ в гости пришла Вера Фигнер, и родные требовали Бориса Леонидовича туда. А я все никак не уходила — потому что, когда я пришла, Борис Леонидович сказал, что мы читаем, а потом пойдем гулять. Вот я и сидела... Наконец он извинился, ушел, сказал — ненадолго, принес мне на тарелочке яблоко и печенье, — и я знала, что надо бы уйти, и — не могла... Ужасно неловко вспоминать этот вечер и это оцепенелое состояние...

Больше всего я боялась, что Пастернак «догадается», и для того, чтобы отвести ему глаза, я объявила, что выхожу замуж за своего товарища по студии, Лёню Болотина. Лёня был розовый голубоглазый мальчик, с которым мы очень дружили. Он считался моим бессменным «кавалером» и очень обрадовался, когда мы решили пожениться тем самым «белым браком», о котором я мечтала с детства. Все встретили это известие с восторгом, Лиля заказала мне обручальное кольцо и белую шелковую блузку, вместо подвенечного платья, и тут я немножко струхнула: обман зашел слишком далеко, а выходить замуж «по-настоящему», и тем более — за Лёню, мне хотелось не больше, чем отрезать себе нос.

Мы условились с Лёней, что объявим всем, будто мы уже давно поженились и даже зарегистрировались. Все нас поздравляли, дарили подарки и только удивлялись, почему мы не живем вместе.

Узнал об этом и Пастернак. Я пришла к нему, — тогда он жил в Гранатном переулке, кажется, в чьей-то чужой комнате. Он говорил что-то жалобное — помню только: — «Завидую» — и еще: — «А я уже, как видно, стар...»

И потом, когда, как было условлено, Лёня позвонил и спросил: — Борис Леонидович, моя жена у вас? — и я стала объяснять по телефону: — «Это недалеко от зоологического сада», — Б. Л. вдруг засмеялся: — Нет, нет — ботанического, ботанического. Пастернак — это же ботаническое...

То состояние счастливой влюбленности в мир, в котором я жила тогда, охватывало все: стихи, людей, снег, весеннюю оттепель. Жизнь была битком набита впечатлениями, встречами, спорами, своими и чужими романами... Не понимаю, как я ухитрялась заниматься в университете, бегать по вечерам в студию ЛИТО, а позже — в Брюсовский институт, ходить на все премьеры, на все выставки. Впрочем, в таком кипении жили мы все — те, кто верил и надеялся.

А тут еще, после первой московской зимы, наступила весна двадцать первого года, и Маяковский заставил меня бросить все и переводить для третьего конгресса Коминтерна «Мистерию-буфф» на немецкий. Ну, как тут было не верить в мировую революцию, когда к нам со всех концов земли уже съезжаются представители тех, кто ее делает, а мы для них собираемся ставить Маяковского?

Жизнь перевернулась вверх дном: репетиции начинались поздно ночью, когда освобождались актеры — из всех театров пришли играть в немецкой «Мистерии» те, кто знал язык. Ставит спектакль Грановский, художники — Натан Альтман и Ефим Равдель, музыка — Сахновского. Все вечера я провожу в цирке, со мной вместе — вхутемасовские художники, строившие декорации, актеры и мои товарищи по институту. Пастернака вижу очень редко. Кузнец в «Мистерии» играет очень красивый и славный мальчик — артист Камерного театра, Алик Оленин. С ним, после репетиций, до утра бродим по бульварам, целуемся на набережной и рассказываем друг другу про тех «взрослых», в которых мы безнадежно влюблены...

³⁹ Леонид Осипович — отец Б. Л. Пастернака, художник (1862—1954).

Теперь трудно поверить, что тогда могло существовать такое непросто-инфантильное отношение к реальной жизни, такой растительный, звериный, мифологический, самосотворенный мир стихов, любви, цирковой феерии, неудержимой радости бытия.

Знаю — по-другому жили и думали многие мои сверстники и современники, но мимо меня все шло стороной, оставалось вонне — почти все события, и перемены, хотя ими было насыщено все вокруг — от плакатов РОСТА до «150.000.000» Маяковского.

Впрочем, в этом — сложность биографии моего поколения, безоговорочно верившего, что «грядет» мировая революция, что она не за горами, и мир уже принадлежит нам, а для этого мира наши старшие товарищи: Маяковский, Хлебников, Пастернак, Малевич, Татлин, Мейерхольд, — делают важнейшее дело: создают новое небывалое искусство для новой небывалой на земле жизни.

А мы им помогаем.

Еще будут написаны книги об этом поколении, еще расскажут о жизни тех, кто погиб, и тех, кто уцелел, — о людях, пронесших веру сквозь войну и фашизм всех мастей, о тех, кто и сейчас во всем мире, упорно и упрямо, иногда — из последних сил, продирается сквозь злую дремучесть и серость в искусстве к свету, к единственной правде.

Прошла премьера «Мистерии». В дневнике — запись от первого июля: «Круг замыкается: год назад я впервые приехала в Москву, пришла в РОСТА, впервые увидела Маяковского и Бриков, впервые встретила Пастернака и прочла «Сестру мою — жизнь».» И еще про этот год сказано: «Был пестрый карусельный год — «чертовы качели» ...» Потом — подведение итогов, снова — таинственное упоминание о том, что завтра-опять буду смотреть в глаза «Б. Л. П.» и ничего не понимать. И потом: «Сейчас я должна уехать — и жаль. Не кого-нибудь, а всех — Москву, милую ...» И внизу — приписка: «Маяковский просит не уезжать, очень его люблю, но уеду ... «Мистерия», может быть, уедет за границу».

«Мистерия» — единственный экземпляр на немецком языке, действительно, уехала за границу, но позже: Лили Юрьевна и Маяковский отвезли ее в Берлин, где показали немецким поэтам. Те очень правильно сказали, что перевод выполнил свое назначение, но издавать его не стоит; это — *Schuhdeutsch* — школьный язык, но как подстрочник он очень полезен.

В июле я уехала в Пушкино, на дачу. Я уже писала, что это лето у меня проходило «под знаком Пастернака», писала, как Маяковский, рисуя на террасе плакаты, заставлял меня читать ему наизусть «Сестру мою — жизнь», как спрашивал: — А вы все понимаете? Ну, расскажите своими словами «Демона»,» — и как я сдавала анатомию любимых строчек на пять с крестом.

Как-то, приехав из города, Маяковский остановил меня на дачной террасе: — Видел Пастернака. Сначала он что-то мычал, потом сказал: — Передайте по епархии, что я в воскресенье приеду на дачу. — А я ему объяснил: — По этой епархии у нас Лиличка — архиерей. Вы ей позвоните, а то еще забуду. Да вот, не забыл.

Пастернак приезжал в Пушкино. Мы уходили в лес, он говорил замечательные, ослепительные, невероятные вещи — половины я не могла понять. Там было что-то философическое, что-то дремуче-германское и кантианское, трансцендентальное ... Потом он вдруг останавливался, улыбался, клал мне руку на плечо, говорил: — Простите, я задумался ... Лучше я вам расскажу ... это такая сказка ... нет, новелла ...

До сих пор совершенно отчетливо чувствую руку, обхватившую плечи, лесную тишину, замирание сердца. От новеллы осталось только название — «Карета герцогини» и фраза, записанная вечером в дневник:

«И они пахли, честное слово, пахли: немного миндалем или вот когда сорвешь повилику, такой горький, немного пригорный запах».

Смутно помню, что сама герцогиня со свитой ускакала на выпряженных

из кареты конях — от какой-то опасности, а карета осталась в лесу. А в карете — и это было самое главное, — лежали трубы оркестра, брошенные музыкантами. Шли годы, карета заросла плющом и повиликой, и от соседства медных труб цветы повилики стали огромными и зазвенели, а трубы — пахли... «И они пахли, честное слово пахли...»

Новый, 1922 год, я встречала в Доме Печати. Пастернак позвонил накануне: — Хотите — со мной вместе? Я не знаю, как там будет, но все равно — давайте пойдем!

Мы сидели в общем зале, чокались первым за эти годы бокалом шампанского, к нам кто-то подсаживался, что-то говорил... Это было уже не седьмое, а семьсот седьмое небо — вот так, вместе, встречать Новый год.

И вдруг из закрытой двери маленького зала, за которой уже давно слышалось какое-то отдельно-кабинетное веселье, выпорхнуло неземное существо. Черненькая барышня, в белом шелку, в сандрильонных туфельках подбежала к Пастернаку, мельком взглянув на нас — с нами, разделяя мою радость, уже сидели мои друзья, те самые мальчики и девочки, кого вместе со мной пропускали на все вечера Маяковского по запискам: «Пропустить Риту Райт + пять, (шесть, семь — цифра менялась) человек.»

Барышня зашебетала, потянула Пастернака за рукав: — К нам... Все вас просят... Там у нас...» — и пошли афишные имена актеров, балерин, модных конференс — словом, «элиты», занявшей отдельный зал.

Борис Леонидович отнекивался, говорил: — Но я же не один... — и тогда на меня тоже засияла улыбка: — Пожалуйста, ну, пойдемте...

Кто-то появился, Пастернака увели под руки, но я не двинулась с места... Вероятно, он вскоре вернулся — помню, как мы шли — одни или с кем-то? — по снежным улицам и я мысленно говорила белошелковой барышне: — Что? Не вышло?..

Еще весной я переехала с Разгуляя в крошечную комнатку на втором этаже деревянного флигеля, в Салтыковском переулке, на Петровке. Низкое оконце выходило на крышу крыльца, внизу был тихий двор. В комнате сложили печурку из кирпичей, я сама выбелила ее мелом. Мальчики из Вхутемаса оклеили стены и потолок бумагой и выкрасили все сплошь густой апельсиновой краской. Борис Леонидович подарил мне стол с откидной доской — и толстый волосяной тюфяк. Тюфяк положили на деревянные ящики, выпрошенные в соседнем магазине, накрыли огромным пестрым платком, — его вместе с большим старым ковром, устлавшим весь пол, подарила Лиля. На стену повесили самодельную полку, овальное зеркальце и огромную бумажную шляпу — ее склеил Василий Каменский для какого-то выступления в Кафэ поэтов и там же отдал мне — «на новоселье». В апреле, ко дню рождения, Лиля купила мне большой резиновый таз — тогда Резинотрест уже открыл первый магазин на Мясницкой, и Маяковский вскоре начал писать рекламные стихи:

Дождик-дождь, впустую льешь
Я не выду без калош,
С помощью Резинотреста
Мне везде сухое место.

Мой первый в жизни «собственный дом, с ванной» был готов.

Почти каждый вечер я забегала на Тверскую, в «Кафэ поэтов».

Это было «серьезное» кафэ, — не то, что «Стойло Пегаса», где очень шумели, дили, толкались... В «Кафэ поэтов» устраивали литературные вечера, читали стихи, даже что-то обсуждали, вполне академически и серьезно.

Изредка читал Пастернак.

Помню один такой вечер — уже в апреле, а, может быть, и в мае. Народу было совсем мало. Пришел Маяковский — Лиля была за границей. Борис

Леонидович читал, как никогда. После вечера он с кем-то уехал, а Маяковский вышел из кафэ вместе со мной и шестнадцатилетней ученицей Вхутемаса, Марийкой Р., самой младшей из нашей компании, мы все звали ее «Мухой». С Тверской завернули в Камергерский. Вечер был ранний, весенний, лунный или просто еще светлый, только мне помнится, как на светлом небе неярко горели три косо повешенных фонаря, там, где Камергерский выходит на Кузнецкий. Много лет подряд, уже гораздо позже, приезжая из Ленинграда в Москву, я водила всех своих спутников «гулять под косые фонари». Теперь их нет. А тогда они висели, три матовых шара в легком высоком небе.

Маяковский сказал: — Ишь, какая у вас Муха! — и пошел рядом с нами. Потом вдруг, ни с того ни с сего, проговорил таким голосом, какого я никогда раньше не слышала: особенно тихо и очень грустно: — Счастливы Пастернак. Вон какую лирику пишет. А я, наверно, больше никогда...

И, круто оборвав себя, сказал уже совсем другим тоном:

— Ну, я пойду побыстрей, вам за мной не угнаться! Спокойной ночи!

... Всегда вспоминаю тот вечер, косые фонари и голос Владимира Владимовича, когда читаю: — «На горло собственной песне...»

Весна, карандашные каракули дневника становятся все неразборчивей и торопливей: уже «все запуталось» — Пастернак женился на художнице Жене Лурье, что, впрочем, никак не нарушило нашу дружбу. Как-то мы втроем возвращались от Бриков, и Борис Леонидович сказал: — «Вот, Женичка, а Рита мои стихи понимает лучше, чем ты...». И Женя спокойно сказала: — «А я ведь вообще не очень люблю стихи...»

Прошло полвека, нет — ПОЛСТОЛЕТИЯ, но еще целы полустертые, полупонятные строчки в дневнике, лиловым карандашом. Но я не стану ничего переписывать, кроме нескольких строк, под датой 25 июня, 22-го года. Вот они:

25 июня. Четверг. Вознесенье.

Если очень захотеть, то так и будет. «Учись, трудись, Борис.»

*Я стану завсегдаем
Трех четвертей четвертого,
Когда не к людям — к статуям
Рассвет лицо повертывает...*

*Как — в Альпы?
Да, это — жертва, это — то!*

Как расшифровываются эти кривые каракули?

Поздно вечером, неожиданно, ко мне на чердачок пришел Пастернак. От этого вечера, от разговора осталась смутная путаница жалоб, раскаяния, исповеди, — апокалиптическая невинность и непонятность каких-то сетований и сожалений... Потом — долгое хождение по улицам; по набережным — «не оставляйте меня одного!» — и на Моховой, перед прекрасным баженовским дворцом, — эти четыре строчки: — Я стану завсегдаем... —

А через два года, в двадцать четвертом, Пастернак написал стихи Асееву — на книге. И те четыре строки, которые случайно сохранились в моем дневнике — и, наверно, в черновиках у Пастернака, — стали началом этого стихотворения — но уже по-другому:

*Записки завсегдата
Трех четвертей четвертого...⁴⁰*

Тогда сказал — «стану», потом — стал, и записки написал...

И «Альпы» уцелели: они всегда вставали обещанием несбыточного счастья в наших разговорах — Альпы, Тироль...

⁴⁰ См.: Б. Пастернак, Стихотворения и поэмы, М.—Л., СП, 1965, стр. 560.

Так, прощаясь со мной у трамвайной остановки, перед отъездом в Берлин: — Мы с вами тоже уедем, мы уедем в Тироль, там никого-никого не будет...

А откуда — «учись, трудись, Борис»?.

И Маяковский и Лиля отлично знали, как я люблю Пастернака. Лиля мне говорила: «Отбейте!», а Маяковский — «Эх вы, пастерначья душа!». И в магазине — уже при нэпе, Маяковский, стоя рядом со мной у прилавка, пока Лиля покупала какую-то материю, потянул за угол кусок оберточной бумаги, на которой было крупно напечатано: «Учись, трудись, борись!» Не знаю, почему тогда печатали столь возвышенные лозунги на оберточной бумаге, помню, что именно их мы и называли «лозгунами». Владимир Владимирович оторвал от «лозгуна» кусочек и протянул мне: «Учись, трудись, Борис!..» — прочла я, мысленно наращивая заглавную букву — мягкий знак уже был нарочно оторван Маяковским.

Зима была грустная. Сначала Пастернак с женой уехали в Берлин, а вскоре туда же уехали все: Маяковский, Лиля, Осип Максимович. Я зубрила с утра до вечера, сдавала зачеты, потом появился умный Мик — Михаил Кольцов, который объяснил мне, что у каждого человека бывает три драмы и первая делает его взрослым, вторая — мудрым, и тогда третьей драмы не бывает, а если бывает, то — убьет...

— И у вас, Ритик, только первая, овзросляющая вас драма, и это хорошо, но это скоро пройдет.

И — прошло. Жизнь круто изменилась, выдумке в ней не осталось места...

Я уехала в Ленинград, много лет не видела Бориса Леонидовича, хотя он и оставался со мной в своих стихах. Приезжая в Москву, я слышала от Лили Юрьевны много всяких разговоров о расхождениях, о взаимных обидах... Я не могла и не хотела вникать в эти ненужные мне разногласия.

Их оборвал выстрел 14 апреля.

Я приехала в Москву шестнадцатого апреля утром из Ленинграда. Ничего не помню, кроме мертвого Маяковского, его матери, которая сняла со стула черную сумочку и, усадив меня рядом с собой, тихо сказала: — «Если бы Лиля была здесь, этого бы не случилось...» Кто-то стоял и плакал рядом со мной, кто-то обнял меня — кажется, там был и Пастернак, но я ничего не видела, думала только: — В час дня придет Лиля...

А потом пошли годы, когда ни о ком, ни о чем, кроме самых близких, не думалось. В Москве бывала часто, но Бориса Леонидовича совсем не видела. Только зимой 39—40 года, когда Сергей Спасский⁴¹ почти силой заставил меня написать о прошлом, я перечитала единственную тетрадь, оставшуюся в живых, после многих аутодафе, и все ожило.

Потом началась война...

После войны, уже в Москве, у кассы Гослитиздата, меня окликнул знакомый, неповторимый голос — Пастернак! Мы стояли друг перед другом — тени той жизни. Он что-то говорил, а на мое: — Надо бы повидаться — затормозился. — Если вы вправду хотите, то — в Переделкине, на даче — и в воскресенье.

Но прошло еще много тяжких для меня месяцев, прежде, чем я оказалась в Переделкине и вновь увидела Бориса Леонидовича. Он стоял у дачного забора, в широкополой соломенной шляпе, с лопатой, мы что-то говорили, смеялись... Но мне казалось, что это — не он...

Годы шли, я не пропускала ни единой строки, ни единого его выступления. После вечера в Доме Ученых пошла за сцену, но Б. Л. был окружен таким количеством дам, девиц и господ, что я только поздоровалась, взглянула на него и ушла.

⁴¹ Спасский Сергей Дмитриевич (1898—1956) — поэт, автор книги «Маяковский и его спутники» (Л., 1940).

Помню только три встречи, когда повеяло чем-то прежним.

Переделкино. Зима. Вечер. Гуляю с кем-то по лесной просеке. Вдруг — навстречу — Пастернак: меховая шапка, разгоряченное быстрой ходьбой лицо, и — те самые глаза. Мы обрадовались друг другу, пошли рядом, разговаривались. Часто потом, в тяжкие для него и для всех нас дни, я вспоминала, как на мой вопрос — что он сейчас делает, он стал счастливым голосом рассказывать, что дописал роман и что это и есть самое главное, это все поймут, это — для всех...

(В «Знамени», где опубликованы стихи из романа, в короткой «врезке» — от автора, чувствуется та же убежденность в своей правоте, та же уверенность, что роман будет напечатан тут, у него дома.)

Вторая, запомнившаяся встреча — на его даче, внизу, в большой комнате. Сажу с Зинаидой Николаевной — она всегда была очень ласкова со мной, — и с какими-то знакомыми дамами. Борис Леонидович — у себя, наверху. Но вот он спускается, свежий, выпавшийся, спокойный. Кто-то в разговоре упоминает об игре в Ма-Джонг. И Борис Леонидович вдруг хватается меня за руку: — Вот, наверно, Рита умеет... помните, помните, — как тогда... — и целует мне руку, а у меня замирает сердце — как тогда...

И — третья, последняя встреча, — ее помню отчетливее всего. Лето. Я уезжала из переделкинского дома, пришла проститься. Мы сидели на террасе, с нами — еще какие-то люди, Борис Леонидович неожиданно разговорился — о стихах, о том, что, вот, хотят издать его однотомник и Н. В. Банников⁴² уговорил его написать предисловие, что-то вроде автобиографии, и как это трудно, и как он хотел бы «многое выбросить» — и стихи тоже, даже те, что «стали хрестоматийными», например, «Я живу с твоей карточкой...»,⁴³ что это «уже отошло», что «надо проше» и — «пусть другие»... (Потом мне говорили, что он будто бы даже просил Банникова отказаться, отдать «дефицитную бумагу под Слуцкого, под Мартынова...»)

А прощаясь со мной у калитки, он вдруг сказал:

— Не знаю, что будет... Роман уехал в Италию, а Рита на меня рассердится...

Я удивилась — за что?

— М-мм... Я плохо написал о... о... — Неожиданная пауза, и — неловко: — ...о футуристах.

Я засмеялась: — Господи, неужели, из-за этого, я — на Вас!.. Все мы давно выросли...

Только потом, прочтя автобиографию в рукописи и недобрые, холодные, а главное — неверные строки о Маяковском, я поняла, что хотел и чего не смог выговорить Пастернак: — Я плохо написал — о Маяковском.

Я рада, что он не смог сказать мне этого в глаза...

Тогда я написала — но не отправила — ему письмо, в котором была и старая любовь, и новая обида: как он мог так все забыть, — и общую молодость и глаза Маяковского, когда он слушал стихи Пастернака, и то, как сам Б. Л. всем существом слушал «Про это».

Лилия всё это помнила, и позже в те ноябрьские дни, когда многие отступились от Бориса Леонидовича, она написала ему коротенькую записку — и он позвонил ей и долго говорил, как это для него было важно...

И я помню, и буду помнить до смерти, как все это было — тогда.

Помнить — и радоваться, что не при мне прошли те годы, когда что-то разделяло Маяковского и Пастернака.

Время постепенно сметает и развеивает все наносное, мелкое и ненужное, а их стихи стоят на полке рядом — в Бессмертии.

⁴² Н. В. Банников — редактор.

⁴³ «Я живу с твоей карточкой»... — начальная строка стих. «Заместительница» (1917) цикла «Сестра моя жизнь».

ВХУТЕМАС, ЛЕФ, МАЯКОВСКИЙ

Е. Семенова

Вступительная статья З. Г. Минц, комментарий И. Газер.

К воспоминаниям Е. В. Семеновой

Художница Е. В. Семенова родилась в Москве в 1898 г. Окончив в 1914 году гимназию, собиралась поступать в училище Живописи, Ваяния и Зодчества. Однако, после начала первой мировой войны она начала работать в Отделе эвакуации раненых Московской городской управы, где впервые попала в среду революционно настроенной молодежи. После Октября, в 1919 г., Е. В. Семенова поступила в мастерскую С. Т. Конеенкова на скульптурный факультет «Первых государственных художественных мастерских», которые через год после слияния со «Вторыми гос. худ. мастерскими» — Строгановским училищем прикладного искусства — вошли в состав Вхутемаса. Началось время увлечения Маяковским, диспутов в Политехникуме, споров об искусстве революции. Увлеченная идеями «нового искусства», Е. В. Семенова переходит в левую скульптурную мастерскую Б. Д. Королева и А. М. Лавинского, посещает Инхук, входит в состав Изо-группы Лефа, а затем, вместе с Л. Лавинской, считая скульптуру «несозвучной эпохе», уходит в левую архитектурную мастерскую Ладовского — Докучаева — Кринского. Однако и здесь она не удовлетворена результатами художественных поисков. В № 4 «ЛЕФ'а» за 1923 г. появилась статья Е. В. Семеновой «Левая метафизика», подписанная «Вхутемаска», где резко критиковалась работа архитектурной мастерской за «беспредметность и эклектичность». Затем Е. Семенова и Л. Лавинская уходят из Вхутемаса, а в 1928 г. — из Лефа.

В последующие годы Е. Семенова активно работает в качестве художника-оформителя в Главполитпросвете ЦК ВЛКСМ, в журнале «Клуб», в театре «Синяя блуза», Моссельпроме, Райкомах Фрунзенского и Замоскворецкого районов, на выставке «Пресса» в Кёльне. Начиная с 1928 г., Семенова — главный художник-проектировщик целого ряда выставок в ЦПКиО им. Горького («Выставка нового быта» — 1930; «16 лет советской литературы» — 1934, к I съезду ССП, и др.). Она же проектирует выставки «Нефть», «10 лет коммуны «Коммунистический маяк»» (на Северном Кавказе). С 1937 по 1941 гг. Семенова — главный художник экспозиции совхозов НКВД (Сельскохозяйственного отдела) на ВСХВ.

Осенью 1941 года Е. В. Семенова уходит на фронт переводчиком при штабе Армии. В 1942 г., после тяжелой болезни, возвращается в Москву, работает одним из редакторов Средне-Европейского отдела ТАСС (немецкий сектор). В 1945—46 гг. она — зав. немецкой редакцией журнала «Иностранная литература». Затем Е. Семенова — консультант-искусствовед в Общесоюзном Доме Моделей (1949—1954), художественный редактор альбомов ГУМ'а (1954—1962). Начиная с 1962 г., Е. Семенова — пенсионерка. В настоящее время она собирает материал по истории искусства 1920-х гг.

Воспоминания Е. Семеновой примыкают к значительной группе мемуа-

ров, посвященных теме «Вл. Маяковский и изобразительное искусство»¹. Тема эта велика, многообразна и значительна: интерес Лефа к изобразительному искусству общеизвестен. Е. Семенова, идя от своих впечатлений, находит новый подход к этой теме: ее воспоминания помогают понять «рациональное зерно» тех эстетических поисков 20-х гг., с которыми тесно связаны и «Леф», и — особенно — сам Маяковский. Е. С. Семенова твердо убеждена, что истоки современных, сегодняшних, легких и лаконичных форм в архитектуре, интерьере, мебели и т. д. надо искать в 1920-х гг. — и это убеждение в плодотворности той деятельности пронизывает публикуемую работу.

Воспоминаниям Е. Семеновой присуще стремление к точности, документальности изложения (характерны ссылки на печатные — в достаточной мере забытые — источники). Вместе с тем, Семенова ведет повествование остро полемично, не скрывая своих симпатий и антипатий. Это делает ее оценки порой не только субъективными, но и спорными (например, оценка деятельности О. М. Брика, данная Р. Райт, представляется более обоснованной). Сказанное, однако, никак не снижает ценности этих прямо и по-своему написанных воспоминаний.

В заключение следует сказать, что воспоминания Р. Райт и Е. Семеновой — людей одной эпохи, близкого круга умонастроений — во многом сходны. Их роднит и понимание эпохи 20-х гг., как времени «первооткрытий», и ощущение того, что в центре «первооткрывателей» в искусстве стоял Маяковский, и многое другое. Сходство позиций мемуаристок, с другой стороны, лишь подчеркивает различие (порой противоположность) многих частных выводов и мнений. Это различие мы считаем необходимым донести до читателя в неприглаженном виде. Истина научных оценок должна возникать из беспристрастного взвешивания живых доводов очевидцев.

З. Минц

ВХУТЕМАС, ЛЕФ, МАЯКОВСКИЙ

Е. СЕМЕНОВА.

Бумага четвертого номера журнала «ЛЕФ» 1923 года стала рыжей и ломкой — перелистывать надо осторожно.

На 27-й странице жирный заголовок:

«Развал ВХУТЕМАС'а. Докладная записка о положении Высших Художественно-технических мастерских».

Начало категорическое: «Идеологический и организационный развал ВХУТЕМАС'а — совершившийся факт.»

Что такое ВХУТЕМАС и почему ЛЕФ взял его под обстрел?

До Октябрьской Революции в Москве на Мясницкой (ул. Кирова) было Училище Живописи и Ваяния, на Рождественке (ул. Жданова) — Строгановское Училище.

Строгановское Училище готовило художников прикладного искусства, там были отделения текстиля, художественной вышивки, металло- и деревообработки, керамики, росписи по фарфору, и др. По тому времени Училище было неплохо оборудовано опытными станками и машинами. Художественным направлением училища можно считать модную тогда стилизацию под русское народное творчество; частично господствовал и пресловутый стиль модерн, с его расплывчатыми, скользящими формами и блёклыми тонами.

¹ Ср., например, мемуарные заметки П. И. Келина, М. М. Черемных, А. М. Нюренберга, С. Я. Сенькина, А. М. Родченко, С. Я. Адливанкина, Бор. Ефимова в кн.: В. Маяковский в воспоминаниях современников, М., ГИХЛ, 1963.

Училище Живописи и Ваяния готовило «чистых» художников—станковистов.

Вскоре после Октябрьской Революции оба училища слили — так возник ВХУТЕМАС.*

Слияние проходило трудно: ни руководство мастерских, ни студенты не имели ясного представления о характере и задачах нового Художественного Училища.

ВХУТЕМАС 20-х годов кипел. Спорили все: прежние руководители мастерских с вновь пришедшими, студенты-«чистовики» из Училища Живописи и Ваяния со «строгачами»-прикладниками, а те и другие спорили с руководителями мастерских.

Станковое искусство — «чистое» — и прикладное — «нечистое» — столкнулись лбами. Это мешало наладить нормальную жизнь ВУЗ'а.

Докладную записку о развале ВХУТЕМАСа поместили в ЛЕФ'е вновь пришедшие в Училище преподаватели и художники, входившие в ИНХУК — Институт Художественной культуры, самостоятельно возникший. Председателем ИНХУК'а был О. М. Брик, а центром — Маяковский.**

Авторы записки видели основную беду ВХУТЕМАС'а в отрыве от идеологических заданий революционной эпохи. Они писали:

«Производственные факультеты пусты. Машины распродают или сдают в аренду. Штаты сокращаются».

«Зато пыльным цветом распускаются всевозможные индивидуальные живописные и скульптурные мастерские второстепенных и третьестепенных художников — станковистов».

«Основное отделение и Рабфак, где идет первоначальная подготовка учащейся молодежи, целиком в руках чистовиков-станковистов, от передвижников до сезанистов. Никакими социальными заданиями и не пахнет».

Социальным заданием члены ИНХУК'а считали плакат, карикатуру, социальную сатиру, гротеск — все те виды искусства, которые служат революционной пропаганде и агитации.

ИНХУК громил вневременную, внепространственную, внепартийную, «чистую», «святую» живопись и скульптуру с пейзажами, натюрмортами и голыми натурщиками.

В записке предлагалось сократить «чистую» половину ВХУТЕМАС'а и расширить производственную, а на живописном факультете преподавать плакат, иллюстрацию — все то, что обозначается термином — «социальное задание».

Предлагалось сделать главное — связать ВХУТЕМАС с центрами Государственного хозяйства и политпросвещения, наладить планомерный прием заказов на выполнение практических художественных заданий.

Это значило поставить перед преподавателями и студентами реальные, совершенно новые требования.

А требований было много, и они перерастали все, что предусматривалось в записке.

Одних плакатов и шаржей оказалось мало. К Маю и Октябрю — новым революционным праздникам, надо было оформлять улицы и площади городов, а также колонны демонстраций.

На заводах росла сеть клубов и красных уголков, нужны были массовые выпуски агит-плакатов, понадобились яркие, привлекательные обложки для популярных изданий Главполитпросвета ЦК ВЛКСМ. Возрожденная советская промышленность требовала броскую рекламу для своих товаров. Нарождались первые советские выставки, оформлялись рабочие клубы.

* Высшие Художественно-Технические Мастерские. (Здесь и ниже под знаком * даются примечания автора мемуаров. Примечания публикаторов отмечены цифрами).

** Заседания ИНХУК'а происходили на квартире О. М. и Л. Ю. Бриков, в Водопьяном переулке.

Всю эту огромную работу «чистовики» называли «нечистым» прикладничеством. Многие из них, ради заработка, брали такую работу, но считали ее «стыдной» и предпочитали оставаться неизвестными. В этом признался художник Адливанкин, работавший с Маяковским по плакату¹.

Художники, выступавшие в этой области «с открытым забралом», были наперечет. Это, прежде всего — все, работавшие с Маяковским над агитками РОСТА и входившие в ИНХУК, а позже в ЛЕФ.

Возникла новая ветвь искусства, как его тогда называли — «производственного».

Невозможно было оформлять революционные праздники орнаментами в стиле «рюсс» с петухами и птицами-сиринями, а лозунги писать славянской вязью. Искали новые формы. Например, братья Стенберг² из года в год удачно решали строгое и торжественное оформление Красной Площади. Советский политический плакат пошел от Маяковского и таких мастеров, как Черемных, Моор, Дени³.

Над рекламными плакатами вместе с Маяковским работали Родченко,⁴ Лавинский, Степанова⁴.

Споры вокруг «чистого» и «производственного» искусства шли не только во ВХУТЕМАС'е. Молодежь, пришедшая в Училище после Октябрьской Революции, попала в самое пекло, когда уже ясно намечались два лагеря.

Коммунисты и комсомольцы, а с ними и большая часть студенчества — «левые» — утверждали, что никакое искусство никогда не было аполитичным, внеклассовым, а тем более не может быть сейчас — в эпоху коренной ломки общественного сознания.

Студенты — «чистовики», которых поддерживали некоторые руководители мастерских, утверждали, будто искусство «свободно» — что это-де индивидуальный творческий процесс, независимый от политики и какой-либо идеологической направленности, которая его неизбежно «снижает».

Мы, «левые», рьяно «ниспровергали» любые произведения «чистого» искусства; «чистое» звучало для нас как «реакционное». Признаться, жаль иногда было «скидывать с корабля современности» подлинные шедевры великих мастеров, любимые чуть не с детства. Но, в нашем тогдашнем представлении, «революционное» и «левое» сливались в одно понятие.

Молодежь без разбора принимала все «левое», но еще не умела отличать новое от «левацкого» и, по существу, уже старого.

Когда В. И. Ленин посетил коммуну ВХУТЕМАС'а и беседовал со студентами, то на вопрос Владимира Ильича: «Ну, а что же вы делаете в школе, должно быть, боретесь с футуристами?» — все ответили хором: «Да нет,

¹ Адливанкин Самуил Яковлевич (р. 1897) — художник группы «Нож», иллюстратор ряда агитстиков В. Маяковского. В своих воспоминаниях Адливанкин пишет: «Я немного стеснялся этих работ. Мне казалось, что они снижали меня как художника» («Маяковский в воспоминаниях современников», М., ГИХЛ, 1963, стр. 228).

² Братья Стенберг — Владимир Августович (р. 1899) и Георгий Августович (1900—1933) — художники-оформители.

³ Черемных Михаил Михайлович (1890—1962), Моор (псевдоним Орлова Дмитрия Стахевича, 1883—1946), Дени (псевдоним Денисова Виктора Николаевича, 1893—1946) — художники-плакатысты.

⁴ Родченко Александр Михайлович (1891—1956) — художник и фотомонтажист, член Леф'а, иллюстратор Маяковского, преподавал на металлургическом и деревообделочном факультете ВХУТЕМАС'а; Лавинский Антон Михайлович (р. 1893) — скульптор, руководитель мастерской во ВХУТЕМАС'е; Степанова Варвара Федоровна (1894—1958) — художник-оформитель, член Леф'а.

Владимир Ильич, мы сами все футуристы». Когда же речь зашла о литературе, то все горой стояли за Маяковского.⁵

Автор этих воспоминаний, художник С. Я. Сенькин, в то время был уже членом РКП и одним из наших вожаков.

Спорили во ВХУТЕМАС'е не только о станковом и «производственном» искусстве, но и о литературе, театре, а больше всего о современной поэзии. Были мы плохо одеты и не всегда сыты, но это не мешало нам ходить почти на все диспуты в Политехническом Музее. А каких только диспутов не было!

Запомнился великолепный поединок А. В. Луначарского с попом (теперь говорят «служителем церкви») Введенским.⁶ Нарком с блеском отражал все атаки противника, надо сказать, очень эрудированного в политических вопросах.

На диспутах о литературе и поэзии никакой контроль не был в силах задержать безбилетных вхутемасовцев.

Особенно по душе пришелся нам диспут «Поэзия — обрабатывающая промышленность» (1920 г.), на котором оппонентом Маяковского был А. В. Луначарский.

Рассуждали мы, примерно, так: «Если поэзия — обрабатывающая промышленность, то именно «производственное» искусство тем более близко промышленности, значит и нужнее.»

Вхутемасовцы были непосредственны, невоспитаны и на «Чистке поэтов» (1922 г.) очень буйно поддерживали Маяковского, «чистившего» поэтов.

Влияние Маяковского на студентов ВХУТЕМАС'а было огромно. В 20-х годах он часто выступал в застекленной декоративной мастерской. Сидели обычно в единственном первом ряду, остальные стояли и, конечно, двигались. От этого стоял гул, но голос Маяковского и без микрофонов (их еще не было) легко его перекрывал.

«Левые» — «футуристы» — безоговорочно признали Маяковского своим поэтом. Большинство «чистовиков» — не понимали и не могли оторваться от гумилевских «розоватых брабантских манжет».⁷ Гумилев — это подлинная поэзия, правда, иной идеологии, но «непонимающие» Маяковского скатывались и к манерному В. Королевичу, Н. Поплавской⁸, а также к другим эстетствующим поэтам и поэтикам, которых расплодилось великое множество.

«Непонимание» поэзии Маяковского и тогда, да и много позже, всегда настораживало. Нередко под, якобы, «непониманием» необычной формы стиха Маяковского скрывалось вполне сознательное «нежелание понимать» его главную тему — революцию и его яростную борьбу со всем, что становится на ее пути.

Чем же, кроме споров, занимались вхутемасовцы?

Училась я тогда в «левой» — скульптурной мастерской, которой руководили скульпторы Б. Д. Королев⁹ и А. М. Лавинский, который недавно приехал из Петрограда. Лавинский был сам молод, входил в группу ИНХУК'а, работал с Маяковским в РОСТА и по рекламе. Конечно, он проводил идеи ИНХУК'а в мастерской.

Студенты — «все футуристы» — создавали тогда странные произведения. Стоит, например, в мастерской натурщица в обыкновенной юбке и блуз-

⁵ См.: С. Я. Сенькин, Ленин в коммунал Вхутемас'а, сб.: «Маяковский в воспоминаниях современников», стр. 213—218. Сенькин Сергей Яковлевич (р. 1894) — художник, много работал по оформлению выставок.

⁶ Введенский (Введенский Александр Иванович, 1888—1946) — митрополит обновленческой церкви.

⁷ «Розоватых брабантских манжет» — цитата из стих. Н. Гумилева «Капитаны».

⁸ Королевич Владимир Владимирович — поэт, автор сборника «Сады дофина» (М., 1918), посвященного великому князю Дмитрию Павловичу; Поплавская — поэтесса, часто читавшая в «Кафе поэтов».

⁹ Королев Борис Данилович (р. 1885) — скульптор Вхутемас'а.

ке (одетая — потому, что будущие монументы борцам революции не stanno делать обнаженными или в легких хитонах), а кругом высется в натуральную величину сооружения, раздраконенные кубами, призмами, усеченными конусами, из которых то там, то тут неожиданно вылупляется реалистичнейшее, любовно отработанное обнаженное бедро с «фрагментом» живота. В других скульптурах и таких «фрагментов» не было — одна геометрия. К сожалению, мы не думали об истории, и у меня сохранилась только одна фотография 1921 года (см. фото № 1).

Наши «шедевры» дальше мастерской не шли. А сколько в то время появлялось на улицах, в скверах и на площадях скороспелых монументов того же толка!

Вспоминается памятник М. Бакунину работы Б. Д. Королева¹⁰ и много других. Только по надписям можно было догадаться, кому посвящаются эти произведения.

В скульптурной мастерской я сошлась с Лилей Лавинской,¹¹ женой Ант. Лавинского. Наши с ней пути в работе и в ЛЕФе переплелись. Лилия была исключительно талантливым, очень сложным человеком. Она прожила трудную жизнь.

Когда Лавинский работал над плакатами с Маяковским, Лилия помогала, иногда в работе принимала участие и я. Лавинский рассказывал о заседаниях ИНХУК'а, о Маяковском, мы с Лилей завидовали. Как мы с Лилей попали впервые в Водопьяный переулок к Брикам, я не помню. Очевидно, необычность обстановки, множество новых впечатлений помешали запомнить.

Плеяда интереснейших людей того времени, окружавших Маяковского, вначале ошеломила. Открывался новый мир, и центром его был Маяковский.

Все было интересно: сложные теоретизирования Брика об искусстве и пресловутом «социальном заказе», концепции Б. Арватова¹² о частичном осуществлении «производственного искусства» сегодня, пролагающем путь к его полному осуществлению в будущем.

Больше всего, конечно, увлекали стихи Маяковского. Мне довелось слышать чтение Маяковского (не считая публичных выступлений) сначала в Водопьяном переулке, потом на даче в Пушкине, в Сокольниках и, наконец, на Гендриковом переулке.

Ни лекции эрудированных теоретиков марк-

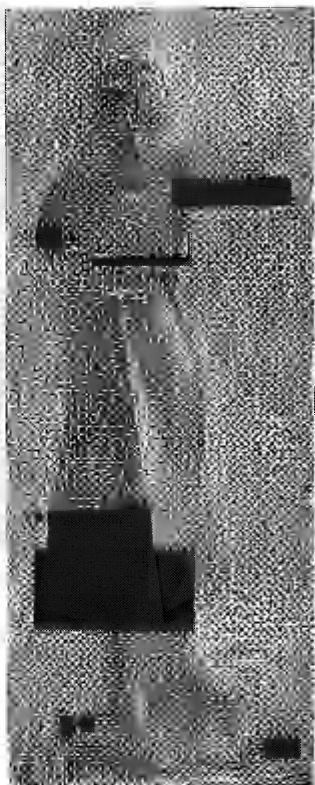

Фото 1.
Скульптура в рост человека.
(Мастерская Б. Королева и
Лавинского).

¹⁰ Памятник Бакунину работы Б. Д. Королева, выполненный в кубистской манере, должен был быть открыт в Москве у Мясницких ворот в 1920 г. Открытие памятника не состоялось.

¹¹ Лавинская Елизавета Александровна (1901—1950) — художница из числа молодежи, примыкавшей к Леф'у.

¹² Арватов Борис Игнатьевич (1896—1940) — литературовед и искусствовед Пролеткульта, затем один из теоретиков Леф'а. Речь идет о статье «Утопия и наука» («Леф», 1923, № 4) и др.

сизма, ни занятия политграмотой не могли так, как стихи Маяковского, «раскрыть» молодежи величие и будни эпохи.

Одержимость Маяковского революцией, напряженность и искренность стихов доходили в упор. В 20-х годах Маяковский или принимали навечно, или отрицали начисто.

С одной стороны, был у нас, молодых, ВХУТЕМАС, с другой — Маяковский и его окружение, ИНХУК, позже — ЛЕФ. Вхутемасовские споры и непрерывные реорганизации стали казаться односторонними, узкими. Захотелось делать что-то более нужное сегодня, чем скульптура, хотя бы монументальная и самая «левая». В 1922 г. сначала я, а потом и Лилия Лавинская перешли на архитектурный факультет, в «левую» объединенную мастерскую под тройным руководством архитекторов Ладовского, Докучаева и Кринского.¹³ Стали делать «левые» архитектурные проекты: чертежи, рисунки и макеты по совершенно абстрактным заданиям. Но пока это еще не смущало.

В 1923 году начал выходить журнал «ЛЕФ», левовские совещания стали регулярными. Появились и новые люди. Из Китая приехал Сергей Третьяков,²⁸ который сначала внушал нам, молодым, почтительное смущение. Длинный, в зеленоватом спортивном костюме с брюками — гольф, в невиданных тогда клетчатых чулках, он смотрел на вас прозрачными глазами, увеличенными сильными стеклами очков, и казалось, он видит, какой ты еще «зеленый левовец». (Свою «зеленость» я тогда ощущала очень остро).

Это первое впечатление рассеялось, когда в жене Сергея я узнала школьную подругу — Олю Гомолицкую.¹⁴

Это случилось на встрече левовского Нового — 1925 года у Б. Ф. Малкина.¹⁵

Зима была мокрая, я долго тащилась с Солянки на Тверскую. Полозья извозчиков санок скрежетали по булыжнику.

В двух больших комнатах было множество народу. Конечно, — все левовцы; помню еще Д. П. Штеренберга с женой Надей, художника Денисовского, Женю Пастернак, золотокосу Оksану Асееву.¹⁶ Здесь мы и встретились с Ольгой Третьяковой. Наша детская дружба продолжилась, выдержала годы культа личности, разбившие семью Третьяковых, и жива до сих пор.

Тесное сближение с Ольгой и Сергеем — стопроцентным, ортодоксальным левовцем, еще больше спаяло меня с ЛЕФ'ом.

В тот новогодний вечер Маяковский был очень мрачен. Случайно я видела, как между ним и Лилей Брик происходит какой-то сердитый разговор. Владимир Владимирович шагнул из комнаты в комнату, мало говорил и как-то «отсутствовал». Начался разъезд, одна компания решила ехать дальше — к кинорежиссеру Льву Кулешову. У подъезда около машины (кажется, открытый «Форд» с поднятым верхом) стоял Маяковский. В машине сидела какая-то женщина, не помню, кто именно. «Лена, садитесь, подвезу». Сначала отвезли неподалеку эту женщину, потом поехали к центру. Маяковский пред-

¹³ Ладовский Николай Александрович (1890?—1944), Докучаев Николай Васильевич и Кринский Владимир Федорович (р. 1890) — основатели архитектурной мастерской Вхутемас'а.

¹⁴ Третьяков Сергей Михайлович (1892—1939) — поэт, драматург, прозаик и теоретик Леф'а — в 1926 году вернулся из Пекина, где он был преподавателем русской литературы в национальном университете. Оля Гомолицкая — Третьякова Ольга Викторовна (р. 1895), была секретарем Леф'а.

¹⁵ Малкин Борис Федорович (1890—1942) — партийный работник, зав. агентством «Центропечать».

¹⁶ Штеренберг Давид Петрович (1881—1948) — художник; Штеренберг Надежда Давидовна (р. 1897), Пастернак Евгения Владимировна (1899—1965) — художница, жена Б. Л. Пастернака; Асеева Ксения Михайловна (р. 1900) — жена Н. Н. Асеева.

ложил заехать к нему на Лубянский проезд, выпить «последний бокал шампанского».

Тогда я впервые увидела его рабочую комнату — длинную, маленькую, с углом, отсеченным камином. Эта комната и омакечена, и описана.

На круглом столике в углу — шампанское и фрукты. Маяковский был внимателен, пичкал меня конфетами и «занимал» чтением записок, полученных на выступлениях. Особенно запомнились смешные стихи: «Вы весь из сплошного динамо, ослепляете искрами слов, и скажу вам просто и прямо — вы комета в лазури веков».

«Очевидно, девушка думает, что динамо — это вроде материала, коверкота, что ли,» — улыбнулся Маяковский. Улыбка была невеселой, глаза оставались мрачными.

Потом вдруг вопрос:

«Лена, кому можно верить? Можно ли кому-нибудь верить?»

До сих пор помню чувство полной острой растерянности. Тогда я не поняла, к чему Маяковскому общество ничем не примечательной начинающей художницы, к тому же и отнюдь не шикарной дамы.

В этой тесной комнатухе огромный, шагающий от двери к окну Маяковский ощущался как паровоз на всех парах: вот-вот ринется, проломит стену... Захотелось по-бабьи заплакать от внезапной жалости. Наверно, это было бы самое правильное. Не помню, что я ответила, что-нибудь неопределенное и глупое.

Много позже стало понятно, что этой ночью ему невозможно было остаться одному. Мы выпили «последний бокал», и Маяковский пошел меня провожать. На улице — проливной дождь. В подворотне моего дома стояла огромная лужа. Маяковский перехватил меня одной рукой и перенес через лужу. Попрошались на дне двора-колодца. Я бегом помчалась вверх — в свою мансарду.

Так странно кончилась для меня встреча 1925 года.

Отношение к Маяковскому изменилось: из-за облика блистательного поэта-трибуна, резкого, уверенного, проглянул далеко не счастливый человек, сомневающийся в чем-то самом для него главном, и очень одинокий.

Вернусь к ЛЕФу. В первом номере журнала, вышедшего в 1923 году, появились декларации: «За что борется ЛЕФ?», «В кого вгрызается ЛЕФ?» и «Кого предостерегает ЛЕФ?».

С сегодняшней точки зрения, «футуристы», о которых идет речь в декларациях ЛЕФа, в 1923 году уже не были футуристами в первоначальном значении этого термина. Просто и левовцы, и все привыкли к этому прозвищу. Поэмой «Про это», балладой «Черный принц», стихами «Наши будни и праздники»¹⁷ и многими другими Маяковский, Асеев и другие поэты ЛЕФа начисто опрокидывали футуризм. В 1929—30 годах Маяковский назвал прежние декларации устарелыми.

В декларации «Кого предостерегает ЛЕФ?» есть обращение, которое будто прямо адресовано многим сегодняшним молодым:

«Ученики!

Бойтесь выдавать случайные искривы недоучек за новаторство, за последний крик искусства. Новаторство дилетантов — паровоз на курьих ножках.»

«Только в мастерстве — право откинуть старое.»

«Все вместе!»

«Переходя от теории к практике, помните о мастерстве, о квалификации.»

«Халтура молодых, имеющих силы на громадное, еще отвратительнее халтуры слабосильных академичков.»¹⁸

¹⁷ «Черный принц» — произведение Н. Н. Асеева, впервые опубликованное в «Лефе» (1923, № 1); «Наши будни и праздники» — серия стихотворений Н. Асеева (1923—24).

¹⁸ См.: «Леф», 1923, № 1.

Это было предостережением для нас, начинающих художников: мы стали понимать разницу между новым — левым и «левацким». Прочно возненавидели всякую халтуру. Маяковский не скупился на критику любого из левовцев, если его работа смахивала на халтуру.

Маяковский никогда не выпускал из виду ВХУТЕМАС, вхутемасовцы его любили и поддерживали на всех выступлениях, однако, приток студентов в группу журнала «Леф» был, можно сказать, нулевой. Кроме нас: Лили Лавинской и меня — пришел талантливый А. К. Буров с архитектурного факультета, из мастерской А. А. Веснина. Раз или два на левовских заседаниях появились студенты-архитекторы Н. Красильников, Н. Комарова, И. Соболев, Кожин, Симбирцев¹⁹ и еще кто-то, но они «не прижились». По-видимому, им была слишком чужда обстановка этих заседаний, которая, уже с самого начала, носила отпечаток салонности.*

Сколько стихов в авторской читке довелось слышать в ЛЕФ'е! Немудрено, что вырабатывался острый слух на стихи, и бывшие левовцы стали особенно строгими судьями чтецов-исполнителей.

Здесь читали новые стихи Н. Н. Асеев, С. М. Третьяков, совсем юный С. Кирсанов, выпевал «Улялевщину» И. Сельвинский, и Пастернак взахлеб читал отрывки из «Лейтенанта Шмидта» и другие стихи в особом «пастернаковском» ритме.

После одного затянувшегося заседания медленно шли по набережной Москвы-реки Маяковский, Пастернак и я. Было лето, уже светало. Маяковский и Пастернак продолжали разговор, начатый в ЛЕФ'е. Дословно я его не помню, но сквозь годы на слуху ломкий голос Пастернака и гуденье Маяковского. Поэт должен писать только то, что ему самому необходимо, — вот, примерно, что говорил Пастернак. Маяковский точными и даже резкими словами говорил о долге поэта и о поэзии сегодняшнего дня. Я шла между этими такими разными большими поэтами.

Пастернак — поэт тончайших нюансов внутреннего мира, со своей философией и большой европейской культурой, его поэзия — это глубинные переживания, выраженные иногда намеком или подтекстом.

Маяковский — предтеча и глашатай Революции, прирожденный трибун, стремящийся увлечь за собой.

У Зарядья Пастернак простился и пошел дальше, к Кропоткинским воротам, где он тогда жил.

Маяковский постоял, посмотрел ему вслед, и мы свернули в ворота древней Китайской стены. Сразу за воротами начиналась московская старина: дыбились узкие улочки, вросла в землю маленькая церковь псковской архитектуры, как макеты, стояли неказистые дома с железными узорными козырьками у крылечек. «Только фонари мешают», — сказал Маяковский. Кругом не было ни души. Так они и запомнились — Маяковский и Пастернак — расцвет, река, Зарядье.

¹⁹ Буров Андрей Константинович (1900—1957), впоследствии член-корреспондент Академии Архитектуры. Веснин Александр Александрович (р. 1883) — архитектор и театральный художник. В начале 1920-х гг. — конструктивист, один из руководителей ОСА (Объединение советских архитекторов), с 1926 г. — профессор Московского архитектурного института. Красильников Николай Александрович (р. 1899), Комарова Лидия Константиновна (р. 1902) — архитекторы. Соболев Иван Николаевич (р. 1903) — ныне профессор, доктор архитектуры. Кожин Павел Михайлович (р. 1904) — с 1938 г. работал скульптором-керамистом Дулевского фарфорового завода. Симбирцев Василий Петрович — архитектор.

* Студентов-архитекторов в ЛЕФ привели мы с Лилей Лавинской. В своих воспоминаниях она пишет: «Мой фанатизм и введливость Елены чего-то стоили...»²⁰

²⁰ Воспоминания Е.А. Лавинской хранятся в ГБМ В. В. Маяковского.

Память сохранила читку поэмы «Хорошо» (1927 г.).²¹ Квартира на Гендриковом была набита людьми. Ждали А. В. Луначарского, он приехал с Н. А. Розенель,²² очень молодой и красивой в строгом черном платье. Я слушала поэму впервые. В первой главе почти физически ощущался «шелест страниц и шелест знамен». Восемнадцатая воспринималась как удивительный сплав похоронного марша с победным, ликующим гимном. Помнится, что некоторые левовцы холодноотносительно отнеслись к поэме — она опять опрокидывала всякие теоретические рогадки. Это было уже на заседании «Нового ЛЕФ'а», начавшего выходить в 1927 году.

В 1922—23 гг., через год после нашего с Лилей Лавинской перехода в архитектурную мастерскую, произошло столкновение ... с абстракционизмом.

Почти парадоксально, что «левый», как тогда говорили, «футуристический» журнал ЛЕФ в том же четвертом номере 1923 года, наряду с докладной запиской о развале ВХУТЕМАС'а, поместил маленькую заметку «Левая метафизика». Заметка целиком была направлена против абстракционизма в архитектуре.

Начало, как и полагалось в ЛЕФ'е, — категорическое: «Ни одна из мастерских ВХУТЕМАС'а не находится в таком безнадежном тупике, как левые объединенные архитектурные мастерские».

Дальше шел перечень отвлеченных, часто странных заданий, никак не связанных с действительностью. Например: на двух пространственных участках А и Б, расположенных рядом и равных по площади, надо на одном «сжать», а на другом «растянуть» пространство, установив плоскости, объемы, тросы и т. п. бутафорию.

Первокурсникам предлагали сделать проект башни для выработки щелока, причем не давалось ни технических условий, ни хотя бы фотографии уже существующих башен. Задание с этикеткой «производственное» превращалось в абстрактное.

А вот и «стопроцентное производственное» задание: под скалой с наклоном над морем в 45° спроектировать трехэтажное здание ресторана. На скале — площадка для аэропланов и автомобилей, под скалой — пристань, в середине висит ресторан.

Нелепо?

Или вот: — на балке, укрепленной двумя концами на неподвижных опорах, показать прогиб путем выступов и объемов. Это уже нечто молекулярное. Сохранились два фото из серии аналогичных шедевров — 1922 г. (См. фото №№ 2 и 3).

Сначала казалось, что это учебные дисциплины, вроде гамм в музыке, но второй учебный год начался с таких же абстракций, и наступило разочарование.

Последней каплей была «радио-мачта». В те времена радио только-только входило в жизнь, и студенты, да и руководители, понятия не имели, какие они такие, «радио-мачты».

Надо сказать, что все «левые» увлекались тогда урбанизмом, мечтали о необыкновенных машинах (и обыкновенных-то не хватало!). Татлин соорудил своего «Летатлина»,²³ Ант. Лавинский проектировал поворачивающиеся дома (кстати, сейчас о таких домах говорят, как о реальности). Многие художники, писатели, и почему-то особенно кинорежиссеры, ходили средь бела-дня в необыкновенной «производственной» одежде, иногда кругом окантованной кожаной и с множеством карманов в самых непредвиденных местах. Это шло и от театра Мейерхольда, актеры которого носили «производственную» одежду.

²¹ Читка «Хорошо» на редакционном собрании «Нового Лефа» 20 сентября 1927 года.

²² Розенель (Луначарская) Наталья Александровна (р. 1902) — актриса, жена А. В. Луначарского.

²³ «Летатлин» — конструкция (летательный аппарат) художника Владимира Евграфовича Татлина (1885—1953).

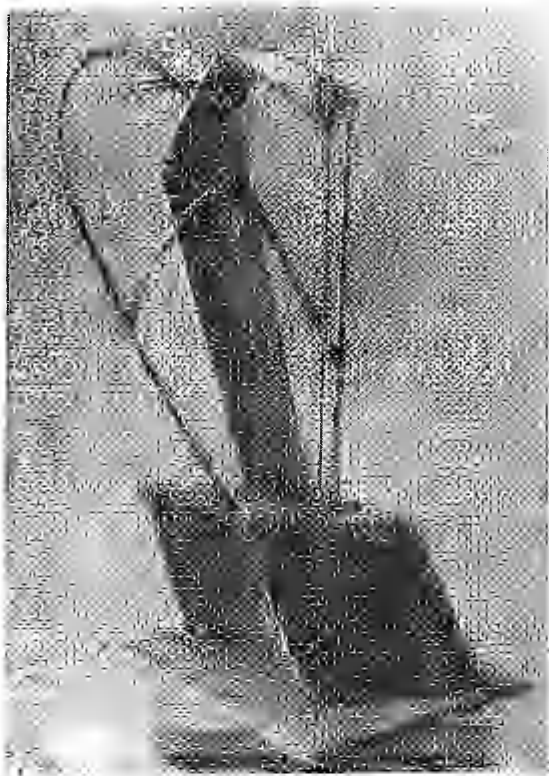

Фото 2.

Макеты на абстрактное задание в архитектурной мастерской Ладовского, Кринского и Докучаева.

Итак, я делала макет «радио-мачты». Мерещилось что-то воздушное, сощупальцами во все стороны. Пошла в ход проволока, изогнутая в причудливые формы эллипсоидов и окружностей, которые в определенном ритме этак «клубились» вокруг стержня. У основания повисли неизвестного назначения плоскости из жести. Получилось нечто, хоть сегодняшним абстракционистам впору. Грызли, конечно, сомнения: «Какая же она, все-таки, настоящая радио-мачта?». Когда я дома красила уже готовый макет, пришел к нам знакомый инженер-электрик. «Это что?» Я — гордо: «Радио-мачта». Он искренне засмеялся. Это было ужасно! Потом взял карандаш, воткнул его в резинку, поставил: «А теперь только оттянуть тросами к земле» — «Всё??» — «Всё».

Макет был срочно уничтожен, я села писать эту заметку в ЛЕФ, которая кончалась так: «Подлинная левизна не в метафизике, а в производственной целесообразности» — подпись «Вхутемаска».

Этот протест не был вспышкой. Сомнения постепенно накапливались, проявлялась бесплодность «левацких» вывертов. Да и в ЛЕФ'е теория не совпадала с тем, что делали Маяковский, Асеев, Третьяков, Пастернак и худож-

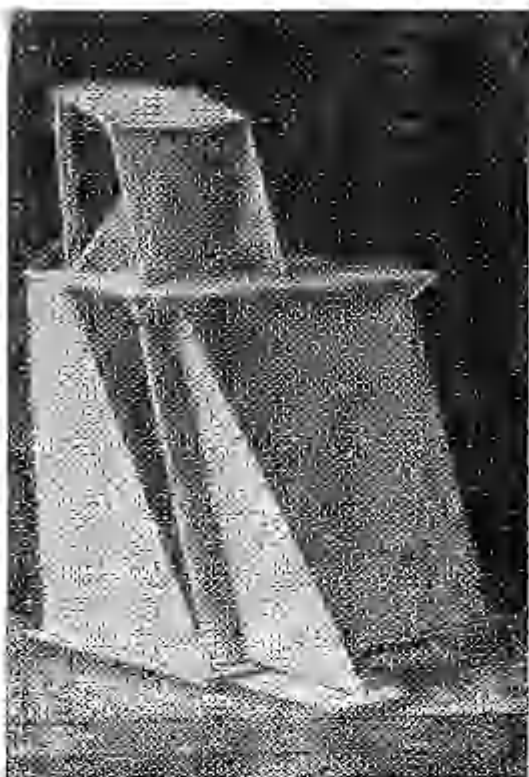

Фото 3.
Макеты на абстрактное задание в архитектур-
ной мастерской Ладовского, Кринского и
Докучаева.

ники Родченко, Степанова, А. А. Веснин и др. в поисках новой формы и в литературе, и в искусстве, которое все называли «производственным».

После этой статьи, которую руководители мастерской называли «ножом в спину», надо было уходить.

Мы с Лавинской ушли из ВХУТЕМАС'а и с радостью бросились в практическую работу.

Спрос был огромный. Мы оформляли город и демонстрации к праздникам, делали плакаты для Главполитпросвета ВЛКСМ, костюмы для «Синей блузы».²⁴ Чего мы только не делали! Работали обычно вдвоем — Лавинская и я. Учились у Маяковского, Родченко и на практике усвоили, что оформление клуба, плаката или площади не так просто решить по-новому. Надо постоянно искать наиболее доходчивые формы, добиваться простейшими средствами наибольшего эффекта.

²⁴ «Синяя блуза» в Москве (организована в 1923 г.) — один из агитационных театров малых форм, возникших из «живой газеты» и весьма распространенных в 1920-х гг.

Никакой путаницы, левацких вывертов, сусальности или ненужного украшения. Идея рекламы или плаката должна доходить до зрителя сразу, в лоб. Пришлось вплотную столкнуться с экономикой (это нужно и сегодня!). Материалы для оформления города или клуба были очень ограничены: дерево, фанера, бумага, ткань. О мебели из труб мы только мечтали (а ведь мечтали!). Делая проект, надо было думать о том, что реально выполнимо и по материалу, и по средствам.

От абстракции — «левачества» мы переходили к реальности — искали простые и красивые способы оформления нового быта, без «украшательства» и сусальной роскоши. Журнал Главполитпросвета ЦК ВЛКСМ²⁵ охотно помещал наши проекты, которые в принципе так близки современному направлению в оформлении интерьеров²⁶ (См. фото № 4).

Фото 4.
Проект оформления клубного буфета.

(Е. Семенова).

Наш «бабтрест», как шутливо называли Лилю Лавинскую и меня, стал постепенно получать много заказов. Очень страшно было делать впервые рекламные плакаты Моссельпрома со стихами Маяковского.²⁷ Он был требователен и беспощаден. Плакатов было много. Переделывали, начинали заново. Бывало, вечером закончим плакат, а утром взглянем, и давай натягивать новый ватман. Л. Лавинская вспоминает: «В какую-нибудь папиросную обертку буквально вкладывали душу, сознавая, что делаем нужное дело. «Халтура» — это было абсолютно неприемлемо для левовских художников». Наконец, решились показать Маяковскому. Все шло хорошо, и появилась уверенность, что мы будем хорошими «производственниками».

То, что бросив ВХУТЕМАС и перейдя на практическую работу, мы оста-

²⁵ Журнал Главполитпросвета ЦК ВЛКСМ — «Клуб» (М., 1925—28).

²⁶ См.: «Клуб», 1926, № 10.

²⁷ Е. Семенова и Е. Лавинская нарисовали для Моссельпрома ряд реклам и этикеток со стихотворными подписями В. Маяковского: «Ира», «Золотой ярлык», «Герцеговина флора» и др.

лись без дипломов, нас не беспокоило. Много позже, когда человека определяли бумажкой, это «вылезло боком».

Из года в год к Маю и Октябрю Лавинская и я работали главными художниками или Замоскворецкого, или Фрунзенского районов и страшно этим гордились.

По нашему проекту завод «Каучук» впервые вывел к Маю на Красную площадь баллон-«колбасу», расписанную* по бокам на тему «Дружба народов». До Красной площади «колбасу» вели «под уздцы», — а когда отпустили тросы, она метров на 10 поплыла над колонной завода «Каучук». Я ринулась было с трибуны к нашей «колбасе», но меня быстро водворили на место.

С Лилей Лавинской мы работали и вместе, и порознь. Ее больше привлекали плакаты, панно, монтажи, мне полюбилась архитектура малых форм: проектировка оформления клубов, мебели, витрин и особенно выставок, а также костюмов для театра и эстрады. В «Синей Блаузе» работали тогда Н. Айзенберг, А. Ахтырко²⁸ и я — все женщины.

В области «производственного искусства» работало уже много художников: бывшие вхутемасовцы — Сенькин, Клуцис, Наумова²⁹ и др.

Интересные по замыслу выставки проектировали такие сильные художники, как Пруссаков, Ахметьев, Симон³⁰ и многие другие.

Лилия Лавинская и я прочно стали на ноги. В разделе «Текущие дела» «ЛЕФ» за 1927 г., наряду с сообщениями о том, над чем работают старшие левовцы: Маяковский, Асеев, Родченко, Лавинский, Попова, Степанова, — стал помещать заметки и о нашей работе.

Перелистывая «Новый ЛЕФ», вспоминаешь, как разнообразны были тогда работы.

В № 2 «ЛЕФа» за 1927 г. отмечено, что Л. Лавинская работает над кино-плакатами, а также над диаграммами для Марксистско-Ленинского кабинета Центрального дома работников просвещения, Е. Семенова — над проектировкой внутреннего оформления клубов по заданию Главполитпросвета ВЛКСМ, а также оформляет к Ленинским дням постановку оратории «Ленин» в «Синей Блаузе».

Подготовка к 10-летию Великой Октябрьской Революции началась с лета. Все левовцы готовились к празднику.

В № 5 «ЛЕФа» за 1927 год сообщалось, что художники В. Степанова, Л. Лавинская и Е. Семенова приглашены участвовать в конкурсе на оформление площадей Красной, Советской и Лубянской («Дзержинского»); Е. Семенова работает в Музее Революции над плакатами к десятилетию Октября. Приняты витрины для Дома Книги ГИЗ'а (угол Тверской и Пушкинской площади) работы Л. Лавинской и Е. Семеновой.

Особенную радость нам доставила статья С. Третьякова в № 10 «ЛЕФа» 1927 г. «Оценка художественного оформления Десятиоктября». Придирчивый, требовательный, «насквозь» видящий всякие недостатки Третьяков писал: «Мы — левы — говорили: «даешь улучшение» — наши противники: «даешь украшение». Образчик этой борьбы на углу Тверской и Страстного. Угол КУТВ (Коммунистический Университет Трудящихся Востока) заляпан «реалистическими» плакатами — штампованные фигуры «стиль патетик». Другой угол — магазин ГИЗа — организовал по-новому расстановку книг на витринах. Система передвижных витринных полок конструкторов Е. Семеновой и Л. Лавинской — нова, удобна, опрятна и в результате — украшает.»

* Вполне реалистически!

²⁸ Айзенберг Нина Евсеевна (р. 1902), Ахтырко Анна — художницы.

²⁹ Клуцис Густав Густавович (1894—1946); Наумова (Жарова) Лидия Ивановна (р. 1902) — ныне работает на «Мосфильме».

³⁰ Пруссаков Николай Петрович (1900—1952); Ахметьев Владимир Петрович (1892—1959); Симон Николай Иванович (1892—?).

Надо сказать, что система решения таких полок жива — я недавно видела такие же в одном из книжных магазинов.

Так, от одной работы к другой, от неудач к удачам, художники-лефовцы и не-лефовцы создавали опыт, потому что никакого прежнего опыта в художественных работах такого размаха и разнообразия, по существу, и не было.

В 1928 году в Кёльне на большой международной выставке печати открылся советский павильон, созданный уже большим коллективом художников и архитекторов под руководством архитектора Эль Лисицкого.³¹ Лавинская и я делали каждая свой раздел. Работать было необыкновенно интересно, тем более, что в стенды можно было вводить и стекло, и металл, и новые факторы. Художники-лефовцы настойчиво стремились «оформлять жизнь и быт». Л. Попова и В. Степанова создали новые рисунки для тканей. В музее-библиотеке Маяковского мы вновь недавно увидели рисунки В. Степановой — яркие, красочные. До чего же они современны в 1965 году! В 20-х годах их не принимали за «беспредметность»...

Кроме семьи Третьяковых и Лили Лавинской, дружеские отношения установились у меня с критиком В. О. Перцовым.

В 1926—27 году появились серьезные сомнения в правильности теоретических установок ЛЕФа, которым, в основном, задавал тон О. М. Брик. С В. О. Перцовым мы не один вечер провели, обсуждая «линию» ЛЕФа, отбрасывая и отбирая. О. М. Брик был умным, талантливым и эрудированным критиком, он мог «играть» сделать интереснейший доклад, который через какое-то время сам и опровергал. В нем чувствовался неистребимый дилетантизм. Он слишком часто говорил: «Забавно!»

Лефовская группировка все больше приобретала характер литературно-художественного замкнутого салона. Отошел Шкловский, ушел Пастернак. Ближайшее окружение Маяковского никогда не было мне близким, весь быт дома на Гендриковом переулке не привлекал.

Наконец, летом 1928 года, после долгой и нелегкой переоценки, я ушла из группы ЛЕФ без деклараций и объяснений.

Казалось, с уходом из ЛЕФа Маяковский стал дальше, и это было жаль. На самом деле в сознании он освободился от налипших теоретических и бытовых «ракушек». ЛЕФ как группировка потускнел. Недалек был и уход из ЛЕФа Маяковского.

Не мне, да и никому не судить, хорошо это было для него или плохо, во всяком случае в ЛЕФе ему хорошо уже не было.

Что же осталось от пяти лет в ЛЕФе?

Осталось — счастье большой период интенсивнейшей жизни страны и каждого из нас пройти близ орбиты Маяковского и неистребимая память о его яростной непримиримости к всяческой фальши, пошлости, мешанству, в самом широком их проявлении.

Осталось наследие, принятое на всю жизнь — мерка на Маяковского в большом и малом: в понимании искусства, в работе, в отношениях с друзьями и врагами. Наследие не очень-то удобное — нередко оно приводило к конфликтам, но необходимое, пока

Очень много
разных мерзавцев
ходят
по нашей земле
и вокруг.

После 5 лет в ЛЕФе осталось и другое: горький опыт осознания лживости выхолащенных теорий огульного отрицания всех видов изобразительного искусства, которое, якобы, полностью заменит «производственное».

³¹ Эль Лисицкий — Лисицкий Лазарь Маркович (1890—1941 — архитектор и художник-оформитель, организатор и главный художник крупнейших советских выставок за рубежом (Германия) и в СССР.

Влияние теоретиков ЛЕФ'а, в основном О. М. Брика, уводило художников-лефовцев, — да и не лефовцев! — от того, что они, в сущности, никогда не переставали любить.

Например, во ВХУТЕМАС'е я тайком, даже от Лили Лавинской, ходила в мастерскую профессора Щербиновского³² на рисунок. Здесь с наслаждением можно было просто рисовать обнаженную натуру без «смещения объемов», «разложения форм на плоскости». Даже зачет сдавала Щербиновскому. Об этой «отдушине» нельзя было и заикаться в ЛЕФ'е. Обеднение творческой жизни особенно тяжело отразилось на наиболее одаренных. Талантливая и тонкая художница Л. Лавинская много лет спустя с болью написала: «Сколько талантливой молодежи бросило искусство, ограничив себя оформлением. Лавинский, бросивший скульптуру больше чем на 10 лет. Родченко бросил живопись и через 15 лет вернулся к ней, как к какому-то тайному греху. Ведь уходили от искусства не потому, что не любили, а из-за фанатической веры в то, что искусство должно умереть, что оно не нужно пролетариату, искусство — буржуазный пережиток, и вытравляли из себя эту любовь. Занятие чистым искусством считали не советским делом. Между тем рядом росли молодые советские художники. Нам не могут не нравиться полотна А. Дейнеки, рисунки Ю. Пименова, Н. Альтмана и многих, многих других.»

Возникал вопрос — что же, как не большое, подлинное искусство, поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо», «Про это».

Здесь был и ответ на вопрос, и беспощадное опровержение лефовских теоретизирований. Равняясь на Маяковского, от наивного «всеобщего» футуризма первых лет революции через путаные лефовские теории, надо было заново осознать искусство в самом его широком значении и развитии в новом обществе.

В последние годы существования ЛЕФ'а отчетливо ощущалось, что группировка — это одно, а Маяковский, хотя и лидер ЛЕФ'а — другое. Все было как будто по-прежнему и все же — иначе. Просто невозможно объяснить неясное, эмоциональное ощущение, превратившееся в реальность, когда Маяковский ушел в РАПП и ЛЕФ'а не стало.

14 апреля 1930 года было необыкновенно теплое, почти жаркое утро. Часов в 8 я приехала в Парк культуры и отдыха им. Горького, где в опромном, длинном павильоне, поблизости от входа в парк, строилась по моему проекту выставка «Новый быт». В парке было еще тихо, поливали газоны и дорожки. Выставочные стенды были почти готовы, и уже везли экспонаты: образцы новой мебели, посуды, домашней утвари, тканей и т. д. В маленькой комнате, где я работала, толпились прорабы, художники, хозяева экспонатов. Шел обыкновенный рабочий день. Около 11 часов меня позвали к телефону. Приглушенным, незнакомым голосом Ольга Третьякова сказала: «Володя застрелился». Невольно вырвалось: «Совсем?» — «Да, Сережа поехал на Лубянский проезд». Я побежала через весь парк к дальним строениям в Нескучном саду* — там работала на выставке к Лейпцигской ярмарке Лили Лавинская. Она встретила меня с застывшим лицом — ей уже позвонил Антон Лавинский. К вечеру Владимира Владимировича перевезли на Гендриков переулок. Я не смогла пересилить себя и пойти в эту квартиру. Маяковского я увидела в Доме писателей, когда встала в почетный караул.

Самое невероятное было, когда огромный гроб медленно поплыл вниз и страшно крикнула Ольга Маяковская. Вокруг крематория стояла плотная

³² Щербиновский Дмитрий Анфисович (1867—1926) — профессор Вхутемас'а.

* В этих старинных постройках размещался тогда, кажется, Музей этнографии, где и строилась выставка для Лейпцига под руководством архитектора Эль Лисицкого.

толпа. Было ощущение не горя, а непоправимой катастрофы. Назавтра я буду продолжать делать выставку «Новый быт».

Все, что было в квартире на Гендриковском переулке, я знаю от Лили Лавинской. В своих воспоминаниях она подробно пишет об этом страшном вечере.

Во время ожесточенных литературных споров на диспуте с броским названием «Леф или блеф?» (Политехнический музей 1927 г.) Маяковский яростно защищал ЛЕФ от нападок В. Полонского³³. Говорил он и о большой работе лефовской изо-группы, «оформляющей жизнь». Наряду со старшими художниками: Родченко, Степановой, Лавинским, — Маяковский называл и меня. До сих пор помню, как я была счастлива.

В 1927 году младшее поколение лефовцев уже не доверяло, как прежде, лефовским теоретикам. Маяковского мы тогда уже отделяли от группировки и верили ему, поэтому и ценили его одобрение. В поэме «Маяковский начинается» Н. Асеев написал:

В стихах его
Имя мое — не ваше
Четырежды упомянуто.

Н. Асеев стихами выразил, как ему дорого это упоминание. Осталось дорогим и для меня это единственное упоминание о моей работе на бурном диспуте.

Маяковского не было. Но остался «маяковский» стиль работы. Сергей Третьяков был первым писателем, который не налетом, а надолго активно включился в жизнь сельскохозяйственной коммуны «Коммунистический Маяк» на Северном Кавказе.³⁴

К десятилетию коммуны в 1930 году Третьяков поручил мне сделать на месте выставку. Разве от такого задания откажешься? Захватив свертки с картоном, бумагой, красками, я поехала. Месяц рисовала плакаты и диаграммы в клубе — огромном сарае, где, если зазеваешься, полчища мух добела выедали гуашевую краску с только что оконченных плакатов. Слепни из соседней конюшни предпочитали меня.

Коммунары жили трудно, нередко выходили работать в поле с ружьями: бывало, еще пошаливали остатки банд.

Выставку сделали, и за нее район премировал коммуну.

В лекциях, во время поездки по Германии, рассказывая о коммуне, Третьяков упоминал и о выставке. Это было приятно. Разумеется, ни о какой оплате не было и речи, это считалось почетной работой. Сейчас «Коммунистический маяк» — один из колхозов-миллионеров, известный всей стране.

В многочисленных очерках и в книге «Вызов» С. Третьяков рассказывал об истории возникновения и о жизни одной из первых сельскохозяйственных коммун.

Находится в печати и выйдет книга бывшего председателя коммуны И. К. Мартовицкого.³⁵

³³ Полонский Вячеслав Павлович (1886—1923) — критик, литературовед.

³⁴ В 1928—31 гг. по призыву общественных организаций «Писатели — в колхозы!» С. М. Третьяков работал в колхозе «Коммунистический Маяк» Ставропольского края. Он был организатором всей культурной жизни колхоза (выставок, художественной самодеятельности и т. д.). По материалам этой работы С. Третьяковым написаны книги очерков «Месяц в деревне» (1931) и «Вызов» (1930).

³⁵ Мартовицкий Иван Кириллович (р. 1902) работал первым трактористом, позже — председателем «Коммунистического Маяка». Об этом см.: И. Мартовицкий, За годом год, Ставрополь, 1961, он же, Как создавались колхозы, М., «Сельское хозяйство», 1965; он же, Школа коммунизма, М., «Колос», 1965.

Времена менялись. Маяковский не уходил из нашей жизни. У него, как у живого, были друзья и враги. Готовился в 1934 году Первый съезд Советских Писателей. Я была главным художником большой выставки к съезду, которая открылась в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького.

Вспоминается печальный эпизод. На выставке каждому писателю был отведен стенд. Был такой стенд, ничем не выделявшийся среди других, и у Маяковского. Над экспозицией книг, на верхней большой плоскости, художник В. О. Роскин³⁶ сделал фото-панно. В глубине — перспектива Красной площади, по которой на зрителя идет колонна молодежи с огромным знаменем. Навстречу колонне, обращаясь к ней, — весь устремленный вперед Маяковский. Надпись:

«Я
всю
свою звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс»

Очень простое решение. Ничего лишнего — лаконично и торжественно.

Как водится, накануне открытия приехала весьма авторитетная комиссия — принимать выставку. Идем по выставке, все гладко — стенды принимаются один за другим. Вдруг задержка у стенда Маяковского. Один из членов комиссии, — председатель выставочного комитета — отвел меня в сторону: «Не слишком ли выпячена на плакате фигура Маяковского? Может, заменить ее индустриальным мотивом — домной, например?»

Не хочется называть этого члена комиссии — он был неплохой человек, знал и искренне любил Маяковского. Он погиб в годы культа личности.

Чудовищным показалось, что это замечание сделал именно он. Плакат остался как был, мы его сняли, оставив только стихи.

В годы культа личности Маяковского трудно было читать без горечи. Хотя «официально» он и был «признан сверху», его поэзия шла в разрез с действительностью того времени. Помпадуры и Победоносиковы раздулись до огромных размеров, подхалимы и очковтиратели размножались почкованием.

Мертвая, бескусная парадность сковала искусство. Лакировщики всех родов всплыли, крупные мастера годами оставались в тени.

Строящиеся новые здания — театры, Дворцы культуры, рабочие клубы обрастали целыми лесами и рощами колонн. Даже в сельских местностях возводили парадные, но ненужные и дорогие здания.

Вспоминался Маяковский:

Здесь,
чтоб жизнь была веселей,
чтоб роскошь
барскую
видели —
строит
для опер
театр на селе
компания
сумасшедших строителей.³⁷

Мрамор, — «под мрамор», бронза и жатый бархат заполнили интерьеры. Помпезностью отличались и выставки. Парадные стенды с единственным

³⁶ Роскин Владимир Осипович (р. 1896) — художник, работавший в РОСТА, бывавший в Леф'е.

³⁷ См.: В. Маяковский, Собр. соч. в 13 тт., т. 9, стр. 310.

портретом или скульптурой стали обязательными. Засверкала дешевая позолота. Пропадало желание работать. Появились армии халтурщиков и подрядчиков.

Бельведонские, которых Маяковский разглядел еще в 1929—30 году («Баня»), писали «согласно социальному заказу и авансу» портреты Победоносиковых, предлагались проекты мебели для их кабинетов в стиле «разных Луёв».³⁸ Они просили: «Блесните глазами через левое плечо и через самопишущую ручку-с. Позвольте увековечить это мгновенье».³⁹ Очень душно было!

И вот опять Маяковский. В 1940—41 году Литмузей готовил к апрелю большую выставку Маяковского в особняке на Кропоткинской улице. Главный художник А. А. Веснин, бывший левовец, пришел с группой архитекторов, куда входил сын Вахтангова Сергей, архитектор Ляшенко⁴⁰ и другие. Один из разделов — «Юность Маяковского» — А. А. Веснин предложил Л. Лавинской, Г. Миллеру⁴¹ и мне.

1940—41 годы были уже тревожны — договор с фашистской Германией не успокаивал, а угрожал.

Литмузей разработал методический план и предварительную наметку экспозиции с сильным упором на футуризм, на «желтую кофту». Кто-то из архитекторов даже наивно предложил сделать на стендах аппликативные декоративные пятна — желтые кофты — и на них расположить материал периода футуризма.

Наша маленькая группа считала такую трактовку неверной и предлагала показать Маяковского — «агитатора, горлана-главаря», — а период футуризма как переходный. К тому же выставка не была полной — выпали макеты постановок Мейерхольда — «Мистерия-Буфф», «Клоп», «Баня» — Мейерхольда уже не было...

Наше предложение изменить тематику не поддержали ни Выставочный комитет, ни главный художник — А. А. Веснин. Тогда сработала «мерка на Маяковского» — мы нарушили договор и ушли.

Выставку довели до конца, но не открыли. Комиссия ее не приняла.

Это была последняя работа с моим другом Лилей. Началась Великая Отечественная Война. Для меня — армия, потом ТАСС. Для Лили — тяжелейшая страшная жизнь в эвакуации с дочерью-школьницей.

Когда они вернулись, Лилия была уже тяжело больна и прожила недолго. Это — тяжелая утрата.

³⁸ Перефразировка слов Бельведонского из «Бани» (там же, т. 11, стр. 199).

³⁹ Там же, стр. 301.

⁴⁰ Вахтангов Сергей Евгеньевич (р. 1907); Ляшенко Степан Васильевич — архитекторы.

⁴¹ Миллер Григорий Львович (?—1963) — художник-оформитель.

Оглавление

Статьи

Ю. М. Лотман. Художественная структура «Евгения Онегина» . . .	5
Б. Ф. Егоров. В. П. Боткин — литератор и критик. Статья 3 . . .	33
П. С. Рейфман. Журнал «Заграничный вестник». Статья 2 . . .	44
П. С. Рейфман. Кто такие «археологи»? . . .	83
П. С. Рейфман. Иностранная цензура в Тарту в 1860-х годах . . .	86
З. Г. Минц. Из истории полемики вокруг Льва Толстого (Л. Толстой и Вл. Соловьев) . . .	89
В. Н. Невердинова. Природа и характер конфликта одноактной комедии А. П. Чехова . . .	111

Публикации и сообщения

Ю. М. Лотман. Историко-литературные заметки. 1. Об одной самооценке Радищева. 2. Городничий о просвещении . . .	137
С. Г. Исаков. Материалы по русской литературе и культуре на страницах немецкой прибалтийской печати начала XIX века . . .	142
Б. Ф. Егоров. Из примечаний к сочинениям Н. А. Добролюбова. 1. Иронические объявления в газетах. 2. Чернышевский и «Северная пчела» 1862 года. 3. Добролюбов о «Москвитянине». 4. Параллель к протесту Катерины («Гроза») . . .	203
Е. Н. Дрыжакова. Заметки Н. Н. Страхова о Л. Н. Толстом . . .	208
А. Л. Будиловская, Б. Ф. Егоров. Библиография печатных трудов Н. Н. Страхова . . .	213
Н. И. Гаген-Торн, А. П. Васина. Д. К. Зеленин и его связь с эстонской наукой (По материалам личного архивного фонда ученого) . . .	230
В. Т. Адамс. Утопия Игоря Северянина . . .	237
Игорь Северянин. Солнечный дикарь (Утопическая эпопея). Публикация и примечания В. Т. Адамса . . .	244
Л. Макаренкова, А. Матвеева, З. Минц. Отклик на поэму Блока «Двенадцать» в провинциальной прессе . . .	253
Р. Райт-Ковалева «Все лучшие воспоминания...» Публикация и вступительная статья З. Г. Минц . . .	257
Е. Семенова. ВХУТЕМАС, ЛЕФ, Маяковский. Публикация и вступительная статья З. Г. Минц. Комментарий И. Газер . . .	288

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ

IX

Литературоведение

На русском языке

Тартуский государственный университет ЭССР,
г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Ответственный редактор Б. Ф. Егоров

Корректор З. Г. Минц

Сдано в набор 28/XII 1965 г. Подписано к печати
21/VI 1966 г. Бумага фабрики «Кохила» 60×90.¹/₁₆.
Печ. листов 19,25. Учетн.-издат. листов 26,9. Тираж
500 экз. Заказ № 10030. МВ-05426
Типография им. Ханса Хейдеманна, ЭССР, г. Тар-
ту, ул. Юликооли 17/19. I.

Цена 1 руб. 60 коп.